

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 1

Средневековая археология евразийских степей

Материалы Учредительного съезда
Международного конгресса

Казань, 14–16 февраля 2007 г.

Том I

Казань 2007

ББК 63.4
А 82

Серия «Археология евразийских степей»
Выпуск 1

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Ответственный редактор:
член-корреспондент Академии наук РТ
доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

Редколлегия:
А.Г. Ситдиков, Р.С. Хакимов, Г.Ш. Асылгараева

Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда
Международного конгресса. Т. I. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 252 с.

ISBN 978-5-94981-078-1

© Институт истории АН РТ, 2007

Алексей Тишкин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

АЛТАЙ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (историко-культурная панорама и результаты археологических исследований)*

В 1981 г. в серии «Археология СССР» был издан том «Степи Евразии в эпоху средневековья», где во введении представлена периодизация, которая имела важное значение для развития отечественной медиевистики. Там обозначены три этапа в рамках широко используемой схемы: раннее средневековье (конец IV – первая половина X вв.: от «эпохи великого переселения народов» до «сельджукского» движения), развитое средневековье (вторая половина X – первая половина XIV вв.: до гибели Золотой Орды) и позднее средневековье (Плетнева, 1981, с.8). Стоит указать, что границы отдельных периодов Средневековья на протяжении многих лет варьируют не только в зависимости от территории изучения, но и от концептуальных позиций исследователей (подробнее об этом см.: Савельева, Полетаев, 1997). Тем не менее отмечаются тенденции общего понимания евразийской истории (Время мира, 2001).

В нашей работе остановимся на раннем средневековье, тщательное изучение которого является чрезвычайно важным делом. В настоящее время в азиатском мире набирают темпы агрессивные политические объединения, в основе которых лежат идеи пантюркизма или панмонголизма. Суть первого течения заключается в создании союза, конфедерации или даже отдельного огромного государства тюркоязычных народов под эгидой Турции. Основанием этого стало утверждение, что у всех у них якобы имеется одна общая прародина (Туран), а многочисленные языки, на которых они говорят, являются диалектами или наречиями единого языка (подробнее см.: Кляшторный, 2003). Второе направление оформляется в монгольском культурном пространстве как своеобразная реакция на многие современные социальные и политические проблемы. Такие движения спекулируют на историческом прошлом, напоминая былое могущество тюркских каганатов, монгольской империи и даже державы Хунну. Намечившаяся тенденция искусственного разделения тюрко-монгольского мира приведет к многоплановой конфронтации и будет способствовать дестабилизации в огромном регионе. В данной ситуации необходимо объективно представлять этнополитические и историко-культурные процессы, проходившие на территории Евразии в древности и средневековье. В настоящее время этому может эффективно способствовать накопленный археологический материал, требующий обобщения, осмысления и соотношения с письменными сведениями.

На Алтае период раннего средневековья связан с формированием, развитием и угасанием тюркской культуры, которую большинство исследователей именуется «древнетюркской». На наш взгляд, ее правильнее называть «тюркской», без дополнения «древняя», поскольку данная общность существовала только в раннем средневековье. В отечественной научной литературе традиция использования термина «древнетюркский» связана с известным тюркологом В.В. Радловым (1989). Позднее в работах Л.П. Потапова (1953), С.Е. Малова (1951; 1969), Л.Н. Гумилева (2002) и других исследователей такое понятие широко применялось по отношению к культуре, письму, языку, времени, эпохе, изваяниям и т.д. (Савинов, 2006). При этом А.А. Гаврилова (1965) совершенно справедливо характеризовала изученные захоронения на памятнике Кудыргэ «тюркским временем» или «периодом тюркского господства».

В настоящее время существует несколько точек зрения на процессы формирования тюркской культуры, тюркского этноса и тюркской системы государственности (Гумилев, 2002; Воробьев, 1994; Кычанов, 1997; Гуркин, 2000; Жумаганбетов, 2003; Кляшторный, Савинов, 2005; и др.). В отечественной историографии считается, что в середине VI в. (551–556 гг.) империя жуань-жуаней рухнула под ударами тюрков, а на ее обломках возник I Тюркский каганат (552–603 гг.), объединивший большое количество разнотнических племен Алтая и Центральной Азии (Могильников, 1981, с.29). По мнению казахстанского исследователя Т.С. Жумаганбетова (2003), современные историки из Китая и Турции внесли существенные коррективы для рассматриваемой исторической ситуации. Например, отмечается, что «Тюрк Эль» в разгроме Жужанского каганата действовал совместно с

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №06-01-60105 а/Т) и РГНФ-МинОКН Монголии (проект №06-01-91809 а/Г).

империей Западный Вэй (Сивэй), и состоялось это в 541 г. Указываются и другие моменты, хотя все они имеют место в работах Л.Н. Гумилева, С.Г. Кляшторного и других ученых, которые в своих исторических реконструкциях опирались на известные китайские источники.

Многие исследователи, занимающиеся изучением тюрков, ссылаются на реальное и хорошо датированное событие, связанное с переселением жуань-жуанями в 460 г. племени Ашина на Алтай. Иногда указывается другой год (439 г.) и обозначается несколько иная версия такого перемещения (Жумаганбетов, 2003, с.152). По мнению Л.Н. Гумилева (2002, с.27), древние тюрки (туцзюэ, тюркюты) изначально представляли небольшое племя Ашина (500 семей), возникшее «...из смешения разных родов...» и обитавшее в западной части Шэньси. Они получили свое название от имени первого вождя (Гуркин, 2000). В 439 г. «...тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй», а племя Ашина вынуждено было бежать к жуань-жуаням и поселиться по южную сторону Алтайских гор, занимаясь обработкой железа (Гумилев, 2002, с.27). Такое сообщение Суй шу связывает историю племени тюрк (ашина) с историей поздних хуннских государств, существовавших на территории Китая в период с 308 по 460 г. (Кляшторный, Савинов, 2005, с.78–79).

С.Г. Кляшторный (2005, с.79–80) считает, что жуань-жуани в 460 г. переселили находящееся под их властью племя Ашина на Алтай из Гаочана (Восточного Туркестана). Именно на Алтае, по мнению исследователя, с течением времени вокруг них сложился союз десяти, а затем двенадцати племен, получивший название «тюрк». Начиная со второй половины VI в. термин «тюрк» стал также обозначаться в чисто политическом смысле, как фиксация принадлежности различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. Как раз в таком значении он употребляется в византийских источниках, в «Шахнаме» Фирдоуси и других авторов. В арабо- и персоязычной историко-географической литературе IX–XI вв., по замечанию В.В. Бартольда, слово тюрк (турк) «...появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства» (Кляшторный, Савинов, 2005, с.85; Кляшторный, Султанов, 2004, с.90).

При изучении ранней истории тюрков важным является учет сведений о телеских племенах (Кюнер, 1961; Бичурин, 1950), предки которых, согласно китайским источникам, были потомками хунну (Гуркин, 2000). Д.Г. Савинов (1984, с.48–76) подробно рассмотрел отношения между этими двумя этнокультурными группировками, напомнив важную фразу Н.Я. Бичурина (1950, с.301) о том, что именно силами теле тюрки «геройствовали в пустынях севера».

Для выявления начальной фазы этногенеза любого народа важным является определение территории его формирования. Правильная идентификация места сложения новой общности дает ключ к пониманию многих процессов, связанных как с исходными компонентами, так и с последующими показателями ее развития во времени и пространстве (Горбунов, Тишкин, 2002б). В истории тюрков данная проблема по-прежнему остается актуальной. К ней обращались многие ученые (Н.А. Аристов, С.В. Киселев, А.Н. Кононов, С.Г. Кляшторный, Л.Н. Гумилев, Ю.А. Зуев, Д.Г. Савинов, С.П. Нестеров, В.А. Могильников и др.). Большинство исследователей решали задачу первоначальной локализации тюрков путем анализа письменных источников. Изучались китайские династийные хроники и содержащиеся в них тюркские генеалогические легенды. Помимо анализа письменных источников, археологи привлекали также данные, полученные при раскопках памятников в Южной Сибири. Суммируя позиции исследователей, можно заключить, что большинство из них в качестве области образования тюрков считало Алтай. К указанному региону присоединялись более западные земли или считалось возможным включение восточных районов. Формирование тюрков вне названной территории рассматривалось Д.Г. Савиновым (1984). Южные отроги Монгольского Алтая чаще всего фигурируют в качестве возможного ареала расселения ранних тюрков. Гораздо реже называется район так называемого Горного или Российского Алтая. Анализ рассматриваемой проблемы показал, что исследовательские возможности только при опоре на письменные сведения, в конце концов, исчерпываются. Имеющиеся в настоящее время данные, позволяют рассматривать Горный Алтай как один из регионов формирования тюркского этноса и развития тюркской культуры (Горбунов, Тишкин, 2002а–б). В связи с этим кратко рассмотрим историко-культурную ситуацию, восстановленную по письменным источникам, и схему поэтапного развития тюркской культуры, которая основана на археологических материалах и уже неоднократно рассматривалась в совместных работах автора с В.В. Горбуновым (Тишкин, Горбунов, 2002, 2005; Горбунов, Тишкин, 2002а–б, 2003; и др.).

Как показывает опыт, решение целого ряда проблем возможно в основном за счет изучения археологических памятников V–VI вв. н.э. Центральной Азии и прилегающих территорий. К настоящему времени наиболее исследованными для указанного периода являются комплексы Южной Сибири. Из них пока только в Горном Алтае могут быть выделены самые ранние объекты *тюркской культуры*

ры, датировка которых определяется второй половиной V – первой половиной VI вв. н.э. Инвентарь исследованных памятников в рамках одного комплекса содержит предметы, характерные для предшествующего времени, и совершенно новые. Большая часть вещей первой группы уже неизвестна на следующем кудыргинском этапе тюркской культуры. Изделия второй группы, напротив, получают дальнейшее развитие. Можно отметить еще один важный показатель. В конскую амуницию выделенного раннего *кызыл-ташского* этапа входило только одно стремя, в то время как на последующих их всегда два (Горбунов, Тишкин, 2002а–б, 2003; Тишкин, Горбунов, 2002, 2005).

Отсутствие аналогичных ранних памятников на сопредельных территориях позволяет говорить о приходе в Горный Алтай примерно во второй половине V в. н.э. нового населения, под воздействием которого произошли серьезные изменения в культуре местных жителей («булан-кобинцев»). Такой группой мигрантов могло быть только племя Ашина, упоминаемое китайскими летописями. Согласно письменным источникам, этот народ славился своими кузнецами, которые на Алтае занимались выплавкой железа. Данный факт имеет такое подтверждение (Горбунов, Тишкин, 2002а–б): в пределах Горного Алтая исследован крупный Чуйско-Курайский металлургический район, где известно 32 памятника черной металлургии, датируемых периодом раннего средневековья, на 10 из которых раскопано 15 железоплавильных печей (Зиняков, 1988, с.4, 135–137). Эти сведения указывают на имевшиеся благоприятные места для деятельности кузнецов племени Ашина и согласуются с трактовкой Н.А. Аристова (2001, с.140) о расселении части тюркских племен в бассейне р. Чуи.

Л.П. Потапов в 1966 г. высказал идею о том, что накопленные к тому времени материалы уже позволяли ставить вопрос о преемственной этногенетической связи культуры тюрков и «кочевников гуннского времени» (Савинов, 2005, с.186–187). Развитие этой мысли нашло отражение в публикациях Д.Г. Савинова (1984; 1994; 2005 и др.). Генетическая связь погребально-поминальных памятников Горного Алтая второй половины IV – первой половины V в. н.э. с аналогичными объектами тюрков несомненна. Многие из них связаны и планиграфически. Следовательно, именно полиэтничное «булан-кобинское» население (Матренин, 2005) составило местный компонент новой общности, принявшей вскоре после 460 г. самоназвание «тюрк».

Памятники тюркской культуры на других территориях датируются со второй половины VI в. н.э., что напрямую связано с созданием Великого Тюркского каганата (552–603 гг.). Это нашло выражение в следующем (*кудыргинском*) этапе тюркской культуры Алтая, ранее уже обозначенном исследователями (Гаврилова, 1965; Савинов, 1987; Овчинникова, 1990; и др.). Данный период отражает не только хорошо заметные изменения в материальной культуре тюрков, но и события военно-политической истории Центральной Азии. Успешные походы и непрерывные завоевательные войны образованной державы способствовали существенному расширению территории. В результате Тюркский каганат включился в систему политических и экономических отношений крупных государств того времени (Византии, Сасанидского Ирана, Китая), контролировав торговый путь, связывавший Дальний Восток со странами Средиземноморья (Кляшторный, Савинов, 2005, с.90). Однако с 581 г. наметился раздел первой евразийской империи кочевников (Кычанов, 1997, с.95). Это было связано с возникшим острым кризисом политического, экономического и экологического характера. К 603 г. окончательно завершился распад Великого Тюркского каганата на Западный (Западно-Тюркский) (604–657 гг.) и Восточный (Восточно-Тюркский) (604–630 гг.). Горный Алтай оказался в составе последнего. Важно отметить, что в 617 г. в Китае началась эпоха Тан. Новая династия, придя к власти, разорвала в 619 г. договор с тюрками. Однако через семь лет она была вынуждена признать себя вассалом кочевников (Воробьев, 1994, с.305). Ситуация изменилась в 630 г., когда решительное наступление войск Тан привело к краху Восточно-Тюркского каганата (Гумилев, 2002, с.226; Воробьев, 1994, с.306). В 658 г. в зависимость от Китая попали и западные тюрки (Кычанов, 1997, с.96). Окончание отмеченного кудыргинского этапа связано с пребыванием на Алтае в 630–650 гг. орды Чабыш-кагана (Чеби-хана), о чем вроде бы достоверно свидетельствуют письменные источники (Гумилев, 2002; Савинов, 1984, с. 48–49) и имеются подтверждения в археологических материалах (Кубарев, 2005). В 649 г. китайцы предприняли военный поход, в ходе которого самопровозглашенный каган оказался взятым в плен, а его подданные были переселены. По мнению Г.В. Кубарева (1998, с.291), все же большая часть их осталась на Алтае.

Кудыргинский этап развития тюркской культуры представлен хорошо известными погребальными и «поминальными» памятниками, которые датируются второй половиной VI – первой половиной VII вв. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2005, с.161). Именно в них найдены те материалы, которые демонстрируют специфику дальнейшего развития формировавшихся тюркских традиций. Вполне естественно, что предметный комплекс на кудыргинском этапе сохранил многие типы вещей предыдущего времени. Однако из его состава, за редким исключением, уже исчезают

изделия, характерные для булан-кобинской культуры. Наряду с этим появляются новые виды и формы предметов. Следует отметить, что единичные изделия кызыл-ташского облика еще могли использоваться в кудыргинское время.

Следующий *катандинский этап* (вторая половина VII – первая половина VIII вв.) отражает возрождение тюркской культуры и ее господство в центрально-азиатском регионе, что связано с периодом существования Второго Восточно-Тюркского каганата (682–744 гг.), образование которого провозгласил Гудулу – предводитель восставших против Китая тюркских племен (Воробьев, 1994, с.306). Несмотря на то, что центр каганата располагался далеко, Алтай входил в состав возникшей державы. При Капаган-кагане, который правил с 691 по 716 г., отмечен наивысший подъем военно-политического могущества Второго Восточно-Тюркского каганата (Кляшторный, Савинов, 2005, с.101). После гибели предводителя и возникшего кризиса власти из-за восстания огузов в 716 г. знаменитый Кюль-тегин все же смог объединить «старые» племена тюрков и поставить во главе их своего брата Бильге (Воробьев, 1994, с.306; Кляшторный, Савинов, 2005, с.109). О бурных событиях каганата в период правления Бильге рассказывается в рунических надписях, которые были выбиты на стелах, установленных в память братьев у поминальных храмов около р. Орхон (Кляшторный, Савинов, 1994; Войтов, 1996; Баяр, 2004; и др.). После смерти Кюль-тегина (731 г.) и Бильге-кагана (734 г.) ситуация в империи недолго оставалась стабильной. В 741 г. в каганате возникли распри и началась настоящая гражданская война (Воробьев, 1994, с.306). В 744 г. династия Ашина окончила свое существование (Кляшторный, Савинов, 2005, с.110). После падения Второго Восточно-Тюркского каганата наследниками тюркских владений в 745 г. стали уйгуры (Воробьев, 1994, с.306; Кляшторный, Савинов, 2005, с.111).

На рассмотренный период приходится наибольшее количество исследованных на Алтае археологических памятников (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 162). Катандинский этап характеризуется дальнейшими изменениями в материальной культуре тюрков, что находит отражение практически во всех сферах предметного мира (вооружение, конское снаряжение, украшения и т.д.). Многие архаичные изделия предыдущего времени окончательно вышли из обихода.

Выделенный *туэктинский этап* (вторая половина VIII – первая половина IX вв.) отражает специфику развития тюркской культуры на Алтае. Он связан со временем существования Уйгурского каганата. Данная ситуация находит отражение в исследованных памятниках, которых пока исследовано значительно меньше, чем комплексов, характерных для катандинского этапа (Тишкин, Горбунов, 2005, с.162).

Уйгуры всегда стремились освободиться от власти тюрков. Это им удалось после восстания в 742 г. В 745 г. их вождь Пэйло провозгласил себя каганом (Воробьев, 1994, с.318). С этого события начался период Уйгурского каганата (745–840 гг.), созданного на бывших землях тюрков. Правда, Пэйло удалось за два года расширить свою державу. Несмотря на поражение, тюрки остались на Алтае и в других ближайших регионах – в Туве и в Минусинской котловине. С этого времени отмечается локальное развитие их культуры. В 750–751 гг. уйгуры завоевали Туву (Кычанов, 1997, с.122). В 758 г. они покорили кыргызов (Воробьев, 1994, с.318). В ходе военной активности уйгуров часть тюрков из гор переселилась на территорию лесостепного Алтая и приняла участие в сложении новой сrostкинской общности (Тишкин, Горбунов, 2002; 2005, с.162). По мнению Г.В. Кубарева (1998, с.292–293), «тюрки Российского Алтая не входили в состав Уйгурского каганата», и «собственно уйгурских памятников (захоронений, изваяний, надписей) на Алтае не известно». С этим выводом пока действительно можно согласиться. Интересные рассуждения о рассматриваемом периоде привел в своей монографии Л.Н. Гумилев (2002). Ссылаясь на перевод сведений тибетского географа, исследователь указал на возможность идентификации части тюрков, укрывшихся в горах Алтая после указанных событий и проживших там до монгольского времени. Г.В. Кубарев (1998, с.292–293) считает, что выводы Л.Н. Гумилева убедительны и соотносятся с археологическими данными.

Проанализированные материалы из раскопанных памятников туэктинского этапа свидетельствуют, что вещи «катандинского» облика сохраняли господствующее положение. Однако можно выделить ряд новых элементов в оформлении предметов и другие виды изделий, которые и позволили различать туэктинские и катандинские комплексы.

Между Уйгурским каганатом и Китаем установились стабильные отношения. Каган уйгуров признавал себя вассалом императора (Кычанов, 1997, с.122–123). Следует указать еще на одно важное событие. В 766–767 гг. к уйгурам проникла новая вера – манихейство (Воробьев, 1994, с.319). В 818 г. восстали кыргызы, и их предводитель объявил себя ханом (Воробьев, 1994, с.319). Уйгурский каганат не смог подавить восстание. После этого одна неприятность следовала за другой: убийства каганов, разгром столицы и др. В 840 г. уйгуры потерпели окончательное пора-

жение от кыргызов, которые, преследуя бежавших противников, совершили ряд походов на запад и восток. В середине IX в. Кыргызский каганат занимал территорию от Иртыша до Селенги и Большого Хингана и от пустыни Гоби до Ангары (Кычанов, 1997, с.123–124). В «эпоху великодержавия» Кыргызского каганата (840 – около 950 гг.) тюрки Алтая оставались на особом положении. По мнению ряда исследователей, с которыми стоит согласиться, их зависимость от кыргызов следует рассматривать как номинальную (Худяков, 1990; Кубарев, 2005; Борисенко, Скобелев, Худяков, 2000; и др.).

Первый период относительной зависимости от Кыргызского каганата характеризуется выделенным *курайским этапом* тюркской культуры. Он датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. В это время отмечается интеграция культуры тюрков с культурой господствующего этноса, что демонстрирует ряд раскопанных памятников Алтая (Тишкин, Горбунов, 2005, с.162). На курайском этапе хорошо отмечаются те особенности, которые соответствует указанной военно-политической обстановке. Это заключается в том, что тюркская культура сохранила многие катандинско-туэктинские элементы, но вместе с тем появились и весьма существенные новшества. В захоронениях найдены массивные боевые топоры с низким обухом, удила с витыми звеньями и перпендикулярными 8-видными внешними окончаниями, стремена с приплюснутым петельчатым ушком, поясная и уздечная гарнитура с растительным и зооморфным орнаментом «кыргызского» стиля, металлические сосуды-кубки с руническими надписями, железные котлы и др.

Следующий период существования тюркской культуры (вторая половина X – XI вв.) в рамках Кыргызского каганата связан с постепенным ослаблением и распадом державы на отдельные княжества. Данная ситуация находит реальные подтверждения в археологическом материале, обнаруженном в захоронениях выделенного последнего (*балтарганского*) этапа, который характеризуется угасанием тюркских традиций в материальной культуре.

Имеющиеся археологические материалы довольно отчетливо демонстрируют приход на Алтай нового населения в XII в., а затем полное доминирование традиций кочевников из восточных районов Центральной Азии. По всей видимости, какая-то часть оставшихся тюрков оказалась вовлечена в военно-политические мероприятия монгольских войск, другая же была ассимилирована, переселена или уничтожена. Таким образом, можно говорить о полном прекращении существования на Алтае тюркской культуры.

В заключение необходимо указать, что представленная историко-культурная ситуация и изложенная периодизация, несмотря на ряд новых моментов, базируется на исследовательском опыте предшественников и на археологических данных, введенных в научный оборот (Тишкин, Горбунов, 2002, 2005; Тишкин, 2006). Дальнейшее накопление материалов позволит проверить или дополнить намеченные тенденции. На наш взгляд, изучение тюркской культуры еще находится на начальной стадии. Впереди ждут многоплановые исследования и интересные открытия.

Литература

Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001.

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1.

Борисенко А.Ю., Скобелев С.Г., Худяков Ю.С. Основные проблемы изучения культуры древних тюрков в Центральном Алтае // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.

Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток, 1994.

Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры мира. Новосибирск, 2001.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. СПб., 2002а.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Омск; Тобольск, 2002б.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. II.

- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки: 2-е изд. М., 2002.
- Гуркин С.В.* О предках кыпчаков и кимаков // *Донская археология.* 2000. № 3–4.
- Жумаганбетов Т.С.* Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI–XII вв. Алматы, 2003.
- Зиняков Н.М.* История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск, 1988.
- Кляшторный С.Г.* Россия и тюркские народы: евразийский аспект // *Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир.* М., 2003.
- Кляшторный С.Г.* Степные империи: рождение, триумф, гибель // *Степные империи древней Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов.* СПб., 2005.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
- Кубарев Г.В.* К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // *Сибирь в панораме тысячелетий.* Новосибирск, 1998.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.
- Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1969.
- Матренин С.С.* Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в.н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.
- Могильников В.А.* Тюрки // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981.
- Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.
- Плетнева С.А.* Введение // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981.
- Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.
- Радлов В.В.* Из Сибири (страницы дневника). М., 1989.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
- Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Савинов Д.Г.* Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987.
- Савинов Д.Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994.
- Савинов Д.Г.* Древнетюркские племена в зеркале археологии // *Степные империи древней Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов.* СПб., 2005.
- Савинов Д.Г.* Древнетюркское время – культура – традиция (история появления термина и некоторые вопросы культурогенеза) // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Красноярск; Омск, 2006.
- Тишкин А.А.* Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // *Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9.*
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.
- Худяков Ю.С.* Кыргызы в Горном Алтае // *Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990.*

Сергей Боталов

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, г. Челябинск

КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЕВРАЗИИ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Термин «кочевая цивилизация» имеет особый оттенок. Он не так давно принят в среде кочевниковедов и востоковедов (Степная цивилизация, 2003, с.3–7). Это определение не всегда в полной мере соответствует тому, что применяется для оседлых сообществ. Однако на определенной стадии развития человеческих сообществ, взаимодействующих на гигантских просторах Евразийского степного вмещающего пространства (по Л.Н.Гумилеву), по степени своей социальной и межэтнической дифференциации, коммуникационным способностям становится таковой, что вольно или невольно заставляет развиваться и взаимодействовать многочисленные сообщества по правилам законов единой социальной системы.

Из сказанного следует, что вмещающее пространство – это степная Евразия. Время, вероятно, необходимо определить как «Эпоха переселения народов». Хотя и здесь следует сделать существенную поправку. С моей точки зрения, Эпоха Переселения человечества длится уже миллионы лет. Человек переселялся и осваивал пространства постоянно. Однако этот факт само человечество пока осознает со сравнительно позднейшего периода. По общепринятым энциклопедическим данным, Великое Переселение начинается со II в. н.э., за отправную точку выбрано нашествие алан и переселение готов из Сканды в лесостепную и степную Европу (Боталов, 2000, с.111).

Вероятно, нет смысла размышлять о причинно-следственной стороне этой историографической реальности. С моей точки зрения, все началось намного раньше и в более удаленных от Европы пределах.

Если за начальную точку перемещений человечества в рамках Евразийского пространства взять некий рубеж, который установил единый вектор переселения и миграций, то, вероятнее всего, следует остановиться на последней трети II тыс. до н.э., когда установилось в преобладании своем направление Восток – Запад.

Исходной точкой, вероятно, явится район Ордоса. Ордос – своеобразное жизнетворящее лонно степи. Он находится внутри петли, которую образует Великая Желтая река в среднем своем течении. Несмотря на то, что это субтропическая широта (юг Средней Азии, Иран, Турция), его ландшафты и по сей день хранят поистине неиссякаемые ресурсы жизнеобеспечения. Великое Евразийское движение в основном своем векторе с востока на запад началось именно отсюда в конце II тысячелетия до н.э. Что было тому причиной? Чаще всего за пестрой чередой человеческих великих и драматических исторических пертурбаций угадываются глобальные основополагающие причины исторических трансформаций, которые явились тем первым вызовом людскому сообществу и всегда возникала та исходная дилемма, которая по-русски звучит чернышевским «Что делать?», по-английски шекспировским «To be or not to be».

Принять или не принять вызов, бесспорно, означало существовать или погибнуть. Безусловно, главные вызовы выдвигала природа. В глобальном историческом смысле они выражались длинными фазами изменения климата, за которыми следовали перемещения и изменения ландшафтов континента. В локальном – стихии, катастрофы, которые в результате тектонической и вулканической деятельности материков порождали в историческом смысле короткие, но не менее глобальные изменения климата и, следовательно, жизненных условий. Такое событие началось примерно с середины II тыс. до н.э. в рамках Азиатского континента (Боталов, 2003, с.106).

С этого времени, по мнению палеопочвоведов и климатологов, начинается длительный период аридизации (осушения) и потепления климата в степной зоне Евразии. Проще говоря, стал формироваться облик современного континента. В сердце Большой Монголии обозначился безжизненный очаг Гоби. Селища больших сообществ скотоводов Тарима, живших здесь во времена Аркаима, засыпали знойные пески Такламака. Все эти перемены протекали по закону русского климатолога Военкова с востока на запад, вдоль степного пояса. Все народы, живущие в этом ареале, вынуждены были ответить на вызов природы (Мордкович, 1982, с.24).

Палеоиранское и монголоидное скотоводческое население Западной и Восточной Монголии, Манчжурии и Северного Китая, равно как и андроновское индоиранское население урало-казахстанских степей (недавние потомки аркаимско-синташтинских пращуров) вынуждены были

искать новые природные ниши в монгольских предгорьях, урало-сибирских лесостепей и азиатских оазисов (Боталов, 2006, с.42).

Первым яблоком раздора стала долина Хуанхэ. Здесь вошли в соприкосновение непримиримые интересы скотоводов (северных варваров) и земледельцев Великой равнины, которые вынуждены были активно переходить к принудительному земледелию.

Может быть, термин непримиримые здесь не совсем уместен, так как в разные времена исторические обстоятельства создавали определенный баланс их взаимоотношениям.

Вначале чаша весов склонилась в пользу более мобильных и организованных скотоводов с грозными видами оружия и колесниц, пришедшими сюда из Западной Азии. Ворвавшиеся на Великую Китайскую равнину в XIII–XII вв. с севера племена скотоводов из Монголии и Западной Монголии в историческое мгновение завоевали гигантское количество оседлого земледельческого прокитайского населения и создали самую древнюю Шанскую династию, а возможно и цивилизацию Шан. Так как именно в это время возникло строгое иерархическое общество и появилось иероглифическое письмо. Потрясает жестокость и неразумность многочисленных человеческих жертвоприношений в царских усыпальницах Аньян (рис. 1, 1, 4, 5). Может быть, это как раз указывает на то, что цивилизация и варварство на этой ступени соседствовали бок о бок. Этот алгоритм взаимодействия земледельцев и степняков-скотоводов, как вечная братская (заметьте братская) неприязнь Авеля и Каина, извечная основа человеческой консолидации. Отныне и впредь она будет являться главной и решающей скрепляющей массой в конструировании Евразийских социумов.

Однако впредь удача будет на стороне земледельцев равнины. Гигантский прибавочный продукт, который позволило получить сековое рисоделение, позволил Красному дракону не только победить и изгнать бесчисленные племена жунов и ди – северных варваров в эпоху Воюющих царств, но и создать единые империи Цинь и Хан, которые продолжили развитие самой долгой и древней национальной культуры, существующей по сей день на земле, коей явилась китайская цивилизация. Все оставалось неизменным: мечи, чеканы, ритуальные сосуды динь и ху. Вот только людские жертвы и черепа сменили символические керамические армии в полный размер или в виде символических моделей. Армии, стада, утварь, богатства – все заменилось в прагматической эпохе Хань в эдакий игрушечный облик, только мавзолеи и усыпальницы оставались величественными и вооружение – самые грозные и первые в Азии мечи из пакетной стали, мечи и кинжалы, арбалеты – самострелы и, наконец, пластинчатые панцири и шлемы, изготовленные из непробиваемых базальтовых пластин, оставались реальными. Все это достигает своего блистательного рассвета в пору Танского ренессанса, который происходит в Китае более чем за половину тысячелетия, чем в Европе, и открывает могучую династию Тан (рис. 1, 2, 3; 2, 1, 2). К этому времени границы империи окончательно оконтуриваются горами и рукотворными рубежами, а пределы ее интересов на севере простираются до Сибирской тайги, на западе до Западного моря (Арала) и Уральских гор, а на юге до Индостана. Кстати, эти границы и по сей день указываются на современных картах КНР и ее соседей. Вопрос с северными варварами был окончательно решен и шеренги тюркских, уйгурских и кыргызских вассальных царей приходили к танским дворцам и ваялись в поминальном подножии гигантских статуй танских императоров (рис. 2, 2–4).

Но самое главное для этой цели – было закончено более чем тысячелетнее сооружение Великой Китайской стены, способной сохранить в неприкосновенном благоденствии Поднебесной.

По сей день она остается самым грандиозным по трудозатратам сооружением земли. Неслучайно, что только этот рукотворный объект космонавты невооруженным глазом могут наблюдать с орбиты.

В исторической литературе невольно утвердилось мнение о неэффективности этого грандиозного сооружения. Так ли обстоит дело в реальности?

Думаю, что для государства благополучие, которое основано на хрупкой системе каскадного дамбового секового орошения, отдельные узлы которого перед тем как начать давать урожай должны 60 лет (Кульпин, 1995, с.11) орошаться водой и удобряться лесом. Поэтому обеспечение сохранения и эффективного функционирования этой системы – непреложная жизненно важная забота всего китайского сообщества. К сожалению, в истории сохранились факты, когда и как обходили эту твердыню орды киданей, уйгуров и Темучина, однако при этом просто не сохранились факты о нереализованных набегах. И, наконец, сейчас, когда стена одновременно принимает десятки тысяч экскурсантов, принося в казну миллионы юаней, нам трудно оценить этот своеобразный подарок циньских, ханьских, суйских и танских императоров своим наследникам.

Однако вернемся снова в ареал кочевых цивилизаций. Распад культур позднебронзового века приводит к началу глобальных переселений племен жунов и ди на Енисей, Алтай и, наконец, в Туркестан – Синцзян в оазисы, которые к X в. до н.э. достигает встречная волна палеоиранского урало-казахстанского андроновского населения.

Здесь в Синцзяне в оазисных районах Турфана и Припамирья с одной стороны продолжают существовать скотоводческие культуры с комплексным (то есть включающим земледелие, огородничество, зачатки ремесла и торговли) хозяйством на весьма короткий период примерно на 2–3 века. После чего основная часть джунгарского и турфанского населения вынуждена была осваивать предгорья в качестве основных производственных ниш, которые явились основой кочевого скотоводства. В Припамирье возникает сакский союз племен.

На Алтае сосредотачивается скифское население Монголии, Джунгарии и Сибири. Интересен тот факт, что своеобразным эпохальным тотемическим маркером этих первых кочевых сообществ явился монгольский янгир (горный олень – для скифов). Отсюда эти янгир и олени устремились на гигантские расстояния вдоль степи и лесостепи далеко на запад до причерноморских степей и дунайского Альфельда.

Это движение было ускорено с возникновением первой кочевой империи, которой может быть названа империя хуннов, созданной на рубеже III–II вв. Шаньюем Модэ.

Создания ее привели фактически к неостановочному движению весь азиатский мир кочевников: юэчжи, гянгуни, усунь...

На западе это привело к появлению аланов, асов, тохаров, кушанов, усуней, кангюев в Средней Азии, Казахстане, Урало-Поволжье.

Длительное противостояние хуннов-сюннов с Ханьской империей приводят вначале к распаду сюнну на южных и северных и впоследствии к исходу последних далеко на запад. После чего в середине II в. н.э. они появляются в безлюдных урало-казахстанских степях.

Эти события фактически открывают эпоху, когда самое широкое пространство Евразийских степей становится составной частью большой кочевой цивилизации, которая к тому времени уже сложилась и существовала в степном центре материка. Дальнейшее ее расширение происходило с движением гуннов в Европу с 370 года, когда они переправились через Волгу и разгромили алан. Однако на тот момент Европейские степи еще не вошли в единое пространство кочевой империи. Господство аланов, гуннов и чуть позднее болгар (кутигуров, утигуров) и авар было кратковременным.

Единое пространство принесли в Западную Азию и Восточную Европу Голубые Тюрки, которые словно расширили китайский танский ареал далеко до северного Причерноморья.

Окончательное сложение этой цивилизации ознаменовалось возникновением самой могучей материковой коммуникации, которой явился Великий Шелковый Путь. И хотя начало его находилось в столице Поднебесной Чаньяне (Сиане), а заканчивался он на Ближнем востоке и в Западной Европе, основная его часть проходила все тем же маршрутом Переселения народов, который превратился к раннему средневековью основной, прежде всего, социально-политической, а затем уже торговой магистралью кочевых и оседлых цивилизаций Евразии. Говоря о Шелковом Пути, сути этого термина, его назначение и даже траектория его маршрутов заведомо или невольно искажаются сообразно представлению историографов азиатских или европейских оседлых культур и наций. Тем не менее Тюркские каганы – первые, кто поставил под реальный контроль этот ареал. И от их воли зависела цена на азиатские шелка, фарфор и пряности в средневековой Европе, в Передней Азии и на Ближнем Востоке.

Однако парадоксальный факт! Культура этой легендарной кочевой империи, которая соответственно делилась на Восточную и Западную, до сего дня была загадочной и непознанной для современной науки. Хотя в прямом смысле их грандиозные пантеоны уже давно были замечены исследователями и получили название курганы с каменными «усами». Это огромные планиграфические сооружения достигающие размеров 400 x 100 м. Однако в связи с первоначальной ошибочной интерпретацией, они были отнесены ко времени почти на полторы тысячи лет раньше. Так бывает в науке, тем более что эти памятники в разрезе своей грандиозности, обнаруживают крайне мало вещей, которые позволили бы точно датировать их.

Может быть, именно поэтому отсчет тюркской истории в урало-казахстанских степях многие археологи-кочевниковеды до сего дня начинали со времени его наивысшего расцвета – VIII–IX вв. Это происходит потому, что с этого периода в наших степях появляются каменные скульптуры или бабы.

В известном танском комплексе Квинлин (близ Сиани) у мавзолеев установлены статуи императоров, а также конных и пеших обезглавленных скульптур тюркских вассальных вождей (рис. 2, 2–4). Оттуда вожди Второго Тюркского каганата из племен карлуков, огузов и кыпчаков переняли и принесли в казахстанские и европейские степи эту монументальную традицию. Здесь в Западном Притяньшанье, в долине реки Чу и на перевалах киргизского Алатау в урочищах Жайсан и Мерке с приходом этой второй тюркской волны появились бесчисленные статуи с явным символом покорности в своем облике. Трудно сказать, с чем была связана эта иконография (рис. 2, 5–7). Может быть, это традиция, которая была заложена и принята от китайских скульпторов, изображавших тюркских, уйгурских и карлукских каганов только лишь в такой позе. Может это связано с тем, что тюрки-карлуки и кыпчаки пришли на земли ранее заселенных своими собратьями из племен «Он-ок-будун» рода Дуло и Нушеби и этим выражали свою покорность насельникам этих земель.

Все, что произошло потом и легло в начало зарождения всех тюркоязычных народов Западной Азии и Восточной Европы.

Вероятно, самая широкая полоса Евразийского аридного коридора, коим являются степи Казахстана и Урала с раннетюркского периода (VI–VIII вв.), вошла в важнейший период своего историко-культурного развития. Все, что ранее здесь носило некий облик локального или транзитного развития. Будь то самые западные и даже лесные, коими явились саки-тасмолинцы. Будь то самые восточные из европейских скифов, пришедшие сюда из далекого Поднепровья и оставившие гигантские земляные пирамиды Филипповки, Курганного, Темира.

Гунны, сорвавшиеся с границы Европы и Азии и «бичом господним» обрушившиеся на Европу:

«Дикий храп лошадиный
Прокатится как ураган,
И из мрака руины
Ощерились новым веком».

Что это за новые века? Думаю, это время, когда начала складываться единая Евразия. Собственно тюрки и установили в рамках Азии и Европы это единство. Еще раз подчеркну – это единство не сводится лишь к жизнедеятельности в векторе Великого Шелкового Пути. Оно вошло в плоть и кровь всех народов Евразии. Дабы проиллюстрировать это, приведу лишь небольшой ряд примеров как неких исторических откровений, которые неожиданно приходят на страницы современной исторической литературы.

Рыцари Европы – это своеобразный кодекс, который сформировался изначально как традиция кочевых воинских дружин всех мастей и культур (рис. 3, 3). Помните короля Артура – выходца из клана сарматов, вероятно, переселившихся в Англию из Европы? Языгов-сарматов, вытесненных гуннами? Обнаружение яркой монголоидной примеси в антропологии викингов, вынуждает сегодня всерьез задуматься об их этническом облике. А вот ряд тюркоязычных параллелей, которыми наполнилась Центральная Европа в эту эпоху раннего средневековья. Их приводит в своей книге востоковед Мурат Аджи (1999, с. 141–146):

Бургундия, что этимологически происходит от названия тюркского рода Бургунды, этому соответствует название местности Бургунду в Иркутской области.

Тулун, Тулуза – алтайское юрт Тулун (вспомните русско-монгольское название Тула).

В армии Атилы воевало племя *терингов* (*туринги* от тюркского слова теринг – глубокий, богатый), оно сегодня известно как земля в Германии – Тюрингия.

Турин – Туран.

Балканы – Балкан (гора, поросшая лесом – тюрк., балкары – тюркское, кавказское население.).

Карпаты – Карпат (местность наводнений).

Этот список можно продолжить, хотя некоторые совпадения могут быть либо случайны, либо хранить дань древнейшего настратического единства индо-европейской и палеоиранских праязыков. Но большинство из этих названий появились и утвердились именно в самом смутном для Европы времени раннего средневековья – I тыс.н.э.

Тогда же в Причерноморье появляется ранее уже упоминаемое родовое наименование Дуло или Дулу. Помните о народе «Десять стрел», оставившем величественные пантеоны – курганы с «усами»? Это княжеский род болгар, основавший Великую Приазовскую Болгарию, входивший в состав Хазарского каганата, но позже в VIII в. восстав против него и потерпев поражение, переселился

лившееся вместе со своим народом в Западное Причерноморье, где и основал Великое Болгарское царство.

И вот что парадоксально: преодолев Добруджу и выйдя к подножию Северных Балкан, болгары в считанные годы смогли отстроить белокаменные города Плиска и Преслав, Великое Тырново с могучими стенами, возведенными по всем правилам фортификации, деревянными и каменными храмами, вначале тенгрианскими, а с 865 года, после принятия ханом Борисом христианства, великолепными православными храмами (рис. 3, 2–4). Обратите внимание: стены этих крепостей, дворцов и храмов испещрены тамгами – родовыми значками, которые встречаются вместе с оленями и янгирями в ареале всей кочевнической ойкумены от Ордоса до Дуная (рис. 3, 1). Но удивительным является тот факт, что Великий просвещенец Кирилл, который, кроме того что побывал в Византийском дворце, посетил ставку хазарского и аланского ханов, для составления новой азбуки использовал все те же тамги. Первый алфавит Кирилла и Мефодия – глаголица – удивительным образом напоминал именно танговый ряд (рис. 3, 5). Климент Охридский, позже унифицировав и адаптировав кириллицу для чтения и письма, фактически изменил этот ряд до неузнаваемости (рис. 3).

Чуть позже эта грамота была возвращена в Евразийское пространство. Я имею в виду обретение этого письма Русскими Землями и Россией.

Для чего я приводил эти факты. Может быть для того, чтобы проиллюстрировать весьма важное положение. Кочевая – это в той же мере цивилизация, что и оседлая. Просто реалии ее несколько отличны. Однако в определенных исторических условиях она, с точки зрения глобального времени, способна молниеносно принимать вызов новых условий и обретать те же формы, что и оседлая цивилизация.

Примерно то же случилось с нашими земляками – уральскими мадьярами, переселившимися сначала на Волгу, потом на Днепр и, наконец, Альфельд в конце IX в. Придя сюда в сопровождении семи вождей хетумогер, племена Арпада, распределив и после заняв все остепнения (пусту) территории Большого и Малого Альфельда, Прикарпатье, Воеводино, все-таки не смогли не поддаться соблазну оседлой цивилизации и основали замки-города, вокруг которых рядом с аварскими и мадьярскими кочевниками относительно мирно уживались славянские земледельцы, символ которых и породил Великую Венгрию (рис. 3, 6, 7).

И вновь этот алгоритм, сменив предшествующий цивилизационный уклад, дал свои благоуханные всходы. Собственно эта формула изначально и после являлась решающим в возникновении феноменального Евразийского единства, коим явилась страна, ныне существующая на одной восьмой части суши Земли.

Литература

Боталов С.Г. Великое переселение народов // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: «Академкнига», 2000. С.111.

Боталов С.Г. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. № 1. С.106–127.

Боталов С.Г. Срединная Евразия в начале эпохи поздней древности // История и историки. Сб. науч. трудов выпускников и преподавателей исторического факультета ЧГПУ. Челябинск, 2006. С.40–55.

Кульпин Э.С. Генетические коды цивилизации // Генетические коды цивилизации. М.: «Московский лицей», 1995. С. 3–28.

Мордкович В.Г. Степные экосистемы. Новосибирск, 1982. 230 с.

Мурад Аджи. Кыпчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи. – М.: [б.и], 1999. 176 с.

Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана: Күлтегін, 2003. 264 с.

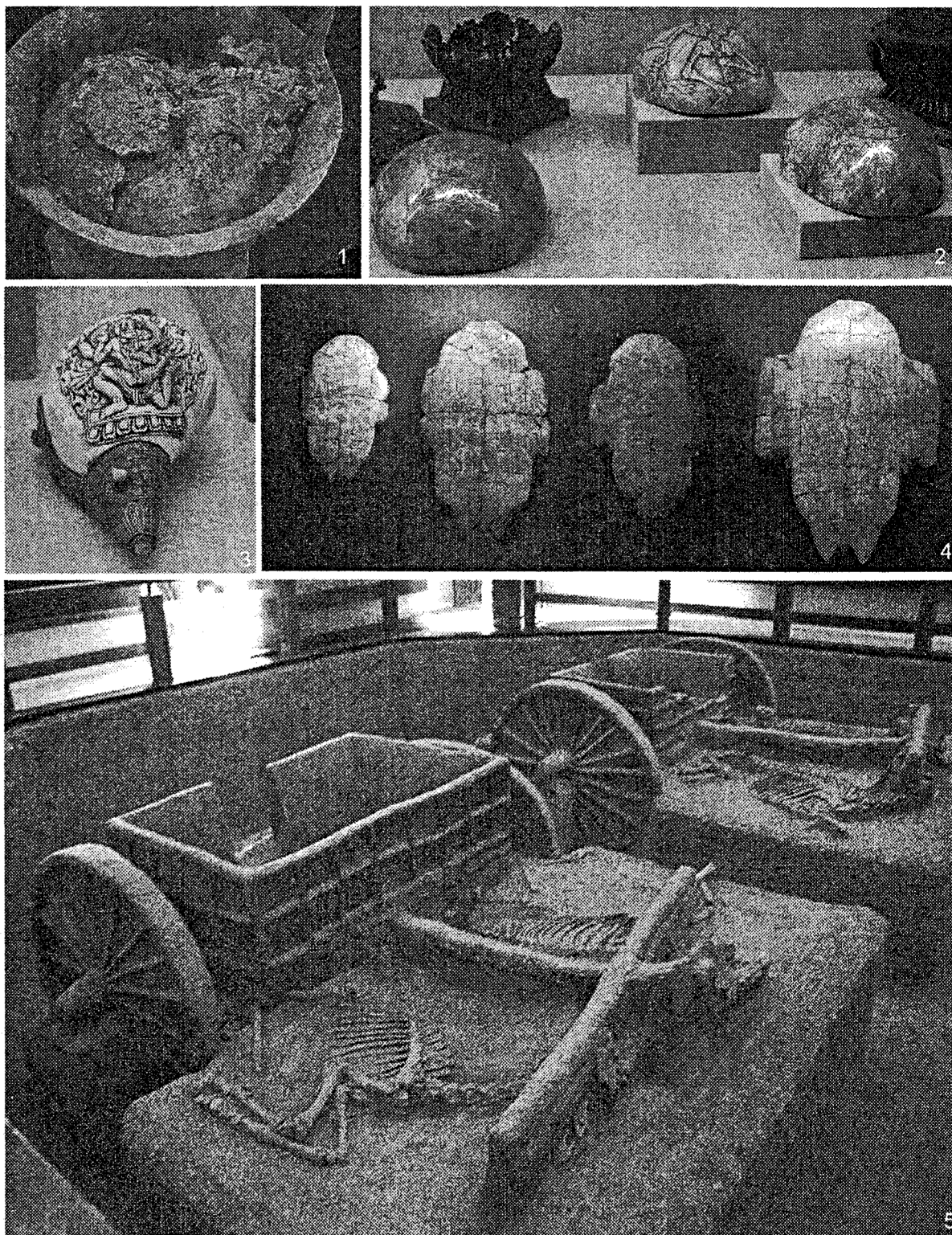

Рис. 1. Аньянь. 1 — жертвенная пища из человеческой головы; 2 — ритуальные чаши из человеческих черепов; 3 — музыкальный инструмент из человеческого черепа (династия Тан); 4 — ритуальные чаши из панцирей черепах; 5 — боевые колесницы

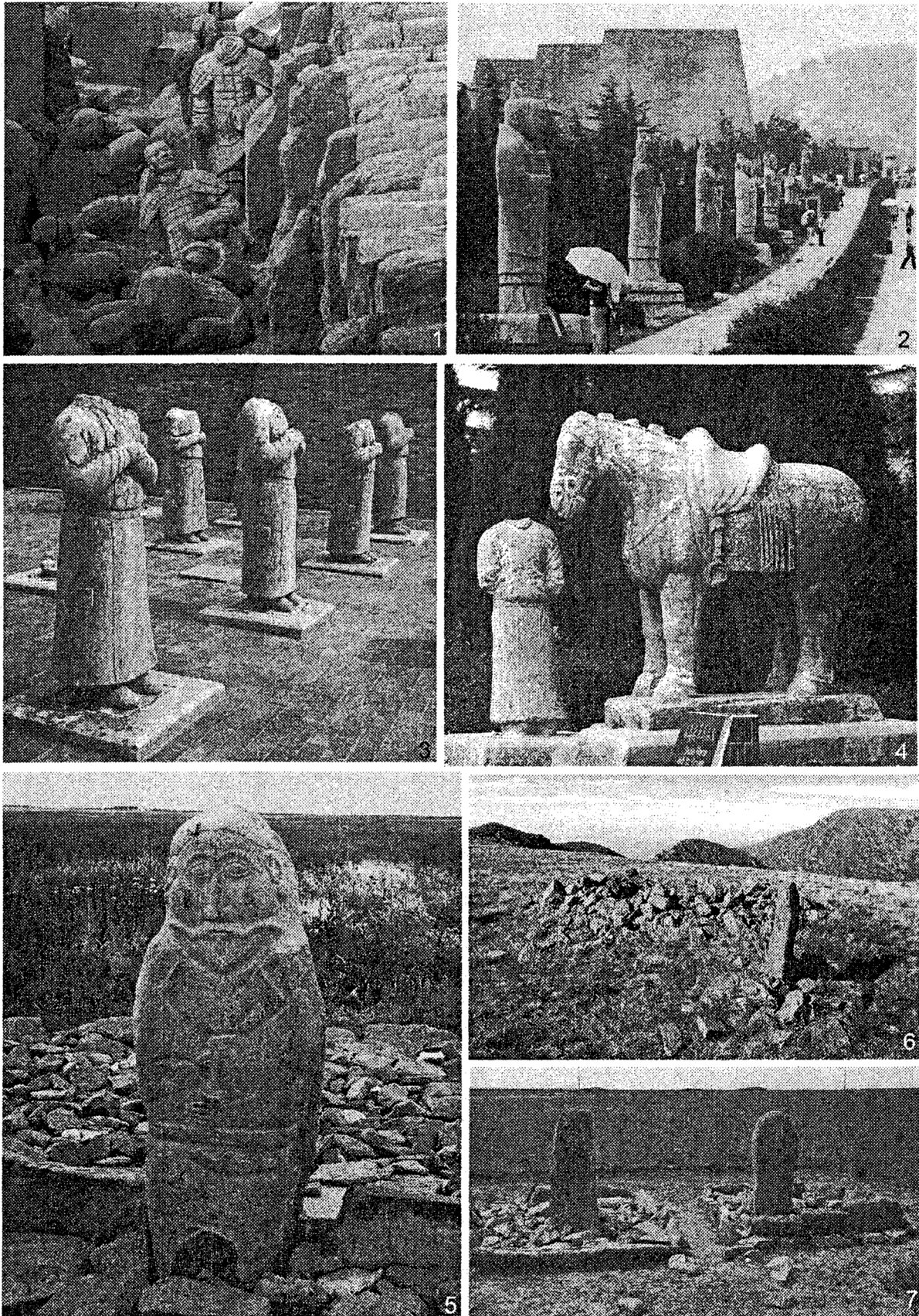

Рис. 2. 1 — гробница Цинь Ши Хуана. Поверженная временем непобедимая армия; 2—4 — танские мавзолеи Квилин: аллея императоров, скульптуры тюркских вассалов; 5—7 — тюркские ритуальные комплексы Жайсан, Мерке

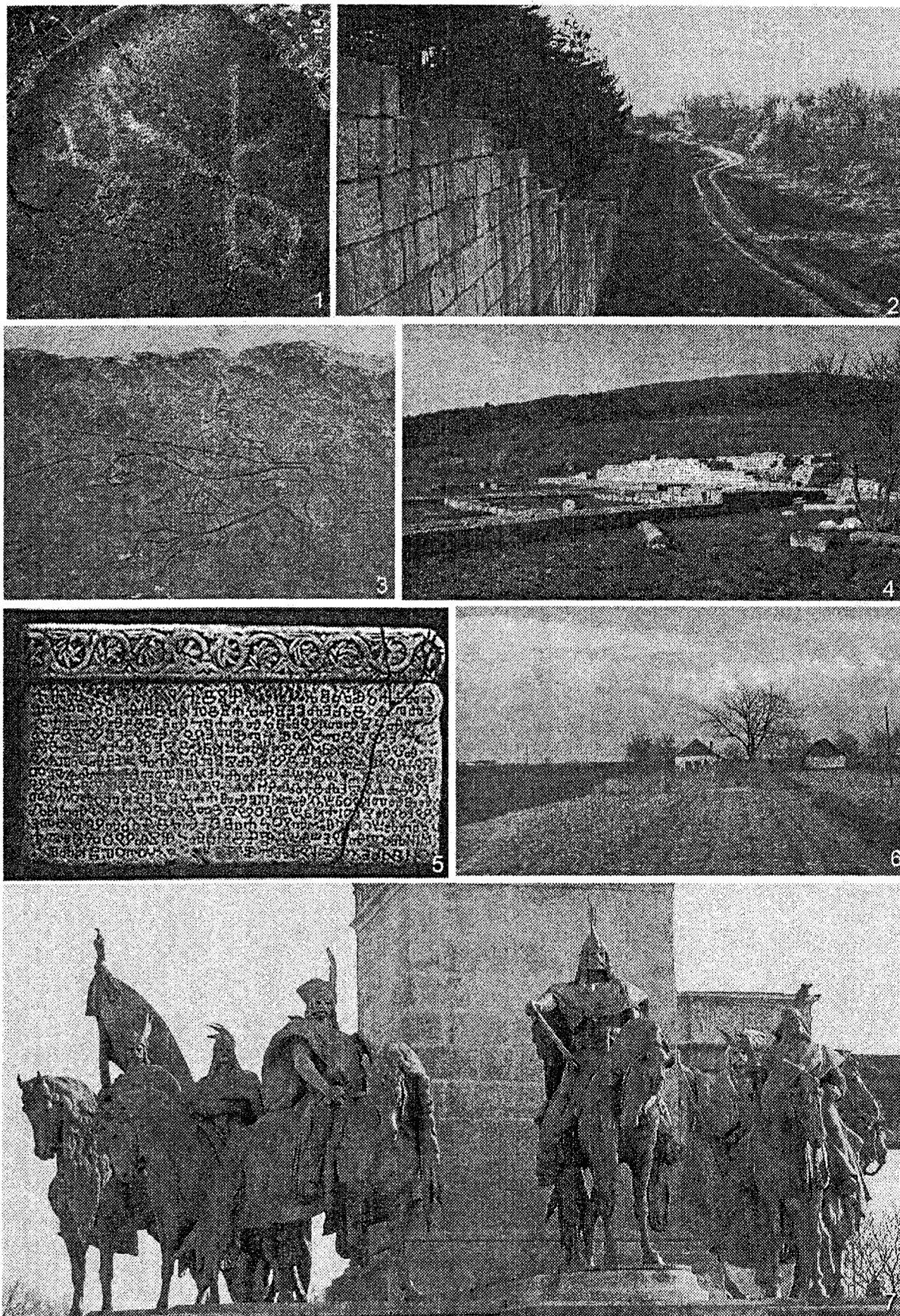

Рис. 3. 1 — тюркские тамги; 2—4 — стены и руины дворца Преслава (Болгария); 5 — текст глаголицы Кирилла; 6—7 — Дунайская Пуста; 7 — монументальная конструкция «Обретение Венгерской родины ханом Арнадом» (Будапешт)

Василий Соёнов

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследования в области раннесредневековой археологии Горного Алтая (VI–XI вв.) имеют большое значение для изучения истории Евразии. Это связано с тем, что алтайское население того периода имеет прямое отношение не только к современным коренным жителям Алтая, но и явилось важным компонентом этногенеза многих других тюркоязычных народов, предки которых входили в состав могущественных раннесредневековых государств евразийского масштаба. Конечно, исследование культуры и этногенеза населения Алтая не ограничивается археологическими памятниками и вещественными материалами из них, но на данный момент они являются наиболее репрезентативными источниками.

Полевым изучением раннесредневековых памятников в разное время, начиная с первой половины XIX и до начала XXI в., занимались М.Т. Абдулганеев, В.Б. Бородаев, А.П. Бородовский, Ж. Буржуа, Д.Д. Васильев, А.С. Васютин, А.А. Гаврилова, В.В. Горбунов, А.Н. Глухов, М.П. Грязнов, П.К. Дашковский, Л.А. Евтюхова, Н.М. Зиняков, А.М. Илюшин, Б.Х. Кадиков, С.М. Киреев, Ю.Ф. Кирюшин, С.В. Киселёв, В.А. Кочеев, В.Д. Кубарев, Г.В. Кубарев, А.Л. Кунгуров, И.Л. Кызласов, О.В. Ларин, К.Ф. Ледебур, Ю.Т. Мамадаков, А.И. Мартынов, Т. Масумото, Е.П. Маточкин, В.А. Могильников, В.И. Молодин, С.В. Неверов, А.П. Окладников, Е.П. Окладникова, К. Оцука, В.В. Радлов, С.И. Руденко, Д.Г. Савинов, Г.И. Спасский, В.И. Соёнов, С.С. Сорокин, Н.Ф. Степанова, А.С. Суразаков, Ю.В. Тетерин, А.А. Тишкин, Ю.С. Худяков, Л.М. Чевалков, Д.В. Черемисин, П.И. Шульга, А.В. Эбель и другие.

Благодаря работам исследователей сделана масса замечательных открытий, введены в научный оборот материалы изучения многих сотен объектов: по последним подсчетам, в Горном Алтае раскопано более 200 погребений (Кубарев, 2005), около 300 оградок (Кубарев, 2001), а также изучено около 300 изваяний (Соёнов, 2005) и около 60 рунических надписей (Кызласов И., 2002). Остальные категории памятников являются пока малоисследованными. Тем не менее можно утверждать, что основной круг археологических памятников Алтая тюркского периода к сегодняшнему дню установлен.

За несколько последних десятилетий издано значительное количество монографий, глав отдельных работ и статей, посвященных различным сторонам и вопросам изучения раннего средневековья Горного Алтая (см. последние сводки в работах: История Республики Алтай, 2002; Горбунов, 2003; 2006; Кочеев, 2006; Кубарев, 2005; Кызласов, 2002). Исследования посвящены публикации и типологии памятников; классификации инвентаря; каталогизации и прочтению рунических надписей; анализу и реконструкции этнокультурной ситуации в раннем средневековье, вооружения и военного дела, одежды, черной металлургии и т.д. Эти работы не только внесли огромный вклад в исследование истории Алтая, но также значительно повлияли на степень изученности сопредельных территорий. Они ценны еще и тем, что показывают целый спектр задач, стоящих перед современными исследователями.

На наш взгляд, основная проблема полевой археологии Горного Алтая тюркского времени – культурно-хронологическая и этно-историческая атрибуция памятников. Именно неоднозначность предлагаемых решений этой проблемы создает главную трудность для процесса корреляции письменной истории тюрков с археологической культурой.

Раскопанные в Горном Алтае курганы раннесредневекового времени исследователи относят к памятникам кудыргинского типа и курайской=тюркской археологической культуры, а также кыргызской археологической культуры. К кудыргинскому типу могил А.А. Гаврилова отнесла ранние погребения могильника Кудыргэ, а также погребения на могильниках Катанда II, Курота I, Туекта. Остальные раннесредневековые курганы, известные к тому времени, ею отнесены к катандинскому и сrostкинскому типам (Гаврилова, 1965). В дальнейшем Д.Г. Савинов для раннесредневековых погребений выделил курайскую археологическую культуру, отделив от нее памятники сrostкинской культуры. В курайскую культуру вошли все памятники, датированные VI–X вв., но кудыргинский тип сохранил свой особый статус (Савинов, 1984). В настоящее время А.А. Тишкин и В.В. Горбунов предлагают разделить погребальные и поминальные памятники Горного Алтая VI–XI вв. на памятники тюркской (VI–XI вв.) и кыргызской (IX–XI вв.) культур (Тишкин, Горбунов, 2002; Тишкин, 2006).

Для погребений кудыргинского типа характерны курганы с каменными насыпями, погребения людей с южной ориентировкой в грунтовых ямах и сопроводительные захоронения коней. Кони в кудыргинских курганах часто ориентированы головой в ту же сторону, куда ориентированы погребенные люди. Погребальный обряд курайской=тюркской культуры обобщенно выглядит следующим образом: каменные насыпи, погребения людей в грунтовых ямах вытянуто на спине головой на север или северо-восток в сопровождении одного или нескольких коней. В отличие от могил кудыргинского типа, кони в погребениях курайской=тюркской культуры ориентированы в противоположную сторону от человеческой ориентировки. Для кыргызской культуры характерен погребальный обряд с «трупосожжением на стороне».

Факт несоответствия раннего тюркского погребального обряда, описанного в китайских исторических произведениях, археологическим данным общеизвестен. Но это – проблема аутентичности китайских произведений и мы не ставим задачу здесь рассматривать его. В данном случае для нас важен факт, установленный археологическим путем: для тюркской культуры характерен обряд трупоположения человека в сопровождении коня. Данный обряд известен в Горном Алтае с начала эпохи раннего железа (Кирюшин, Тишкин, 1997). На протяжении второй половины 1 тыс. до н.э. и первой половины 1 тыс. н.э. в самых различных вариантах он зафиксирован в погребальных памятниках (Суразаков, 1989; Мамадаков, 1990; Худяков, 1993; Соёнов, 1997; 2003). Следовательно, погребения с конем на Алтае необходимо оценивать, как демонстрацию местного, восходящего через булан-кобинцев к пазырыкцам и майэмирцам, компонента тюркской культуры (Могильников, 1996).

Нельзя не отметить существующие проблемы, связанные с интерпретацией других элементов погребально-поминального комплекса тюркского времени, так как решение ряда общих евразийских проблем тюркской археологии во многом связано именно с алтайскими материалами. Их значение подчеркивает и тот факт, что последнюю точку в дискуссии по поводу назначения тюркских оградок поставили исследования в Горном Алтае. Исследование трех сотен алтайских оградок дало археологическое подтверждение версии о том, что оградки – это памятники поминального характера: никаких остатков человеческих захоронений, за исключением погребения коня на памятниках Мендур-Соккон I (Соёнов, Эбель, 1997) и Кара-Коба I (Могильников, 1992), а также отдельных костей человека, не связанных с трупосожжением (Гаврилова, 1965) в них не было обнаружено. В то же время нужно отметить, что вопросы классификации и датировки типов оградок, а также их реконструкции до сих пор дискуссионны и далеки от решения (Кубарев, 2002; Худяков, 2002).

Еще одному элементу тюркского погребально-поминального комплекса Алтая – изваяниям посвящен целый ряд публикаций, в том числе одна специальная монография (Кубарев, 1984). Картографирование данных о каменных изваяниях Алтая показало, что наибольшее скопление данной категории памятников приходится на Кош-Агачский и Онгудайский районы Республики Алтай. Значительная часть изваяний сосредоточена вдоль оживлённых в древности дорог в Монголию, Туву и Казахстан. В горно-лесных районах Северного Алтая и высокогорных участках Южного Алтая изваяния практически не встречаются. Основными источниками для датировки тюркских изваяний Алтая остаются изображения различных предметов на них, а также каменные оградки с балбалами, которые сопровождают почти все алтайские изваяния (Кубарев, 1984). Однако точная датировка изваяний представляет значительную сложность, т.к. изображённые на них реалии даже в самом археологическом материале плохо поддаются типологическому анализу, а тем более усложняется работа с их воспроизведениями на камне, часто недетализированного характера. К тому же изваяния с разной иконографией могут оказаться одновременными, но относящимися к разным социальным группам тюркского общества (Савинов, 1984).

Среди исследователей до сих пор нет единства по поводу назначения верениц камней – балбалов (Грязнов, Шнейдер, 1930; Бичурин, 1950; Киселев, 1951; Евтюхова, 1952; Грач, 1955; Кызласов, 1966; Шер, 1966; Могильников, 1981; Сорокин, 1981; Кубраев, 1984; 2001; 2002; Войтов, 1996; Худяков, 2002; Ермоленко, 2004; Кубарев Г., 2005). К тому же сам термин «балбал» исследователями трактуется по-разному. Традиция установки вереницы камней на Алтае возникла еще в эпоху раннего железа. У многих курганов пазырыкского времени с восточной стороны имеется ряд балбалов (Кубарев, 1987; 1991; 1992; Суразаков, 1989; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003). В отличие от тюркского времени у пазырыкских курганов ряды балбалов немногочисленны: они включают от одного-двух до десятков камней. Но, несмотря на количественную разницу, балбалы тюркского и пазырыкского времени, возможно, близки по смыслу и назначению.

Поселения относящиеся к тюркскому времени в Горном Алтае практически не исследованы, т.к. целенаправленных поисков и раскопок не производилось. Большинство известных средневековых поселений обнаружено в ходе поиска поселений более ранних эпох (Шульга, 1991). В

целом поселения со средневековыми слоями располагаются там же, где находятся поселения других периодов. Они тяготеют, в отличие от лесостепных районов, не к водоемам и рекам, а к горным склонам, логам и подошвам гор.

Городища древнетюркской эпохи – одно из белых пятен в археологии Горного Алтая. Единственным городом, подвергшимся археологическим исследованиям, является город-крепость в устье р. Большой Яломан (Горбунов, Кунгуров, Кунгурова, Шамшин, 1997; Тишкин, 2002). Он располагался на мысу, образованном реками Большой Яломан и Катунь, имеющем с двух сторон крутые и глубокие обрывы, а с третьей – напольной стороны, защищен валом и рвом. Вал был укреплен двумя стенами с каменными фундаментами. Помимо этого, весь город был окружен крепостной стеной. В город вело двое ворот, для защиты которых были сооружены башни с квадратным фундаментом. Судя по размерам и расположению, этот город играл значительную роль в период средневековья в качестве административного и торгового центра. Он связывал Южную Сибирь с Центральной Азией по самому удобному и короткому пути.

К тюркскому периоду относится значительное число петроглифов Горного Алтая, из числа известных на сегодня (Кубарев, Маточкин, 1992). Петроглифы выполнены двумя способами: в технике точечной выбивки; в технике граффити, т.е. гравированного рисунка. На петроглифах имеются изображения животных, птиц, змей, всадников и пеших людей, батальные сцены, сцены охоты и т.д. Наиболее известные местонахождения петроглифов расположены по долинам рек Катунь, Чуя, Каракол, Чарыш (Калбак-Таш, Бош-Туу, Карбан, Куюс, Каракол, Бичикту-Бом, Мендур-Соккон и другие), но к настоящему времени нет специальных работ по публикации и анализу тюркских петроглифов Алтая. Кстати, это является одной из причин того, что до сих пор не выделен единый художественный стиль эпохи, как звериный стиль эпохи раннего железа (Кубарев Г., 2005).

Одно из свидетельств высоких достижений тюркской культуры – памятники рунической письменности. Хотя, конечно, они относятся к категории палеографических памятников, но всё же их образцы находят и изучают археологи. К настоящему времени благодаря количеству выявленных рунических надписей, Алтай выдвинулся на одно из первых мест среди регионов тюркской эпиграфики. Наиболее известными памятниками являются надписи на скалах в Усть-Канском, Кош-Агачском и Онгудайском районах (Кубарев, Маточкин, 1992; Кызласов, 2002), а также на металлических и костяных предметах, происходящих из погребений или найденных случайно (Евтюхова, Киселев, 1941; Кубарев Г., 1997; Кызласов, 1995). Изучение надписей Горного Алтая показало их палеографическое своеобразие, что означает наличие самобытных письменных школ местного общества и присущую им систему образования (Кызласов, 1992; 1994а, б). Нужно также отметить, что кроме алтайских вариантов верхнеенисейского и южноенисейского алфавитов (на которых написаны большинство горно-алтайских надписей) тюркское население Алтая знало и орхонский алфавит (Кызласов, 1994а). Содержание большинства рунических надписей Горного Алтая остается неизвестным. Но часть из них все же расшифрована и указывает, что надписи оставлены с обрядовой целью и имеют духовное содержание (Кызласов, 1994б), что автоматически ставит проблему религиозных воззрений алтайских тюрков.

Другая проблема, требующая к себе особого внимания – производства средневекового тюркского населения Алтая. О них свидетельствуют различные предметы, найденные при археологических раскопках. Но на данный момент центры их производства не исследовались, хотя нет сомнения в наличии в тот период мастерских по производству войлока, керамики, а также по обработке дерева, кости, камня, кожи, металлов и т.д. Единственным исследованным производством можно считать железоделательное. В Юго-Восточном Алтае уже открыто более тридцати памятников металлургии железа тюркского времени (Зиняков, 1988; Могильников, 1993). Эти памятники представляют собой мастерские по выплавке металла в сырודутных печах, не имеющих аналогий на других территориях. Все печи шахтного типа, возведены в ямах глубиной до 1,5 м. Реконструируемая высота домниц – до 2 м. Особая система воздуходувных сопел позволила алтайским мастерам осуществлять плавку большого количества металла при высоких температурных режимах. Для своего времени эти домны имели высокую степень совершенства и по производительности превышали древнерусские домницы (Зиняков, 1988). Нахождение в локальном районе большого количества металлургических центров, единая технология, однотипные печи свидетельствуют о специализации. Это позволяет ставить вопросы о существовании социального слоя, обладавшего особыми производственными навыками; об организации их труда, имеющего особенности, заключенные не только в специализации, но и необходимости подготовки специалистов по поиску руд, по выплавке и обработке металла; о наличии института ученичества или школ; о разработке специального инструментария, а также об особых понятиях и терминах.

К тюркскому времени относятся обнаруженные археологами остатки оросительных систем в Южном и Центральном Алтае и остатки пашен. Оросительные сооружения, расположенные в долинах рек Катунь, Чуя, Урсул и т.д., фактически не изучались. Специальные ботанические исследования проводились только в Курае на урочище Төтө и подтвердили её обработку в древности под пашню (Киселев, 1951). Другие категории археологических памятников: дороги, переправы, шахты и т.д. до настоящего времени не подвергались специальным изучением. Но, по всей видимости, значительная часть этих памятников Горного Алтая относится именно к тюркскому времени, т.к. качество жизни и уровень развития того времени естественным образом предполагают наличие сложных инженерных сооружений.

Таким образом, изученность типов археологических памятников Горного Алтая тюркского времени разная. Слабая изученность некоторых основных категорий памятников не способствует объективной и адекватной реконструкции многих сторон жизни и культуры средневековых тюрков. В связи с чем представляется очевидным необходимость продолжения полевого изучения этих объектов, а, в первую очередь, через целенаправленные комплексные научные программы и проекты, которые смогут объединить усилия исследователей самых разных специальностей из российских и зарубежных исследовательских центров.

Спектр проблем раннесредневековой археологии Горного Алтая, конечно же, не исчерпывается только полевой археологией. Существует множество других проблем, которые ждут своего решения. Они имеют отношение как к конкретным вопросам самой археологической культуры Горного Алтая тюркского времени, так и к таким глобальным темам как развитие тюркологического направления в науке.

Литература

- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том I. М., 1950.
- Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1966.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.; Л., 1965.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
- Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамишин А.Б.* История Алтая. Барнаул, 1997.
- Грач А.Д.* Каменные изваяния Западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. 16. Л., 1955.
- Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.* Каменные бабы // Сибирская Советская Энциклопедия. Том 2. Новосибирск, 1930.
- Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. 1941. Вып. 16.
- Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск, 2004.
- Зиняков Н.М.* История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск, 1988.
- История Республики Алтай.* Том 1. Горно-Алтайск, 2002.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кочеев В.А.* Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2006.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кубарев В.Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.

Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001.

Кубарев В.Д. Ответ на статью профессора Ю.С. Худякова // Древности Алтая. № 9. Горно-Алтайск, 2002.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992.

Кубарев Г.В. Новая руническая надпись с Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том III. Новосибирск, 1997.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.

Кызласов И.Л. Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. М., 1994а.

Кызласов И.Л. Руническая письменность евразийских степей. М., 1994б.

Кызласов И.Л. Посвятительная орхонская надпись из окрестностей с. Купчегень // Известия лаборатории археологии. № 1. Горно-Алтайск, 1995.

Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2002.

Кызласов Л.Р. О значении термина «балбал» древнетюркских надписей // Тюркологический сборник. М., 1966.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990.

Могильников В.А. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992.

Могильников В.А. Остатки железодельного производства на берегу р. Чуи // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993.

Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Соёнов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Барнаул, 1997.

Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск, 2003.

Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая древнетюркской эпохи // Тюркология. 2004. № 3. (Туркестан).

Соёнов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон I // Известия лаборатории археологии. № 2. Горно-Алтайск, 1997.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганых памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. Л., 1981.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989.

Тишкин А.А. Крепостные сооружения в Горном Алтае // Мир Центральной Азии: археология, этнология. Улан-Удэ, 2002.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история). Автореф. дисс... док. ист. наук. Барнаул, 2006.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. № 9. Горно-Алтайск, 2002.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в.н.э. Новосибирск, 1993.

Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрков в Горном Алтае // Древности Алтая. № 9. Горно-Алтайск, 2002.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.

Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поисков // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.

Юлий Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА СРЕДНЕВЕКОВЫХ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Война и военная сфера жизнедеятельности были постоянным явлением кочевого общества, основанного на скотоводческой экономике и подвижном кочевом образе жизни, со времени становления культурно-хозяйственного типа кочевых скотоводов в степном поясе Евразии на заре бронзового века. Благодаря высокому, опережающему уровню развития военного искусства, номады смогли сохранить самобытность и обеспечить существование кочевого мира на протяжении трех тысячелетий мировой истории в периоды древности и средневековья, вплоть до начального периода Нового времени. Вследствие военного превосходства над армиями государств оседло-земледельческой и урбанистической цивилизации в определенные исторические периоды кочевники оказывали весьма существенное, а в некоторых случаях решающее воздействие на ход событий всемирной истории. В регионах, граничащих с кочевым миром, это воздействие носило долговременный и постоянный характер. Лишь после вступления ряда стран Европы на путь промышленного развития и перевооружения их армий огнестрельным, в том числе артиллерийским оружием, кочевники постепенно утратили свое преимущество в военной сфере над оседло-земледельческими народами и государствами и оказались в подчинении у крупнейших мировых держав Евразии.

В силу своей воинственности и высокого уровня развития военного дела номады и их военное искусство привлекали значительный интерес в окружающем их мире, у представителей других народов, подвергавшихся военному воздействию со стороны кочевников, еще с периода древности (Худяков, 1995, с.3). Особенности вооружения, военной организации и военного искусства кочевых народов интересовало их соседей и современников в прикладном аспекте. Знания о военном деле номадов должны были способствовать успешному противодействию их армиям на поле боя. Однако отбор информации и ее изложение в летописях и хрониках нередко носило откровенно тенденциозный, сугубо негативный характер. Военные победы кочевников объяснялись невысоким уровнем культуры и отсутствием моральных качеств у «варваров». Лишь в результате военных успехов номадов их военное дело становилось объектом не только описания и оценки, но и заимствования. Военное искусство номадов постоянно развивалось и совершенствовалось в ходе непрерывной боевой практики в качестве вполне самостоятельного феномена всемирной военной истории. Однако отсутствие в древних и многих средневековых кочевых обществах собственной письменной историографической традиции привело к тому, что эволюция этого феномена известна в свете описаний их исторических противников как в кривом зеркале. Несмотря на несомненную заинтересованность современников из окружающего оседло-земледельческого мира в познании особенностей военного искусства номадов, их свидетельствам присуща недостаточная осведомленность, фрагментарность, тенденциозность и негативная аксиологическая направленность. Как правило, иноземцы обращали внимание на необычные, экзотические стороны жизни, быта и военного дела кочевников. Осведомленность иностранных наблюдателей о характерных чертах военного искусства не всегда была на должном уровне. Как правило, они ограничивались очень краткими, лаконичными описаниями военных событий, в которых принимали участие кочевники, и упоминанием использованного ими оружия. Поэтому военно-историческая наука, которая базируется на сведениях письменных исторических источников, описании войн, походов, сражений, не смогла отразить своеобразие военного искусства номадов с необходимой точностью и полнотой. В классических трудах по военной истории упоминались некоторые особенности военного искусства скифов, саков и хуннов в связи с военной историей персов, древних греков, македонцев и римлян (Марков, 1886, с.11–12; Разин, 1955, с.75–80). Достаточно подробно освещалось только военное искусство средневековых монголов в период существования Монгольской империи, поскольку оно детально описано в сочинениях европейских послов, миссионеров и купцов, посещавших монгольские владения в середине XIII в. (Иванин, 1846, с.7–15). В течение последних десятилетий XX в. неполнота сведений письменных исторических источников о военном деле древних и средневековых кочевников евразийских степей была восполнена данными изобразительных материалов и вещественных находок предметов вооружения из раскопок археологических памятников кочевнических культур. Накопление разнообразных материалов по вооружению и военному делу евразийских номадов создало предпосылки для специального анализа данного вида вещественных источников в оружейно-историческом аспекте и подготовки монографических исследований в русле данного научного направления.

Первые опыты создания таких трудов были предприняты на материалах наиболее полно изученных скифских и сарматских комплексов (Мелюкова, 1965, с.14–32; Черненко, 1968, с.62; Смирнов, 1961, с.9–27, 65; Хазанов, 1971, с.64–90). Важное значение для его разработки на восточноевропейских материалах имели труды по военному делу Древней Руси, в которых затрагивались отдельные аспекты взаимовлияния военного искусства кочевых и оседлых народов (Медведев, 1966, с.10; Кирпичников, 1966а, с.61; Кирпичников, 1966б, с.22; Кирпичников, 1971, с.78–79).

В меньшей степени исследовалось оружие восточноевропейских кочевников эпохи раннего средневековья. Н.Я. Мерпертом было изучено клинковое оружие салтовской культуры (Мерперт, 1955, с.131–167). Оружие печенегов, торков и половцев было рассмотрено в трудах С.А. Плетневой и Г.А. Федорова-Давыдова (Плетнева, 1958, с.196–200; Федоров-Давыдов, 1966, с.22–85).

В отличие от материалов по военному делу кочевников Восточной Европы, сведения о котором достаточно полно представлены в письменных источниках, при изучении вооружения кочевников Южной Сибири и Центральной Азии исследователям, взявшимся за изучение оружейных комплексов кочевнических культур, пришлось основываться почти целиком и полностью на археологических источниках. Поэтому в начале 1970-х годов сибирские археологи-оружиеведы обратились к изучению комплексов вооружения хорошо исследованных кочевнических культур Южной Сибири, в предметном комплексе которых были представительные коллекции находок оружия. Один из первых опытов исследования вооружения тагарской культуры в Минусинской котловине был принят А.М. Кулемзиным. Им были классифицированы находки бронзовых и костяных наконечников стрел, прослежена эволюция кинжалов, реконструирован комплекс вооружения тагарских воинов (Кулемзин, 1974, с.27–35; 1976а, с.30–41; 1976б, с.43–56). В дальнейшем он предпринял попытку проанализировать механические свойства некоторых видов тагарского оружия (Кулемзин, Горский, 1977, с.53–59). К сожалению, эта интересная работа не была издана монографически.

В те же годы исследование вооружения енисейских кыргызов в периоды раннего и развитого средневековья было предпринято автором настоящей статьи. Выбор объекта исследования был продиктован наличием в составе комплекса всех основных видов наступательного оружия дистанционного и ближнего боя, а также средств защиты воинов, основательной изученностью памятников культуры енисейских кыргызов на территории Саяно-Алтая, надежной атрибуцией кыргызских памятников по погребальному обряду кремации. На основе изучения вооружения енисейских кыргызов была выработана аналитическая модель оружейно-исследовательского исследования, которая включила сбор и систематизацию находок предметов вооружения, относящихся к изучаемой культуре, типологическую классификацию видов оружия, сведение их в единый комплекс боевых средств, реконструкцию структуры военной организации и военного искусства (Худяков, 1980, с.25). В последующие годы эта модель была успешно апробирована на материалах по вооружению многих кочевнических культур эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья в Южной Сибири и Центральной Азии. Были проанализированы особенности вооружения и военного искусства хуннов, южносибирских кочевников хунно-сяньбийского времени, древних тюрков, уйгуров, кимаков, курыкан, байырку, шивэй, киданей, монголов, кыштымов, кочевников Тувы и Алтая, тунгусов, кыпчаков (Худяков, 1986; 1991; 1997).

В течение последних трех десятилетий изучение военного дела древнего и средневекового населения Сибири и Центральной Азии является одним из приоритетных направлений в сибирской археологической науке. К настоящему времени проанализированы и охарактеризованы вооружение и военное искусство населения Южной и Западной Сибири, Центральной Азии в периоды раннего и развитого бронзового века. Исследовано военное дело кочевников скифского времени в Минусинской котловине, Горном и Степном Алтае. Наибольшее внимание уделялось исследователями изучению комплексов вооружения и особенностям военного искусства кочевников хуннского времени раннего и развитого средневековья в центрально-Азиатском историко-культурном регионе. Подробно проанализированы, классифицированы и введены в научный оборот комплексы вооружения и реконструированы характерные особенности военного искусства хуннов, древних тюрков, уйгуров, енисейских кыргызов, кимаков, киданей, монголов и других кочевых этносов и культур Южной Сибири и Центральной Азии. Монографически исследовано вооружение средневекового населения таежной зоны Западной Сибири, мохэ и чжурчженей Дальнего Востока. В последние годы активно исследуется военное дело центральноазиатских кочевников эпохи позднего средневековья. Для определения функциональных свойств ручного метательного оружия и защитного вооружения используются современные методы естественных наук, реконструкции доспехов и поражающих средств. (Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995, с.6).

Однако военное дело кочевых этносов и культур Центральноазиатского историко-культурного региона изучено неравномерно. Это обусловлено недостаточной изученностью или

недоступностью для российских специалистов материалов из археологических раскопок и музейных коллекций в соседних азиатских странах.

Одной из наиболее актуальных для дальнейшего развития оружейведения научных тем в настоящее время является изучение военного дела сяньбийцев и центральноазиатских кочевников в период их военного господства в рассматриваемом регионе. Важность данной темы обусловлена большой ролью, которую сыграли сяньбийцы в развитии тяжеловооруженной панцирной конницы, как особого рода войск, в кочевом мире в течение первой половины I тыс. н. э. Сяньбийцы способствовали широкому распространению наиболее совершенных для своего времени видов наступательного оружия ближнего боя, защитного вооружения и конского снаряжения. Исследование военного дела сяньбийцев в течение длительного времени сдерживалось недостаточной изученностью и недоступностью материалов археологической культуры сяньби для российских специалистов, археологов и оружейников.

Первые попытки отнести к сяньбийской культуре на территории Забайкалья и Монголии отдельные памятники, датирующиеся концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э., отличающиеся по некоторым признакам от типичных хуннских комплексов, были неудачными.

Положение изменилось после того как российским исследователям стали доступны археологические материалы из сяньбийских памятников, исследованных китайскими археологами на территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии. В составе сопроводительного инвентаря этих памятников были разнообразные предметы наступательного и защитного вооружения. В последние годы комплексы сяньбийской культуры были выделены Е.В. Ковычевым и О.А. Яремчук на территории Восточного Забайкалья (Ковычев, Яремчук, 2000, с.69).

Изучение оружия из сяньбийских памятников позволило не только охарактеризовать комплекс вооружения сяньби, но и проследить особенности влияния господствующего этноса на другие вассальные кочевые племена в области военного дела. Отдельные сведения о находках сяньбийских стрел и деталей защитного доспеха приведены в книге М.В. Воробьева (2003, с.223). Особенности защитного доспеха сяньбийцев на материалах иконографии и археологии были рассмотрены М.В. Гореликом (1993, с.151, 159). Анализ комплекса боевых средств, защитного вооружения и наступательного оружия проведен в работах Ю.С. Худякова и Юй Су-Хуа. (2000, с.38–41). Некоторые материалы из сяньбийских памятников, относящихся к панцирям и шлемам рассмотрены в работе К.И. Реца и Юй Су-Хуа (1999, с.49–50). В этих трудах введен в научный оборот основной массив вещественных и частично иконографических источников о разных видах оружия, применявшихся сяньбийскими воинами в период военной гегемонии Сяньбийской державы в кочевом мире.

На основе исследования этих материалов были предприняты попытки выделить «сяньбийскую традицию» в изготовлении деталей защитных доспехов в кочевнических культурах Алтая (Горбунов, 2003, с.53).

Задаче дальнейшего изучения военного дела сяньбийцев и других кочевых народов, обитавших на территории Центральной Азии и Саяно-Алтая в первой половине I тыс. н.э. посвящено несколько статей автора, Юй Су-Хуа и других ученых. В этих статьях вводятся в научный оборот новые, не привлекавшиеся ранее материалы по вооружению дистанционного боя из раскопанных китайскими учеными памятников сяньбийской культуры с территории северо-восточного Китая, на основании которых появилась возможность более полно и всесторонне оценить роль и значение лука и стрел в составе комплекса вооружения сяньбийских воинов. Важным источником по военному делу сяньбийской эпохи являются иконографические материалы с территории северных китайских государств, во главе которых во второй четверти I тыс. н.э. находились династии сяньбийского происхождения, придерживавшиеся традиций сяньбийской военной культуры вплоть до V в. н.э. Использование этих материалов существенно расширяет круг источников по военной истории и оружейведению сяньбийской эпохи. Одним из регионов, на территории которого культуры и вооружение кочевников первой половины I тыс. н.э. исследованы наиболее основательно, является Саяно-Алтай. Характеристика военного дела кочевников, носителей культур этого периода, ранее неоднократно привлекала внимание оружейников (Худяков, 1986, с.63–135). Введение в научный оборот новых данных по вооружению и военному искусству кочевников Южной Сибири II–V вв. н.э. и проведение сравнительного анализа этих данных с комплексом боевых средств сяньби открывают возможность для всесторонней оценки особенностей развития военного дела у разных этнических групп кочевого населения данного района и выявления степени сяньбийского влияния в военной сфере жизнедеятельности.

Важной темой в современном оружейведении стала реконструкция и анализ функциональных свойств доспехов. На основе анализа реально сохранившихся позднесредневековых ойратских и халха-монгольских шлемов и панцирей мастеру Ю.А. Филипповичу на основе разработок автора настоящей статьи и Л.А. Боброва удалось изготовить предметную реконструкцию джун-

гарского, а затем сяньбийского, древнетюркского и чжурчженского комплексов вооружения, провести их испытания и выяснить причины эволюции оружия в кочевом мире на протяжении периодов древности и средневековья (Худяков, Бобров, 2004, с.113–126).

Публикация этих новых данных имеет важное значение для восполнения имеющихся пробелов по военной истории кочевого мира Центральной Азии.

Литература

Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск, 1995. 236 с.

Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток, 1994. 410 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч.I. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.

Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С.149–179.

Иванин М.О. О военном искусстве и завоеваниях монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. СПб., 1846.

Киртичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII в. Свод археологических источников. М.; Л., 1966. Вып. E1-36.

Киртичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. Свод археологических источников. М.; Л., 1966. Вып. E1-36.

Киртичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. САИ. Л., 1971. Вып. E1-36.

Ковычев Е.В., Яремчук О.А. Погребальный обряд могильника Зоргол-1 // Население древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Новосибирск, 2000. т. III. С.60–69.

Коробейников С.Н., Худяков Ю.С. Анализ функциональных свойств защитного вооружения кочевников Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С.108–114.

Кулемзин А.М. Об эволюции тагарских кинжалов // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1974. Вып. 5.

Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976а. Вып. 7.

Кулемзин А.М. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976б.

Кулемзин А.М., Горский М.Р. Развитие тагарских бронзовых кинжалов и изменение механических свойств их перекрестий // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977.

Марков М.И. История конницы. Тверь, 1886. Ч. 1–2.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. САИ. М., 1966. Вып. E1-36.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ. М., 1965. Вып. Д1-4.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.

Разин Е.А. История военного искусства. М., 1955.

Рец К.И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С.42–55.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА. 1961. № 101.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1995.

Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Вооружение джунгар и халха-монголов в эпоху позднего средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. № 5. С.37–48.

Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.

Фаяз Хузин

Институт истории Академии наук РТ, г. Казань

УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЮРКО-ТАТАРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В последние годы в нашей национальной историографии ощущается острая необходимость создания научной концепции, позволяющей понять и объяснить историю возникновения, становления и развития (в какой-то степени и упадка) средневековой тюркской, конкретнее, тюрко-татарской цивилизации. Долгое время в изучении данной проблемы преобладал односторонний подход, в оценке исторических событий использовался «имперский» критерий, когда эти события рассматривались лишь с точки зрения того, какие последствия – положительные или отрицательные – имели они для развития восточных славян, потом Киевской и Московской Руси. В рамках такого подхода история неславянских, в первую очередь, тюркских народов, населявших обширные евразийские степи в эпоху средневековья, игнорировалась, их вклад в культуру народов России недооценивался.

К сожалению, «взгляд с Востока» на историю древних тюрков и их потомков, возникший в противовес т.н. европоцентризму, также пока не способен создать более или менее объективной картины исторического развития этих народов. Опубликовано немало работ по этнической истории татар, чувашей, башкир, но авторы их зачастую грешат валлонтаристским подходом к проблеме, развивают чрезмерно радикальные концепции, согласно которым истоки древнетюркской культуры оказываются то в цивилизациях Ближнего Востока (Шумер) и Центральной Америки (ацтеки и майя), то среди создателей росписей Каповой пещеры эпохи палеолита (см. работы А.Г.Каримуллина, М.З.Закиева, В.В.Николаева, В.Г.Котова).

Тюрко-татарская средневековая цивилизация, в той или иной степени, иногда напрямую связанная с предками современных татар, включает в себя историю и культуру тюркоязычных народов с момента их появления на исторической арене и до падения постзолотоордынских государств во второй половине XVI в. В этой истории, насчитывающей около двух тысяч лет, выделяются определенные периоды: 1) период сложения, генезиса тюркоязычных племен, истоки которого уходят в эпоху раннего железа (скифо-сибирский мир, гунно-сарматская эпоха); 2) период последующего развития сложившейся культуры исторической общности тюркоязычных народов (Тюркские каганаты, Великая Болгария, Хазарский каганат, Кимакский каганат и кыпчаки, Волжская Булгария); 3) период расцвета тюрко-татарской цивилизации в рамках Золотой Орды; 4) период упадка тюрко-татарской цивилизации – постзолотоордынских государств.

До недавнего времени в нашей историографии господствовали две основных концепции этногенеза татарского народа: т.н. «булгарская», сторонники которой в качестве этнической основы современных татар признавали волжско-камских булгар, сформировавшихся на территории Среднего Поволжья в X – начале XIII в. (Ш.Марджани, А.П.Смирнов, Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков, М.З.Закиев, А.Г.Каримуллин, С.Х.Алишев и др.); т.н. «татаро-монгольская», сторонники которой считали предками татар центральноазиатские (татаро-монгольские) этнические группы, оказавшиеся в период монгольских завоеваний на обширных пространствах Восточной Европы и ассимилировавшие местные племена – кыпчаков и волжских булгар (Н.И.Ашмарин, В.Ф.Смолин, З.Валиди, М.Г.Сафаргалиев, В.Ф.Каховский, В.Д.Димитриев, М.И.Ахметзянов, Р.Г.Фахрутдинов, Н.А.Мажитов и др.) (Татары, 2001, с.42–43).

В последние годы в этногенетических исследованиях активно разрабатывается «тюрко-татарская» теория происхождения татар, возникшая еще в начале прошлого столетия (Г.Губайдуллин, Г.Баттал-Таймас) и успешно развиваемая в трудах современных ученых (М.А.Усманов, Д.М.Исхаков, И.Л.Измайлов, Р.С.Хакимов и др.). Авторы этой теории указывают на более глубокие этнические корни татарского народа, окончательно сложившегося, однако, в основном в период Улуса Джучи. Данная концепция в наиболее полном виде нашла свое воплощение в первых трех томах семитомной «Истории татар», подготовленной Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ. В тюрко-татарской концепции начальным этапом становления средневекового татарского этноса признается образование его основных и наиболее ранних этнических компонентов еще в рамках Тюркских каганатов и последующих, преемственно связанных с ними этнополитических и государственных образований (Кимакский каганат и кыпчаки, Великая Болгария, Хазарский каганат, Волжская Булгария). На втором этапе происходит консолидация различных этнокультурных компонентов в единый средневековый этнос в составе Улуса Джучи.

Татарский этнос развивается дальше в рамках отдельных постзолотоордынских государств (Исхаков, Измайлов, 2000).

Согласно вышеуказанной концепции, древнейшие предки татарского народа, как, впрочем, и других тюркоязычных народов Евразии, имели свою прародину в обширных областях Центральной Азии и Южной Сибири, где создали самые ранние на территории нынешней России государства, развивали материальную и духовную культуру, получившую в научной литературе последних лет название «тюркской цивилизации». Свое дальнейшее развитие, подлинный расцвет она нашла в тюрко-татарских государствах VIII–XVI вв., вследствие чего их достижения в области государственного устройства, градостроительства и архитектуры, духовной культуры (письменность и литература) и т.д. вполне логично включаются в понятие «тюрко-татарской цивилизации».

В изучение отдельных аспектов тюрко-татарской цивилизации большой вклад внесла целая плеяда крупнейших отечественных и зарубежных ученых-востоковедов, прежде всего историков, археологов, языковедов и искусствоведов: В.В.Радлов, В.В.Григорьев, В.В.Бартольд, С.Е.Малов, М.И.Артамонов, А.Н.Бернштам, С.И.Руденко, Л.Н.Гумилев, А.П.Смирнов, С.А.Плетнева, А.П.Новосельцев, Э.Р.Тенишев, Г.А.Федоров-Давыдов, О.Г.Большаков, С.Г.Кляшторный, Е.И.Кычанов, Л.Р.Кызласов, Ю.А.Зуев, Б.Е.Кумеков, К.М.Байпаков, Ю.С.Худяков, И.Л.Кызласов, Ф.Х.Валеев, Ш.Ф.Мухамедьяров, Э.С.Кульпин, А.Х.Халиков, М.А.Усманов, М.З.Закиев, А.Г.Мухамадиев, Р.Г.Фахрутдинов, Д.М.Исхаков, О.Мэнхен-Хелфен, П.Голден, О.Прицак, А.Рона-Таш, Ю.Шамильоглу и др. В их работах можно найти интересные факты и ценные обобщения по проблемам этногенеза и этнополитической истории, общественного строя, хозяйственной жизни, языка и письменности, идеологии и культуры тюркоязычных племен и народов евразийских степей на протяжении их многовековой истории.

С сожалением приходится констатировать отсутствие обобщающих исследований по истории тюрко-татарской цивилизации эпохи средневековья. Разрабатываемая в настоящее время концепция татарского этногенеза нацеливает нас на более глубокий анализ этнополитической истории древних и раннесредневековых племен и народов Великого пояса степей, причем, начиная не с Тюркских каганатов, а с государства хунну-сюнну и даже с эпохи ранних кочевников (VIII–III вв. до н.э.). В орбиту наших исследований должно войти разноэтничное население так называемого скифо-сибирского мира, объединяющего собственно скифскую, савроматскую и сакскую культуры, пазырыкскую культуру горного Алтая, тагарскую и уюкскую культуры Тувы, культуру ордос Северо-Восточного Китая и т.д. По традиционному мнению большинства ученых, основное население указанных регионов было ираноязычным («индоираноязычным»), однако не исключается присутствие, особенно в азиатской части Великой степи, ранних тюрков (прототюрков) или, скорее всего, племен, относящихся к еще не расчлененному древнему тюрко-монгольскому этносу.

Представление о центральноазиатской прародине тюркских народов в наибольшей степени соответствует имеющимся фактам. Не вызывает также сомнений тесное родство тюркских народов Южной и Восточной Сибири с монгольскими – их родство может объясняться происхождением от общих предков. Отдельные черепа из пазырыкских памятников горного Алтая «отличаются сочетанием признаков, характерных для краниологического типа современных центральноазиатских монголоидов» (Алексеев, 1984, с.68, 164). Общеизвестна также монголоидность части населения плиточных могил (Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987, с.231).

Пользуясь случаем, хотелось бы обратить особое внимание наших сибирских коллег на необходимость целенаправленного изучения этногенетических проблем скифской эпохи, в первую очередь, в плане поисков возможных следов прототюркской (тюрко-монгольской?) культуры среди населения раннего железного века вышеуказанных регионов.

Последующая гунно-сарматская эпоха в истории евразийских степей интересна для нас тем, что именно тогда на исторической арене появляются впервые зафиксированные письменными источниками хунны, создавшие в III в. до н.э. свою государственность, некоторые особенности административно-политического устройства которого, на наш взгляд, можно проследить и в более поздних тюркских государствах, вплоть до постзолотоордынских ханств. Так, по мнению С.Г.Кляшторного, верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанные между собой брачными отношениями; глава государства – шаньюй – мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех (Кляшторный, 1983, с.171–172). Здесь, кажется, есть соблазн провести определенную параллель с четырьмя известными кланами, формировавшими высшую административно-военную власть в Улусе Джучи и поздних постзолотоордынских государствах (Исхаков, 1995). Следует заметить, что функции и права шаньюя – «Сына неба», обладавшего наследственной властью, были весьма обширны и определялись его суверенным правом распоряжаться всей территорией и населением государства, точно так же, как и в более

поздних тюркских государствах. Административно-территориальную систему Гуннского государства, в частности, разделение земель на правое и левое «крыло», которыми управляли назначаемые сверху темники, тысячники, сотники и десятники, переняли затем в Тюркских каганатах, и эта традиция сохранилась позднее в Золотой Орде. Любопытно, что при шаньюе Лаошане была проведена первая всеобщая перепись населения, скота и другого имущества, на основании чего началось систематическое взимание с податного сословия налогов. Перепись населения станет потом обычным явлением в Золотой Орде и подвластных ей территориях.

Вопреки широко распространенным в научной, особенно в научно-популярной и учебной литературе представлениям, гунны известны как первые строители городов и крепостей, защищенных несколькими линиями глинобитных стен, земляных валов и рвов. Жили они также на неукрепленных ремесленно-земледельческих поселениях (Кызласов, 1998, с.53 и сл.). Среди гуннских городов мировую известность получило, благодаря многолетним исследованиям Г.П.Сосновского, В.П.Шилова и особенно А.В.Давыдовой, Иволгинское городище в Забайкалье, расположенное на р. Селенга южнее г. Улан-Удэ. Общая площадь его достигала 11,5 га. Среди объектов, изученных археологами, обращают на себя внимание относительно благоустроенные жилые дома, в одном из углов которых располагалась печь, от которой вдоль стен проходил дымоходный канал из каменных плит, обогревавший дом зимой (Давыдова, 1985). В принципе такая система отопления применялась затем в кирпичных домах волжских булгар и золотоордынских горожан. Нет никакого сомнения в том, что истоки болгарского градостроительства и архитектуры находятся в недрах гуннской культуры. К сожалению, обозначенные выше вопросы в сопоставительном плане, т.е. в плане преемственности гуннской и более поздних тюркских культур, надлежащим образом не изучены.

Эпохой Великого переселения народов, начавшейся, как традиционно считают, движением гуннов на запад, связано появление на территории Восточной Европы болгар и родственных им тюркоязычных племен.

Прародина болгар все еще не определена. Данная проблема, по понятным причинам, интересует не только татарстанских болгароведов, но и наших болгарских коллег, которые пытаются локализовать ее, эту прародину, в регионе Памира-Гиндукуша (Българската цивилизация, 2005, с.15). Место формирования протоболгар В.Ф.Генинг искал на юго-востоке Западной Сибири и Восточного Казахстана, в бассейне верхнего Иртыша (Генинг, 1989, с.8). Положительное решение вопроса лежит, как мне кажется, на пути более детального изучения маршрута движения гуннов с востока на запад. Этот маршрут, как полагают некоторые исследователи, пролегал через земли Приаралья, где гунны (возможные носители каунчинской археологической культуры в низовьях Сырдарьи?) встретились с болгарами и включили их в свое объединение (Смагулов, Павленко, 1998, с.149). Следов кочевников-гуннов на территории Среднего Поволжья практически не обнаружено, если не считать двух бронзовых котлов из случайных находок в бассейне р. Большой Черемшан (Археологические памятники, 1990, № 142, рис.4: 14, 15). Те гуннские элементы в культуре волжских булгар, которые пытался выделить А.П.Смирнов (1971, с.139–147; 1974, с.65–71), были заимствованы, по всей вероятности, в период их совместных походов на северопричерноморские земли.

Что касается ираноязычных сармат, кочевавших в степях между Доном и Южным Уралом, и практически первыми из племен Восточной Европы подвергшихся нападению и разгрому со стороны гуннов, то их роль в формировании культуры болгар тоже была достаточно заметной. Есть основания полагать, что они, частично уже тюркизированные, через турбаслинцев приняли участие в генезисе именьковской культуры, носители которой впоследствии были, скорее всего, ассимилированы булгарами (Сунгатов, 1998, с.110; Казаков, 1996, с.40 и сл.; Древняя история, 2000, с.286). Более того, согласно концепции А.П.Смирнова о сложении культуры волжских булгар, последние «были автохтонами степей Приазовья и входили в число алано-сарматских племен, долгое время по литературной традиции называвшихся скифами» (Смирнов, 1951, с.10; 1951а, с.23).

Данная точка зрения, высказанная основателем советского болгароведения более полувека тому назад, не потеряла своей актуальности и сегодня. Дело в том, что аланы – потомки поздних сармат являются одним из создателей Хазарского каганата, основное население которого составляли тюркоязычные племена, в первую очередь, болгары и хазары. Имеются веские основания считать, что значительная часть аланского населения степей была тюркизирована еще гуннами (Древняя история, 2000, с.284–286). «Во всяком случае, в степях не сохранилось характерных аланских памятников V–VII вв.» (Плетнева, 1967, с.185). Впрочем, катакамбные могилы, являющиеся одним из ярких признаков ираноязычной аланской группы населения, представлены на обширных территориях Юго-Восточной Европы и Средней Азии среди тюркоязычных племен

(Магомедов, 1983, с.89–91; Биджиев, 1987, с.40; Археология СССР, 1992, с.86). Титулатура аланских князей была тюркская (Кузнецов, 1984, с.113; Кубанов, 1987, с.49). На памятниках аланской культуры обнаружены надписи на всевозможных предметах, выполненные на тюркской рунике. По авторитетному мнению С.А.Плетневой, много лет занимавшейся исследованием культуры кочевников средневековья, «официально принятые в Хазарском каганате язык и письменность и у аланов, и у болгар были тюркскими» (Плетнева, 1967, с.185). Материальная культура ранних болгар на Волге находит ближайšie аналогии как раз в так называемом лесостепном «аланском» варианте салтово-маяцкой археологической культуры, представленном прямоугольными в плане каменными и кирпичными крепостями и катакомбными погребениями.

Коль речь зашла о Хазарском каганате, археологическим отражением которого, по сложившемуся в науке мнению, является вышеупомянутая салтово-маяцкая культура, следует упомянуть еще об одном варианте этой культуры – средневожско-болгарском, выделенном в свое время С.А.Плетневой. Представлялось, причем вполне логично, что средневожские болгары, а также их соседи, например, арысу (ары?) и ц-р-мис черемисы?), входили или в состав, или в орбиту влияния Хазарского каганата. Между тем в последние годы появились серьезные возражения против данной концепции. По мнению Г.Е.Афанасьева, «так называемое болгарское население» не было доминирующим в Азовско-Каспийском междуморье и окружающих регионах (Афанасьев, 2001, с.46). «Болгары были основным населением каганата», – утверждала С.А.Плетнева (1967, с.188), Г.Е.Афанасьев же считает, что носителями салтовской культуры были аланы, отождествляемые им буртасами-асаами, находившимися в составе Хазарского каганата (Афанасьев, 1987, с.155 и сл.). Как бы то ни было, анализ письменных источников, осуществленный относительно недавно ныне покойным востоковедом А.П.Новосельцевым, подтверждает тюркоязычность основного населения каганата и достаточно обширные размеры занятой им территории. На этих землях обитали разноэтничные народы, кочевники-скотоводы, земледельцы и ремесленники, среди которых выделялись болгары, аланы и хазары (Новосельцев, 1990).

Волжская Булгария X в. – самая северная мусульманская страна средневекового мира, была тысячами нитей связана с Хазарским каганатом, значительная часть населения которого исповедовала ислам, что хорошо доказано археологически (Кравченко, 2005, с.152–186). Своим рождением Волжская Булгария была связана Хазарией. К сожалению, эти связи (не только этнополитические и торгово-экономические) еще недостаточно изучены историками и археологами. Одной из актуальных задач, стоящих перед болгароведами, мы считаем сопоставительное изучение социально-политической структуры и общественного строя этих двух раннефеодальных государств Восточной Европы. Требуется специального внимания и объяснения зафиксированный источниками факт зависимости болгарского хана от хазарского кагана. Как известно, последний держал у себя в качестве заложника сына «царя сакалибов» и взимал дань. Протекторат хазар над булгарами был непрочным, во многих отношениях номинальным: ханы чеканили свои монеты, поддерживали дипломатические отношения с соседними и дальними странами, взимали пошлину у хазарских купцов и т.д. Насколько соответствует реальности «освобождение» болгар от подобной «зависимости» в результате военного похода князя Святослава на Хазарию?

Переходя к истории ранних болгар на Средней Волге, хочется, в первую очередь, констатировать все возрастающую активность археологов в изучении наиболее дискуссионных проблем, связанных с уточнением времени их появления в регионе Волго-Камья, этнического состава пришедшего населения и своеобразия их материальной культуры. В данном направлении успешно работают казанские (Е.П.Казаков), ульяновские (Ю.А.Семькин), особенно самарские археологи (Г.И.Матвеева, Р.С.Багаутдинов, А.В.Богачев, С.Э.Зубов, Д.А.Стащенко).

Проблема добулгарской тюркизации Среднего Поволжья, существующая в российской историографии по крайней мере с 20-х годов прошлого века, до сих пор не нашла сколько-нибудь удовлетворительного решения ввиду отсутствия достоверных источников (Халиков, 1972, с.100–109). Большинство исследователей процесс тюркизации края начинают с приазовских болгар, проникавших в исконно финно-угорские земли неоднократно волнами на протяжении более двух столетий, начиная с конца VII в.

Первую волну переселений болгар на Среднюю Волгу самарские археологи вполне обоснованно связывают с распадом в 60-х годах VII в. Великой Болгарии Кубрата, занимавшей территории на восточных берегах Черного и Азовского морей, на Таманском полуострове и в Прикубанье. Как известно, подавляющее большинство населения этого государства было кочевым, тем не менее, остатки стойбищ и даже следы оседлых поселений, принадлежавших собственно болгарам, обнаруживаются археологами повсеместно (Плетнева, 1997, с.37).

В последние десятилетия на территории Самарского и Ульяновского Поволжья были открыты и изучены курганные и грунтовые могильники новинковского типа, оставленные болгарами-переселенцами в конце VII – первой половине VIII в. К настоящему времени выявлено более 30 памятников новинковского типа. Среди них наибольшую известность получили Новинковские I–II, Бруснянские I–IV, Шелехметские I–II, Уреньский II могильники (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998).

Судя по археологическим материалам, можно говорить о двух основных группах пришлого населения, оставившего два разнородных типа могильников: 1) курганы с каменной наброской (в виде сплошного щита-панциря на всей поверхности насыпи, в виде каменной оградки вокруг погребений и т.д.). 2) земляные насыпи с ровиками, имеющими, как правило, подквадратную или прямоугольную в плане форму. Могильные ямы подпрямоугольной или вытянуто-овальной в плане формы с ориентировкой преимущественно по линии запад – восток с сезонными отклонениями, имеют отвесные стенки и ровное дно, иногда с подбоями и ступеньками. В погребальном обряде присутствуют следы культа огня (угли), культа коня (погребения с конем или со шкурой коня), элементы ритуала обезвреживания покойника (преднамеренная разрушенность костяков).

Появление группы курганов с ровиками указывает, по мнению исследователей, на южные истоки культуры ранних болгар Среднего Поволжья, покинувших под ударами хазар, после распада державы Кубрата, свое прежнее местожительство. В погребениях в массовом порядке встречаются вещи (кувшины салтовского типа, амфоры, горшки; украшения, предметы вооружения и конского снаряжения), связанные своим происхождением с районами Подонья, Причерноморья и Северного Кавказа, где проживали тюркоязычные кочевники, в том числе болгары, хазары и аланы (Зубов, 2006, с.11–13). Часть исследователей склонна относить курганы с ровиками хазарам (Афанасьев, 2001, с.53). Не следует ли искать истоки этого обычая сооружения курганов у поздних сармат, на что недавно обратила внимание археологов В.Е.Флерова (2001, с.80).

Население, оставившее погребения под курганами с каменной наброской, пришло на Волгу с территории Сибири и Алтая. Обряд захоронения со шкурой коня был широко распространен среди тюркоязычного населения указанных регионов (Трифонов, 1973). По мнению исследователей новинковских памятников, «алтайские тюрки, а точнее их потомки, попали в лесостепь Среднего Поволжья уже с сильно трансформированной культурой в результате связей и смешений с другими тюркоязычными группами, участвовавшими в завоеваниях Первого Тюркского каганата» (Зубов, 2006, с.15).

Чрезвычайно интересен вывод антрополога Н.М.Рудь, сделанный ею по результатам исследований черепов из Новинковского II могильника. Она считает, что «население, оставившее этот могильник, по комплексу краниологических и одонтологических признаков входило в круг распространения болгарских кочевых племен Поволжья и Подонья, было смешанным по своему антропологическому составу» (Рудь, 1987, с.141).

Несмотря на все это, пока не все исследователи считают «новинковцев» болгарами, но никто не сомневается в их принадлежности к тюркскому (тюркоязычному) населению. Дальнейшее изучение данной проблемы с привлечением более широкого круга материалов остается одной из актуальных задач, стоящих перед археологами-булгароведами.

Еще одна проблема из области археологии ранних булгар связана с последней (четвертой по счету) волной переселений их на Среднюю Волгу. До недавнего времени это переселение единодушно относилось исследователями к концу IX – началу X в. Причиной миграции болгар считалось мощное наступление на Хазарский каганат пришедших с востока кочевников, прежде всего, печенегов. По этому поводу С.А.Плетнева писала: «Большинство неукрепленных степных поселений и даже некоторые города погибли... Снова поднялось и большими группами стало отходить из степей Донского бассейна заселявшие их население в начале X в. Шли уже по проторенным дорогам: на Дунай, в лесостепи, в лесные славянские земли (в верховья Дона) и в Волго-Камье. Все это подтверждается, прежде всего, археологически. В Подунавье появились новые болгарские поселения, относящиеся к X в. и аналогичные донским и крымским того же времени... Наконец, в сложившемся к этому времени государстве болгар на Волге также, по данным археологов, хорошо прослеживается болгарская волна эмиграции X в. Таким образом, эта была четвертая и последняя волна болгарских и родственных им этносов на территории Восточной Европы» (Плетнева, 1997, с.48–49). Именно с этими новыми переселенцами-болгарами связывали археологи появление первых постоянных поселений, в том числе и городов, в Волжской Булгарии.

В последние годы в высшей степени интересные, но столь же спорные соображения о процессах седентаризации булгар, времени возникновения у них постоянных поселений высказывал Е.П.Казаков. Многолетние работы Е.П.Казакова по изучению раннебулгарских могильников

(Большетарханского, Танкеевского, Тетюшского) и поселений (Измерского, Семеновского селищ) привели его к убеждению, по нашему мнению, не совсем верному, о преимущественно кочевом характере болгарского этнополитического объединения вплоть до последней трети X в. Он внес существенные коррективы в традиционную периодизацию истории Волжской Булгарии, расширив хронологические рамки раннебулгарского периода почти до конца I тыс. н.э. (Казаков, 1982, с.36; 2000, с.153). В болгароведении считается общепринятой точка зрения, согласно которой раннебулгарское время характеризуется как догосударственный, преимущественно кочевнический и языческий период в истории волжских болгар. По Е.П.Казакову же получается, что до последней четверти X столетия государства у болгар не было, они вели чисто кочевой образ жизни и продолжали поклоняться своим языческим богам. Конечно, он знает письменные источники, рассказывающие о болгарских ханах, официальном принятии ислама в 922 г., попытках строительства укрепленных городов при Ибн Фадлане, но признает, причем голословно, эти источники более поздними по своему происхождению и недоказанными их сведений археологическими материалами.

В концепции Е.П.Казакова, как уже сказано, значительное место уделяется проблемам, связанным с определением времени возникновения первых постоянных поселений болгар и сложения домонгольской общеполитической культуры. Свою точку зрения, поддерживаемую в настоящее время и рядом других исследователей (П.Н.Старостин, К.А.Руденко), он изложил в следующих словах: «В настоящее время выявлено, что ранние слои большинства поселений, в том числе и столичных центров, относятся к 60-м годам X в., когда из Приазовья, из гибнущей под ударами печенегов и Святослава Хазарии в Среднее Поволжье переселяются мусульманизированные группы – потомки «черных болгар» Батбая, которые принесли элементы культуры, неизвестные у волжских болгар, но с IX в. характерные для развитых районов салтово-маяцкой культуры: постантичную круговую посуду, развитое ремесло, земледельческие орудия (прогрессивные формы серпов, кос, лемехов, резаков) и т.д. С этого времени все, даже сельские некрополи, становятся мусульманскими, а культура страны приобретает те черты, которые существуют здесь весь домонгольский период» (Казаков, 1999, с.98). К сожалению, ни в одной из своих работ он не проводил сопоставительного изучения основных категорий материальной культуры домонгольских болгар и их предков в лице «черных болгар» Батбая. А это очень важно, ибо без этого все утверждения ученого остаются на уровне рабочей гипотезы.

Булгары до их переселения на Среднюю Волгу жили в восточноевропейских степях. Они пришли сюда с востока в составе гуннских орд и активно начали фигурировать в политических событиях с V столетия. Если верить словам сирийского автора Захария Ритора, у них были даже свои города (Пигулевская, 1941, с.165). Известны места сезонных кочевий и постоянных поселений болгар Кубрата (VII в.), большая часть которых позднее оказалась в составе Хазарского каганата. По утверждению С.А.Плетневой, сами хазары оставались традиционно кочевниками до самой гибели государства, но другие этнические группы, в том числе и болгары, были полуоседлыми и оседлыми. У них были города и крепости, занимались они различными видами ремесла, торговлей, земледелием. Как подчеркивает С.А.Плетнева, «общая оседлость населения каганата и в основном земледельческий характер его экономики» являются уже доказанными (Плетнева, 2000, с.207). Опыт государственности, оседлой жизни, земледельческие навыки, приобретенные в Хазарском каганате, болгары принесли и на свою новую родину, климатические и природно-географические условия которой отнюдь не благоприятствовали круглогодичному кочеванию.

Важно подчеркнуть, что, по данным арабского географа начала X в. Ибн Русте, большая часть болгар исповедовала ислам до официального его принятия, а в их селениях были мечети с начальными религиозными школами при них (Хвольсон, 1869, с.22–23). Мусульман-баранджар, у которых имелись мечети еще до приезда Багдадского посольства, видел Ибн Фадлан в 922 г. (Ковалевский, 1956, с.138). Несмотря на отсутствие в источниках первой четверти X в. прямых указаний на наличие у болгар городов, трудно представить, что в них речь идет о мусульманско-кочевниках, не имеющих оседлых поселений. Невероятно также, что кочевники могли оставить такой огромный некрополь, как Танкеевский, содержащий, по предварительным оценкам, более 5 тысяч могил, почти четверть которых уже изучена археологами. В его округе проживало, несомненно, большое количество оседлого населения, ибо формирование любого могильника «требует долговременного и постоянного (не наездами) проживания на одном месте нескольких поколений достаточно многочисленной общины» (Флеров, Флерова, 2005, с.199).

Хрестоматийными стали слова Ибн Русте: «Булгары – народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб» (Хвольсон, 1869, с.23). Эти слова подтвердил позже и Ибн Фадлан (Ковалевский, с.136). В Лаврентьевской летописи под 1024 г. говорится, что во время голода в Суздальской земле русские отправились по Волге к болгарам «и привезоша жито и тако ожиша»

(ПСРЛ, 1962, I, с.147). Вряд ли болгары, едва освоив земледельческую отрасль хозяйства в конце X в., если принять точку зрения Е.П.Казакова, начали бы так скоро вывозить хлеб за пределы страны. Для этого необходимо, чтобы у населения были длительные и достаточно устойчивые традиции земледелия. А они, безусловно, были и развивались еще с гуннских времен.

В работах археологов Т.А.Хлебниковой, П.Н.Старостина, Г.И.Матвеевой, Ю.А.Семькина, Д.А.Стащенко приведены убедительные материалы из раскопанных ими раннебулгарских поселений, маркирующих начало процесса седентаризации населения хазарского времени. На некоторых из них найдены монеты 894/895, 898/899, 902–908 гг. (более подробно см.: Хузин, 2001, с.61 и сл.; 2006).

Классическими памятниками, время возникновения которых, на мой взгляд, не подлежит никакому сомнению, являются Болгарское, Суварское и Билярское городища. Домонгольские слои каждого из них содержат почти идентичный, хронологически не отличимый друг от друга материал. Булгар и Сувар упоминаются в письменных источниках первой половины X в., начиная с 920-х годов. Первые монеты из этих городов относятся тоже к этому времени (самые ранние чеканились в 902–908 гг.).

Все же следует признать, что проблемы седентаризации ранних булгар и происхождения постоянных поселений, в первую очередь, городов изучены еще недостаточно и потому должны стать темой специальных исследований на основе новых археологических материалов.

«Городская» тематика традиционно занимает ведущее положение в болгарской археологии, начиная еще со времен С.М.Шпилеского (1877). В нашей статье, опубликованной в 1993 г., были подведены итоги и определены дальнейшие направления в изучении домонгольского булгарского города (Хузин, 1993, с.5–32). За прошедшие десять с лишним лет увидел свет ряд новых работ по данной проблематике (Хузин, 1995; Археологическое изучение, 1999; Белорыбкин, 2001; Нигаматов, 2005), в том числе обобщающее исследование автора этих строк (Хузин, 2001). Большой научный резонанс получили исследования на территории Казанского кремля, где был выявлен домонгольский слой в культурных напластованиях, убедительно датированный рубежом X–XI – первой половиной XIII в. (Хузин, Ситдииков, 2005, с.39–67). К сожалению, многие проблемы в истории булгарского города остаются не решенными в силу того, что с начала 1990-х годов археологические раскопки их, в том числе таких опорных памятников, как Биляр, Сувар, Джукетау, практически прекратились, а на Болгарском городище ведутся недостаточно активно из-за сокращения или полного прекращения бюджетного финансирования. К примеру, если на Билярском городище – домонгольской столице Булгарии в 1970-х – первой половине 1980-х годов ежегодно археологически вскрывалась площадь около 1000 кв. м, то в 2005–2006 гг. мы едва успели завершить раскоп на площади 80 кв. м. В то же время с удовлетворением хочу отметить масштабные раскопки наших коллег по исследованию булгарских городищ в Самарской (Муромский городок), Пензенской (Золотаревское городище, на базе которого в сентябре 2006 г. был открыт музей-заповедник) и Пермской (Рождественское и Кыласово городища) областях.

Следующая группа вопросов, связанных с городской проблематикой, относится к определению времени возникновения булгаро-татарских городов, продолжающих свое существование по сей день. Как известно, большинство таких городов (Лаеш, Сембер-Ульяновск, Сарытау-Саратов, Астрахань и др.) в официальной историографии считается возникшим на основе русских крепостей, заложенных во времена Ивана Грозного после покорения им регионов Среднего и Нижнего Поволжья. Между тем к настоящему времени накоплено значительное количество письменных источников и археологических данных, не согласующихся с данным утверждением (Хузин, 2006а, с.7–10). Вопрос может быть решен путем проведения в исторической части перечисленных городов широких археологических раскопок с учетом опыта, накопленного в период работы на территории древней Казани. Так, например, был установлен возраст города Алабуги, основанной не позднее начала XI в. булгарами (Нигаматов, 2005, с.20–35).

В последние годы вновь повысился интерес ученых к проблемам взаимоотношений булгар со своими соседями. Здесь следует отметить интересные монографии К.А.Руденко (2001), Л.Д.Макарова (2001) Г.Н.Белорыбкина (2003) и сборник статей «Аскизские древности в средневековой истории Евразии» (2000), посвященные выявлению древнехакасских и древнерусских связей Волжской Булгарии. Перечисленные работы, в которых много фактов и свежих идей, несомненно, заслуживают высокой оценки. Но вызывает недоумение попытка их авторов объявлять даже широко распространенные по всей Восточной Европе «интернациональные» вещи типа железных пряжек, накладок, кресал, цилиндрических замков и ключей к ним, наконечников стрел самых простых конструкций «аскизскими» или «древнерусскими» по происхождению, отказываясь от их болгарской атрибуции. А что болгары тогда производили сами, кроме красноглиняной гончарной керамики?

По утверждению К.А.Руденко, так называемые скано-зерновые украшения, серебряные блюда из Прикамья и Зауралья, атрибутированные предшествующими исследователями (М.В.Талицкий, А.П.Смирнов, Э.А.Савельева, Н.В.Федорова, Б.И.Маршак) как болгарские, также изготавливались за пределами Волжской Булгарии местным населением на основе финно-угорской традиции (Руденко, 2006, с.105). Вряд ли так. Здесь, мне кажется, следует учитывать два момента: во-первых, по мнению специалистов, даже некоторые категории собственно финских украшений, в частности, коньковые подвески, изготавливались в производственных центрах Волжской Булгарии по прикамским образцам на продажу местным финнам (Голубева, 1979, с.44); во-вторых, в указанных регионах, в первую очередь, в Пермском Приуралье, еще с VIII в. испытывавшем сильное влияние хазарской (салтово-маяцкой) культуры, жили болгары, обладавшие, в отличие от местного населения, всеми тонкостями высокоразвитого ювелирного дела.

В числе приоритетных задач в данной области болгароведения я назвал бы также необходимость изучения этнополитических и культурных контактов между Волжской Булгарией и Дунайской Болгарией, которые совершенно непропорционально остаются пока за пределами внимания археологов Татарстана. В Болгарии эта проблема довольно успешно изучается археологами (Рашев, 2001; 2004), историками (Владимиров, 2005), эпиграфистами (Добрев, Добрева, 2001). Там же под редакцией проф. Г.Бакалова издан свод письменных источников, в который включено большое количество документов по истории Волжской Булгарии (Подбрани, 2004, с.366–384). В нашей же историографии по данной проблеме имеется, если не ошибаюсь, единственная статья А.Х.Халикова, увидевшая свет в 1972 г. на татарском языке (Халиков, 1972).

Комплекс проблем, который также хотелось бы здесь затронуть, связан с Золотой Ордой, изучение которой не только не поощрялось, а иногда прямо запрещалось в недавнем прошлом. Не иначе как «паразитарным государством» называли наши учебники, да и деятели официальной науки государство Улус Джучи. Поистине революционный переворот совершили в наших представлениях об этом средневековом государстве работы возглавляемой Г.А.Федоровым-Давыдовым Поволжской археологической экспедиции, раскопавшей ряд ключевых памятников золотоордынского времени в Нижнем Поволжье (Федоров-Давыдов, 1994). В сложении объективных представлений об истории Джучиева Улуса сыграли труды М.А.Усманова (1979), А.Г.Мухамадиева (1983), В.Л.Егорова (1985) и др., вышедшие еще в советское время. Заговорили о золотоордынской цивилизации, характеризующейся поразительно высоким уровнем развития градостроительства, архитектуры и городского хозяйства, ремесла и международной торговли с непривычно низкими таможенными пошлинами, упорядоченной системой административно-государственного устройства и делопроизводства, религиозной терпимостью к представителям всех конфессий, высокими достижениями в области науки и культуры, особенно в поэзии (Кульпин, 1998, с.29–86).

В последние годы появились монографии Г.А.Федорова-Давыдова (2003) и А.З.Сингатуллиной (2003) о денежном деле Золотой Орды, Л.Ф.Недашковского (2002) об археологии Укека и его округа, А.А.Арслановой (2002) о персидских источниках монгольского периода по истории народов Поволжья, работы некоторых других авторов, а также сборник материалов Международного научного семинара «Источниковедение истории Улуса Джучи» (2002), в которых предложены новые направления будущих исследований и совершенно новое осмысление многих аспектов этой традиционной, во многом фальсифицированной в советской историографии темы. Стала до конца очевидной узость, ограниченность болгарской концепции этногенеза татар, в которой золотоордынский этап их истории практически игнорировался или же не придавалось ему особого значения.

В то же время нет никаких оснований принижать или даже отрицать роль предшествующего болгарского этапа в истории нашего народа, что наблюдается иногда в некоторых работах последних лет, в которых довольно заметны элементы идеализации Золотой Орды (см., например, работы М.И.Ахметзянова).

Учитывая важность дальнейшего изучения золотоордынской археологии, источниковедческая ценность которой не исчерпана, а только возрастает, Институт истории АН РТ включился в последние годы в раскопки нижневолжских городов, в частности, Сарая Бату в Астраханской области и других памятников в его округе. Одной из задач первостепенной важности, на мой взгляд, должно стать исследование истоков, особенно местных корней золотоордынской цивилизации, на что до сих пор не уделялось должного внимания. «Наша отрицательная оценка Золотой Орды как паразитического государства», существовавшего «на материальных и людских ресурсах, награбленных у подчиненных народов», писал Г.А.Федоров-Давыдов (1991, с.80–81), не снимает необходимости изучать блестящую синкретическую культуру империи джучидов и составляющие ее компоненты. Выделялись в данной культуре среднеазиатский, иранский, китайский, закавказский, собственно монгольский и, в меньшей степени, кыпчакский компоненты.

Булгарский компонент в общезолотоордынской культуре не искали, в лучшем случае ограничивались упоминанием его при характеристике Булгарского улуса на Волге. Широко распространился взгляд на золотоордынские города как на «пустоцветы», не имевших прочных корней в нижневолжских степях, где не было длительных традиций оседлости.

В 1990-е годы московские и астраханские археологи под руководством Э.Д.Зиливинской начали раскопки на городище Самосделка южнее Астрахани, известном еще с XIX в. как остатки золотоордынского города. Общая площадь основной части городища составляет около 2 кв. км. В процессе раскопок выяснилось, что нижний слой памятника мощностью около 1,5–2 м, насыщенной различными объектами жилого и хозяйственного назначения, керамикой и другими находками, относится к хазарскому и домонгольскому времени (X – начало XIII в.). По мнению исследователей, красноглиняная гончарная посуда с лощением, а также некоторые типы жилищ «имеют почти полные аналогии» в материалах хазарского Саркела, Биляра и других булгарских памятников (Зиливинская, 2004, с.75–77; Зиливинская и др., 2005, с.291–292). Между домонгольским и золотоордынским слоями памятника стерильных прослоек не обнаружено, т.е. никакого перерыва в развитии города от домонгольского к золотоордынскому времени не наблюдается. Такие памятники в Нижнем Поволжье, не единичны, но они пока плохо обследованы. Сама Астрахань, по некоторым сведениям, могла быть основана еще до монгольских завоеваний, во всяком случае, в XIII в. город уже существовал (Егоров, 1985, с.119). Самая ранняя известная нам монета из окрестностей города относится к чекану сельджукидов 1219–1236 гг. (Лебедев, Клоков, 2002, с.268).

В свете вышесказанного я весьма благосклонно отношусь к попытке пензенского археолога Г.Н.Белорыбкина выделить домонгольские (булгаро-буртасские) следы в нижних напластованиях золотоордынского города Мохши (Наровчатское городище), пока критически воспринятой его коллегами (Белорыбкин, 1995, с.54).

Основное население степей, входившее во владения джучидских ханов и сыгравшее не последнюю роль в формировании высокоразвитой культуры Золотой Орды, как известно, составляли кыпчаки, весьма близкие по языку булгарам. По мнению специалистов, «первым компонентом, безусловно влившимся в половецкую этническую область и в какой-то степени повлиявшим на изменение физического облика кыпчаков, было незначительное численно, но устойчивое культурно население, входившее ранее в Хазарский каганат», т.е. болгары и аланы, что доказывается, в частности, присущими этим народам элементами погребального обряда у кыпчаков (Плетнева, 1990, с.38).

Приведенные материалы, правда, пока немногочисленные, указывают на роль местного населения, в данном случае булгар, в генезисе золотоордынской культуры, причем не только лесостепной (средневолжской), что понятно а priori, но и степной, центральной части империи. Как видим, проблема только поставлена, мне кажется, необходимы теперь специальные исследования в этом направлении. Кроме того, необходимо исследовать на конкретных материалах и генезис государственных институтов, административной системы Золотой Орды, соотношение их с предшествующими системами кочевых государств тюркоязычных народов.

Научное изучение постзолотоордынских государств только начинается. С новых методологических позиций и учетом современных достижений исторической науки написаны труды В.В.Трепавлова о Ногайской Орде (2001), И.В.Зайцева об Астраханском (2004), Д.М.Исхакова о Сибирском (2006), его же с И.Л.Измайловым о Казанском ханствах (2005), посвященные в основном этнополитическим и социально-экономическим проблемам. Частично затрагиваются в них некоторые аспекты истории культуры и религии. История Казанского ханства заинтересовала также нашего болгарского коллегу Г.Владимира, хорошо знающего источники и современную литературу по данной теме. В его книге довольно подробное освещение нашли вопросы экономики и культуры болгаро-татарского населения Среднего Поволжья (Г.Владимир, 2005).

Кроме того, вышли сборники статей, где помещены и материалы по интересующему нас периоду (Казанское ханство, 2002; Проблемы истории, 2004). О довольно высоком уровне развития духовной культуры, науки и искусства в Казанском ханстве дают представление работы Ш.Ш.Абилова, Р.М.Амирханова, Г.Ф.Валеевой-Сулеймановой, Г.М.Давлетшина, М.Г.Крамаровского, Х.Ю.Миннегулова, М.А.Усманова, В.Х.Хакова, С.М.Червонной, А.М.Шарипова и др. (библиографию см.: Хузин, Ситдииков, 2002, с.111–117).

По истории Казани ханского времени в последние десять лет накоплен большой археологический материал, к сожалению, опубликованный пока лишь частично (Мавзолеи, 1997; Хузин, Ситдииков, 2005; Ситдииков, 2006 и др.). Из них наибольший интерес представляют руины архитектурных сооружений: белокаменного здания комплекса ханского двора перед резиденцией Президента РТ; еще одного здания культового характера (предполагаемые остатки мечети Кул Шарифа) в сквере перед Благовещенским собором; ханских мавзолеев, каменных стен, окружавших хан-

ский двор; а также плохо сохранившиеся следы ханской мечети, на фундаменте которой была поставлена позднее, уже в русское время, башня Сююмбике, и некоторые другие, в том числе деревянные дома горожан, хозяйственные и производственные сооружения. Скорейшая публикация их в научных журналах, в том числе и центральных, а также в других изданиях остается насущной задачей казанских археологов.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные, включая письменные источники, археологические и нумизматические материалы, свидетельствуют о заметном упадке тюрко-татарской цивилизации периода постзолотоордынских государств. Тем не менее, это один из интереснейших, но очень мало изученных, я сказал бы даже, загадочных периодов в истории тюрко-татарской цивилизации. Более 30 лет тому назад Р.Г. Фахрутдинов определял задачи археологического изучения Казанского ханства (Фахрутдинов, 1973, с.113–122). Они остались практически нереализованными. В Институте истории АН РТ давно уже пора иметь своего специалиста по истории и археологии татар XV–XVI вв.

После завоевания Поволжья и Сибири Россией тюрко-татарская цивилизация вошла в полосу глубокого и затяжного кризиса, потеряв одну из главнейших ее составляющих – государственность. Городская культура также оказалась на грани исчезновения.

Литература

- Алексеев В.П.* Антропология азиатской части СССР. М., 1984.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.
- Арсланова А.А.* Остались книги от времен былых... Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. Казань, 2002.
- Археологическое изучение болгарских городов.* Казань, 1999.
- Археология СССР.* Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Аскизские древности* в средневековой истории Евразии. Казань, 2000.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). В: Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2.
- Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге: У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.
- Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб., 2001.
- Белорыбкин Г.Н.* Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003.
- Белорыбкин Г.Н.* Городища X–XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья. Пенза, 1995.
- Биджиев Х.Х.* Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкессии и сопредельных территорий (к истории проблемы) // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1987.
- Българската цивилизация.* The Bulgarian civilisation. София, 2005.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху Средневековья. Вып. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003.
- Владимиров Г.* Дунавска България и Волжка България през VII–XI в. София, 2005.
- Владимиров Г.* Казанското ханство: История, икономика, култура. София, 2005.
- Генинг В.Ф.* Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
- Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров. САИ. Вып. Е 1–59. М., 1979.
- Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- Добрев П., Добрева М.* Древнобългарска епиграфика. София, 2001.
- Древняя история Южного Зауралья.* Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 2000.
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004.

- Закиев М.З.* Происхождение тюрков и татар. М.: Инсан, 2003.
- Зиливинская Э.Д.* Исследования слоев домонгольского времени на городище Самосделка в Нижнем Поволжье // Древность и средневековье Волго-Камья. (Материалы Третьих Халиковских чтений). Казань–Болгары, 2004.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Рудаков В.Г.* Раскопки на средневековых городищах в Астраханской области // АО – 2004. М., 2005.
- Зубов С.Э.* Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв. (к вопросу об этнокультурной компоненте). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): От Калки до Астрахани. 1223–1556.* Казань, 2002.
- Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Казань, 2006.
- Исхаков Д.М.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств) // Панорама-Форум 1, 1995.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV вв. Казань, 2000.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства. Казань, 2005.
- Казаков Е.П.* Об археологическом изучении раннеболгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982.
- Казаков Е.П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
- Казаков Е.П.* Некоторые итоги и задачи изучения древностей Волжской Болгарии // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф. М., 1999.
- Казаков Е.П.* Итоги, проблемы и перспективы изучения древностей волжских болгар на рубеже XX–XXI вв. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000.
- Казанское ханство.* Актуальные проблемы исследования. Казань, 2002.
- Каримуллин А.Г.* Татары: этнос и этноним. Казань, 1988.
- Кляшторный С.Г.* Гуннская держава на Востоке (III до н.э. – IV в. н.э.) // История древнего мира. Т. III. Упадок древних обществ. М., 1983.
- Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.
- Котов В.Г.* Проблемы этнокультурной преемственности населения Южного Урала от верхнего палеолита до современности // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III (с международным участием) науч.-практич. конф. Челябинск, 2006.
- Кравченко Э.Е.* Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, 2005.
- Кубанов А.Х.* К вопросу об этническом составе населения Западной Алании // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1987.
- Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Кульпин Э.С.* Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М., 1998.
- Кызласов Л.Р.* Города гуннов // ТА. 1997. № 2 (3).
- Лебедев В.П., Клоков В.Б.* Иноземные монеты XII–XV вв. на золотоордынских городищах Поволжья. В: Великий Волжский путь. Часть II. История формирования и развития. Казань, 2002.
- Мавзолеи Казанского кремля.* Казань, 1997.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983.
- Макаров Л.Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.
- Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
- Нигамаев А.З.* Болгарские города Предкамья: Своеобразие материальной культуры населения. Казань, 2005.
- Николаев В.В.* Иллюстрированная история чувашей. Кн. II. Античность. Чебоксары, 2006.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л., 1941.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М., 1967.

- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим, 2000.
- Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях // ТА, 1997. № 1.
- Подбрани извори* за Българската история. Т. 2. Българские държави и българите през средновековието. София, 2004.
- Проблемы истории Казани: современный взгляд.* Казань, 2004.
- Рашиев Р.* Прабългарите и Българското ханство на Дунав. София, 2001.
- Рашиев Р.* Прабългарите през V–VII век. София, 2004.
- Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань, 2001.
- Руденко К.А.* К вопросу о болгарском серебре Закамья и Зауралья // Finno-Ugrica. 2006. № 9.
- Рудь Н.М.* Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.
- Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань, 2003.
- Ситдииков А.Г.* Казанский кремль. Историко-археологическое исследование. Казань, 2006.
- Смагулов Е., Павленко Ю.В.* Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. Алматы – М., 1998. Вып. 2.
- Смирнов А.П.* Волжские болгары. М., 1951.
- Смирнов А.П.* Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар // КСИИМК. 1951. Вып. XL.
- Смирнов А.П.* Гуннский элемент в культуре волжских болгар // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
- Смирнов А.П.* К вопросу о гуннских племенах на Средней Волге и Прикаспии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
- Татары.* М., 2001.
- Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
- Трифонов Ю.И.* Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
- Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
- Фахрутдинов Р.Г.* Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. 1973. № 4.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Некоторые проблемы археологии Поволжья железного века // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. 2.
- Флеров В.С., Флерова В.Е.* Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары. Иерусалим; М., 2005.
- Флерова В.Е.* Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // РА. 2001. № 2.
- Халиков А.Х.* К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья // СЭ. 1972. № 1.
- Халиков А.* Дунай Болгарстаны – кардэшлэребез иле // Казан утлары. 1972. № 8.
- Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., 1869.
- Хузин Ф.Ш.* Великий город на Черемшане. Казань, 1995.
- Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань, 2001.
- Хузин Ф.Ш.* Ранние болгары и Волжская Булгария. (VIII – начало XIII в.). Казань, 2006.
- Хузин Ф.Ш.* Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.
- Хузин Ф.Ш.* О некоторых проблемах определения времени возникновения болгаро-татарских городов // Казань в средние века и раннее новое время. Казань, 2006.
- Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* Средневековая Казань. Краткий библиографический указатель. Казань, 2002.
- Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* Древняя Казань. Казань, 2005.
- Штилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Леонид Яблонский

Институт археологии РАН, г. Москва

ОСТОРОЖНО: ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Не навреди!
(Гиппократ)

По словам В.П. Алексеева, «под этногенезом понимается вся та *совокупность исторических явлений и процессов* (курсив мой. – Л.Я.), которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к окончательному сложению его этнического лица» (Алексеев, 1986, с.3). Из этого определения становится понятным, что изучение этногенеза должно непременно проводиться на междисциплинарном уровне. Традиция этногенетических исследований в России восходит к знаменитой «анучинской триаде» – триединству гуманитарных наук в составе антропологии, этнографии и археологии.

Сегодня, однако, мы становимся свидетелями масштабных этногенетических построений, основанных на использовании только археологических данных, да к тому же еще недостаточно выверенных (критику см.: Шнирельман, 2004).

Но и в случае действительно междисциплинарных реконструкций весомость и объективность выводов, сделанных в этногенетическом исследовании, не всегда остаются достаточно надежными с силу природы источника и недостаточной подчас разработанности методологической и методической базы его изучения даже группами профессионалов.

Что уж говорить говорить об околонуточных («паранаучных») изысканиях всякого рода любителей реконструкций древности того или иного народа на данной территории чуть ли не от эпохи каменного века¹.

Вольная трактовка достаточно схематичных изображений, еще более вольное априорное сопоставление этих изображений с отдельными эпизодами из слабо документированных эпических сюжетов; нагромождение названий разновременных археологических культур (сиречь инструментов исследования в археологии (?): см. об этом ниже) без их строгой вещеведческой разработки и научной оценки реальной культурно-генетической связи, перемешанные со ссылками на отрывочные (вне общего контекста) сведения из плохо понятых автором и, как правило, недостаточно репрезентативных палеоантропологических источников².

И готово: проследжен этногенез башкир в Приуралье «от верхнего палеолита до этнографической современности»! (Котов, 2006). Как нынче говорят: «Легко!».

Посмотрим, как же на самом деле обстоят дела с теоретической базой этногенетического исследования.

Антропологический аспект этногенетического исследования

Любые палеоантропологические реконструкции, лежащие в основе этногенетического исследования, основаны на признании аксиомы о существовании более или менее выраженных межрасовых различий, фиксируемых на данной территории с глубокой древности. Однако профессионалам-антропологам известно, что сам факт существования человеческих рас подвергается сомнению, особенно в последнее время и не только в зарубежной науке (подробнее см. об этом: Тишков, 2003, с.66–68).

Представители российской школы физической антропологии в большинстве своем полагают, что реальность существования рас у человека подтверждается генетически дискретными характеристиками организма человека, которые объективно фиксируются на различных уровнях исследования – от молекулярного до соматологического.

В работах российских антропологов четко сформулированы отличия рас от подвидов животных. И главное состоит в том, что расы есть результат дифференцированного *социально-исторического развития* групп популяций внутри вида *Homo sapiens*, многогранно отраженный в их физических характеристиках. Отсюда следует, что расы человека, являющиеся по сути своей биологическими

¹ Преимущественное право на данную территорию при этом подразумевается или «реконструкция» используется в дальнейшем для доказательств такого права уже другими «авторами».

² Не будучи, естественно, специалистом в области антропологии, автор реконструкции не способен оценить степень достоверности вывода антрополога и «выдергивает» из общего контекста антропологического исследования угодные ему, но не всегда достаточно весомые соображения.

категориями, не могут быть познаны в динамике их генезиса и развития без привлечения данных исторических наук. С другой стороны, материалы антропологических исследований являются для исторических наук независимым и ценным источником информации (Алексеева и др., 2003).

Однако блестяще сформулированный в нашей науке принцип историзма расы (Бунак, 1938) вовсе не исключает, а, скорее, подчеркивает вероятность *морфологического несовпадения древних и современных расовых общностей*, что необходимо учитывать при построении любых расогенетических (и этногенетических) схем.

Далее надо констатировать, что отрицание принципиальной возможности или даже запрет на проведение расоведческих исследований (составляющей любого исследования этногенетического) – это во многом, реакция на попытки неоправданно вольного установления *причинных* взаимосвязей между биологической популяцией и этносом, ничем неоправданного подчеркивания биологичной природы этноса (см., например: Гумилев, 1989, Бородай, 1981) что действительно может быть использовано всякого рода расистами. Само понятие «этническая антропология» (в прямом переводе его на английский язык «ethnic physical anthropology») несет в себе опасную, с точки зрения ряда западноевропейских и американских ученых, аберрацию, поскольку содержит в себе элемент зависимости, которая без специальных и прозрачных объяснений вполне может быть истолкована как *причинная*. Поэтому в этногенетическом исследовании следует всячески избегать пассажей, в контексте которых содержится даже намек на прямые (а не опосредованные географической территорией) взаимосвязи между такими явлениями, как этнос и популяция, этнос и раса, раса, язык и культура (Яблонский, 2001).

Этносы – историческая реалья или искусственная конструкция советского академика?

Практика исследований показывает: чем меньше археолог ориентируется в теории современной этнологии, тем чаще и увереннее он использует в своих реконструкциях всякого рода этническую номенклатуру, пусть и почерпнутую из древних письменных источников. Для этого исследователя понятия «историческая общность» и «культурно-историческая область» синонимичны, хотя на самом деле они отражают явления, которые лежат в совсем разных плоскостях исторического процесса (Яблонский, 2003).

Между тем, само существование этносов как исторической реальности теперь подвергается сомнению именно профессионалами-этнологами (см., например, Тишков, 2003). По словам В.А. Тишкова (2003, с.99) «в зарубежной литературе понятие *этнос* фактически отсутствует».

Вместо привычной и, как казалось, хорошо обоснованной концепции *этноса* академика Ю.В. Бромлея и его соратников (Пименов, 2003) нынешними теоретиками этнологии выдвигается концепция *этничности*, которая «подвергает сомнению... взгляд на культурную отличительность и обращает внимание, прежде всего, на многокультурный характер большинства современных обществ и на практическое отсутствие гомогенных групп...» (Тишков, 2003, с.60).

Концепция этничности распространяется, конечно же, и на древние общества. Хотя стоит, по-видимому, признать, что среди древних сообществ закономерно чаще, чем в современных, можно встретить культурные изоляты и, следовательно, культурную специфичность. Но и древние сообщества в этом отношении не одинаковы, и их культурные проявления надо изучать внимательно и скрупулезно во всем их многообразии. Так, модели культурообразования, применимые к древним высокогорным или лесным сообществам, вовсе неприменимы к степным, часто кочевым группам с их исключительной мобильностью и повышенной способностью к разного рода миграциями и культурно-генетическим диффузиям.

Таким образом, традиционная дискуссия о соотношении таких понятий, как «этнос» и «археологическая культура» (Арутюнов, Хазанов, 1979а, 1979б; Клейн, 1991, с.186–189) сегодня переносится в плоскость проблемы существования этноса как некой исторической реальности современности и древности вообще.

Культура этноса, этническая культура и археологическая культура

Этнологические новации, которые вводит или пытается ввести в науку В.А. Тишков, признаются далеко не всеми российскими учеными, в том числе и профессионалами-этнографами, сотрудниками возглавляемого им Института этнологии и антропологии РАН, в чем и он сам признается (Тишков, 2003, с.10). Не дело классических историков, археологов или антропологов вмешиваться в дискуссию о фундаментальных проблемах теории этнологии.

Но посмотрим, как обстоит дело с этническими реконструкциями в самой археологии, если даже вернуться на позиции теории этноса Ю.В. Бромлея (см., например, Бромлей, 1983).

Базовое для археологической науки понятие «археологическая культура», которая часто является объектом этнических манипуляций и всякого рода этногенетических спекуляций, остается весьма

неопределенным. И дело не в том, что мы испытываем недостаток в определениях этого понятия. Напротив. Их слишком много, и определения того, что есть «археологическая культура» часто взаимно противоречат друг другу. Эти определения были сформулированы весьма уважаемыми специалистами, и нам трудно выбрать, какое из них лучше. Наверное, именно поэтому *ни одно* из определений «археологической культуры» не вошло в наиболее распространенные в СССР и в России и многожды переизданные вузовские учебники Д.А. Авдусина (1977) и А.И. Мартынова (1996).

Специалисты до сих пор не могут согласиться даже в простом, казалось бы, вопросе, что есть такое археологическая культура – только инструмент исследователя или объективная историческая реальность? (подробнее об этом и список литературы см.: Клейн, 2001). Сравнительно недавно, но еще до выхода в свет книги Клейна появились модернизированные версии определения (см., например: Ковалевская, 1995, с.56–57, рис.1), но они не внесли в него определенности как инструмента археологического исследования или некоей объективной археологической реалии.

Из многих выберем, например, определение классика отечественной археологии, А.Л. Монгайта (1967): «под археологической культурой понимается комплекс отдельных типов вещей, жилищ, погребений, приуроченных к определенной территории» и увидим, что оно не годится для классических степных кочевников с отсутствием у них жилищ или для амирабадской культуры эпохи поздней бронзы Хорезма с отсутствием достоверно связанных с ней погребальных комплексов (Итина, 1977).

Другая проблема «археологической культуры» состоит в том, что даже хорошо изученная, она лишь отчасти и всегда неполно отражает культуру этноса-носителя в целом.

К закономерной неполноте и фрагментарности археологических данных, добавим процессы культурной диффузии в пограничных культурных ареалах, характерные для современных и древних обществ состояния этнической гетерогенности и, наконец, отсутствие в археологии надежных критериев выделения признаков *этнической культуры* из конгломерата признаков, характеризующих культуру этноса.

Напомню, что под культурой этноса в этнографии понимается вся совокупность культурного достояния, присущего данному этносу, независимо от того, имеют ли различные элементы культуры этническую окраску или они этнически нейтральны. Материальная культура различных этносов может включать более или менее однотипные элементы в силу их специализированной функциональности, например, при сходном хозяйственно-культурном типе. Именно с этим обстоятельством сталкиваются ученые, пытающиеся выделить из совокупности погребений средневековых кочевников южнорусских степей могильники, оставленные половцами, печенегами или иными известными по письменным источникам кочевыми группами. Близкая ситуация возникает при выявлении специфического погребального обряда степных аланов или гуннов.

Под этнической культурой понимается совокупность лишь тех элементов и структур культуры этноса, которые обладают собственно этнической спецификой, выполняющей этнодифференцирующую функцию в оппозиции «мы – они» (Козлов, 1979).

Любой этнос и интегрируемые им явления можно представить в виде сгустка постоянно поддерживаемых потоков синхронной и диахронной информации, обеспечивающей, в конечном счете, механизмы культурной и биологической адаптации каждого сообщества. Признаки культуры этноса чаще всего являются результатом синхронных потоков информации и лежат в основе инноваций. Признаки этнической культуры поддерживаются диахронными информационными потоками и составляют традиционную базу сообщества. Синхронный информационный поток обеспечивает все варианты межэтнического общения, а диахронный – межпоколенную связь в пределах данного этноса, т.е. те традиции, которые стабилизируют этнос во времени (Арутюнов, 1989).

В определенных условиях некоторые инновации на протяжении двух-трех поколений превращаются в традиции. Одновременно может происходить полное или частичное разрушение традиций, существовавших здесь прежде. Понятно, тогда что любая традиция – это бывшая инновация, а любая инновация может довольно быстро стать традицией.

Механизм выявления признаков этнической культуры в археологии осложнен трудностями датирования памятников, даже приближенных к нам во времени (эпоха раннего железа и средневековья). Например, датировка могильников раннесарматской культуры лежит в пределах, как минимум, трех столетий (IV–II вв. до н.э.), и те признаки погребального обряда этих могильников, которые воспринимаются археологически синхронными, в исторической реалии являются диахронными. На протяжении короткого временного отрезка признаки, еще недавно характеризующие этническую культуру, могут стать надэтническими, трансформируясь в конкретных социально-политических условиях (Арутюнов, 1989). Это произошло, например, со «скифской триадой» (Яблонский, 1996) и некоторыми типами искусственной деформации головы (кольцевая).

С этой же точки зрения можно рассматривать могильники средневековых степных кочевников, которые датируются в пределах нескольких столетий и были оставлены, гетерогенными, очевидно, подразделениями крупных кочевых союзов, известных нам как половцы, печенеги, огузы и др. Или ранее – гунны, аланы, сарматы. Под последним этнонимом, судя по письменным источникам, скрывались различные народы с эндо- или экзо-этнонимами сирматы, сираки, аорсы, язматы, роксоланы и др.

Классик археологического кочевниковедения, Г.А. Федоров-Давыдов, писал: кочевая группа, дробясь, попадает в разные кочевые объединения, но сохраняет там свои наименования, входящие к более древнему периоду. «Татары» – этноним, которым соседние народы в XIII в. называли монгольскую правящую аристократию. Потом это название стало названием всех кочевников Золотой Орды. Когда кочевая группа входила в состав нового объединения, она получала двойное наименование: старое имя племени и имя того объединения, в которое она включилась. Последнее чаще было не самоназванием, а прозвищем, которое давалось соседями. Чем быстрее идет процесс консолидации кочевого населения в народность, тем скорее происходит эта смена кочевых групп, тем быстрее они исчезают, заменяясь единым именем кочевой народности. Но в разных частях степи этот процесс имел разные темпы (Федоров-Давыдов, 1973, с.172–175).

Из заключений Г.А. Федорова-Давыдова становится понятной необходимость проявлять исключительную осторожность при идентификации с историческими этнонимами локальных или территориальных вариантов любой археологической культуры кочевников (Яблонский, 2006).

Теоретические модели (Яблонский, 2000) демонстрируют исходную таксономическую неравноценность объективных и субъективных исторических явлений, которые обозначают понятием «археологическая культура». Поэтому не только прямое отождествление археологической культуры (*инструмента исследователя?*) с конкретным этносом, но даже процесс дифференциации признаков культуры этноса и этнической культуры в каждом случае требуют специальных подходов и применения специальных методик, которые выводят нас за рамки собственно археологии и находятся в области междисциплинарного *этногенетического* исследования.

При попытке выявления закономерностей во взаимных проявлениях тех или иных признаков археологической культуры, связи их с объективными признаками антропологическими или вероятными этноисторическими оказывается, что такие зависимости часто улавливаются лишь при использовании методов вероятностной статистики (Федоров-Давыдов, 1966; Герасимова и др., 1986). Установленные статистические зависимости, не абсолютны, а именно вероятностны. В исторических исследованиях они не исключают, как правило, 25%-ной вероятности, ошибки вывода. Что уж говорить о крайне субъективных *априорных* схемах, которыми пестрят наши этноисторические и этногенетические исследования?

Не навреди!

Занимаясь этногенетическими исследованиями, без которых не мыслю историческую науку, хочу подчеркнуть: все, что было сказано выше, сказано только для того, чтобы отметить те методические трудности, которые закономерно возникают при попытке осуществления этногенетических исследований даже группой профессионалов.

Игнорирование этих трудностей и непонимание конфликтообразующих последствий псевдоэтногенетических конструкций в условиях современной многонациональной и мультикультурной России с ее внутренними административными границами, часто проведенными с учетом «этнических ареалов», напоминает легкомысленную игру ребенка с огнем в пороховом погребе.

Исторически сложилось так, что любой российский регион, будь то Северо-Кавказский или Волго-Уральский *чересполосно* населен носителями всегда самобытных и всегда многообразных культурных, языковых и религиозных традиций.

Как бы мы ни относились к сущности расовых, этнических или археологических классификаций, нужно помнить о том, что любая из них по самой природе своей направлена на выявление тех признаков (они называются таксономически значимыми), которые разделяют древние сообщества людей (так, в антропологии принцип таксономической неравнозначности признаков был прекрасно сформулирован А.И. Ярхо, 1934).

Между тем в условиях современной многонациональной России и угрозы межэтнических конфликтов, порожденных в том числе и «этногенетическими» исследованиями *псевдоинтеллектуалов*, в истинно этногенетическом исследовании надо бы еще акцентировать внимание и на то, что объединяет народы России и делает этническую историю и культуру нашей страны (Петрухин, Раевский, 1998) столь многоцветной, но и столь богатой, подобно тому, как отдельные разноцветные камушки все вместе образуют замечательное мозаичное полотно, которое исчезнет в своем целостном восприятии, уберит один из составляющих его элементов.

Легкомысленно вторгаясь с не очень пригодными к тому же инструментами в очень болезненный мир этнических взаимоотношений (в том числе, древних), надо понимать всю меру собственной, *персональной* ответственности за содеянное.

И принцип «Не навреди!», используемый обычно в медицине, в высшей степени применим к нашим, казалось бы, отвлеченным, но на самом деле столь опасным «академическим» штудиям этногенетической и этноисторической направленности.

Литература

- Авдусин Д.А.* Археология СССР. М., 1977.
- Алексеев В.П.* Этногенез. М., 1986.
- Алексеева Т.И., Балановская Е.В., Бахолдина В.Ю., Година Е.З., Дубова Н.А., Зубов А.А., Перевозчиков И.В., Яблонский Л.Т.* Проблема расы в российской физической антропологии. М. 2002.
- Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Арутюнов С.А., Хазанов А.М.* Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. 1979а. № 6.
- Арутюнов С.А., Хазанов А.М.* Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979б.
- Бородай Ю.М.* Этнические контакты и окружающая среда // Природа. 1981. № 9.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Бунак В.В.* Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. М.; Л., 1938.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1986.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья во II тысячелетии до н.э. // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. X. М., 1977.
- Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.
- Ковалевская В.Б.* Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М., 1995.
- Козлов В.И.* Этнос и культура // СЭ. 1979. № 3.
- Котов В.Г.* Проблема этнокультурной преемственности населения Южного Урала от верхнего палеолита до современности // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III (с международным участием) научно-практической конференции. Челябинск, 2006.
- Мартынов А.И.* Археология. М., 1996.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
- Пименов В.В.* Понятие этнос в теоретической концепции Ю.В.Бромлея // Академик Ю.В.Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М., 2003.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу. М., 2003.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Шнирельман В.А.* Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России. М., 2004.
- Яблонский Л.Т.* «Скифская триада» и проблема этничности археологических признаков // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических памятников Западной Сибири. Тез. докл. VII Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания. Томск, 1990.
- Яблонский Л.Т.* Культура этноса, этническая культура и археологическая культура // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск, 2000.
- Яблонский Л.Т.* Внимание: этническая антропология! // Теория антропологии и ее методы: истоки и развитие. V Бунаковские чтения. Тез. док. Ч. 2. М., 2001.
- Яблонский Л.Т.* Проблемы историко-этнографического районирования в археологии (в связи с разработками В.П.Алексеева) // Горизонты антропологии. М., 2003.
- Яблонский Л.Т.* Вклад Г.А. Федорова-Давыдова в практику и теорию археологического кочевниковедения // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тез. док. III Международ. конф. М., 2006.
- Ярхо А.И.* Методика антропологических исследований // Антропологический журнал. 1934. № 3.

Владимир Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ АЛТАЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА

Алтайцы одухотворяют Алтай. Он в их глазах не средоточие скал и вечных снегов, синих рек и черневой тайги, а прежде всего – живой дух. Каждый алтаец проникнут уважением и благодарностью к Алтаю. К нему обращаются не иначе как Хан Алтай или царственный Алтай, а гору Белуху, самую высочайшую вершину «Катунских Альп» – называют сердцем Алтая. Ее ледники питают истоки реки Катунь – главной водной артерии Алтая. Катунь, как известно, издревле является объектом поклонения и культа древних тюркоязычных народов Центральной Азии. Очень поэтично и эмоционально описал Катунь национальный алтайский художник Григорий Гуркин. Вот его слова из очерка Алтай и Катунь: «Бурная, неугомонная, крепко прижалась она к груди великана и стремительно, с шумом течет вперед... И нет, кажется, никакой силы, могущей остановить ее течение, нет преград ее стремлению и могучему бегу... Вся она полна волшебной силы, вся – движение и жизнь. Столпились к берегам пахучие сосны и протягивают к ней кудрявые ветви. А с высоты скалы и горы смотрят в ее кристальные воды. Она есть счастье и украшение Алтая. Ее боготворит кочевник, слагает в честь ее песни...»

Мы не случайно обратились к творчеству Г. Гуркина, так как он был одним из первых исследователей археологических памятников долины р. Катунь. В 1902–1903 гг., а затем и в 1911 г. художник совершил специальные поездки с целью поиска объектов глубокой старины. Необычайно живописная долина Катунь, часто встречающиеся следы поселений древнего человека, курганы, древние каналы, наскальные рисунки и каменные изваяния тюркских богатырей – все это будоражило впечатлительного художника, питало его творчество. Этюды и эскизы Гуркина, посвященные древним монументальным памятникам Алтая, всегда отображены в единстве с окружающей их природой. Уже тогда художник осознавал, что вырванные из естественной среды горно-степных ландшафтов, они потеряют свою первозданность и то очарование, которое испытывает каждый человек, нечаянно наткнувшись в горах на каменную скульптуру. Здесь невольно рождаются мысли о вечности окружающего мира, а у людей с пытливым умом возникает много вопросов. Кому поставили монумент? Как звали того доблестного батыра, чью фигуру изваял древний мастер? И почему все каменные изваяния древнетюркских воинов (одни с печалью, другие с надеждой) обратили свой взор на восток? На фоне белоснежных гор и золотисто-желтых степей они выглядят органично и величественно, вызывая чувство единения и полного слияния с природой. И как жалко и неуместно смотрятся в настоящее время каменные фигуры воинов, экспонируемые в сибирских музеях. Они выглядят как скопище примитивных, бездушных и мертвых идолов, которым тесно и неуютно в чужеродных городских кварталах. Поэтому картины Г. Гуркина, изображающие древние монументы в природном контексте, представляют для нас исключительную ценность. Они служат и вполне полноценным историческим источником, так как многие зарисованные фигуры древних тюрков Алтая уже утрачены.

Тем не менее, до сих пор неперменной частью ландшафта высокогорных долин и степей Центральной и Средней Азии остаются пока еще многочисленные стелы и разновременные изваяния. Особенно много древнетюркских каменных фигур в первозданном виде сохранилось на Монгольском Алтае. Они безмолвно взирают на нас. Одни с укором и затаенной скорбью, другие с лукавой улыбкой и прищуренным взглядом узких глаз. Несмотря на скупость изобразительных средств, изваяния древних тюрков, сохранившиеся до наших дней, удивительно индивидуальны и имеют портретное сходство с конкретными людьми, жившими более тысячи лет назад. Давно забыты их имена, но алтайский народ в недрах своей памяти сохранил сказания о *кезерах* – воинах и их ратных подвигах и несколько генеалогических легенд о своем происхождении. Из них наиболее известной является легенда о сожигательстве юноши с волчицей. В ней повествуется, что все предки тюрков были убиты воинами соседнего племени, но чудом уцелел десятилетний мальчик. У него были отрублены ноги и руки, но юношу спасла от врагов волчица, которая его выкормила и затем стала его женой. Согласно легенде, волчица в пещере рождает десять сыновей, которые становятся затем вождями тюркских племен. Один из них, по имени Ашина, переселившись на Алтай, возглавил племенной союз, получивший название «Тюрк». Неожиданное подтверждение тюркской легенды

найдено в степях Монголии на одной из каменных стел. На ней изображена волчица, под брюхом которой находится небольшая фигурка человека с отрубленными руками и ногами. Легенда о происхождении тюркского племени во главе с вождем Ашина нашла отражение и в алтайском героическом эпосе, где описывается воспитание мальчика волком.

Первые образцы монументальной каменной скульптуры известны уже в начальный период появления на горно-степных пространствах Центральной Азии древних тюрков, создавших свою государственность. Политической основой, а также важным условием консолидации и культурного расцвета алтайских народностей в средневековую эпоху послужил могущественный Тюркский каганат (VI–VIII вв.). Это крупное объединение племен по существу было первой евразийской империей, границы которой простирались от Монголии до стран Восточной Европы и от Южной Сибири до Китая. Одним из проявлений новой средневековой культуры и была древнетюркская каменная скульптура. Все изваяния обнаружены археологами в древних культовых комплексах, посвященных умершим или погибшим в боях тюркских воинов. Они стоят не на могилах, а у каменной оградки – основания небольшого мемориального «храма», который представлял собой деревянную каркасную постройку в виде небольшого жилища.

Наиболее хорошо сохранившиеся фигуры представителей тюркской элиты Алтая показаны в парадном облачении, с оружием (сабля и кинжал) на поясе, набранном фигурными бляхами. Обычно в правой руке знатного воина изображена чаша или кубок, левая опущена на рукоять сабли. Статуи, вытесанные из белого мрамора или известняка, в древности раскрашивались, передавая всю цветовую гамму богатого одеяния знатных тюрков. Определенную информацию можно получить, анализируя реалии, изображенные на каменных фигурах. Для этого археологами используется старый и испытанный метод сопоставления предметов с конкретными находками из древнетюркских погребений Алтая или корреляция их с другими изобразительными памятниками искусства Центральной и Средней Азии. Отдельные реалии позволяют определить дату изготовления каменных фигур и их этнокультурную принадлежность.

Изучение картографических данных об изваяниях тюрков со всей очевидностью показало, что места для сооружения этих памятников выбирались в основном в межгорных котловинах и по долинам рек. Как правило, это были красивые и уютные места, с панорамой на окружающую местность, где и протекала повседневная жизнь кочевников. Вместе с тем алтайские изваяния иногда устанавливались группами от 4 до 17 фигур в глухих труднодоступных местах. В частности, такие закрытые от постороннего глаза урочища известны в Кеме-Кечу и Кырландын-Кини на реке Аргут, в местности Кыпчыл на реке Аюты, в долинах рек Чаганбургазы и Барбургазы, у горы Шивээт-Хаирхан на р. Цагаан-Салаа, и во многих других районах Алтая. Рядом с ними нет не только одновременных погребальных сооружений, но и каких-либо других археологических памятников. Возможно, это были небольшие родовые святилища, напоминающие внешним видом сезонные поселения средневековых кочевников. В таких поселках «мертвых», по представлениям древних тюрков Алтая, какое-то время обитали души умерших сородичей. По такому же принципу группировались и более поздние половецкие статуи. Исследователи считают, что это были специальные культовые места, устроенные в отдалении от могил, где происходили обряды поминального цикла и совершались жертвоприношения своим предкам (Плетнева, 1974, с.59; Швецов, 1979, с.199).

Скульптура древних тюрков, в той или иной степени испытавшая влияние буддизма, манихейства, маздеизма и развивавшаяся в традициях согдийской художественной школы, сохранила одновременно не только шаманские, но и дошаманские религиозные представления. Об этом свидетельствует археологическая реконструкция древнетюркского поминального обряда (рис. 1) (Кубарев, 1984, рис. 16), в основе которого были заложены не только черты шаманизма, но и древнейшие представления, связанные с культом предков. Отсюда удивительное сходство погребально-поминальных обрядов алтайских тюрков с традиционными похоронными обычаями тюркоязычных народов Сибири.

Опубликованные 20 лет назад каменные изваяния алтайских тюрков (Кубарев, 1984), требуют переиздания в новом своде монументальных памятников Центральной Азии. Тем более что за прошедшие годы были открыты и исследованы десятки интересных мемориальных комплексов. Они опубликованы как в малоизвестных региональных сборниках статей (Кубарев, Кочеев, 1989; Кубарев, Цэвээндорж, 1995; Кубарев, Цэвээндорж, 1999; Цэвээндорж, Кубарев, 2000; Кубареви др., 2002; Кубарев, Розвадовски, Кубарев, 2003; Ямаева, 2003; Молодин и др., 2004; Кубарев Г., Кубарев В., 2004), так и в центральных, рецензируемых журналах, а также в трудах международ-

ных конференций (Кубарев, 2004: Кубарев, Цэвээндорж, 2000; 2002; Кубарев, Баяр, 2002; Кубарев, Якобсон, Цэвээндорж, 2000; Kubarev, Zevendorz, 1997; Kubarev G, 1997; Kubarev V, 2002)*. Кроме того, автором были изданы две научно-популярные книги, посвященные древнетюркским изваяниям Алтая, в которых были помещены фотографии неизвестных ранее каменных фигур и мемориальных сооружений (Кубарев, 1997; 1999).

По последним данным на Алтае более чем за 100-летнюю историю изучения поминальных памятников древнетюркского времени археологическими раскопками исследовано всего 178 объектов (Матренин, Сарафанов, 2006). К ним следует добавить 7 тюркских оградок (две из них с изваяниями), раскопанных Чуйским отрядом Североазиатской экспедиции в местности Кызыл-Шин и Кыйу (Кубарев Г.В., 2005; Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д., 2006).

Одной из проблем изучения древнетюркских изваяний является то обстоятельство, что буквально на наших глазах исчезает и этот вид памятника средневековых кочевников. Мы успели обработать и частично сохранить довольно представительную серию монументов различных эпох. Сейчас на Российском и Монгольском Алтае только каменных изваяний древних тюрков учтено около 350 экз. Однако многие из них известны только по редким музейным рисункам и архивным фотографиям. Простояв тысячи лет, не тронутые превратностями времени, они гибнут в наше время под колесами и гусеницами мощных тракторов. В лучшем случае их выворачивают и искореженные сгребают в большие каменные кучи на край поля. В таких условиях были найдены и вывезены в музей Сибири изваяния из окрестностей сел Джазатер, Бельтыр, Кош-Агач, Ортолык, Курай и мн. др. Известны случаи, когда изваяния использовались для строительства мостов и других хозяйственных сооружений. До сих пор без присмотра и охраны находятся каменные изваяния в распаханых урочищах Тете и Таджилу, где работал известный археолог С.В. Киселев. Изваяния часто вывозились в музей без исследования поминальных сооружений, у которых они стояли. В настоящее время они экспонируются в городах Горно-Алтайске, Бийске, Барнауле, Новосибирске и Томске. Одно, очень реалистично выполненное изваяние из Аюты (Кош-Агачский район Республики Алтай), вывезено в 1964 г. в Санкт-Петербург (Сорокин, 1968). Ранее оно стояло у входа в Отдел Востока Гос. Эрмитажа, затем изваяние (рис. 2) было перевезено в хранилище музея, на окраину г. Санкт-Петербурга. Сегодня небольшое число каменных изваяний известно только в труднодоступных урочищах Российского Алтая, где изменения природного ландшафта в результате антропогенного воздействия минимальны. На фоне экологических проблем на Российском Алтае, в монгольской части Алтая ситуация с охраняемыми мероприятиями природного и культурно-исторического наследия выглядит несколько лучше. Но и здесь, даже в пределах зоны национального биосферного заповедника Тавын-Богдо-Ула, часто без всякого контроля и учета добываются копытные и пушные звери. Повсеместно вырубается реликтовые леса, а в акватории озер Хурган-Нуур и Хотон-Нуур в летний период проживает более 300 казахских семей. В результате хозяйственной деятельности, пострадали и некоторые археологические памятники. Все это мы наблюдали в ходе наших полевых работ и пришли к выводу, что принятых мер по сохранению природно-культурного и исторического наследия в одной из отдаленнейших провинций Монголии явно недостаточно. Ситуация, сложившаяся сегодня в Монголии, напоминает российский опыт интенсивного «освоения» природных ресурсов Алтая, когда первоначальный облик девственной природы претерпевал большие изменения, а вместе с ними гибли и уникальные археологические и исторические объекты. Монументальные памятники Монгольского Алтая еще можно наблюдать в естественной природной обстановке (рис. 3–5), но что будет с ними через 10 или 20 лет? Суть проблемы заключается в низком образовательном уровне людей и в незнании древней истории своего края. Решение этой проблемы видится в своевременной публикации как научных материалов, так и научно-популярных статей в местных периодических изданиях. Они, несомненно, служат просветительским целям и способствуют разработке рекомендаций по сохранению культурно-исторического наследия Алтая.

Литература

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая. Краткий каталог. Горно-Алтайск, 1997. 184 с.

---

* Полную сводку работ, посвященных древнетюркским погребально-поминальным комплексам, изданным за последние 20 лет см. в статье *В.Д. Кубарев*. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С.24–54.

- Кубарев В.Д.* Древние каменные стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. С.28–38.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А.* Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С.202–222.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.* Новые каменные изваяния Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1. С.149–163.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.* Terra incognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С.48–56.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.* Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С.76–95.
- Кубарев В.Д., Баяр Д.* Каменные изваяния Шивет-Улана (Центральная Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4. С.74–85.
- Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д.* Алтай – Заповедная Зона // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Кемерово, 2000. Том II. С.64–77.
- Кубарев Г.В.* Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI. Ч. I. С.368–374.
- Кубарев Г.В.* Исследование древнетюркских поминальных сооружений в Центральном и Юго-Восточном Алтае // АО 2005. – М., 2006.
- Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д.* Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хаирхан и оз. Даян (Монгольский Алтай) // Известия лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск, 1999. С.169–183.
- Кубарев Г.В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е.П., Кубарев В.Д.* Исследования Чуйского отряда на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С.357–360.
- Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д.* О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX. Ч. I. С.373–376.
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д.* О древнетюркских поминальных оградках в устье Хар-Салаа (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X. Ч. I. С.301–305.
- Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д.* Исследование древнетюркских оградок в устье Чаганузуна (Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII. Ч. I.
- Матренин С.С., Сарафанов Д.Е.* Классификация оградок тюркской культуры горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. С.203–218.
- Молодин В.И., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Байарсайхан М., Овчаренко А.П.* В поисках пазырыкских комплексов на северо-западе Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X. Ч. I. С.365–371.
- Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния. САИ. М., 1974. Вып. Е 4-2. 200 с.
- Сорокин С.С.* Древние каменные изваяния Южного Алтая. СА. № 1.
- Швецов М.Л.* Половецкие святилища. СА. 1979. № 1. С.199–209.
- Цэвээндорж Д., Кубарев Г.В.* Новые древнетюркские изваяния Монгольского Алтая // Обозрение 1994–1996 гг. Новосибирск, 2000. С.199–200.
- Ямаева Е.Е.* Изваяние из урочища Согодэк // Археология и этнографии Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С.90–91.
- Кубарев В.Д.* Поминальные памятники Алтая. Сеул, 1999. 120 с. (На корейск. яз.).
- Kubarev V.D.* New Turkish sculptures of the Mongolia and Altai // Culture and Arts among Ancient Turks (Early ages). V. I. Part. 13. Ankara, 2002. P.954–961.
- Kubarev G.V.* The culture of the ancient Turks of the Altai (Eski Altay Türklerinin kültürü) // Sibirya Arastirmalari. Istanbul, 1997. P.233–249. (in English and Turkish).
- Kubarev V.D., Zevendorz D.* Steinstelen aus der Westmongolei // Eurasia antiqua. Berlin, 1997. Bd 2. S.571–580.

Рис. 1. Реконструкция поминального обряда древних тюрков по археологическим и этнографическим данным.

Рис. 2. Графическая прорисовка изваяния знатного тюрка из мемориала в устье р. Аюты. Российский Алтай.

Рис. 3. Изваяние из Арал-Толгоя. Монгольский Алтай.

Рис. 4. Изваяние из долины р. Могойн-Гол. Монгольский Алтай.

Рис. 5. Изваяние из Чадыра. Российский Алтай.

Глеб Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ОГРАДКАХ АЛТАЯ*

Изучение древнетюркских поминальных оградок имеет большое научное значение в силу их вариативности, отсутствия оснований для четкого датирования и хронологии, а также во многом гипотетичности в их интерпретации. И хотя подавляющее большинство исследователей едины во мнении, что древнетюркские оградки представляют собой поминальные сооружения, построенные в честь мужчин-воинов, а иногда и знатных женщин, тем не менее, отсутствие изваяний, большое разнообразие их конструктивных особенностей и другие черты, позволяют далеко не все из них безоговорочно относить к поминальным памятникам. И уж во всяком случае, часть подобных сооружений с трудом укладывается в предложенные археологами реконструкции и интерпретации этих объектов.

Древнетюркские поминальные оградки известны на обширной территории степного пояса Евразии – от Восточной Монголии до Приуралья. Особенно они многочисленны на территории Монголии, Алтая, Тувы, Казахстана, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана. Несмотря на то, что поминальные памятники древнетюркской знати, сопровождаемые земляными валами и рвами, изваяниями людей и животных, достаточно редки на Алтае, сооружения, воздвигнутые в честь рядовых древнетюркских воинов, исчисляются сотнями. На сегодняшний день из них раскопано и в той или иной степени опубликовано 178 оградок (Матренин, Сарафанов, 2006, с.204). Часть из этих объектов предположительно относится к предтюркскому периоду (второй половине V – первой половине VI вв).

В течение двух последних полевых сезонов Чуйский отряд Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН, возглавляемый автором статьи, проводил археологические работы на территории Онгудайского и Кош-Агачского районов Республики Алтай. Главным объектом исследования стали поминальные сооружения древних тюрков в урочищах Кыйу (близ слияния рек Чуи и Катунь и в 6 км от с. Инегень в Онгудайском районе) и Кызыл-Шин (в устье р. Чаганузун, в 2,5 км от одноименного села в Кош-Агачском районе). В общей сложности было исследовано семь древнетюркских поминальных сооружений: одно – в местности Кыйу (№ 3) и шесть – в погребально-поминальном комплексе Кызыл-Шин (№ 1,5,6,9,12,18). Предварительная информация об исследовании этих объектов уже публиковалась (Кубарев., 2005б; Кубарев, Слюсаренко, Кубарев, 2006). Четыре оградки (№ 1, 5, 6, 18) еще до начала раскопок имели вкопанные в центре лиственничные стволы и именно поэтому были выбраны для исследования. Ещё два поминальных сооружения (№ 9 и 12) находились в одной цепочке с двумя разрушенными, по-видимому, грабительскими раскопками, древнетюркскими оградками. Изучение этих оградок диктовалось требованием проведения охранных раскопок. Приведем краткое описание наиболее интересных памятников, исследованных в местности Кызыл-Шин.

Кызыл-Шин. Оградка № 1.

Оградка представляла собой слабо задернованное сооружение квадратной формы, размерами 360 x 360 см, высотой 35 см. Оградка сложена из вкопанных на ребро плит и заполнена преимущественно мелким рваным камнем и валунами. Поминальное сооружение ориентировано сторонами по странам света с небольшим отклонением на ССЗ – ЮЮВ. У оградки отсутствовало изваяние. На восток от нее на расстояние 35 м отходит ряд из 7 балбалов.

В центре оградки был вкопан лиственничный ствол диаметром 30 см и высотой 23 см. В верхней части были различимы следы от топора-тесла. Вокруг лиственничного ствола прослеживалась площадка размером 50-70 см, не заполненная камнями. Она была образована сложенными вокруг крупными камнями. При зачистке оградки выяснилось, что её восточная и южная стенки нарушены и некоторые плиты смещены, либо отсутствуют. Лиственничный столб возвышался над уровнем древней поверхности на 50 см, а его общая высота составляла 110 см (рис. 1). Несомненен тот факт, что первоначально лиственничный ствол был намного выше (целое дерево с обрубленной комлевой

---

* Работа выполнена в рамках проектов «Древние кочевники Алтая и Центральной Азии: среда обитания, культурогенез, мировоззрение» и «Развитие комплекса методов абсолютного и относительного датирования древностей Сибири и Центральной Азии» по программе Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», а также в рамках научной школы академика В.И. Молодина №НШ-6568.2006.6.

частью – ?). Он был вкопан в яму диаметром 50 см и глубиной в 60 см, с восточной стороны на всю глубину ямы забутован большой гладкой плитой размерами 80 x 45 x 7 см.

В 20 см к западной стенке от ямы с лиственничным столбом обнаружен жертвенник. Он представлял собой ямку размером 30 x 50 см, при глубине в 15 см. Деревянные дощечки размером 40 x 12 см, вероятно, первоначально обкладывали стенки ямы и образовывали подобие ящичка. Сверху жертвенник был заложен несколькими небольшими камнями. Здесь найден деревянный вотивный сосудик (рис. 2, 1) и деревянный предмет неизвестного назначения (рис. 2, 2). Под камнями на глубине 12 см были обнаружены: ажурный бронзовый наконечник ремня в виде спаянных шариков (рис. 2, 3), панцирная пластина (рис. 2, 5) и бараний позвонок (рис. 2, 4).

Кызыл-Шин. Оградка № 5.

Оградка представляла собой сильно задернованное сооружение, сложенное из вертикально установленных плит и заполнения из мелких галек и рваного камня. Как выяснилось в результате зачистки, нижний ярус кладки был сложен из массивных камней, а сверху заложен мелкими камнями. Углами оградка ориентирована по сторонам света. Её размеры: 270–290 см x 322 см, при высоте 20–30 см.

В центре оградки возвышался лиственничный ствол, диаметр которого в нижней части составлял 30 см, а высота от современной поверхности 64 см. В верхней части ствол был срублен и сколот. Вплотную к юго-восточной стенке вкопана сланцевая плита, замещающая изваяние. Её размеры: 37 x 18 x 7 см. Несомненно, что её верхняя часть сколота и первоначально она была значительно выше. Необходимо отметить, что данная оградка сохранилась лучше всех остальных в этой местности и лишь некоторые мелкие камни были выброшены из её заполнения. Плиты тонкие и тщательно обработанные, сохранившиеся в строго вертикальном положении.

После зачистки и разборки насыпи в 20 см на запад от лиственничного столба зафиксирован массивный камень размерами 64 x 45 x 23 см. После снятия этого камня в 30 см от лиственничного ствола обозначилась жертвенная ямка размерами 56 x 36 см, из которой выступали мелкие камни. Таким образом, плита служила перекрытием ямки. После выборки заполнения из мелких галек на глубине 20 см от уровня древней поверхности был зачищен настил из четырех сланцевых плиток. Под ним оказалась небольшая камера, в которую почти не просыпалась земля (рис. 3). Сланцевые плитки перекрытия опирались на три деревянные стенки ящичка. Он имел одну торцевую стенку и две продольных, которые образовывали подобие треугольника. Размеры деревянного ящичка: 49 x 23–12 x 13 см. Деревянные дощечки-стенки отличной сохранности, на них различимы следы обработки ножом и они окрашены в красный цвет.

В деревянном ящичке находилось массивное деревянное блюдо-лоток (рис. 4, 1) на ножках (размеры: 28,5 x 10 см), крашенная красной краской деревянная палочка (рис. 4, 2) с утолщением и «наконечником» на концах (длина – 20,7 см, диаметр – 0,8-0,9 см). В углу ящичка на блюде располагался миниатюрный деревянный сосудик-кувшин (рис. 5) с ручкой (высота – 10,5 см, максимальный диаметр тулова – 6 см). Сосудик является вотивным, т.к. он не полый. Здесь же в блюде найдены крестцовые позвонки барана, а более мелкие – за его пределами. Эти позвонки свидетельствуют о том, что в ящичек и блюдо была положена наиболее почетная и вкусная, в понимании кочевников, часть барана – курдюк. В блюде прослежены остатки хитиновых (?) оболочек от личинок червей, питавшихся мясом, и высохший, мумифицированный шмель. Глубина жертвенной ямки до дна составила 31 см.

К деревянному блюду прикипел фрагмент грубой домотканой ткани. Вдоль стенок ящичка прослежен тлен от ткани или войлока. При некотором углублении были найдены спекшиеся в два ряда панцирные пластины (размеры фрагмента 11 x 5 см), небольшой железный ножичек, обломок железного насада стрелы. Сохранность предметов из дерева объясняется наличием небольшой воздушной камеры. В верхней своей части предметы сохранились наиболее хорошо, в нижней – в месте контакта с землей – они значительно худшей сохранности. Несомненно, что сохранности дерева способствовала и сухая глинистая почва.

Лиственничный ствол возвышался над уровнем древней поверхности на 96 см. Наземная его часть сохранилась отлично, средний закопанный в землю участок несколько худшей сохранности, тогда как низ был в наихудшем состоянии. Диаметр ямы, в которую был вкопан лиственничный ствол, составлял 40–45 см. Ствол был вкопан примерно на глубину 50 см и слегка забутован. Его общая длина составила 147 см.

Кызыл-Шин. Оградка № 6.

Оградка представляла собой небольшое, сильно задернованное сооружение квадратной формы. Прослеживались некоторые вертикально вкопанные плиты от ее стенок. Средние размеры

сооружения: 280 x 280 см, при высоте 20–30 см. Оградка ориентирована сторонами почти строго по странам света.

В центре оградки на высоту 48 см от современной поверхности возвышался лиственничный ствол. Он был слегка наклонен на запад и в верхней части обрублен. Его диаметр составлял 27 см. В 13 см на восток от лиственничного ствола был вертикально вкопан валун высотой 31 см. С восточной стороны от оградки установлен ещё один валун, замещавший изваяние (30 x 28 x 17 см). Плиты оградки под тяжестью насыпи наклонены наружу. Заполнение оградки было уложено в 1–2 слоя: в основании крупные камни, основное же заполнение из мелкой гальки. Часть плит от стенок оградки разбита. Крупные камни, а также большое число мелкой гальки выброшено за пределы оградки в её южной, северной и восточной частях. Судя по задернованности галек и валунов заполнения и фрагментов плит от стенок оградки, обнаруженных за ее пределами, поминальное сооружение было частично разрушено ещё в древности.

Примерно в 47 см к западу от лиственничного ствола зачищен каменный ящик, состоявший из сланцевых плиток, вкопанных вертикально (47 x 25 x 21 см). Одна из плиток была смещена со своего первоначального местоположения. Внутри жертвенный ящик имел заполнение из мелких галек. Никакого сопроводительного инвентаря внутри него не обнаружено. Сланцевые плитки ящика вкопаны на глубину 7–10 см по отношению к древней поверхности.

Лиственничный ствол был вкопан на глубину в 40 см и слегка забутован. Общая сохранившаяся длина бревна – 110 см, максимальный диаметр бревна в нижней части – 33 см. Диаметр столбовой ямы 55–60 см. Лиственничный ствол был обрублен и слегка обуглен в нижней и средней частях. Вероятно, первоначально от оградки отходил ряд балбалов, от которого сохранился только один – на расстоянии 4 м от оградки.

Кызыл-Шин. Оградка № 9.

Оградка представляла собой сильно задернованное сооружение, устроенное в одном ряду с двумя другими оградками. Две из них (№ 10 и 11) грабительски раскопаны и выглядят как две большие воронки с мощными отвалами и некоторыми сохранившимися своё положение стенками. Цепочка оградок ориентирована с ВВС на ЗЗЮ. По краям к двум центральным и разрушенным оградкам примыкают по одной небольшой оградке (№ 9 и 12). Именно они и были нами исследованы.

Размеры оградки – 240 x 240 см, высота – 25–30 см. Оградка ориентирована сторонами почти строго по странам света. Сланцевые плиты, образующие стороны сооружения, под тяжестью заполнения были наклонены наружу. В центре оградки было сложено подобие каменного ящика из двух, под углом направленных друг к другу плит длиной порядка 60–70 см. У южной стенки оградки, за ее пределами сохранились вкопанные основания двух стел-изваяний. Оба они обломаны. Высота сохранившейся части западной стелы – 15 см, восточной – 11 см. Плитка, обнаруженная в результате зачистки перед ними, является обломанной частью восточной стелы. Её общие размеры, учитывая обломок: 32 x 17 x 3 см. С одной из сторон стелы имеется искусственная выемка – обозначение шеи-головы. Размеры обломка плиты, относящейся ко второй, западной стеле следующие: 52 x 24 x 6 см.

Вдоль восточной стенки оградки, с ее внешней стороны была обнаружена деревянная жердь, диаметром 9 см, длиной 223 см. Она лежала параллельно стенке оградки на древней поверхности. При разборке заполнения оградки выяснилось, что её основание выложено плоскими сланцевыми плитами. Особенно это четко прослеживалось по периметру оградки. Заполнение оградки состояло из мелких камней и галек.

В центре «ящик», образованный двумя вертикально установленными плитами, подпирали массивные камни. С восточной стороны и в непосредственной близости от ящика была уложена плита размерами 56 x 30–37 см. Одной своей стороной она уходила вглубь. Как выяснилось в результате зачистки и разборки, первоначально эта плита перекрывала жертвенную ямку, но в последствии под тяжестью насыпи одним своим краем провалилась внутрь. Сразу после снятия плиты, на глубине 12 см было обнаружено частично раздавленное деревянное блюдо не очень хорошей сохранности. Один его край не сохранился. Его размеры: 37 x 16 см. В нижней части оно имеет четыре ножки. Под ним на глубине 15 см была зачищена дощечка длиной 50 см и шириной 10 см. Дощечка оказалась крышкой длинного лотка, который лежал на глубине 20 см. От него сохранились два больших обломка, но благодаря тому, что они торцевые и находились *in situ*, установлены его размеры – 51 x 14 см. Здесь же были обнаружены фрагмент керамики (?) и несколько позвонков барана. Размеры жертвенной ямки составили 77 x 27–30 см.

В 18 см на запад от жертвенной ямки в самом центре оградки (под «ящиком») была зафиксирована ещё одна ямка, диаметром 25–28 см. В ней на глубине 15 см обнаружена панцирная пластина и вертикально вкопанный лиственничный столбик. Его первоначальная высота составляла

около 41 см при диаметре в 16 см. Глубина ямы от уровня древней поверхности достигала 48 см. Столбик вкопан в очень узкую яму и не был забутован камнями. Вероятно, первоначально он не выступал наружу, а был вкопан в яму целиком, т.к. сверху над ним древесный тлен не прослеживался и панцирная пластина лежала поверх ствола.

Обнаруженная в оградках Кызыл-Шина деревянная посуда и некоторые другие предметы являются уникальными для погребально-поминальных древнетюркских памятников Алтая и сопредельных регионов. Следует отметить высокую степень сохранности и, как следствие этого, информативности этих материалов. И хотя остатки деревянной посуды не так уж редко фиксируются в древнетюркских погребениях и поминальных оградках (Кубарев, 2005а, с.67), целые экземпляры подобной посуды единичны. Хорошо сохранившиеся деревянные блюда на ножках и функционально близкие к ним лотки с крышкой найдены в некоторых древнетюркских памятниках Алтая: Табажек, поминальная оградка (Захаров, 1926, рис. 1, 3), Юстыд XII, курган 29 (Кубарев, 2005а, с.67, табл. 36, 1, 2), Чатыр, погребение (Худяков, Кочев, 1997, рис. III, 2). Известны такие находки и в Туве – в могильнике Кокэль-2, -13, -23 (Вайнштейн, 1966, табл. I, 6; табл. IV, 8; табл. VII, 14). Несомненно, такие находки значительно расширяют наши представления о собственно бытовой утвари, а также об её роли в погребально-поминальной обрядности древних тюрков. Обращает на себя внимание деревянная крашенная красной краской «палочка» (рис. 4, 2), назначение которой пока не ясно. Не исключена её принадлежность, как к кухонной утвари, так и к костюму – заколка для волос (?) Уникальным следует признать и деревянный вотивный сосудик (рис. 5), который был специально изготовлен для поминального ритуала. Он повторяет форму и пропорции реально существовавших металлических, а возможно и деревянных прототипов. Только благодаря этой находке удалось интерпретировать другой предмет из оградки № 1, обнаруженный годом раньше и первоначально обозначенный как предмет неизвестного назначения. И хотя здесь сохранилась только половина изделия, несомненно, что этот предмет также представляет собой вотивный деревянный сосуд (рис. 2, 1).

Древнетюркские оградки в местности Кызыл-Шин привлекли наше внимание, прежде всего, возвышавшимися в центре лиственничными стволами. Благодаря сухому и холодному климату Чуйской котловины и прилегающих к ней долин стволы лиственниц более тысячи лет простояли вкопанными в центре оградок и при этом прекрасно сохранились. Исследованные оградки дополняют корпус поминальных памятников древних тюрков Алтая. Они принадлежат к наиболее распространенному типу оградок – яконурскому (Кубарев, 1984, с.50). Убеждает в этом их параметры (длина сторон от 2,7 до 3,6 м) и наличие в центре ям с лиственничными столбами. Оградки также объединяют в одну группу традиционные и характерные особенности поминального обряда алтайских тюрков. Например, наличие в западной части многих оградок, жертвенных ящичков, сложенных из деревянных дощечек или сланцевых плиток.

Несмотря на небольшую серию исследованных оградок, их материалы достаточно информативны и позволяют придти к некоторым новым выводам и интерпретациям относительно характера и процедуры возведения подобных памятников. Лиственничные стволы в оградках № 9 и 12 были сознательно обрублены, т.к. их тлен не был прослежен в заполнении насыпи. Кроме того, сверху эти ямки были заложены гальками и в одном случае (оградка № 12) над лиственничным стволом был прослежен прокол, а в другом (оградка № 9) – над стволом обнаружена панцирная пластина. В целом, следует отметить интересную закономерность. В оградках, в которых были зафиксированы обрубки стволов в ямках, сами лиственничные стволы были небольшого диаметра (около 15 см). Они вкапывались в узкую яму без какой-либо забутовки камнями. Таким образом, эти стволы изначально не были предназначены для возвышения над насыпью оградки. В то время, как лиственничные стволы, сохранившиеся до наших дней над насыпями поминальных оградок, значительно большего диаметра (около 30 см) и, как показали раскопки, закопаны на значительную глубину (до 60 см), тщательно забутованы массивными, либо среднего размера плитами.

Последнее свидетельствует в пользу того, что первоначально в этих оградках был вкопан высокий столб, а возможно и дерево. Лишь позднее он был обрублен. Эти факты противоречат точке зрения Худякова Ю.С. о том, что обрубки деревьев или деревянных столбов устанавливались внутри ямок до сооружения насыпи и не были предназначены для того, чтобы выситься над поверхностью земли (Худяков, Ким, 1999, с.29). Исследователь не пытается объяснить, для какой цели обрубки стволов вкапывались в ямы и сверху закладывались камнями.

Одним из первых на такую особенность как вкапывание в центре и иногда по периметру некоторых древнетюркских оградок деревянных стволов, либо деревьев обратил внимание В.Д. Кубарев (1979, с.158; 1984, с.70–71; 2001, с.36–38). Им же была исследована достаточно представительная серия подобных оградок на территории Южного Алтая (Кубарев, 1979, с.139–143).

Иногда у лиственничных стволов фиксировались сучки, кора и остатки корневищ. Оградки с остатками лиственничных стволов в центре, исключая уже упомянутые, в разные годы раскапывались на Алтае (Киселев, 1951, с.545; Нестеров, Милютин, 1995, с.162–163 и др.), в Туве (Кызласов, 1969, с.30; Худяков, Ким, 1999, с.26–27 и др.) и в Монголии (Войтов, 1996, с.115). Наиболее обоснованным представляется вывод тех исследователей, утверждающих, что деревья, вкопанные в центре многих древнетюркских оградок, имели культовый характер и символизировали мировое или шаманское дерево (Кубарев, 1984, с.70–71; Войтов, 1996, с.115–116).

По-видимому, на определенном этапе совершения ритуала и сооружения оградки лиственничные стволы возвышались над ней, а потом сознательно подрубались и закапывались (очень сложно представить целесообразность и назначение изначального зарывания лиственничного пенька на глубину в яму). Не исключено, что лиственничная жердь длиной 223 см, найденная с внешней стороны восточной стенки оградки № 9 урочища Кызыл-Шин, не что иное, как срубленный и уложенный в непосредственной близости с оградкой лиственничный ствол, часть которого зафиксирована в центральной ямке этой же оградки. В тоже время, на некоторых оградках лиственничные стволы изначальное приготавливались для того, чтобы выситься и после сооружения насыпи. Очевидно, создание оградки не было единовременным актом – сначала сооружалась оградка из вертикально вкопанных плит и столба-дерева в центре. При этом в течение определенного времени проводились ритуалы общения и прощания с душой умершего. Следующим, заключительным этапом была рубка ствола и возведение в оградке насыпи из камней. Однако в некоторых случаях ствол сознательно оставляли, и он возвышался и после сооружения насыпи оградки. Дальнейшие раскопки поминальных сооружений древних тюрков, возможно, позволят объяснить этот факт.

Предметы, обнаруженные в жертвеннике оградки № 1 в погребально-поминальном комплексе Кызыл-Шин, позволяют более определенно судить о дате возведения этого поминального сооружения. В особенности это относится к наконечнику ремня, выполненному в виде спаянных шариков. Прямых аналогий подобному наконечнику ремня на территории Саяно-Алтая нам не известно, однако следует отметить, что такой же орнаментальный приём использовался при изготовлении поясной гарнитуры могильника Кудыргэ (Гаврилова, 1965, табл. XXIV, 12). Это позволяет предварительно датировать как собственно наконечник ремня, так и сооружение оградки ранним периодом древнетюркской истории – VI–VII вв. Судя по близости конструктивных особенностей поминальных оградок (наличие жертвенного ящичка из деревянных дощечек), наличию идентичного инвентаря (например, деревянных вотивных сосудиков), наиболее вероятная датировка оградки № 5 по аналогии с оградкой № 1 также может быть определена в пределах VI–VII вв. Не исключено, что датировка других исследованных в урочище Кызыл-Шин памятников близка к уже выдвинутой.

Значение исследованных оградок в местности Кызыл-Шин определяется наличием и хорошей сохранностью лиственничных стволов. В закопанной части они сохранились на всю первоначальную толщину, что даст возможность максимально точно зафиксировать год рубки деревьев. Взаимодополняющие друг друга радиоуглеродный и дендрохронологический анализы этой древесины позволят получить абсолютную дату сооружения исследованных поминальных памятников и подтвердить или опровергнуть предложенную нами предварительную датировку исследованных памятников. Учитывая, что существующая древесно-кольцевая хронология по древесине Алтая, полученная в Институте леса СО РАН (Овчинников, 2002), доведена сейчас от конца XX до середины VIII в. и имеет перспективу дальнейшего углубления, появляется реальная возможность связать плавающие археологические дендрошкалы с абсолютно датированной древесно-кольцевой хронологией, что поднимает качество датирования памятников на совершенно новый уровень.

Литература

- Вайнштейн С.И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. 1966.
- Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965.
- Захаров А. А.* Материалы по археологии Сибири (раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г.) // Тр. ГИМ. 1926.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кубарев В.Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.

Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005а.

Кубарев Г.В. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005б. Т. XI. Часть I.

Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. Исследование древнетюркских оградок в устье Чаганузуна (Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII, часть I. Новосибирск, 2006.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006.

Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995.

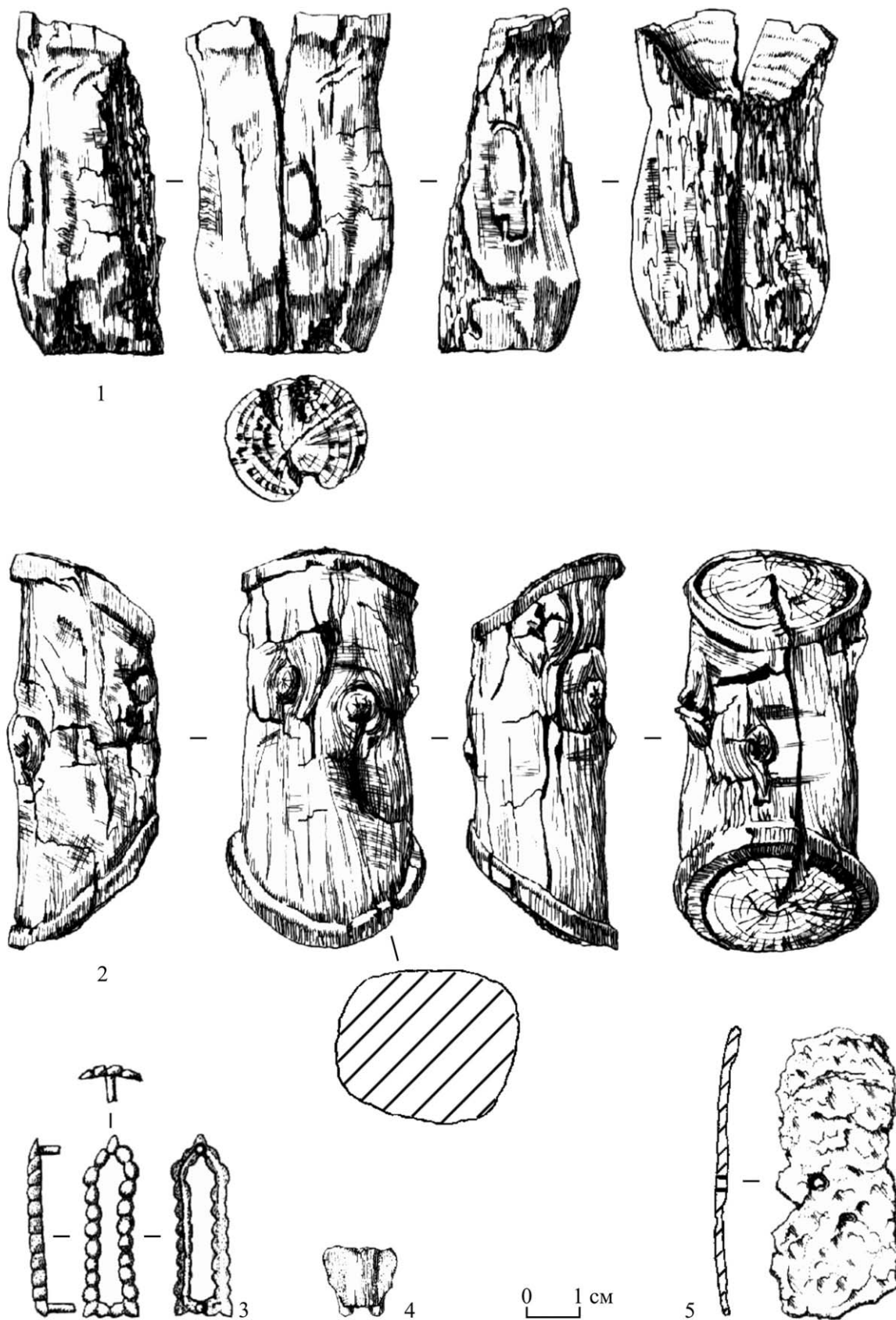
Овчинников Д.В. Реконструкция изменений климата гор Алтая дендрохронологическими методами: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2002.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997.

Худяков Ю.С., Ким С.А., 1999. Древнетюркские поминальные оградки в долине р. Нарын в Туве // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999.

Рис. 1. Вид на оградку № 1 с выбранным заполнением в урочище Кызыл-Шин.

Рис. 2. Предметы, обнаруженные в жертвеннике оградки № 1 урочища Кызыл-Шин. (1 – деревянный вотивный сосуд, 2 – деревянный предмет неизвестного назначения, 3 – бронзовый ажурный наконечник ремня, 4 – бараний позвонок, 5 – железная панцирная пластина).

Рис. 3. Вид на жертвенный деревянный ящик оградки № 5 в местности Кызыл-Шин.

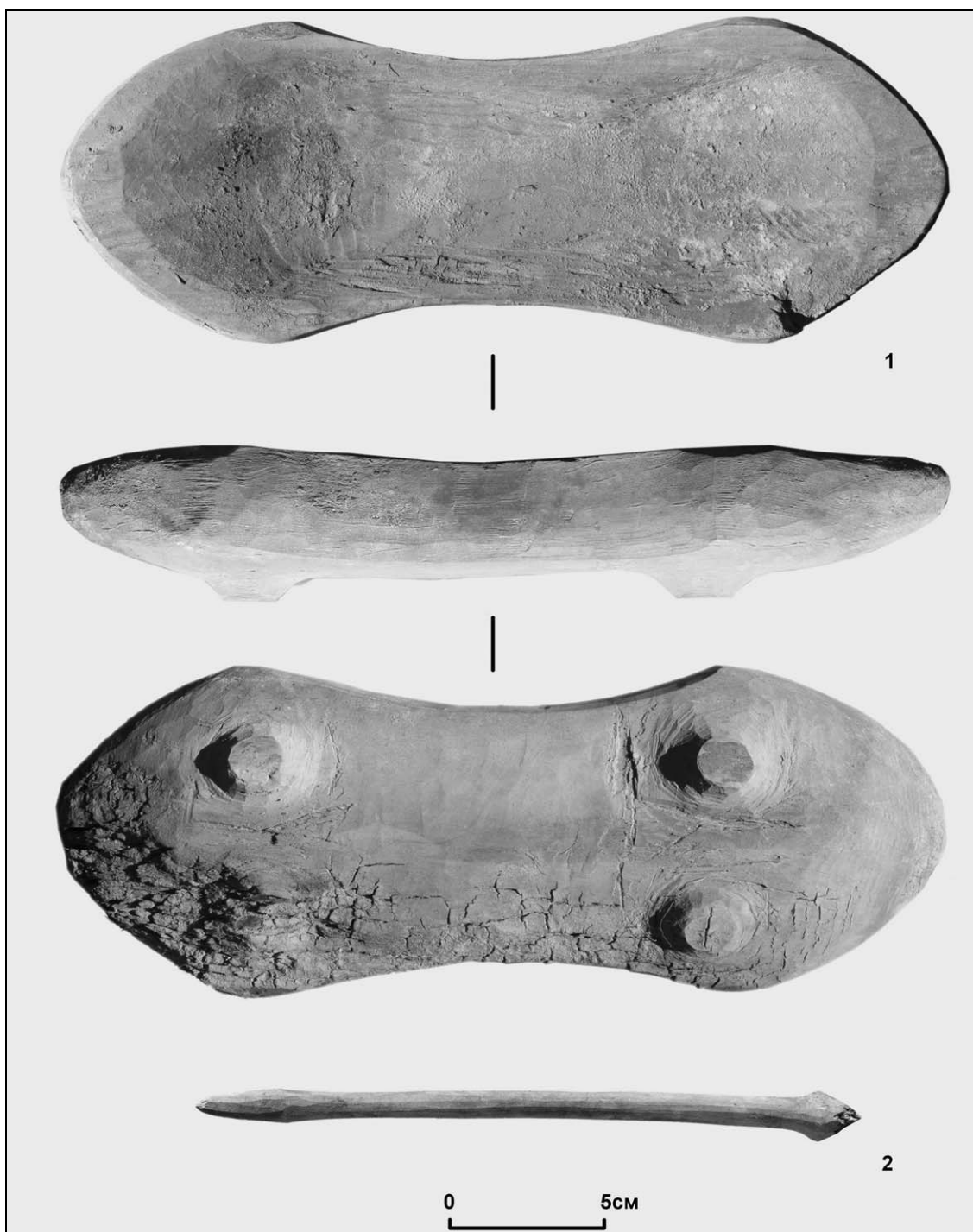

Рис. 4. Деревянное блюдо на ножках и деревянная «палочка» из жертвенника оградки № 5. Кызыл-Шин.

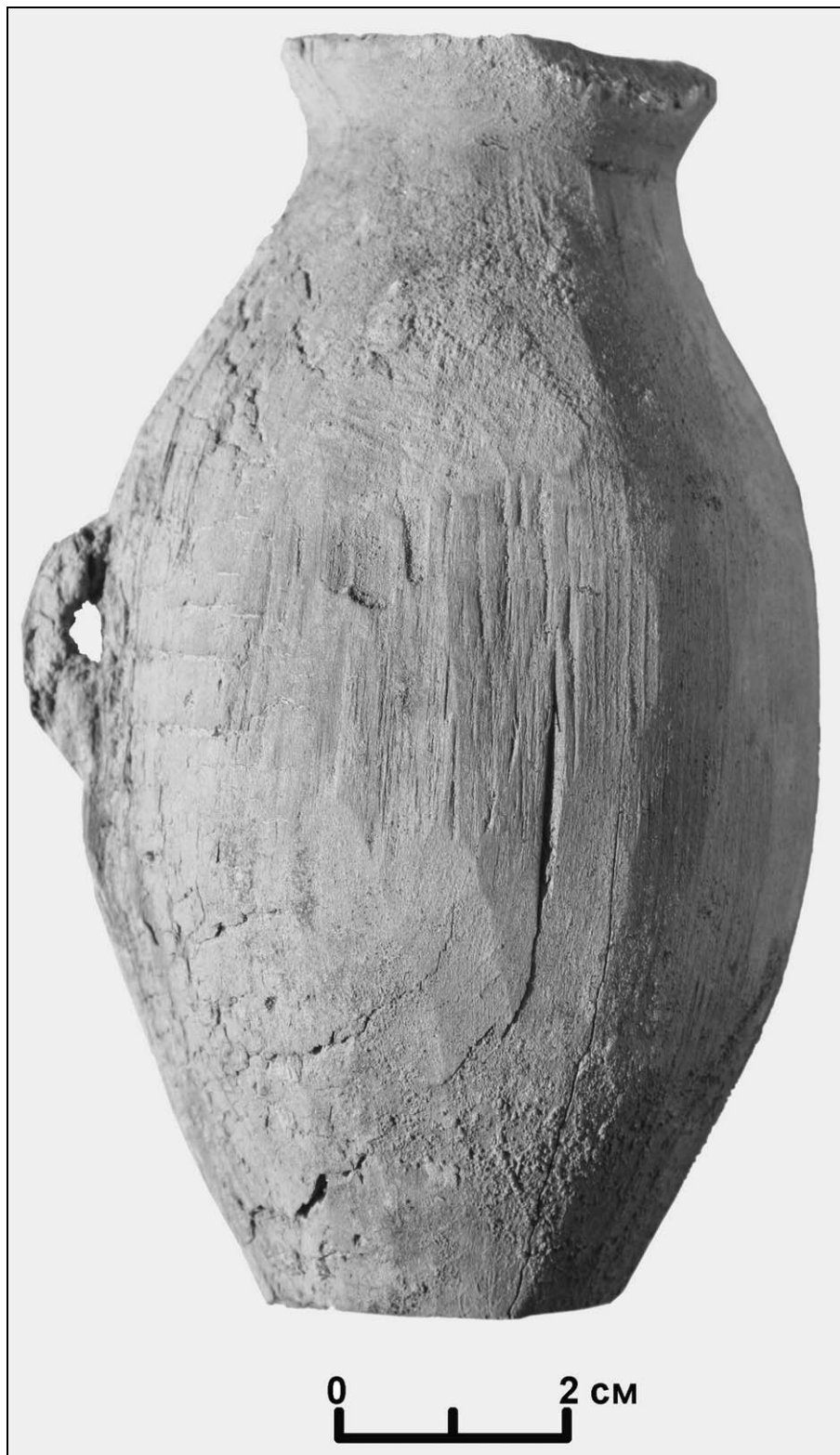

Рис. 5. Деревянный вотивный сосуд из жертвенника оградки № 5. Кызыл-Шин.

Юрий Кирюшин, Вадим Горбунов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

НАЧАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ТЮРКИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ*

Южная часть Западной Сибири является регионом лесостепной зоны Евразии, в котором происходили контакты промыслового таежного населения со скотоводческими племенами Средней и Центральной Азии. К середине I тыс. н.э. основной массив населения юга Западной Сибири был самодийским, освоившим данную территорию в ходе последовательных миграций конца I тыс. до н.э. – первых веков I тыс. н.э. (Чиндина, 1991, с.129). За это время самодийцы, очевидно, полностью ассимилировали оставшиеся группы ираноязычных скотоводов, проживавших здесь со второй четверти I тыс. до н.э. (Троицкая, Новиков, 1998, с.79). Дальнейшие этнокультурные процессы были связаны с проникновением в Западно-Сибирскую лесостепь тюркоязычных кочевников. В научной литературе за ними утвердилось название «тюркизация» (Бараба, 1988, с.167; Чиндина, 1991, с.123; Савинов, 1994, с.4; Троицкая, Новиков, 1998, с.85).

Под словом «тюркизация» мы понимаем миграцию тюркоязычного населения на новые земли, в результате которой происходило освоение территории и смешение с ее автохтонными жителями при господстве материальной и духовной культуры пришлого компонента. Для юга Западной Сибири процессы тюркизации в раннем средневековье слабо освещены письменными источниками. Поэтому решающая роль в их реконструкции принадлежит археологическим материалам. Среди последних наиболее показательны предметные комплексы и погребальный обряд.

Типовые наборы вещей хорошо отражают определенные этнокультурные традиции и отбивают хронологию событий. Однако только одно их появление на новых территориях еще не означает проникновения сюда носителей самих традиций. Это обусловлено возможностью торговых отношений, военных набегов, распространением передовых технологий и моды. Погребальный обряд, как наиболее консервативная сторона мировоззрения, реагирует на происходящие изменения, когда они приобретают форму непосредственных межэтнических контактов. Различные составляющие обряда: погребальные сооружения, способы погребения несут в себе информацию о конкретных этнических компонентах.

Самодийским памятникам Западной Сибири присущи грунтовые и подкурганые погребения по обрядам ингумации и кремации (Чиндина, 1991, с.31; Конинов, 1992, с.43; Казаков, 1996, с.172; Троицкая, Новиков, 1998, с.23; Илюшин, 1999, с.46). У тюркоязычных кочевников Евразии господствующим был обряд подкурганного захоронения по способам ингумации в сопровождении верхового коня или шкуры коня. Ингумация с конем характерна для тюрок и племен, вышедших из их среды карлуков, кимаков, части хазар (Бичурин, 1950, с.347; Кумек, 1972, с.40; Нестеров, 1980, с.12–14; Флерова, 2001, с.166–174). Ингумация со шкурой коня фиксируется у ряда племен огузской конфедерации: праболгар, гузов, кыпчаков (Кляшторный, Султанов, 2000, с.118, 137; Гарустович, Иванов, 2001, с.94). Только у двух крупных тюркоязычных этносов наблюдаются иные способы погребений. Это кыргызы, у которых, исходя из письменных и археологических данных, существовал устойчивый обряд полной кремации взрослого населения, и уйгуры, хоронившие умерших, судя по письменным источникам, по обряду типа вторичной ингумации (Бичурин, 1950, с.216, 353).

Самые ранние памятники по обряду ингумации с конем на юге Западной Сибири датируются второй половиной IV–V вв. Они известны в Лесостепном Алтае (Ераска, Татарские могилки, Ближние Елбаны-XIV) и Барабе (Сопка-2). Наиболее близкие и синхронные аналогии данные погребения находят среди материалов булан-кобинской культуры Горного Алтая, составившей основной компонент в сложении тюркского этноса. Погребения с конем в лесостепном Алтае появляются одновременно с памятниками по обряду ингумации с кольцевой деформацией головы (Тугозвоново, Нечунаевский Елбан-2, Ближние Елбаны-III, XII, XIV, Татарские могилки), которые своим происхождением связаны с кенкольской культурой Семиречья (княжество Юэбань в китайских летописях). Инвентарные комплексы этих новых памятников также имеют булан-кобинские и кенкольские

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-01-60105 а/Т).

аналогии. Приход иноэтничного населения в Западно-Сибирскую лесостепь можно связать с образованием (359 г.) и военной активностью Жужанского каганата: войны жужаней с княжеством Юэбань (400–401, 418–419 гг.), вытеснение части огузов в Семиречье и гибель этого княжества (487–488 гг.) (Бичурин, 1950, с. 187, 217; Гумилев, 1993, с.13–14). Вероятно, данная миграция послужила своеобразным внешним толчком для распада «самодийской конфедерации» (кулайская историко-культурная общность) на отдельные образования. В лесостепном Алтае при непосредственном участии кенкольского и булан-кобинского компонентов сложилась одинцовская культура, в Новосибирском Приобье обособилась верхнеобская культура, в Томско-Нарымском Приобье – релкинская, в Барабе и Среднем Прииртышье – потчевашская, в Кузнецкой котловине – саратовская. Считать первое появление тюркоязычного населения (каковым могли быть не только «булан-кобинцы», но и часть «кенкольцев») в южных районах Западной Сибири началом тюркизации этого региона будет неправильным. Число мигрантов, судя по памятникам, было небольшим, и они достаточно быстро ассимилировались в самодийской среде. Данный факт подтверждается господством местных норм погребальной обрядности в памятниках VI–VII вв.

Некоторые ученые в своих работах относили начало тюркизации Западной Сибири к VI–VII вв., связывая это с образованием и деятельностью Тюркских каганатов (Неверов, 1991, с.182; Конилов, 1992, с.49). Действительно, на указанной территории в это время появляются наборы предметов (вооружение, конская амуниция, украшения), выполненные в тюркской традиции. Но все вещи находятся в погребениях, совершенных по местным обрядам. Кроме изделий тюркского облика в этих могилах присутствует и инвентарь, выполненный в самодийской традиции: наконечники стрел, ножи и ножны к ним, поясные наборы, керамика, украшения костюма. Обращает на себя внимание и факт использования многих тюркских вещей не по первоначальному назначению. Так, различные уздечные украшения начинают входить в состав поясной гарнитуры и наоборот. Сделанные наблюдения говорят только о влиянии материальной культуры тюрков на население Западно-Сибирской лесостепи. До сих пор здесь не найдено и погребений VI–VII вв., соотносимых с каким-либо тюркоязычным этносом. Правда, три могилы по обряду ингумации с конем исследованы на одинцовском памятнике Горный-10, расположенном в северных предгорьях Алтая. Однако размещение коней в могилах не соответствует тюркским канонам: конь находится под человеком (Абдулганеев, 2001, с.128). Это свидетельствует о переосмыслении исходного обряда и принадлежность данных погребений тюркам маловероятна. Исходя из вышеизложенного, говорить о тюркизации юга Западной Сибири во время существования Тюркских каганатов преждевременно.

Более обоснованной выглядит позиция исследователей, относящих начало тюркизации лесостепных районов Западной Сибири к середине VIII в. (Бараба, 1988, с.3). Именно с этого времени здесь появляются могильники, содержащие значительное число захоронений по обряду ингумации с конем (Иня-1, Чингис-2) и шкурой коня (Чулым-2), аналогичные тюркской и огузской группам погребений, распространенным от Монголии до Восточной Европы. Вероятной причиной миграции тюркоязычного населения на новые земли явилось падение II Восточно-Тюркского каганата (744 г.). Этноты, составлявшие политическую элиту этого государства, – тюрки и сиры (кыпчаки – по убедительной версии С.Г. Кляшторного), разгромленные коалицией басмылов, уйгуров и карлуков, были вынуждены покинуть степи Монголии. Одна их часть отступила в Китай, вторая удержалась в Южной Сибири, а третья продвинулась на север в пределы Западной Сибири. Сведения о разгроме двух тюркоязычных этносов могут быть соотнесены с двумя типами новых погребений появившихся в Западной Сибири. Обряд ингумации с конем соответствует тюркам, а обряд ингумации со шкурой коня – сирам-кыпчакам. Памятники тюрков локализируются в лесостепном Алтае и занимают ареал одинцовской культуры, а памятники кыпчаков – в Барабинской лесостепи на части территории потчевашской культуры.

Переселение тюркоязычного населения на юг Западной Сибири, по нашему мнению, носило характер завоевания, в результате которого местное самодийское население было подчинено кочевниками и включено ими во вновь созданные объединения. Данный процесс отражают курганы второй половины VIII – первой половины IX вв., под насыпями которых фиксируются могилы по обряду ингумации с конем или шкурой коня и могилы по обряду ингумации и кремации. Первые занимают в кургане центральное положение и содержат наиболее богатые предметы, вторые – окраинное положение и немного вещей (Уманский, 1970, с.47–50; Бараба, 1988, с.53–54; Троицкая, Новиков, 1995, с.146). Инвентарь обозначенных памятников соответствует материальному комплексу катандинского и туэктинского этапов тюркской культуры Центральной Азии с

небольшой долей самодийских черт (некоторые типы керамики, наконечников стрел, украшений). Взаимодействие пришлого и местного населения привело к образованию новых этнокультурных общностей. На территории лесостепного Алтая складывается сrostкинская культура с основой из тюркского и самодийского компонентов. В Барабинской лесостепи формируется культура, сочетающая кыпчакский и самодийский компоненты. Она довольно быстро распространяется в Среднем Прииртышье и Северном Казахстане, достигая Южного Урала. Территория, ею занимаемая, соответствует ареалу расселения кыпчаков в конце VIII – начале XI вв. по письменным источникам (Кумек, 1972, с.43, 56–57). Учитывая данное обстоятельство, логичнее всего обозначать эту культуру «кыпчакской».

В середине IX в. возникают две новые державы кочевников: Кыргызский и Кимацкий каганаты, чьи северные владения соприкасаются с Западной Сибирью. Письменные источники отмечают вхождение в Кимацкий каганат кыпчаков. Данный факт подтверждается и археологически. В курганах кыпчаков второй половины IX – первой половины XI вв. известны погребальные сооружения из сырцовых оград-стенок вокруг центральной могилы, копирующие кимакские каменные ограды-стенки из Восточного Казахстана (Могильников, 1999, с.68). В ареале сrostкинской культуры появляются отдельные памятники кыргызов (Гилево-III, XV) и кимаков (Гилево-VII, Корболиха-X), сосредоточенные в приграничном районе северо-западных предгорий Алтая. В целом за период «великодержавия» Кыргызского и Кимацкого каганатов на юге Западной Сибири не наблюдается значительного притока тюркоязычного населения. Процессы тюркизации продолжались здесь в рамках ранее созданных общностей – сrostкинской и кыпчакской.

Более существенные изменения приходятся на середину X в. С этого времени начинается расширение ареала сrostкинской культуры в северном и восточном направлении. Сrostкинское население занимает земли верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье (Березовый Остров-1, Высокий Борок, Крохалевка-13) и земли саратовской культуры в Кузнецкой котловине (Мусохраново-3, Торопово-1, Шанда, Беково). Политическая ситуация второй половины X – первой половины XI вв. способствовала постепенному усилению западно-сибирских тюркоязычных объединений за счет ослабления Кыргызского и Кимацкого каганатов, из-за военного напряжения на их южных границах и развития внутренних центробежных тенденций. В результате процессы тюркизации охватили новые лесостепные районы Западной Сибири.

Дальнейшее изменение ситуации на юге Западной Сибири начинается с середины XI в. Оно связано с расселением кыпчаков по поясу Евразийских степей. Помимо основного западного направления миграции, археологические источники фиксируют и ее восточное направление. Памятники кыпчаков второй половины XI – XII вв. появляются в ареале сrostкинской культуры: Новосибирское Приобье (Быстровка-1), Кузнецкая котловина (Калтышино-I, Промышленная-1), степной Алтай (Барчиха), а также проникают в Томское Приобье (Басандайка). Таким образом, в процессы тюркизации включается вся территория Западно-Сибирской лесостепи, пригодная для ведения скотоводческого хозяйства.

Всего для эпохи раннего средневековья можно выделить три периода тюркизации Западной Сибири:

- I. Тюрко-кыпчакский (вторая половина VIII – первая половина X вв.).
- II. Сrostкинский (вторая половина X – первая половина XI вв.).
- III. Кыпчакский (вторая половина XI – XII вв.).

Общей особенностью процессов тюркизации в это время является то, что они носили характер культурной ассимиляции, но не привели к полному слиянию тюркоязычного и самодийского населения в новые этносы. Это было обусловлено социально-политической структурой созданных объединений, при которой тюркоязычные кочевники занимали господствующее положение, а самодийцы – зависимое. Такая модель была наиболее приемлема при численном преобладании аборигенного населения. Последующие процессы тюркизации на юге Западной Сибири связаны с монгольскими завоеваниями в начале XIII в. и созданием тюрко-монгольских государств в эпоху развитого и позднего средневековья.

Литература

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I.

- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001.
- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993.
- Илюшин А.М.* Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999.
- Казаков А.А.* К вопросу о формировании одинцовской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Конилов Б.А.* Основы средневековой археологии Западной Сибири. Омск, 1992.
- Кумекоев Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
- Могильников В.А.* Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1999. Вып. 2.
- Неверов С.В.* Хронология и периодизация сроткинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
- Нестеров С.П.* Этническая принадлежность носителей обряда погребений с конем // Материалы XVIII ВНСК «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1980.
- Савинов Д.Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Средневековый могильник у села Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995.
- Уманский А.П.* Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Барнаул, 1970. Вып. 11.
- Флерова В.Е.* Подкурганые погребения Восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Евразии в эпоху средневековья. Хазарское время. Донецк, 2001. Т. 2.
- Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991.

Людмила Гмыря

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН, г. Махачкала

Рабдан Магомедов

НПЦ «ДАРС», г. Махачкала

ИНТЕРЕСНЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПАЛАСА-СЫРТСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА IV–V вв. (раскопки 2006 г.)

В апреле–мае 2006 г. на Паласа-Сыртском курганном могильнике IV–V вв. были проведены охранно-спасательные раскопки трех курганов, получивших повреждения при монтаже конструкций ВЛ–10 кВ в зоне прохождения конструкций трассы нефтепровода большого диаметра Баку–Тихорецк. Работы проводились Дагестанской новостроечной археологической экспедицией, организованной НПЦ «ДАРС» (директор к.и.н. Р.Г. Магомедов) и Институтом ИАЭ ДНЦ РАН, финансирование осуществлялось гензаказчиком ОАО «Черномортранснефть». Раскопки курганов произведены Л.Б. Гмырей на основании Открытого листа, выданного ОПИ ИА РАН.

Могильник расположен в окрестностях с. Рубас Дербентского района Республики Дагестан, в 30 км к югу от г. Дербента. Обширное курганное поле включающее около 1 тыс. погребений, занимает равнинные участки Паласа-Сыртской возвышенности, расположенные по обоим берегам нижнего течения р. Рубас, к западу и востоку от реки.

Работы на могильнике были возобновлены через 19 лет после исследований Паласа-Сыртской археологической экспедиции ИИЯЛ ДНЦ РАН в 1981–1987 гг. 61 кургана (Л.Б. Гмыря). Раскопки на могильнике были начаты еще в 1880 г. Н.О. Цилюсани (21 курган), позднее – в 1953 г. в период разведочных работ В.Г. Котовичем было раскопано еще 5 курганов. Всего на Паласа-Сыртском могильнике было изучено 87 курганов, содержащих 90 погребений. Погребальные сооружения были различной формы – катакомбы (большая часть), подбои и грунтовые ямы. Погребения датированы IV–V вв. и характеризуют культуру кочевых племен, внедрившихся в регион в начальный этап эпохи Великого переселения народов (См.: Гмыря Л.Б., 1993).

Наибольший интерес из исследованных погребений 2006 г. представляют вещевые комплексы курганов № 91 и 193. Они выделяются многообразием включенных в погребения изделий (комплекс к. № 91 насчитывает 108 ед.; к. № 193, п. 1 – 133 ед.), их разнохарактерностью, высокохудожественным исполнением и уникальностью

Курган № 91 находился на северном участке могильника (левый берег р. Рубас). Насыпь (высота в центре 0,42 м, диаметр 12 м) была сооружена из суглинистого грунта толщиной в центре 0,32 м. Древний почвенный слой (супесь светло-коричневого цвета) имел толщину 0,2 м.

Под насыпью в западном ее поле (юго-западный сектор) находилось погребение, совершенное в катакомбе, сооруженной в слое материковой сланцевой глины. Входная яма, ведущая к погребальной камере, имела прямоугольную форму (размеры 2,03 x 1 м) и была вытянута длинной осью с ССЗ на ЮЮВ. По дну она была короче и уже (размеры 1,36 x 0,8 м). Глубина ямы составила 1,22 м от уровня древнего почвенного слоя. Заполнение входной ямы состояло из сланцевой материковой глины зеленоватого цвета (Рис. 1, А, Б).

Вход в погребальную камеру находился в северной торцевой стенке входной ямы, он был заложен каменным блоком (размеры 0,48 x 0,68 м) толщиной 0,12 м, щели между ним и стенками входного отверстия были замазаны глиняным раствором.

Погребальная камера яйцевидной формы (размеры 1,74 x 0,85 м) была ориентирована с ЮЗЗ на СВВ (перпендикулярно по входной яме). Уровень ее пола находился на 0,48 м ниже уровня дна входной ямы. Камера была очень низкой, высота потолка составляла 0,8 м. Она, как и входная яма, была сооружена в материковой сланцевой глине, однородность которой была нарушена прослойкой сланца, которая была разрушена в ходе сооружения погребальной камеры (рис. 1, А, Б).

Погребальная камера была плотно заполнена глыбами обрушившегося потолка.

На полу ее находился костяк девочки 10–12 лет (?), ее рост составил 1,36 м. Погребенная была захоронена в вытянутой на спине позе, головой к ЮЗЗ. Пол камеры был обильно посыпан мелом (известью), погребенная лежала на растительной подстилке, от которой сохранился глен сиреневатого цвета (рис. 1, А).

Руки погребенной были согнуты в локтях, кисть правой руки находилась на левом крыле таза, левая рука была отведена от туловища на расстояние 0,23 м. Ноги были вытянуты, правая нога слегка согнута в колене. Череп склонен к левому плечу.

Инвентарь погребения в кургане № 91 был разнообразным и включал уникальные изделия.

Слева от черепа на боку лежал небольшой красноангобированный кувшин (высота 13 см) (рис. 2, 36). По обе стороны от черепа лежали две золотые серьги кольцевидной формы, также с золотой напускной филигранной бусиной из скрученной проволоки, сквозные отверстия на одной из бусин были заклепаны тонкими золотыми пластинками. Кольца серег были разного размера – 2 и 1,5 см, бусины – одинаковые (диаметр 1 см) (рис. 2, 33–34).

На шейных позвонках находилась массивная бронзовая (?) шейная гривна, выполненная из гладкого проволочного прута с утолщением в средней части. Застежка оформлена в виде сквозного отверстия на одном предварительно расплюсненном конце и крюка на другом (рис. 2, 35).

У нижней челюсти с правой стороны погребенной находилась серебряная (?) подвеска круглой формы (диаметр 1,8 см) с перегородчатой инкрустацией из эмали (?). Рамка снабжена четырьмя петельками округлой формы (рис. 2, 32).

В верхней части правой половины грудной клетки лежала золотая подвеска овальной формы (размеры 2,1 x 1,6 см) с вставкой из камня красного цвета (сердолик, гранат – ?) (размеры вставки 0,9 x 1,2 см). Рамка подвески филигранная, на обороте ее припаяна тонкая пластина, на ней напаяна маленькая золотая пластина (следы починки). По обеим сторонам длинной оси подвески имеются две припаянные петельки разной величины, а на рамке – небольшое сквозное отверстие диаметром 0,1 см (рис. 2, 31).

В нижней части левой половины грудной клетки находилась крупная железная лучковая фибула (длина 5 см, высота дужки 1,5 см) с подвязным приемником. На ее игле сохранились отпечатки ткани полотняного переплетения (рис. 2, 30).

Между лучевой костью левой руки и левой половиной тазовой кости погребенной находилось скопление стеклянного бисера синего цвета (62 экз.), там же лежали две раковины каури и гешировая бусина кубической формы со сквозными отверстиями на гранях (рис. 2, 1–17, 23–24).

Под черепом погребенной лежала пастовая зеленого цвета бусина шестигранной формы (диаметр 0,8 см) и 23 экз. бисера синего и зеленого цвета, которыми, видимо, был расшит головной убор, а также 5 экз. мелких коралловых бусин трубчатой формы (длина 0,8–1 см) (рис. 2, 18–22, 25–29).

У правой височной кости, рядом с золотой серьгой лежали две пастовые бусины шаровидной формы, видимо, также украшавшие головной убор.

Под нижней челюстью погребенной у подбородка лежала пастовая полихромная бусина цилиндрической формы (длина 0,7 см).

Бисер (1 экз.) синего цвета находился у нижнего конца правой лопатки; на полу под костяком было найдено еще 3 экз. бисера синего и зеленого цвета.

Погребение в кургане № 91 не было потревожено грабителями.

Курган № 110 (высота в центре 0,42 м, диаметр насыпи 11 м) был расположен южнее кургана № 91. Насыпь кургана состояла из суглинка светло-коричневого цвета толщиной в центре 0,27 м. Погребение представляло собой катакомбу (рис. 3, А–Б), в которой находился скелет одного человека.

Инвентарь состоял из одного крупного кувшина (высота 23 см) неравномерного обжига (поверхность с участками красно-коричневого и серо-коричневого цвета). Венчик сосуда четырехлепестковый. Горловина и ручка залощены вертикальными рельефными полосками, тулово – горизонтальными. Основание горловины украшено зубчатым орнаментом (рис. 4). Кувшин стоял на полу камеры у плечевой кости правой руки.

Курган № 193 находился на южном участке могильника (правый берег р. Рубас). Насыпь (высота в центре 1,2 м, диаметр 13 м) была сооружена из супеси светло-коричневого цвета толщиной в центре 1,1 м. Древний почвенный слой (супесь светло-коричневого цвета) имел толщину 0,2 м.

Под насыпью находилось два погребения: в западной поле кургана – погребение взрослого человека (№ 1), в юго-западном секторе – погребение ребенка (№ 2).

Погребение № 1 было совершено в катакомбе, сооруженной в материковом грунте. Верхний его слой представлял собой очень плотный суглинок светло-бурого цвета толщиной 0,84 м, который подстилал материковый мелкозернистый песок темно-желтого цвета.

Входная яма погребения № 1 узко-прямоугольной формы (размеры 2,3 x 0,5 м) ориентирована на длинной осью с СЗ на ЮВ. Ее стенки были вертикальными за исключением восточной торцевой, которая имела небольшой наклон наружу. В месте ее примыкания к продольной северной стенке имелись две короткие ступени, сооруженные в суглинистом грунте материка. Верхняя из них находилась на глубине 0,4 м от края входной ямы, нижняя – в 0,4 м от первой. Яма имела глубину 1,65 м от уровня древнего почвенного слоя (рис. 5). Ее верхний уровень (0,84 м) был сооружен в материковом плотном суглинке, нижний (0,73 м) – в слое спрессованного мелкозернистого песка. На поверхности северной стенки ямы сохранились в виде неглубоких бороздок шириной 0,1 м следы рабочего инструмента, использовавшегося при сглаживании стенок. Стенки ямы были покрыты тонким налетом извести.

Засыпь входной ямы не была однородной. Ее восточная половина была заполнена песком желтого цвета, западная – тем же песком, перемешанным с суглинком и древним почвенным слоем.

Погребение № 1 было потревожено грабителями в древности, явные следы деятельности которых имелись во входной яме. Об этом свидетельствуют неоднородность консистенции грунта засыпи входной ямы, а также другие факты.

В засыпи входной ямы погребения № 1 находились два крупных каменных блока, которые должны были перекрывать входное отверстие в погребальную камеру. Один из них – песчаник светло-серого цвета прямоугольной формы (размеры 0,54 x 0,38 x 0,12 м) – находился в средней части ямы в вертикальном положении на уровне 0,38 м от ее дна, другой, также песчаник подтреугольной формы (размеры 0,84 x 0,47 – 0,14 x 0,13 м), – у входного отверстия в погребальную камеру. Его широкий конец лежал на дне ямы, частично заходя в погребальную камеру, узкий – располагался на высоте 0,52 м над уровнем дна. Под этим камнем на дне ямы лежали еще два небольших камня (рис. 5–6).

В засыпи ямы были выявлены 14 мелких стеклянных бусин различной формы и цвета, видимо, перемещенные туда из погребальной камеры (рис. 8, 1–12).

Вход в погребальную камеру сферовидной формы (размер 0,4 x 0,9 м) находился в западной торцевой стенке входной ямы. Он не был перекрыт закладом. По его периметру на стенке ямы сохранились куски глиняной обмазки светло-коричневого цвета, которой каменные блоки заклада были первоначально примазаны к стенке ямы. Перед входом в камеру каменной плиткой (размеры 0,42 x 0,23 x 0,08 м) был оформлен порог.

Погребальная камера овальной в плане формы (размеры 2,27 x 1,8 м) была ориентирована с ЮЗ на СВ (перпендикулярно ко входной яме). Уровень ее пола был на 0,27 м ниже уровня дна входной ямы (рис. 5–6). Погребальная камера, как и входная яма, была сооружена в слое плотного суглинка с вкраплениями извести (верхний уровень стен и потолок) и материкового песка (нижний уровень стен высотой 0,5 м). Высота камеры составила 1,4 м.

Ее полость была завалена суглинистым грунтом от обвалившегося потолка и сместившихся боковых стенок. Сместившимися оказались и нижние песчаные слои боковых стенок, перекрыв находящегося в камере погребенного слоем толщиной 0,3 м. Вследствие обвала в боковых стенках образовался пологий уступ шириной 0,4 м, расширив средний уровень камеры на 0,8 м.

На слое песка в 0,3 м выше уровня пола погребальной камеры в ее северо-восточном конце лежал в анатомическом порядке полный скелет молодой особи барана, на правом боку мордой к СЗ.

В центральной части камеры на этом же уровне в 1,3 м от входа находилось скопление отдельных костей животных (ребра, позвонки, кости ног).

Под слоем спрессованного мелкозернистого песка толщиной 0,3 м на полу погребальной камеры лежал скелет молодой женщины 16–17 лет (?), в вытянутой на спине позе головой к ЮЗ. Рост погребенной составил 1,6 м. Череп, подвергшийся искусственной деформации, имел дыневидную форму, он был склонен к правому плечу (рис. 5).

Руки погребенной были вытянуты вдоль туловища, левая рука несколько отведена в сторону. Левая нога была вытянута, правая – согнута в колене с поворотом к входу в камеру. Большинство костей скелета было раздроблено глыбами грунта обвалившегося потолка.

Пол камеры был обмазан толстым слоем глины (15 см) и посыпан сверху мелом (известь). Погребенная была захоронена на растительной подстилке, от которой сохранился тлен бурого-коричневого цвета. Под черепом он был толще (возможно, подушка). Глиной была обмазана и нижняя часть стенок камеры на высоту 10 см.

Ситуация с нахождением костных остатков животных на поверхности 30-и см слоя песка, перекрывавшего скелет погребенной, может быть объяснена следующим образом. Камера, оставшаяся открытой после ограбления, постепенно заполнилась слоем песка, обсыпавшегося из нижних уровней боковых стенок и перекрывшего со временем погребенную. Животные могли случайно попасть в открытую погребальную камеру, где и погибли на поверхности песчаного слоя. Позднее в результате каких-то природных явлений (возможно, землетрясения) обрушился потолок камеры и часть боковых стенок, заполнив суглинистым грунтом ее полость и перекрыв костные останки животных.

Инвентарь погребения № 1 в кургане № 193 был многочисленным (76 изделий), разнообразным и включал ряд уникальных изделий.

Слева от черепа на полу камеры стояли в ряд три керамических сосуда – высокий красноангобированный кувшин (высота 21 см) (рис. 10, 3); сероглиняный горшок шаровидной формы с отогнутым венчиком (высота 12 см), его поверхность была закопчена (рис. 10, 4); красноангобированный кувшин небольших размеров (высота 9 см) (рис. 10, 1). На расстоянии 0,45 м от него у западной стенки камеры стоял еще один сосуд – маленький бордовоангобированный кувшин (высота 7,5 см) (рис. 10, 2). Сосуды находились на расстоянии 0,24 м от головы погребенной.

По обе стороны от черепа лежали две серебряные (?) серьги, состоявшие из проволочного кольца с незамкнутыми заходящими концами и привески каплевидной формы (рис. 7, 3, 5).

Справа и слева от черепа лежали две ременные обоймы длиной 10 см, выполненные в виде узкой ленты шириной 1,75 см с круглым расширением на одном из концов диаметром 3,25 см (рис. 7, 1–2). Основа обойм – серебряная (?), верхняя ее часть – из золота с тисненым орнаментом. Основа и верхняя часть обойм скреплены тремя штифтами, в местах крепления (по краям и в центре) имеются вставки из красного прозрачного материала (гранат, сердолик, стекло?). Обойма, находившаяся слева от черепа погребенной, лежала вдоль ее плеча округлым концом к плечевой кости левой руки. Другая обойма находилась под лицевыми костями правой половины черепа, склоненного к правому плечу. Ее округлый конец был направлен к верхней части грудной клетки. Рядом с ней под костями нижней челюсти находилась железная круглорамчатая пряжка, сильно окислившаяся и приварившаяся к костям черепа (рис. 7, 8). Первоначальное положение обойм, видимо, вдоль плечей погребенной округлыми концами наружу. Их смещение (левой обоймы частичное, правой – сильное) могло произойти в результате сдвига песчаного нижнего слоя боковых стенок камеры.

В верхней части грудной клетки по обе стороны от позвоночника лежали две крупные серебряные двупластинчатые фибулы с железными иглами (длина 8 см) с головными щитками листовидной формы с зубчатыми краями (рис. 7, 6–7). Фибулы лежали головками к плечам. Левая фибула – дужкой вверх, правая – дужкой вниз (перевернуто).

Над левым крылом таза на полу камеры находилась железная поясная пряжка круглорамчатой формы с подвижным коротким язычком (рис. 7, 9).

Слева от нее у лучевой кости левой руки также на полу камеры лежал железный нож (длина 15 см, длина лезвия 10,7 см) острием вниз (рис. 7, 11). На штыре сохранилась серебряная (?) заклепка от крепления деревянной ручки.

У левой тазовой кости на полу камеры лежало небольшое серебряное (?) зеркало с петлевидной ручкой в центре (диаметр 4,9 см). Внешняя поверхность его была орнаментирована радиальными рельефными линиями (рис. 7, 10). Зеркало лежало лицевой стороной к полу камеры.

Среди инвентаря погребенной имелось большое количество бус (68 экз.). Они были сосредоточены группами, которые находились: с внешней стороны плечевой кости правой руки; с внутренней стороны плечевой кости правой руки рядом с фибулой; с внутренней стороны плечевой кости левой руки рядом с фибулой; над правым крылом таза. Бусы были различных форм и из многообразных материалов: гешировые, стеклянные, в том числе с внутренней позолотой, фаянсовые, из стекловидной пасты, в том числе полихромные и с орнаментом (глазчатые, инкрустированные, шахматный орнамент), сердоликовые, агатовая (рис. 8; 9, 1–32).

У берцовой кости левой руки находилось небольшое скопление отдельных костей животных (ребра, позвонки, фрагменты черепа). Под ними лежало несколько предметов одежды – двупластинчатая серебряная (?) фибула длиной 5,8 см (рис. 9, 46), серебряная (?) ременная обойма ленточной формы с подковообразным расширением на одном конце длиной 8,8 см (рис. 9, 47), серебряная (?) ременная пряжка круглорамчатой формы с утолщением спереди и подвижным язычком хоботовидной формы (диаметр 1,5 x 1,3 см) (рис. 9, 45). Здесь же находилось 8 крупных бусин из

различных материалов (стеклянная паста, бесцветное стекло) (Рис. 9, 33–36, 39, 40). Возможно, данные предметы были в мешочке или сумочке.

На поверхности пола под левой половиной таза и нижней частью грудной клетки справа от позвоночного столба было выявлено 19 экз. очень мелких (диаметр 0,2 см) бисеринок различного цвета, которыми, вероятно, была расшита одежда погребенной (рис. 9, 42–44) и 4 экз. пастовых бусин (рис. 9, 37–38).

Погребение № 2 (детское) являлось впускным и было совершено после захоронения взрослого человека. В нем был захоронен ребенок в возрасте 1,5–2 года (?), о чем свидетельствует степень развития его зубов и костей.

Погребальное сооружение представляло собой подбой. Входная яма овальной формы (размеры 1,05 x 0,6 м) была ориентирована с СЗ на ЮВ (рис. 11). Она была сооружена в материковом слое плотного суглинка, ее глубина составила 0,3 м от уровня подошвы кургана.

Погребальная камера (подбой) была сооружена в северо-восточной продольной стенке входной ямы: стенки и нижняя часть свода – в материковом слое, верхняя часть свода – в грунте насыпи кургана.

Камера была отделена от входной ямы закладом из девяти песчаниковых камней различных размеров и форм, которые были поставлены на ребро. Верхние уровни камней заклада выступали над поверхностью материка. У входа в камеру имела ступенька, расположенная ниже уровня дна входной ямы на 0,1 м.

Погребальная камера (размеры 0,79 x 0,36 м) овальной формы ориентирована с СЗ на ЮВ. Ее свод обрушился при разборке насыпи кургана, и сохранившаяся ее высота составила 0,48 м (первоначальная высота, возможно, – 0,62 м). Пол камеры находился на 0,2 м ниже уровня дна входной ямы (рис. 11, А, Б).

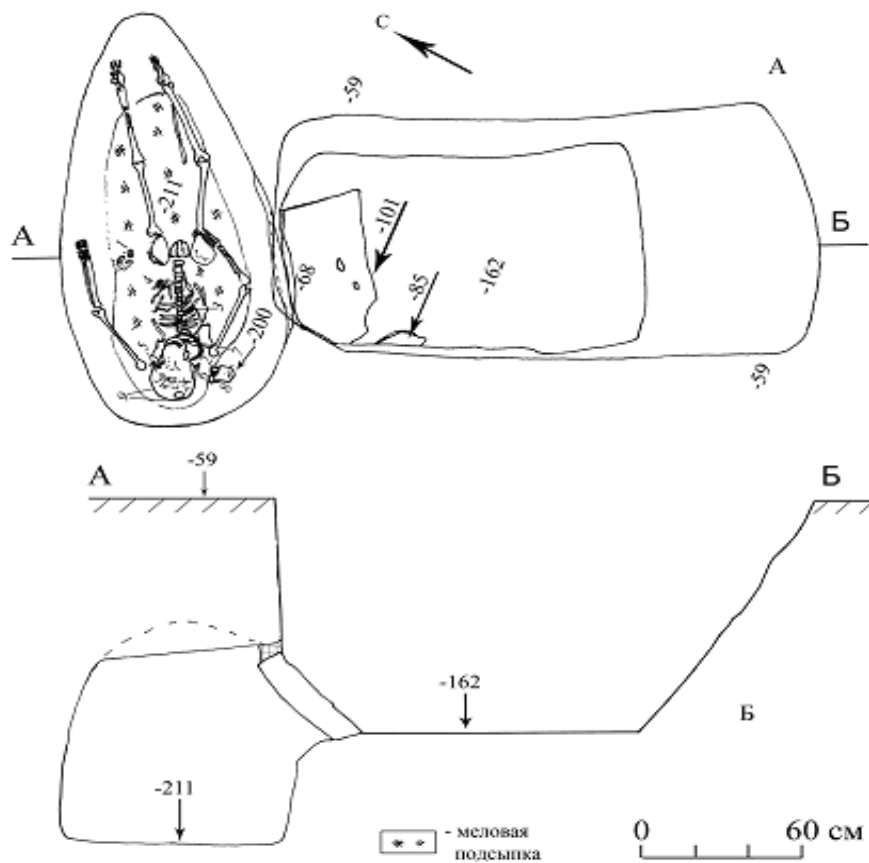
Камера была наполовину завалена грунтом насыпи кургана. На уровне ее пола находились разрозненные кости детского скелета (кости черепа, зубы, позвонки, ребра), причем фрагменты черепа лежали в разных концах камеры, что свидетельствует о нарушении погребения грабителями.

Инвентарь состоял из 3-х экз. бус (гешир, мрамор) и 13-и экз. стеклянного бисера (рис. 11, 1–17).

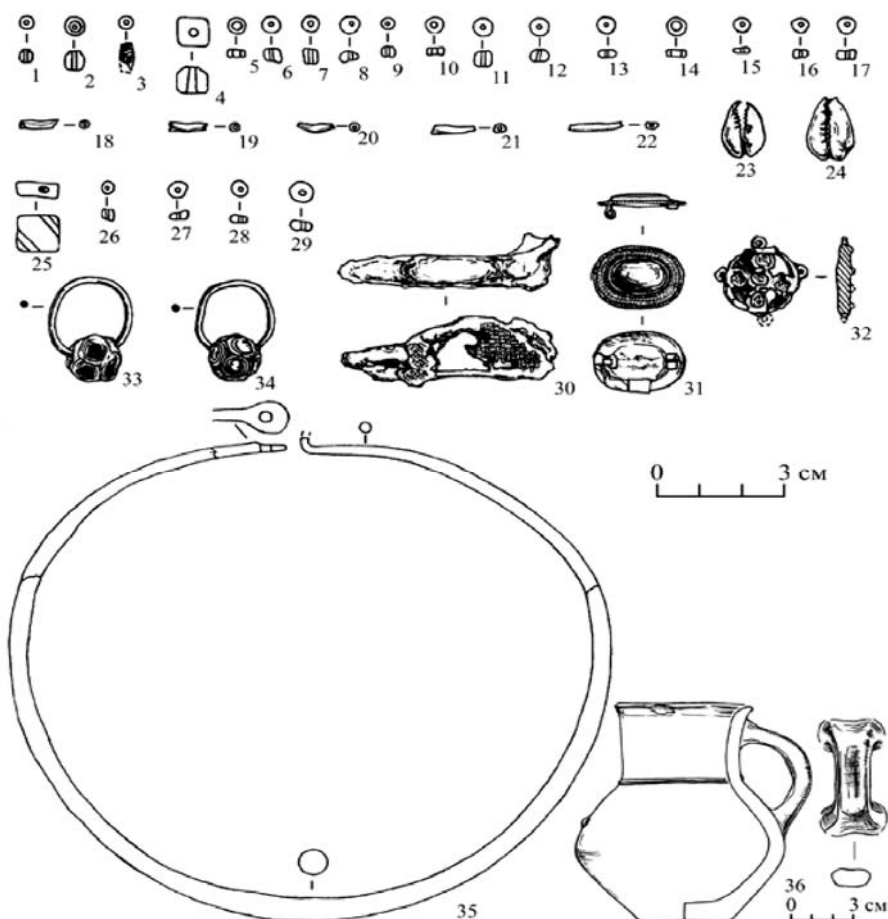
Раскопками на Паласа-Сыртском могильнике в 2006 г. были выявлены новые, своеобразные погребальные комплексы, содержащие высокохудожественные изделия декоративно-прикладного искусства – ременные накладки, покрытые золотой пластиной с тисненым орнаментом и украшенные вставками из камней красного цвета (погребение № 1, курган № 193); золотая филигранная подвеска с красной вставкой; золотые серьги с полый бусиной из крученой проволоки (погребение в кургане № 91). Ременные накладки, покрытые золотой пластиной с тисненым орнаментом, выявленные в кургане № 193 могильника, по форме не имеют аналогов в синхронных материалах других территорий и являются уникальными изделиями.

Выявленные погребения датируются по инвентарю (золотые украшения со вставками красного цвета, золотые серьги с напускной бусиной, двупластинчатые фибулы, пряжка бронзовая с длинным хоботовидным язычком, пряжки железные с коротким язычком, ременная накладка с подкововидным расширением, кувшины красноангобированные стандартной формы) временем от конца IV в. до середины V в. н.э.

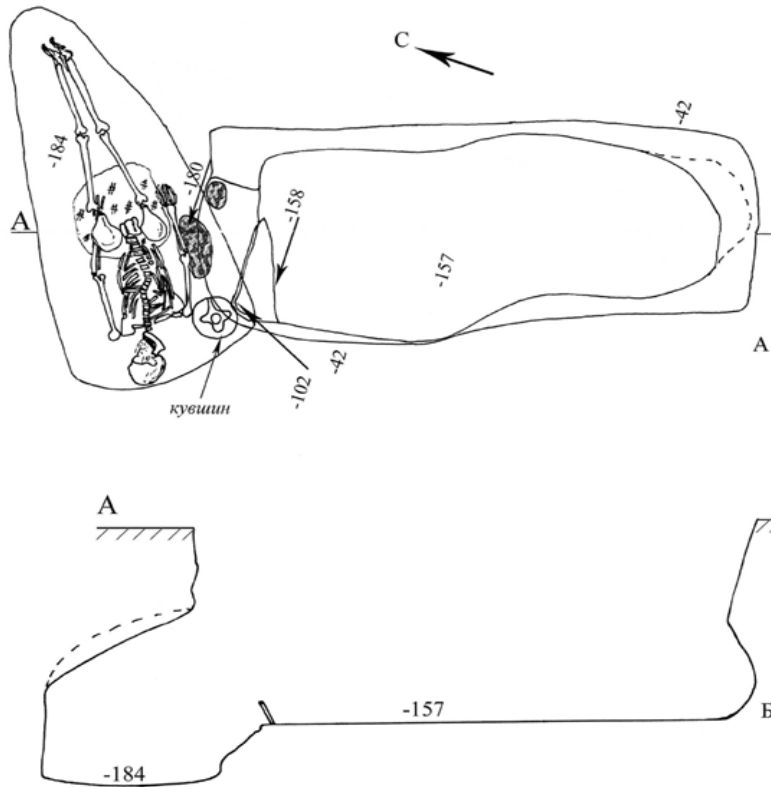
Погребальные комплексы фиксируют наличие социальной дифференциации у племен Прикаспийского Дагестана IV–V вв., широких обменных процессов в экономике, и, возможно, предметов, наделенных специфической символикой, демонстрирующей определенную степень ранжирования их обладателей.

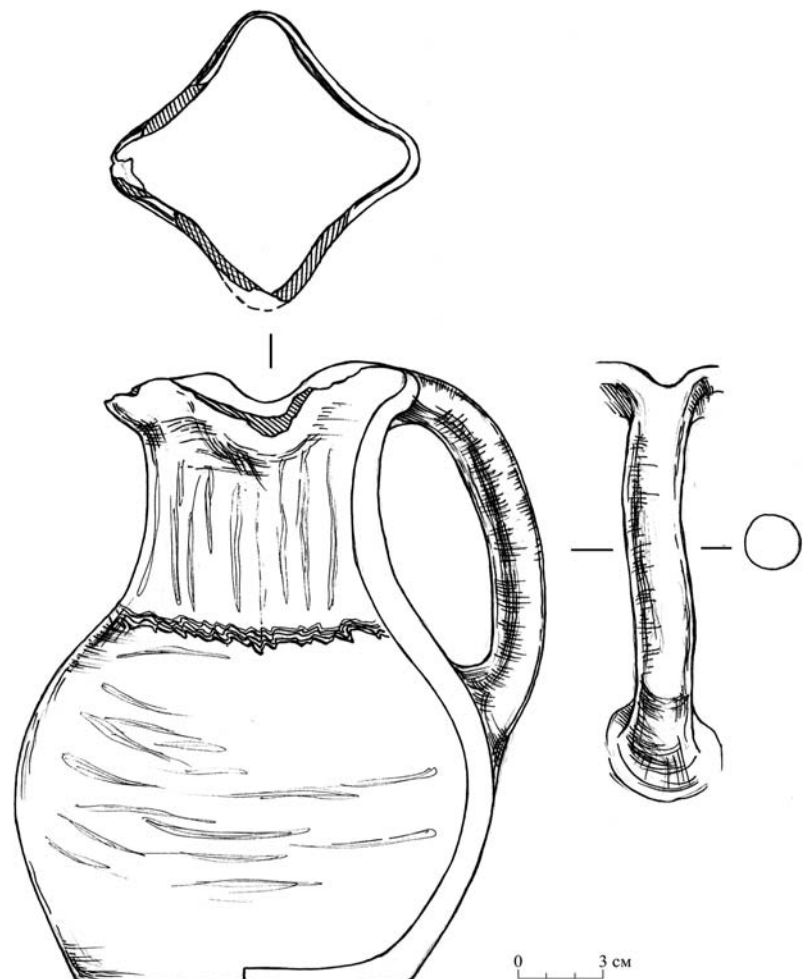
Рис. 1. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 91.
 А – план погребения;
 Б – разрез по линии А – Б;
 1 – скопление бус;
 2 – шейная гривна;
 3 – подвеска-брошь;
 4 – фибула; 5,6 – серьги;
 7 – подвеска; 8 – кувшин;
 9 – бисер.

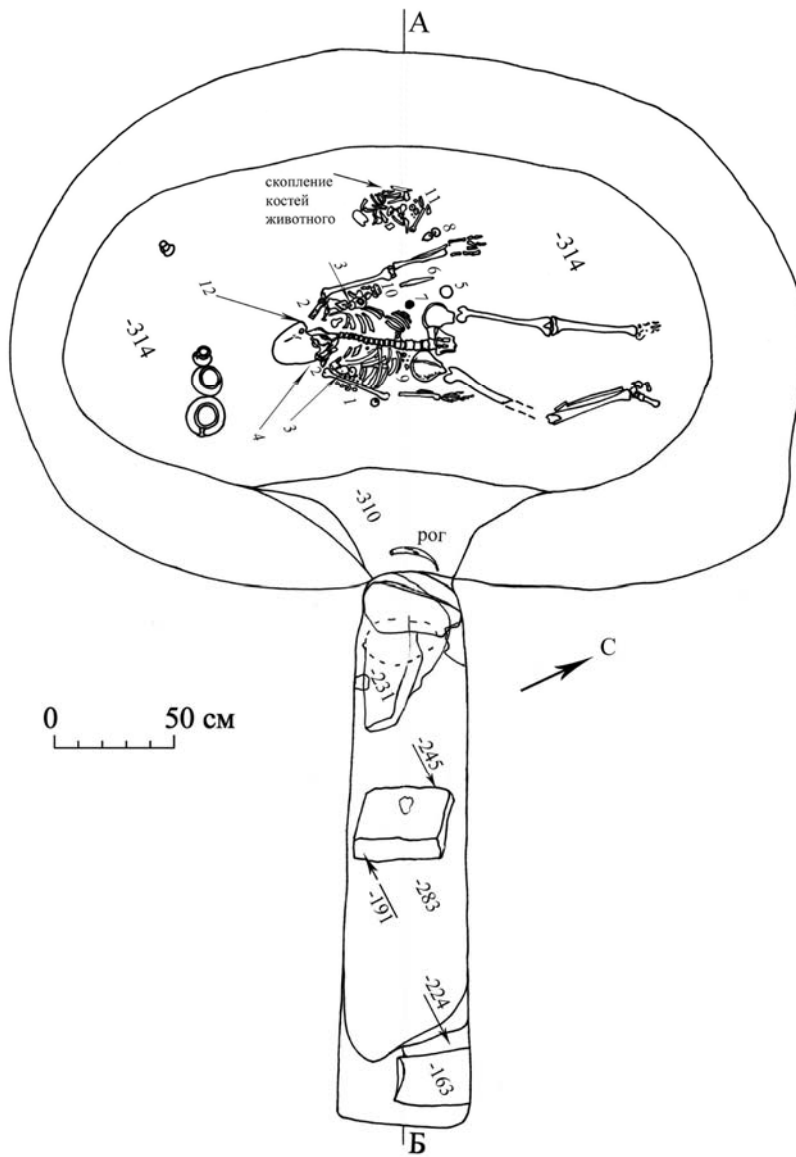
Рис. 2. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 91.
 1–22, 25–29 – бусы; 23, 24 – раковины Каури;
 30 – железная фибула;
 31 – подвеска-брошь;
 32 – подвеска; 33, 34 – серьги; 35 – шейная гривна; 36 – кувшин.

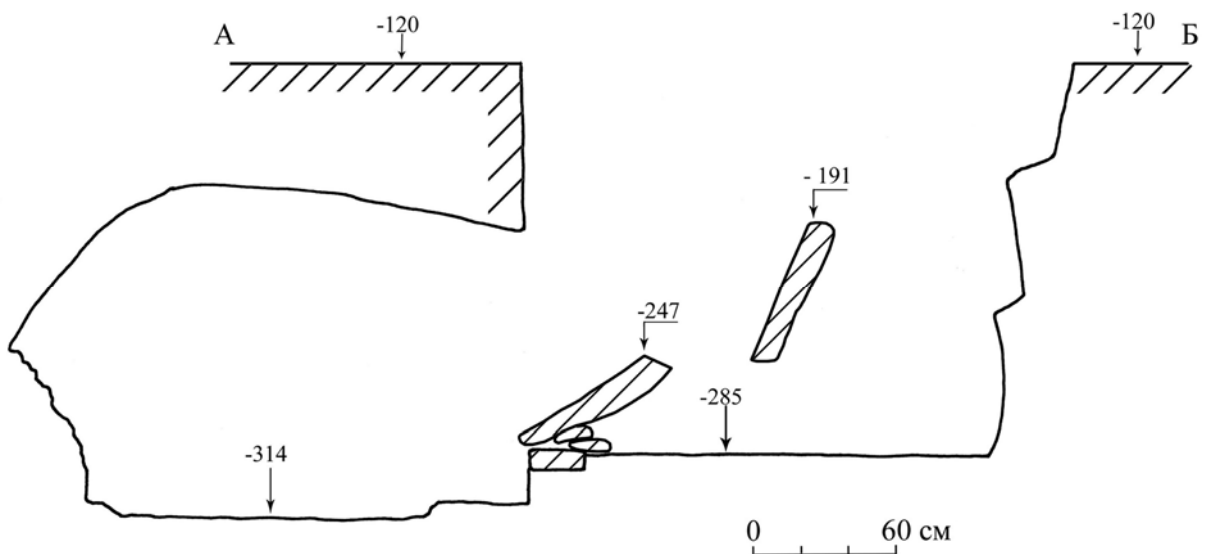
Рис. 3. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 110. А – план погребения; Б – разрез по линии А – Б.

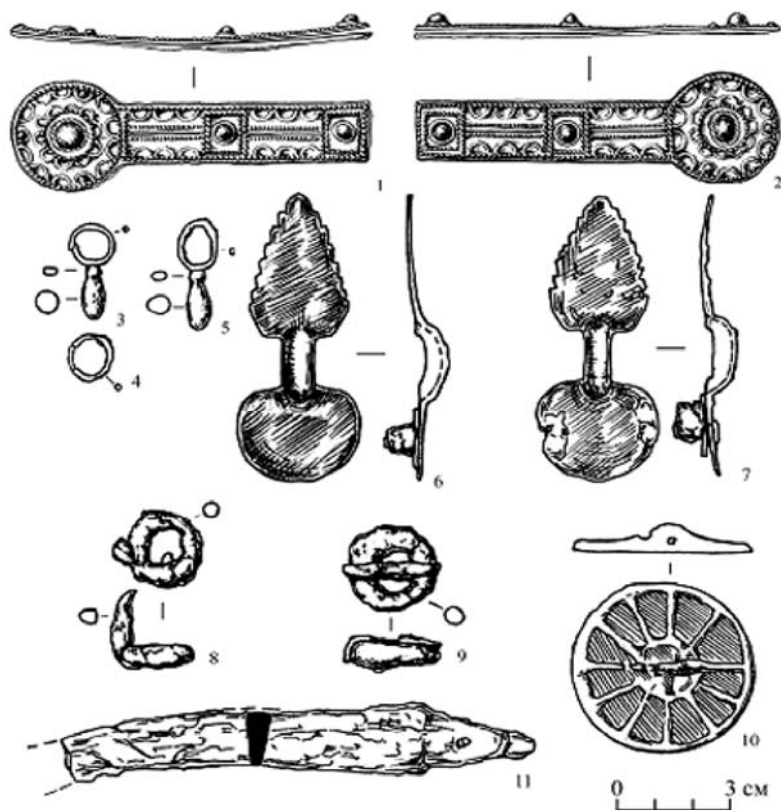
Рис. 4. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 110. Керамический кувшин.

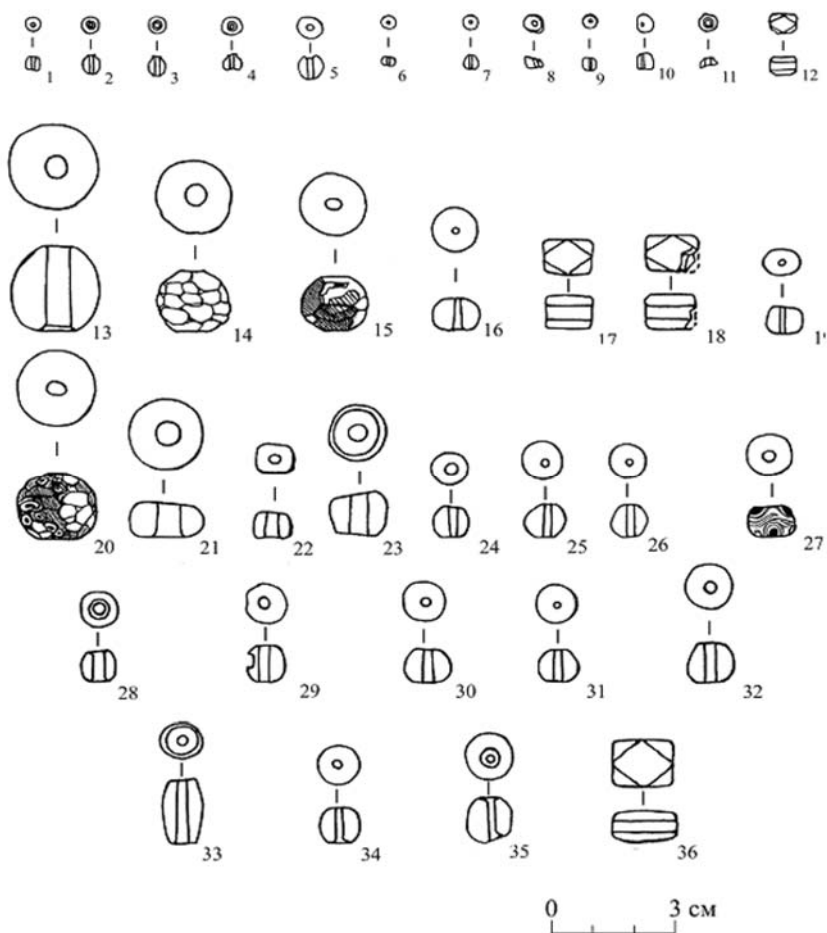
Рис. 5. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 193. Погребение 1. План.
 1 – скопление бус; 2 – ременные накладки; 3,8 – бронзовый фибулы; 4 – железная пряжка; 9, 10 – скопление бус; 11 – скопление бус и бронзовых предметов; 12 – бронзовая серьга.

Рис. 6. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 193. Погребение 1. Разрез по линии А – Б.

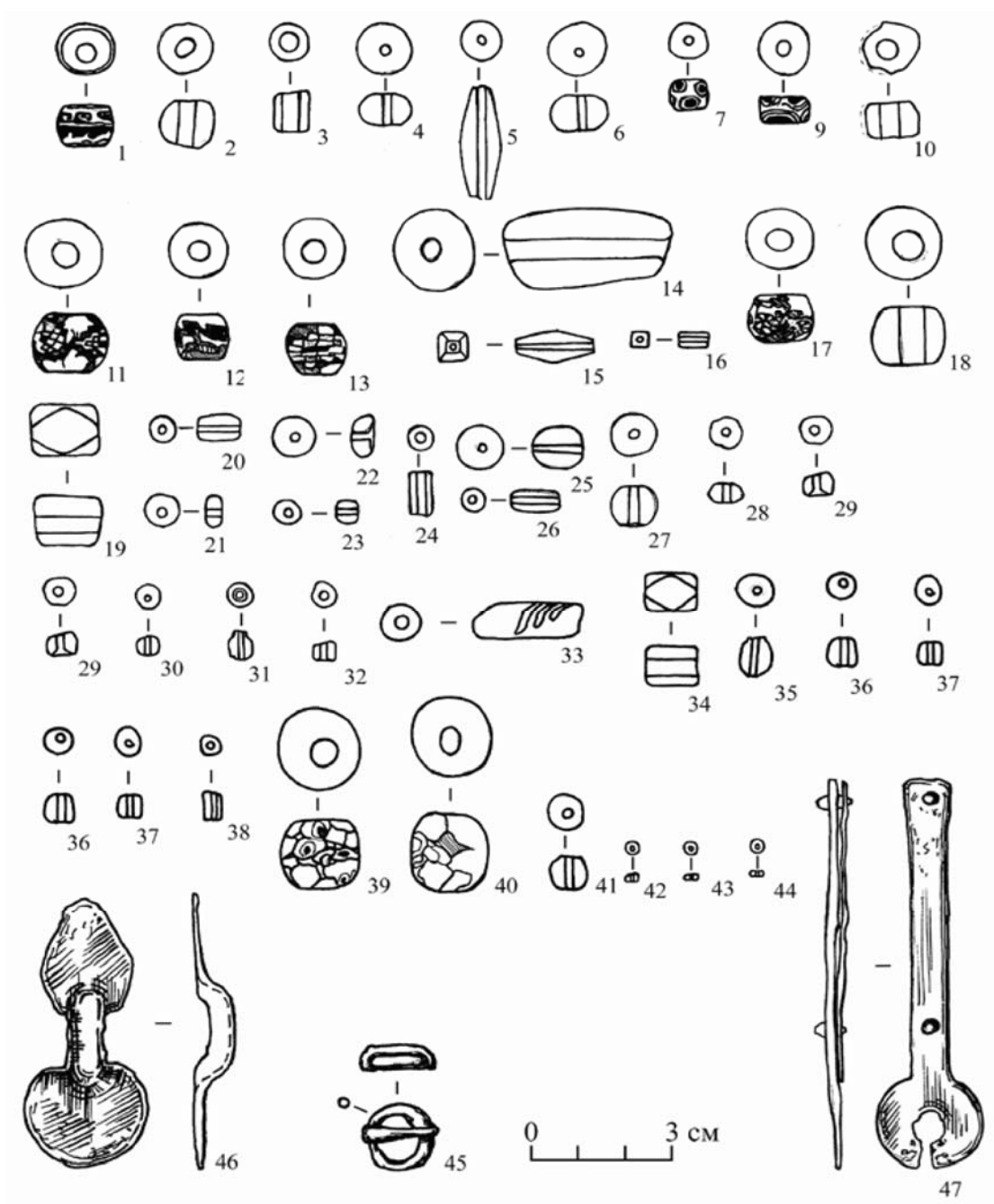

Рис. 7. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 193. Погребение 1. Инвентарь.
1, 2 – ременные накладки;
3, 5 – серьги; 4 – кольцо;
6, 7 – фибулы; 8, 9 – пряжки;
10 – зеркало; 11 – нож.

Рис. 8. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 193. Погребение 1. Бусы.

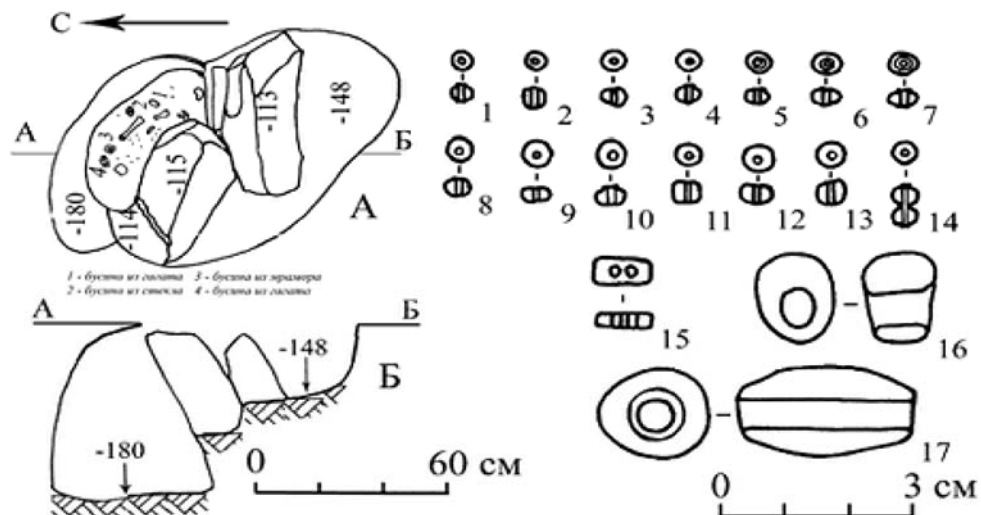

Рис. 9. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 193.
 Погребение 1. Инвентарь.
 1-44 – бусы; 46 – фибула; 45 – пряжка; 47 – ременная накладка.

Рис. 10. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 193.
Погребение 1. Керамические сосуды.

Рис. 11. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 193.
Погребение 2 (детское). А – план; Б – разрез по линии А – Б; 1–17 – бусы.

Дмитрий Сташенков

Самарский областной историко-краеведческий музей, г. Самара

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Эпоха Великого переселения народов, занимающая особое место в истории народов Евразии, в Поволжье ознаменовалась массовыми миграциями ираноязычных, праславянских, тюркских и финно-угорских племен. Менее всего отражен в письменных источниках начальный период этой эпохи и изучение его возможно преимущественно по археологическим данным.

В Самарском Поволжье памятники первых веков н.э. долгое время были представлены только разрозненными подкурганскими сарматскими захоронениями. Поэтому по отношению ко всей эпохе и памятникам данного хронологического горизонта используется термин «позднесарматское время».

Следующая эпоха связана с появлением в Среднем Поволжье кочевников гуннского круга и традиционно именуется «гуннским временем». Вопрос о соотношении памятников сарматской и гуннской эпох в Среднем Поволжье, несмотря на многолетние исследования, пока еще недостаточно изучен.

Первые научно документированные исследования кочевнических памятников на территории Самарского Поволжья провела В.В. Гольмстен. В 1924 г. после исследования курганного могильника Березняки на р. Малый Кинель она выделила особую березняковскую культуру для кочевнических комплексов начала н.э. «На смену сарматской культуре в нашем крае является новая культура, время существования которой совпадает с первыми веками нашей эры. Культуре этой мы даем название Березняковской, т. к. она впервые открыта близ совхоза Березняки, Пилюгинской волости, Бугурусланского уезда. Памятниками ее являются курганы, содержащие погребения. В 1923 и 1924 гг. здесь было вскрыто 8 курганов, в которых костяки лежали в вытянутом положении, головой на север. В устройстве могил наблюдаются некоторые особенности: они делались с подбоем, т.е. в стенке могильной ямы вырывалась длинная ниша, в которую и укладывали труп. Покойников закутывали, иногда с головой, в черную или белую кошму и сопровождали различными предметами» (Гольмстен, 1924).

В.В. Гольмстен особое внимание обращала на предметы погребального инвентаря. Именно его набор стал для исследовательницы определяющим при выделении новой культуры: «Найденные в березняковских погребениях фибулы относятся к типу так называемых «римских провинциальных» т.к. форма эта вырабатывалась в тех римских колониях, которые во времена римского владычества были рассеяны в различных областях. Почти весь остальной инвентарь могил является вполне своеобразным и, вероятно, туземным. Аналогий среди предметов этого времени ни в восточной, ни в южной России нам неизвестно, и поэтому эта культура должна считаться новой. Общий ее характер по причине малого количества предметов еще недостаточно ясен, но она представляется довольно развитой, носители ее вели, можно думать, полукочевой образ жизни: на это указывает нахождение глиняных сосудов, которые у чистых кочевников, по весьма понятным причинам, обычно отсутствуют. Судя по форме фибул, эта культура должна датироваться II–III вв. нашей эры» (Гольмстен, 1924).

К сожалению, материалы исследований Березняковского могильника не были в полном объеме введены в научный оборот и результаты исследований остались не известными научной общественности. Вероятно, поэтому мы сейчас говорим не о березняковской, а о *позднесарматской культуре*.

Впоследствии в Самарском Поволжье позднесарматские погребальные комплексы II–IV вв. исследовались археологическими экспедициями под руководством И.Б. Васильева, В.А. Скарбовенко, В.Н. Мышкина в Андреевском, Виловатовском и Гвардейском могильниках. По данным В.А. Скарбовенко и В.Н. Мышкина, собравших основные сведения о сарматских памятниках Самарского Поволжья, к 2000 г. в области было выявлено 26 позднесарматских погребальных комплексов, большая часть которых сконцентрирована в бассейне р. Самары (Мышкин, Скарбовенко, 2000, с.33).

Для нас особый интерес представляют памятники третьего заключительного этапа развития позднесарматской культуры (середина III – IV вв. н.э.). В этот период, после готского вторжения в Северное Причерноморье, основной территорией обитания сарматов становятся степи Заволжья. В погребениях этого времени отсутствуют многие категории импортных предметов, увеличивает-

ся количество впускных погребений. Возможно, это свидетельствует о нестабильности положения поволжских кочевников в позднесарматскую эпоху.

К последнему этапу развития позднесарматской культуры исследователи относят два погребения: в кургане 13 Андреевского могильника и в кургане 26 могильника Гвардейцы I. Захоронения, ориентированные головой на север, совершены в подбойных могилах. В погребениях обнаружены бронзовые фибулы, подвески, серьги, гранатовые и стеклянные бусы, глиняные лепные сосуды, пряслица, биллоновое зеркальце с центральной петелькой (Мышкин, Скарбовенко, 2000, с.35–36).

В последние годы в Самарском регионе выявлены новые комплексы, связываемые с кочевническим населением позднесарматского времени. Среди них необходимо отметить материалы из раскопок кургана 9 могильника Конезавод I в Красноярском районе (раскопки Р.С. Багаутдинова и С.Э. Зубова). В насыпи кургана зафиксирована каменная наброска. Этот комплекс, как и комплекс погребения кургана 4 Кировского I могильника, опубликованного И.Н. Васильевой (1979), В.Ю. Малашев относит к группе II б позднесарматских захоронений и датирует второй половиной III в. (Малашев, 2000, с.207).

Позднесарматские захоронения в Самарском Поволжье исследованы не только в курганных могильниках, но и на поселенческих памятниках к северу от границы степной зоны.

2 погребения по обряду ингумации, совершенные в слое гумуса и перекрытых каменной наброской, были исследованы на Сиделькинском II селище (Сташенков, 2005).

Погребение 1, совершенное в вытянутом положении на спине, ориентировано на ВСВ. Череп пожилой женщины имеет признаки искусственной деформации. В погребении найдена железная пряжка. Подобные пряжки встречены в позднесарматских погребениях II–III вв. и на памятниках инясевского типа в лесостепном Прихоперьи, где они датируются I–III вв. (Хреков, 1997, с.329, рис. 2, 10, 12).

Погребение 2 взрослой женщины совершено в скорченном положении на левом боку, головой на ЮВ. Инвентарь в погребении отсутствовал.

В заполнении могильных ям и под костяками встречены фрагменты керамики, типичной для селища. Следовательно, погребения не могли быть совершены ранее начала функционирования поселения, и, скорее всего, погребения и поселение синхронны.

Еще одно погребение данной группы выявлено в 2006 г. в подбое производственного сооружения Сиделькинского II селища. Мужское погребение, ориентированное на восток, было совершено в вытянутом положении на спине. Череп имеет признаки искусственной деформации. Погребение сопровождалось железным ножом и костяной трубочкой.

В лаборатории Геологического института РАН выполнен радиоуглеродный анализ костного материала из погребения 2 (GIN-11527: 1720 ± 70 BP, т.е. 230 ± 70 г. н.э.). Дата для погребения 1 получена в лаборатории университета Брок (Канада) -1750 ± 45 лет, т.е. 200 ± 45 г. н.э. (обе даты не калиброваны).

Исходя из археологического контекста и результатов радиуглеродного датирования, погребения датируются II–III вв. н.э. (наиболее вероятная дата: середина – вторая половина III в.) Скорее всего, они могут быть связаны с представителями сарматских групп, проживавшими на селище совместно с праславянским населением киевского круга.

С сарматским населением может быть связана и находка на Сиделькинском II селище фрагмента бронзовой фибулы с ромбическим щитком. По классификации А.С. Скрипкина она принадлежит к группе III фибул с завитком на конце пластинчатого приемника, типу I фибул с плоской спинкой, верхней тетивой и четыреххвитковой пружиной, варианту 2а с коленчато-изогнутой ромбической спинкой (Скрипкин, 1984, с.32, рис. 12, 35). По классификации А.К. Амброза фибула относится к группе 13 фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника, варианту 8 – крупных с коленчато-изогнутой спинкой (поволжско-сарматских коленчатых фибул с завитком).

По данным А.К. Амброза, такие фибулы найдены в погребениях кочевников сарматского круга на широкой территории – в Саратовской, Волгоградской, Оренбургской, Актюбинской, Западно-Казахстанской, Челябинской, Магнитогорской областях и даже на территории Самарской губернии. Датируются они концом III – началом IV в. (Амброз, 1966, с.46; табл. 5, 22). Однако, судя по ссылке на публикацию В.В. Гольмстен 1928 г. (там дано изображение фибулы из Березняков, которая относится к той же подгруппе, но другой разновидности – табл.5, 21), не все указанные фибулы относятся к разновидности, описанной А.К. Амброзом.

Если принять во внимание форму и пропорции ромбического щитка, то прямых аналогий сиделькинской фибуле значительно меньше. Первая из них происходит из раскопанного И.В. Синицыным в 1950 г. кургана Е-24 у с. Бородаевка Саратовской области и датируется III – началом IV в. (Амброз, 1966, с. 46; табл. 5, 22). Вторая – из кургана 3 Верхне-Погромное (Скрипкин, 1984,

рис. 12, 35). По мнению А.С.Скрипкина, фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника, широко распространенные в Нижнем Поволжье, – местного производства. Второй вариант их датируется концом III – началом IV вв. (Скрипкин, 1984, с.44). На территории Самарской области две подобных фибулы найдены в упомянутых выше позднесарматских захоронениях из погребения в кургане 13 Андреевского могильника (Мышкин, Скарбовенко, 2000, табл. 44, 5) и из погребения в кургане 26 могильника Гвардейцы I (Мышкин, Скарбовенко, 2000, табл. 35, 16). На памятниках оседлого населения в Поволжье фибулы с ромбическим щитком не встречены.

На основании аналогий сиделькинскую фибулу можно датировать второй половиной III – началом IV вв.

Для датировки памятников Самарского Поволжья можно использовать и данные нумизматики. А.Г. Мухамадиев считает, что «первые известные науке монеты появляются в Поволжье и Приуралье в III–IV вв. Как и другие привозные вещи, они оплачивались местным товаром, в основном пушниной» (Мухамадиев, 1990, с.20).

Однако, похоже, что в Среднее Поволжье первые римские монеты попали несколько раньше. Еще в 1883–1884 гг. в пределах Сызранского уезда было найдено 24 серебряных римских монеты II в. н.э. (Морозов, 1995, с.323). В последние годы в Самарском Поволжье найдены еще 2 римские монеты.

При раскопках Сиделькинского II селища найден серебряный статер боспорского царя Рескупорида V (242/3–276/7 гг.). На аверсе монеты помещен бюст царя, его титул и имя. На реверсе монеты приведен бюст римского императора Галлиена и указан год выпуска – 561 г. боспорской эры, т.е. 264–265 гг. н.э. (определение П.Г. Лободы, директора Одесского музея нумизматики).

Еще одна римская монета, бронзовая, найдена в 2006 г. в районе Севрюкаевского селища на Самарской Луке. Монета чеканена во время правления императора Валериана I (253–260 гг.) в провинции Вифиния, городе Прусиада на Гипие (Киеросе).

Находки римских монет на территории Самарского Поволжья, датирующихся второй половиной III в., уточняют время одного из массовых перемещений на Волгу населения из регионов, имеющих устойчивые связи с Римской империей. Скорее всего, это перемещение было вызвано готской экспансией середины III в. в Северное Причерноморье. Монеты, чеканенные практически одновременно, свидетельствуют о том, что приход населения в Самарский регион был перманентным и население различной этнокультурной принадлежности, пришедшее из разных мест, расселялось в различных ландшафтных зонах. Значительную часть пришлового населения составляли сарматы.

Памятники оседлого населения позднесарматского времени, связываемые как с позднескифскими группами, так и с племенами киевской археологической культуры, в последние годы исследуются на территории Самарского региона (Сташенков, 2005).

В 370-е годы территорию евразийских степей заняли *гунны*, вытеснившие или подчинившие себе разнокультурные кочевые племена, в том числе позднесарматские.

Находки гуннского круга в Поволжье немногочисленны. Сведения о них по состоянию на 2000 г. были собраны А.В.Богачевым.

Напомню, что еще в 1928 г. В.В. Гольмстен опубликовала найденный крестьянами с. Федоровки комплекс предметов из погребения кочевника гуннского времени (Гольмстен, 1928, рис. 54–63). К материалам данного погребения в силу его принципиальной важности для этнокультурной истории всего Поволжского региона неоднократно обращались различные исследователи: Е.К. Максимов, А.К. Амброз, И.П. Засецкая, А.В. Богачев, причем каждый из этих исследователей дал свою датировку погребения.

Традиционно к гуннскому кругу памятников относится и впускное погребение у с. Владимировка (Скарбовенко, 1979), послужившее одним из пунктов в известной дискуссии А.К. Амброза и И.П. Засецкой о хронологическом месте памятников шиповского круга, к которому можно отнести и Владимировское погребение. Обратившийся к материалам этого погребения А.В. Богачев занял «нейтральную позицию», который, датировав его первой половиной VI в. и отнеся его к постгуннскому времени, обосновал правомерность рассмотрения его в ряду памятников гуннского круга (Богачев, 1998). Интерес к материалам этого погребения со стороны зарубежных специалистов можно проиллюстрировать ссылкой на монографию болгарского исследователя Р. Рашева «Праболгары в V–VII вв.», вышедшую в 2000 г. Анализируя комплексы VI–VII вв. из выделенной И.П. Засецкой II группы (Покровской), он указывает на Владимировское погребение в числе прочих, связываемых им с собственно болгарским этносом (Рашев, 2000, с.11–13).

За прошедшие годы появились новые кочевнические комплексы этого времени.

Важно обратить внимание на впускное захоронение 1 кургана 3 I Кряжского могильника (Зудина, 1984, с.5–8), которое можно отнести к гуннскому или к гунно-сарматскому кругу.

Погребение I обнаружено под насыпью кургана диаметром 15 м и высотой 0,3 м, сооруженного в эпоху бронзы. Очертания могильной ямы на фоне погребенной почвы зафиксировать не удалось. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – слегка согнута в локте и кистью уложена на таз. Ноги прижаты друг к другу и вытянуты. Под локоть левой руки был положен железный нож. Около запястья правой руки обнаружена железная пряжка овальной формы с чуть выступающим за рамку хоботком, которую можно датировать III–V вв. С левой стороны черепа лежали в сочленении 4 позвонка животного.

В насыпи восточной части кургана в разных местах найдены фрагменты от 2 сосудов, видимо, синхронных описанному погребению.

Первый сосуд представлял собой высокий узкогорлый горшок с прямой шейкой и выпуклым туловом. Цвет сосуда темно-серый. Поверхность грубая, бугристая. Сосуд имеет примесь шамота и органики в формовочной массе. По краю венчика нанесен орнамент в виде насечек. Подобные сосуды известны в гунно-сарматских памятниках II–IV вв. Южного Зауралья (Боталов, 2000, рис. 17, 20).

Второй сосуд, верхняя часть которого сохранилась, также имеет прямую шейку и выпуклое тулово. Цвет сосуда коричневый. Поверхность заглажена. Орнамент состоит из пальцевых защипов по венчику. Сосуд изготовлен из пластичной ожелезненной глины с примесью шамота и органики. Аналогичная керамика встречена на поселенческих памятниках круга полей погребений.

Представляется возможным отнести исследованное погребение к кругу гунно-сарматских памятников и датировать его в пределах III–IV вв. Возможно, если при дальнейших исследованиях будут выявлены подобные комплексы, можно будет говорить о характере взаимоотношения позднесарматского населения и кочевников гуннского круга.

К IV в. в Самарское Поволжье, видимо, в составе гуннских отрядов проникают и представители угорского населения. В материалах Пролетарского городища, существовавшего с рубежа II–III в. до IX в., наряду с «сиделькинскими» и «тимяшевскими» комплексами, присутствует керамика «восточного» круга, связываемая с кочевым и полукочевым населением, пришедшим в регион с территории Западной Сибири и Приуралья. Наиболее ранние материалы относятся к саргатской культуре и, вероятно, датируются II–IV вв. Верхняя граница бытования комплексов данной культурно-хронологической группы маркируется находкой на городище бронзовой пряжки с хоботковидным язычком, датирующейся концом IV – первой половиной V в.

К гуннской эпохе относится также разрушенный комплекс на территории пос. 113 км г. Самара. При проведении земляных работ в 2005 г. рабочими было найдено 3 фрагмента бронзового котла. Удалось осмотреть место находки и обнаружить в строительном отвале еще два фрагмента стенок котла. Была произведена также зачистка стенок траншеи, в которой была совершена находка. При проведении опроса рабочих выяснено, что площадь, на которой были встречены находки, около 3 кв. м.

При исследовании нетронутого участка площадью 0,7 кв. м установлено, что фрагменты бронзового котла, разбитого в древности и имеющего явные признаки пребывания в огне, стратиграфически приурочены к старому дерновому слою. В слое погребенной почвы – плотном коричневом суглинке – находок не встречено. В старом дерновом слое и непосредственно под ним в тонкой сажистой прослойке *in situ* зафиксированы мелкие угольки и 3 фрагмента бронзового котла, оставленные на поверхности почвы после проведения обряда. На одном из фрагментов лежала тонкая неорнаментированная золотая фольга, имевшая вид прямоугольника размерами 4 x 3,2 см. Края пластины были аккуратно обрезаны с двух сторон. С одной стороны имеется проколотое отверстие диаметром менее 1 мм, возможно, это след от иглы. Судя по размеру отверстия, фольга нашивалась на одежду. Орнамент и следы пребывания в огне на фольге отсутствуют.

Следы пребывания в огне имеют все 8 фрагментов котла, собранных из комплекса. Несмотря на фрагментарность находки, форма и тип котла уверенно восстанавливаются по аналогиям. Котел относится к группе II по классификации Н.А. Боковенко и И.П. Засецкой (Боковенко, Засецкая, 1993). Котлы этой группы имеют цилиндрическое тулово с округлым дном, цельные ножки и подпрямоугольные рамкообразные ручки, расположенные вертикально. У котлов первого варианта этой группы ручки увенчаны грибовидными выступами, аналогичными найденному. Под венчиком имеется рельефное ребро, отделяющее горловую часть от тулова сосуда. Орнамент представлен поясками «бахромы» или «ячеек».

Стоит отметить, что котлы с «ячеистым» орнаментом и ручками с грибовидными выступами известны только на территории Венгрии (Капошвельд и Тёртель. См.: Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 7, 42–43).

На территории Среднего Поволжья имеется еще три находки котла, относящихся ко второму варианту этой же группы II – бронзовый котел, найденный в 1884 г. у д. Осоки в Симбирской губернии (Буров, 1985; Засецкая, 1994, табл. 22, 2) и два бронзовых котла, обнаруженные в 1980 г. у д. Тат. Сунчалеево Аксубаевского района Республики Татарстан (Сунгатов, 2002, рис. 1, 2–3).

Находка на 113 км г. Самары фрагментов котла с орнаментацией, аналогичной известной на венгерских котлах, может служить дополнительным аргументом в пользу того предположения, что «именно с территории Среднего Поволжья и Приуралья началось одно из этапных движений гуннов на запад» (Боковенко, Засецкая, 1993, с.85).

Рассмотренный комплекс, несомненно, имеет ритуальный характер. Крайне незначительная площадь сохранившейся части комплекса делает невозможным установить, является ли он остатками захоронения по обряду кремации или свидетельством какой-либо иной церемонии, связанной с сожжением приношений на костре. Комплекс может быть отнесен к гуннскому времени и датирован концом IV–V вв.

В погребальной обрядности кочевников Самарского Поволжья гуннской эпохи можно проследить общие черты. Прежде всего, это культ огня. Следы воздействия огня также носит погребальный инвентарь владимировского погребения. Вещи в нем спеклись в один комок, между ними попадались мелкие угольки и отдельные вкрапления золы. Так же как и в комплексе на 113 км, земля в месте находки не была прокалена. Вещи были обожжены на стороне и затем помещены в могилу (Скарбовенко, 1979, с.165).

Следующий момент – размещение предметов в стороне от собственно захоронения. Это зафиксировано во владимировском погребении и подкурганном захоронении из могильника Кряж I. Вероятно, такая же картина в случае полной сохранности могла быть прослежена в федоровском «погребении» и в комплексе со 113 км г. Самара.

Возможно также, что наличие предметов из золота и его сплавов – диагностический признак комплексов гуннского круга, выявленных в Среднем Поволжье (они встречены в федоровском и владимировском погребениях, а также в комплексе со 113 км).

В связи с этим стоит отметить также находку золотого колта на территории Муранского могильника. По описанию В.Н.Поливанова, это «золотой медальон подковообразной формы, длиной в 1 1/2 вершка и весом 14 1/3 золотников чистого золота. Находка этой крайне интересной вещи сделана была случайно в 1888 г. К сожалению, никаких данных об ее положении и других одновременно с нею открытых вещах неизвестно. Вещь эта нашедшими была продана одному из соседних землевладельцев, от которого г. Поливанов приобрел ее для Императорского Эрмитажа. Средину выпуклого медальона занимает пустота, которая, несомненно, заполнялась выпавшим из нея камнем. Вокруг камня идут два ряда симметрично расположенных городами (гроздьями?) золотых шариков. Обе стороны подвески отделаны совершенно одинаково, и бока их крепко спаяны. К верхним концам медальона прочно и красиво прикреплены два прямых ушка с отверстиями, посередине покрытых ниткой из того же золотого бисера» (Поливанов, 1900, с.26).

К сожалению, мне не удалось найти позднейшей публикации этой находки, но, скорее всего, она относится к гуннской эпохе, как и 2 золотых колта, аналогичные найденному на территории Муранского могильника, обнаруженные в 1846 г. около Крестова Городища на территории современной Ульяновской области в комплексе с золотой шейной цепью сложного витья. В литературе этот комплекс известен также под названием «Кайбельский клад» (Буров, 1985, с.122, рис. 3, 6).

Новые материалы, полученные в ходе исследований последних лет, позволяют утверждать, что в Среднее Поволжье воздействие кочевников позднесарматского и гуннского круга на население региона было более значительным, чем предполагалось. Вместе с тем, несмотря на многолетние исследования, пока еще недостаточно изучен принципиальный вопрос о соотношении памятников сарматской и гуннской эпох. Решение этого вопроса зависит от интенсивности полевых исследований и оперативности введения в научный оборот уже имеющихся данных.

Литература

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. 1966. Вып. Д1-30.

Боталов С.Г., 2000. Гунно-сарматская эпоха урало-казахстанских степей // Древняя история Южного Зауралья. Том II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 2000.

Буров Г.М., 1985. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

Васильева И.Н., 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды КГПИ. Том 230. Куйбышев, 1979.

Гольмстен В.В., 1924. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Самара, 1924.

Гольмстен В.В., 1928. Археологические памятники Самарской губернии // Тр. секции археологии РАНИОН. 1928. Т.IV.

Зудина В.Н., 1984. Отчет о раскопках курганов № 2, 3, 8, 14 I Кряжского могильника и кургана 3 II Кряжского могильника. Куйбышев, 1984.

Медведев А.П., 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-й пол. I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточно-европейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж, 1998.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 2000. Памятники позднесарматской культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Поливанов В.Н., 1900. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

Сташенков Д.А., 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. М., 2005.

Юдин А.И., 2001. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Вып. 4. Саратов, 2001.

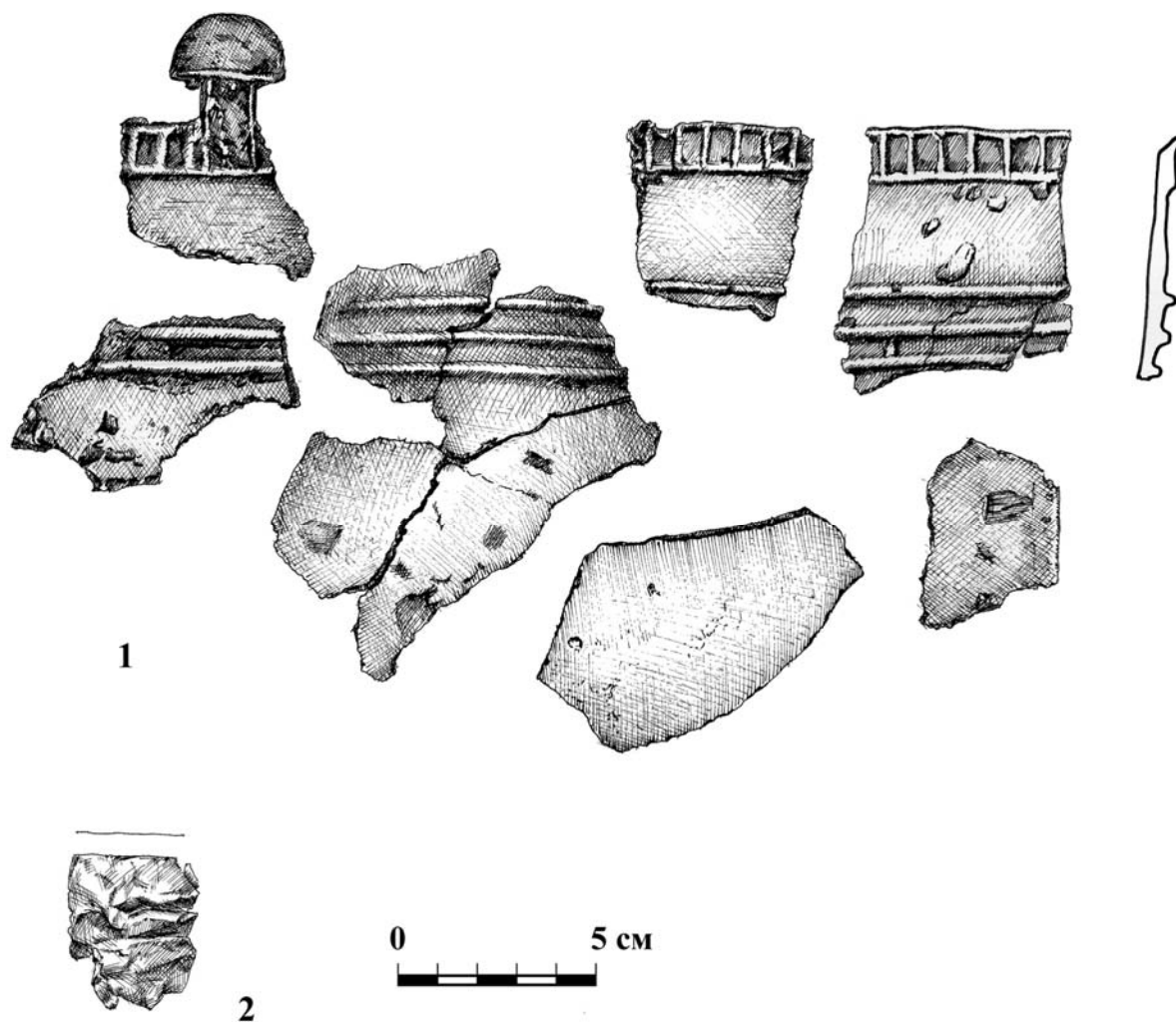
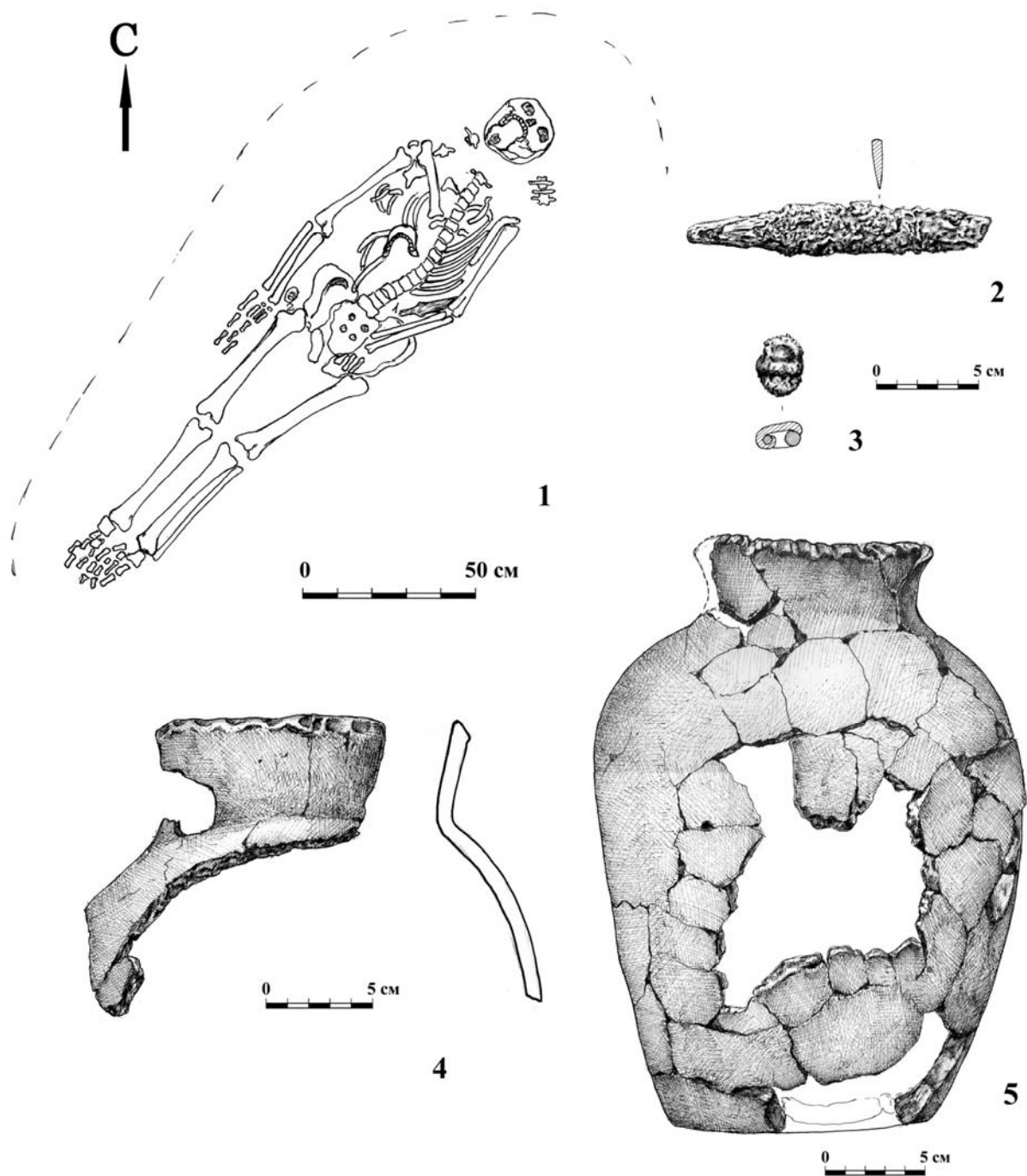

Рис. 2. Комплекс на 113 км г.Самара. 1 – фрагменты бронзового котла; 2 – золотая фольга.

Рис. 1. Погребение 1 кургана 3 могильника Кряж I. 1 – план; 2 – железный нож; 3 – железная пряжка; 4–5 – глиняные сосуды из насыпи кургана.

Ильгизар Газимзянов

Институт истории АН РТ, г. Казань

Ольга Кравцова

Казанский государственный университет, г. Казань

НАСЕЛЕНИЕ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ И ГЕНЕТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Антропологические данные содержат важную (а иногда и решающую) информацию о путях формирования того или иного этноса – об этногенезе (Антропология, 2002). В данной области знаний о человеке антропология выступает совместно с историей, этнографией и лингвистикой. Только комплексное исследование с привлечением всех доступных источников может приблизить нас к разгадке о происхождении и дальнейшей судьбе, в данном случае, именьковского населения.

С момента выделения памятников именьковской культуры и по настоящее время наиболее остро дискуссионными являются вопросы этноса или этнической принадлежности носителей именьковской культуры, участия именьковского населения в этногенезе волжских булгар. Решение этих вопросов только с позиции археологического анализа будет не полным, так как культурные традиции могут распространяться вне зависимости от участия человека – заимствования, культурное взаимовлияние и т.д. Но переселение группы людей всегда сопровождается появлением новых культурных импульсов на территории их расселения.

Среди специалистов нет (или практически нет) разногласий в определении характера именьковского населения как пришлого на территорию Среднего Поволжья. Об этом говорит их погребальный обряд (трупосожжение) и пашенное земледелие, то есть те элементы духовной и материальной культуры, которые их резко выделяют на фоне предшествующих местных (финно-угорских) культурных традиций (История татар, 2002).

В отношении этнической принадлежности памятников именьковской культуры существует несколько гипотез: тюркская (В.Ф. Генинг), балтская (А.Х. Халиков), мордовская (П.Д. Степанов) и славянская (Г.И. Матвеева, П.Н. Старостин, В.В. Седов). Последняя гипотеза, по мнению ее сторонников, хорошо аргументируется не только археологическими параллелями между именьковскими памятниками и славянскими древностями Восточной Европы первой половины I тыс. н.э. (зарубинецкая, пшеворская, черняховская культуры), не только ранними славянскими заимствованиями в языке финно-язычных народов Поволжья и Предуралья, не только часто употребляемым термином «ас-сакалиба» в письменных источниках (в основном, в арабоязычных), освещающих события в Поволжье во второй половине I тыс. н.э., но в какой-то мере и антропологическими материалами (Старостин, 2001; Матвеева, 1986; Седов, 1994, 2001). Так, В.В. Седовым высказано предположение о том, что именьковское (славянское) население составило европеоидную основу антропологического состава волжских булгар, подразумевая при этом, что ни ранние болгары, ни местные финские племена не могли претендовать на эту роль, так как обладали комплексом признаков с монголоидными элементами (из рецензии В.В. Седова на диссертацию И.Р. Газимзянова «Население Среднего Поволжья золотоордынского времени по данным краниологии»).

Таким образом, культурная связь именьковского населения со славянским вроде бы подтверждается (пусть и гипотетически) и на генетическом уровне.

К сожалению, мы плохо представляем себе физический облик именьковцев. Из-за специфики погребального обряда – трупосожжение – антропологический тип именьковских племен остается практически неизвестным. Случайные находки человеческих костяков (зачастую фрагментарных) в культурном слое именьковских поселений также не позволяет объективно судить об их морфотипе. Однако следует отметить, что в последние годы на ряде именьковских могильников (IV Маклашеевский, II Комминтерновский и др.) наряду с захоронениями, совершенными по обряду трупосожжения, встречены погребения с трупоположением (Казаков, 1996; Старостин, 1994). Погребальный обряд этих захоронений (совершены в узких, подпрямоугольной формы глубоких ямах с заплечиками по бокам; костяки залегали вытянуто с ориентацией головой на север) и выразительный вещевой инвентарь находит аналогии в погребальных комплексах турбаслинской культуры. Вероятно, именьковская культура формировалась, как минимум, на двухкомпонентной

этнокультурной основе. Антропологический материал из ингумационных погребений немногочислен и может быть отнесен в основном к мезоморфному европеоидному типу с небольшой примесью монголоидных черт (см. таблицу № 2). На отдельных черепках (как на мужских, так и женских) отмечаются следы искусственной деформации головы. Обряд деформирования головы был распространен у многих народов мира и фиксируется на Европейском континенте с эпохи бронзы (катакомбная культура). Выделяют несколько типов деформации: кольцевая или башенная (достигалась тугим бинтованием головы с раннего детства), теменная (осуществлялась давлением с боков при помощи подвешивания мешочков с песком) и лобно-затылочная (на затылок и лоб накладывались дощечки и стягивались бинтами). В нашем случае выявлена лобно-затылочная деформация. Что это? Этнически обусловленный признак или что-то иное? Мы провели анализ и картографирование памятников Среднего Поволжья и Урала по литературным и отчетным данным, где отмечались захоронения с обрядом искусственной деформации головы. Всего было учтено (на начало 1990-х годов) более 90 искусственно деформированных черепков из более двух десятков раннесредневековых могильников различной культурной принадлежности. В процентном соотношении черепа по типу искусственной деформации распределились следующим образом: лобно-затылочная – 57% (52 случая), кольцевая – 16,5% (15), теменная – 7% (6), иная – 5% (4) и неопределенная – 14,3% (13). При этом выяснилось, что не существует прямой зависимости между формой искусственной деформации и антропологическим типом. Отмечаются как европеоидные, так и монголоидные типы, но в количественном отношении преобладают смешанные. Вместе с тем, наблюдается определенная взаимосвязь между погребальным обрядом (вернее его элементами), богатым вещевым инвентарем и деформацией головы. Возможно, деформация головы являлась одним из признаков (в данном случае физических), подчеркивающих определенную кастовую принадлежность. Проникновение этого обряда на территорию Среднего Поволжья, Предуралья и Зауралья связано, на наш взгляд, с эпохой переселения народов, когда отдельные группы этнически разнородного населения, состоящие, в основном, из мужчин, под давлением гуннской и последующих экспансий, вынуждены были отходить на север в лесостепную зону. Взаимодействуя с местным населением (в том числе и с именьковским) они составляют ее военную силу и занимают достаточно высокое привилегированное положение в местной социальной структуре. Таким образом, турбаслинский компонент, на наш взгляд, не может быть связан общностью происхождения с именьковцами. Поэтому их антропологический тип не может быть распространен на население именьковской культуры, практиковавшее трупосожжение. Несомненно, что впоследствии турбаслинцы растворились в массе именьковского субстрата, но из-за своей малочисленности они вряд ли смогли повлиять на изменение их физического облика (этот тезис верен лишь при том случае, если мы говорим о генетически разных морфотипах).

Принимая во внимание, что население именьковской культуры по археологическим параллелям связано со славянскими племенами зарубинецкой, пшеворской и черняховской культур, мы можем реконструировать с определенными оговорками его антропологический состав, исходя из данных по древнерусскому населению X–XIII вв. (антропологический тип славян с юга современной Украины, синхронный именьковскому, нам неизвестен по причине обряда погребения – трупосожжение). По данным Т.И. Алексеевой, южное древнерусское население в целом характеризуется европеоидным долихокраным и узколицым типом (Алексеева, 1973). Волжские булгары (прежде всего, европеоидного облика) характеризуются несколько иным европеоидным комплексом – брахикраным с относительно широким и высоким лицом (см. таблицу № 3). Таким образом, европеоидный тип в составе волжских булгар имеет иной генезис, чем европеоидный тип древнерусского населения. Если европеоидный компонент в составе волжских булгар домонгольского времени, по данным С.Г. Ефимовой, связан с древним населением, обитавшим в степной зоне Европейской части и Северном Кавказе (Ефимова, 1991), то основу раннеславянского населения, при участии других этнокультурных европеоидных групп, составили европеоиды западного центральноевропейского генезиса (Алексеева, 1999). Мы допускаем, что часть именьковского населения (после ухода основного массива в VII в. на Запад под давлением раннеболгарских и древневенгерских племен) осталась на берегах Средней Волги и вошла в состав населения Волжской Булгарии. Вероятно, из-за своей малочисленности эти группы населения быстро растворились среди пришлого населения и утратили не только свои культурные традиции, но и свои физические особенности.

Предложенная нами схема этногенетических процессов на Средней Волге в эпоху раннего средневековья так же гипотетична и она требует дополнительной аргументации в виде массового и хорошо датированного палеоантропологического материала. В этой связи пророчески выглядят

слова В.В. Седова о том, что в ближайшем будущем в изучении ранних этапов этногенеза славян будет возрастать роль генной антропологии (Седов, 1994). Действительно, вне поля зрения антропологов и биологов-генетиков оставались костные остатки из могил с трупосожжением. Извлечение из них генетической информации позволит более объективно подойти к решению вопросов этно-генетической истории не только именьковского населения, но других древних групп, в том числе и ранних славян. Первые шаги в этом направлении, благодаря усилиям сотрудников молекулярно-генетической лаборатории Казанского государственного университета, уже сделаны. Ниже приведены предварительные результаты генетического анализа костных останков людей из могил с трупосожжением.

Стремительный прогресс в области молекулярной биологии позволил обратиться к новому источнику информации о структуре древних популяций – древней ДНК, анализ которой стал возможен благодаря революционному методу полимеразной цепной реакции (ПЦР), позволяющей получить несколько миллионов копий одного участка ДНК. Исследование древней ДНК, выделенной из костных и мумифицированных тканей, позволяет установить половую принадлежность, определить степень кровного родства между погребениями внутри могильника, а также провести этногенетические сравнения. Высокий полиморфизм генетических маркеров, известная скорость мутаций позволяют воссоздать процессы заселения территорий, оценить время дивергенции субпопуляций, установить степень метисации и определить вклад отдельных компонентов в структуру древнего генофонда изучаемой популяции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для молекулярно-генетического анализа послужили костные останки из погребений IV Маклашеевского (6 образцов) и Богородицкого (3 образца) могильников, подвергшихся тепловой обработке, т.е. жженные костные останки.

Критическим моментом успешного проведения анализа ДНК методом ПЦР является качество исходной матрицы. Одной из самых больших проблем при выделении ДНК из костных останков является опасность загрязнения (контаминации) палеоматериала современными образцами ДНК. Для предотвращения этого процесса все процедуры выделения ДНК из костных останков проводятся в стерильном боксе с использованием стерильной одноразовой пластиковой посуды и отдельным набором пипеток.

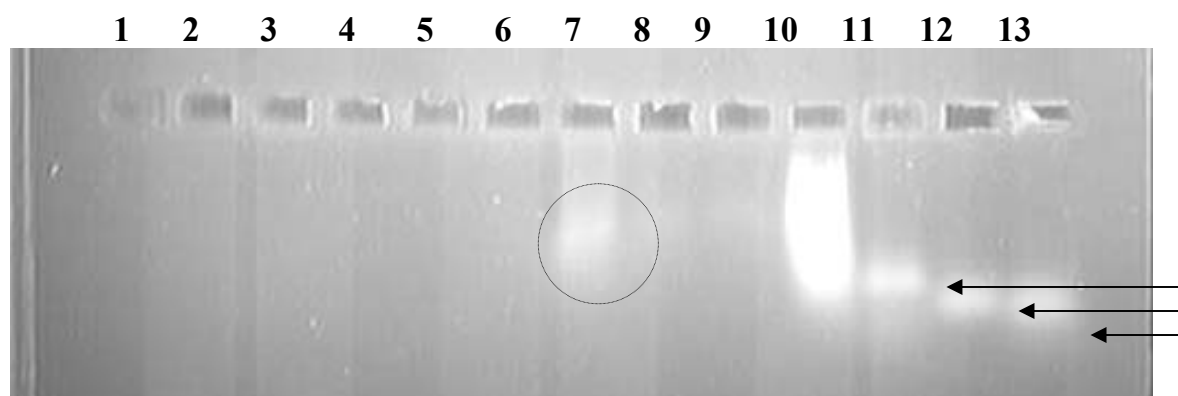
Выделение древней ДНК проводили из 0,5–1 г костного порошка. Предварительно костный материал максимально возможно очищали от земли и удаляли верхний слой абразивными материалами. Далее навеску измельчали до порошкообразного состояния.

Еще одним критическим моментом при исследовании древней ДНК является деградация биологических молекул, содержащихся в палеоматериале, и их сорбция на гидроксипатите, составляющем минеральную основу костной ткани и зубов. Поэтому первым и основным этапом экстракции древней ДНК является интенсивная декальцификация костного материала раствором 0,5 М ЭДТА. После декальцификации к осадку добавляли лизирующий раствор, инкубировали и дальнейшую очистку проводили органическими растворителями. Осадок ДНК получали осаждением 2,5 V этанола при -20° С. Как правило, во всех препаратах ДНК, полученных на данной стадии, наблюдалась коричневая окраска различной интенсивности, обусловленная наличием примесей, ингибирующих ПЦР. Для удаления загрязнений проводилась дополнительная очистка препаратов древней ДНК на диатомите – сорбенте, обладающего избирательной сорбцией только нуклеиновых кислот. ДНК, очищенная таким способом, не содержала примесей ингибиторов и показала 100% воспроизводимости результатов при проведении ПЦР.

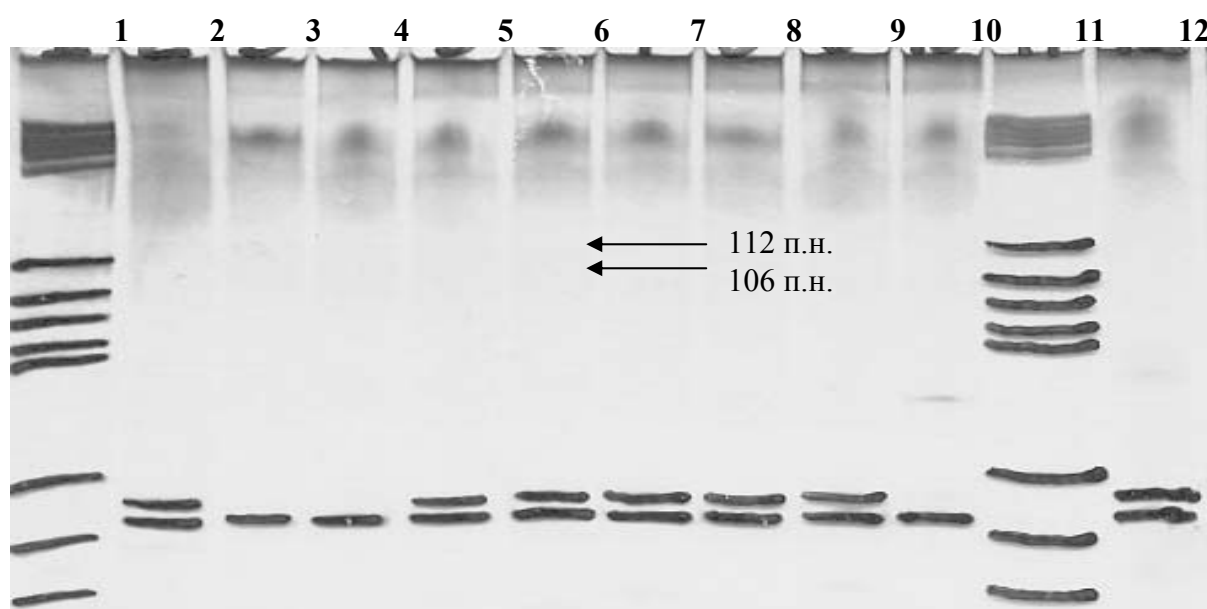
Качество полученного препарата древней ДНК проверяли электрофорезом в 1,2% агарозном геле при напряженности поля 3 В/см. В качестве маркеров молекулярного веса были использованы маркерные лестницы, размером 300, 190 и 160 п.н. (рис. 1).

Отсутствие видимых полос в лунках 1–6 и 8–9 на электрофореграмме свидетельствует о низкой концентрации препаратов ДНК (<1 нг, т.к. чувствительность EtBr при окраске нативной ДНК составляет 1–5 нг) и их высокой деградации (препарат ДНК в лунке 7 соответствует ~ 500 п.н.).

Для детекции возможной контаминации образцов древней ДНК в процессе выделения все этапы экстракции и очистки проводили и для контролей выделения (blank control). В одном контроле (K_{H_2O}) костную ткань заменяли на dH_2O , которая была использована для приготовления лизирующего буфера и ЭДТА, в другом – костный материал человека заменяли костным материалом животного ($K_{Ж}$). Данные образцы контролей всегда использовались при постановке ПЦР.

Рис. 1. Электрофореграмма препаратов древней ДНК в 1,2% агарозном геле. Окрашивание флюорофором бромистым этидием (EtBr) с последующей визуализацией в УФ-свете (длина волны 254 нм). 1–9 – препараты древней ДНК, 10 – препарат современной ДНК, 11–13 – маркеры молекулярного веса (11–300 п.н., 12–190 п.н., 13–160 п.н., указаны стрелками).

Рис. 2. Электрофоретическое разделение продуктов ПЦР по локусу амелогенина в 8% нативном ПААГе. Дорожки 1, 11 – маркер молекулярного веса pBR322/BsuRI, 2–10 – препараты древней ДНК, 12 – K_{совр} (ДНК мужчины).

Для амплификации древней ДНК использовали 2–5 мкл препарата ДНК в 20 мкл реакционной смеси, содержащей, 2 единицы термостабильной полимеразы Taq-SE (ООО «СибЭнзим», г. Москва), 200 мМ каждого dNTP в буфере, содержащем 20 мМ Tris-HCl (pH 8,9), 1,6 мМ MgCl₂, 50 мМ KCl, 100 мкг/мл желатина, 0,1% твин-20 (производитель НПБО «Ё», г. Пушкино, Московской обл.) и 20 рМ специфичных праймеров (НПФ «Литех», г. Москва). Внесение ДНК проводили только после добавления 25–30 мкл вазелинового масла в каждую пробирку во избежание перекрестной контаминации между образцами и загрязнения используемых реактивов.

Полученные продукты ПЦР разделяли с помощью электрофореза в полиакриламидном геле (ПААГ). В качестве маркеров молекулярного веса использовали ДНК фага λ, гидролизованную рестриктазой BsuRI, ДНК pUC19, гидролизованную рестриктазой MspI и Kzo9I (коммерческие препараты производства ООО «СибЭнзим», г. Москва). Визуализацию продуктов амплификации проводили с помощью окрашивания EtBr и детекцией в УФ-излучении с последующим окрашиванием нитратом серебра и высушиванием гелей.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Важным вопросом в изучении структуры древних популяций является определение их половозрастных характеристик и родственных взаимоотношений внутри отдельных захоронений. Первым этапом проведения молекулярно-генетического анализа является определение половой принадлежности и сравнение полученных результатов с установленными ранее традиционными антропологическими методами.

Определение половой принадлежности в данном исследовании проводили с помощью тест-системы на основе амелогенина. Этот ген кодирует один из белков зубной эмали, причем на X-хромосоме наблюдается делеция участка из 6 п.н., что приводит к различию в длинах амплифицируемых фрагментов на X- и Y-хромосомах. ПЦР проводили с использованием пары праймеров:

F: 5' – ccc tgg gct ctg taa aga ata gtg – 3'

R: 5' – atc aga gct taa act ggg aag ctg – 3'.

В результате амплификации по данному локусу образуется 2 аллеля, размером 106 и 112 п.н. Амплификат размером 106 п.н. соответствует X-хромосоме, амплификат размером 112 п.н. – Y-хромосоме. При генотипировании женского образца на электрофореграмме выявляется одна полоса размером 106 п.н., тогда как при генотипировании мужского образца – две полосы размером 106 и 112 п.н. (рис. 2).

В ходе анализа половую принадлежность удалось установить в 100% случаев, т.е. во всех 9 образцах жженных костных останков. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таким образом, в ходе анализа ДНК, выделенной из костных останков, подвергшихся воздействию высоких температур, показана возможность выделения ДНК, проведено ее генотипирование, в ходе которого установлена половая принадлежность всех изученных останков. Дальнейший анализ ядерной и митохондриальной ДНК позволит определить структуру семейных отношений, т.е. выявить группы кровных родственников, и определить этногенетическую принадлежность изучаемых образцов.

Литература

- Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян. М., 1973.
- Алексеева Т.И.* Этногенез и этническая история восточных славян по данным антропологии // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 1999. С.307–315.
- Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.
- История татар* с древнейших времен в семи томах. Казань, 2002. Т. 1.
- Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев, 1986. С.158–168.
- Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.
- Седов В.В.* К этногенезу волжских булгар // СА. 2001. №2. С.5–15.
- Старостин П.Н.* Именьковская культура // Очерки по археологии Татарстана. Казань, 2001. С.100–118.
- Хрисанфова Е.Н., Первозчиков И.В.* Антропология. М., 2002.

Таблица 1. Результаты генотипирования по локусу амелогенина.

№ п/п	№ погребения	Молекулярно-генетический анализ	Антропологический анализ
IV Маклашеевский могильник			
I	34	М	
II	27	Ж	
III	19	Ж	
IV	12	М	
V	14	М	
VI	13	М	
Богородицкий могильник			
VII	14	М	
VIII	11	М	
IX	13	Ж	

Таблица 2. Краниологические параметры черепов именьковского времени с территории Среднего Поволжья.

Признаки (по Мартину)	II Коминтерновский могильник		Погребение у села Седелькино Самарской обл.
	череп из погр. 46	череп из погр. 47	
пол возраст (лет)	мужской 35 – 40	женский 50 – 55	мужской 35 – 45
1. Продольный диаметр	182.0	166.0	178.0 ?
8. Поперечный диаметр	138.0	138.0	139.0
17. Высотный диаметр	– : –	143.0	– : –
5. Длина основания черепа	– : –	98.0	– : –
9. Наименьшая ширина лба	99.0	86.5	96.0
10. Наибольшая ширина лба	122.0	118.0	120.0
11. Ширина основания черепа	130.0	128.0	– : –
12. Ширина затылка	105.0	107.0	106.0 ?
29. Лобная хорда	120.0	124.0	110.0
30. Теменная хорда	111.0	104.0	111.0
31. Затылочная хорда	100.0	108.0	– : –
24. Поперечная дуга	321.0	321.0	– : –
25. Сагитальная дуга	373.0	372.0	– : –
26. Лобная дуга	131.0	131.0	127.0
27. Теменная дуга	125.0	120.0	124.0
28. Затылочная дуга	115.0	121.0	– : –
7. Длина затылочного отверстия	– : –	32.0	– : –
16. Ширина затылочного отверстия	– : –	27.5	– : –
Высота изгиба лба	23.5	20.5	25.5
Высота изгиба затылка	25.5	23.2	– : –
45. Скуловой диаметр	137.0	126.0	– : –
40. Длина основания лица	– : –	95.0	– : –
48. Верхняя высота лица	74.5	73.0	– : –
47. Полная высота лица	120.0	116.0	– : –
43. Верхняя ширина лица	107.5	97.0	114.0
46. Средняя ширина лица	97.0	– : –	– : –
60. Длина альвеолярной дуги	54.0	50.0	– : –
61. Ширина альвеолярной дуги	64.0	55.0	– : –
62. Длина нёба	48.0	43.0	– : –
63. Ширина нёба	– : –	38.0	– : –
55. Высота носа	54.0	53.0	– : –
54. Ширина носа	24.5	25.5	– : –
51. Ширина орбиты от мф.	41.0	39.5 (пр)	средняя
51а. Ширина орбиты от д.	36.5	39.0 (пр)	– : –
52. Высота орбиты	35.0	36.0	– : –
20. Ушная высота	118.0	120.0	низкая
– Бималлярная ширина	100.8	91.2	107.7
– Высота назиона над fmo – fmo	17.3	14.7	14.6
– Зиго-максиллярная ширина	96.2	– : –	– : –
– Высота назион над zm – zm	24.6	– : –	– : –
77. Назомалярный угол	142.0	144.3	149.6
Zm. Зигомаксиллярный угол	125.8	– : –	– : –
SC. Симотическая ширина	9.3	6.0	– : –
SS. Симотическая высота	5.0	2.8	– : –

Признаки (по Мартину)	II Коминтерновский могильник		Погребение у села Седелькино Самарской обл.
	череп из погр. 46	череп из погр. 47	
пол возраст (лет)	мужской 35 – 40	женский 50 – 55	мужской 35 – 45
MS. Максиллофронтальная ширина	24.0	14.0	26.5
MS. Максиллофронтальная высо- та	8.5	5.8	– : –
DS. Дакриальная ширина	– : –	16.2	– : –
DS. Дакриальная высота	– : –	8.8	– : –
Глубина клыковой ямки (мм)	– : –	3.8	– : –
Высота изгиба скуловой кости (по Vy)	11.5	9.9	– : –
Ширина скуловой кости (по Vy)	53.3	49.0	– : –
32. Угол профиля лба от назиона	75.0	72.0	покатый
32а. Угол профиля лба от глабел- лы	69.0	66.0	– : –
72. Общий лицевой угол	80.0	83.0	– : –
73. Средний лицевой угол	82.0	84.0	– : –
74. Угол альвеолярной части	76.0	84.0	– : –
75(1). Угол выступания носа	26.0	25.0	– : –
68(1). Длина нижней челюсти от мышцелков	103.0	106.0	– : –
79. Угол ветви нижней челюсти	127.0	135.0	– : –
68. Длина нижней челюсти от углов	80.0	77.0	– : –
70. Высота ветви	62.0	54.0	– : –
71а. Наименьшая ширина ветви	37.0	34.0	40.0
65. Мыщелковая мышца	115.0	120.0	– : –
66. Угловая ширина	105.0	98.0	– : –
67. Передняя ширина	49.0	46.0	– : –
69. Высота симфиза	35.0	33.0	– : –
69(1). Высота тела	32.0	– : –	32.0
69(3). Толщина тела	14.0	11.0	13.0
О п и с а т е л ь н ы е п р и з н а к и			
Форма черепа сверху	эллипсоид	сфеноид	сфеноид
Надпереносье (по Мартину 1 – 6)	3.5	2.0	3.5
Надбровные дуги (1 – 3)	2.5	1.5	2.5
Наружный затылочный бугор (по Брока 0 – 5)	3.0	2.0	3.5
Сосцевидный отросток (1 – 3)	2.5	1.0	– : –
Нижний край грушевидного отверстия	Antr. / F. Pr	Antr. / F. Pr	– : –
Передне-носовая кость (по Брока 1 – 5)	3.0	2.5	– : –

Признаки (по Мартину)	II Коминтерновский могильник		Погребение у села Седелькино Самар- ской обл.
	череп из погр. 46	череп из погр. 47	
пол возраст (лет)	мужской 35 – 40	женский 50 – 55	мужской 35 – 45
У к а з а т е л и			
8: 1. Поперечно-продольный	75.8	83.1	78.1
17: 1. Высотно-продольный	– : –	86.2	– : –
17: 8 Высотно-поперечный	– : –	103.6	– : –
9: 8. Лобно-поперечный	71.1	62.7	69.6
40: 5 Выступание лица	– : –	96.9	– : –
48: 45 Верхний лицевой	54.4	57.9	– : –
54: 55 Носовой	45.4	48.1	– : –
52:51. Орбитный максилло-фронтальный	85.4	91.1	– : –
SS:SS. Симотический	53.8	46.7	– : –
MS:MS. Максиллофронтальный	35.4	41.4	– : –
DS:DC. Дакриальный	– : –	54.3	– : –

Таблица 3. Сравнение некоторых краниологических параметров по сериям волжских булгар и древнерусскому населению (южному). Мужские.

Признаки	Волжские булгары (X–XIII вв.)					Южные древнерусские группы (VIII–XIII вв.)				
	1*	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	179.7	178.7	179.8	176.2	176.5	189.5	186.6	181.5	183.3	188.5
8.	144.6	145.5	147.5	144.8	149.8	139.8	138.1	139.9	137.3	138.1
8 : 1	80.6	81.8	81.8	82.5	86.4	73.9	74.1	77.5	74.7	73.7
17	132.6	134.8	134.6	133.2	135.3	137.2	134.9	134.1	135.5	135.6
45	134.5	135.3	136.3	136.1	140.2	134.9	132.5	134.1	130.9	130.1
48	69.8	72.5	71.9	72.8	73.4	71.2	69.8	67.6	68.5	68.2
48 : 45	50.5	53.6	52.8	53.3	51.7	53.2	52.9	50.9	52.3	51.9
52	32.9	32.5	32.5	33.3	35.0	32.1	31.7	31.0	31.5	32.3
55	51.5	51.0	51.8	52.2	54.2	50.9	50.1	49.9	50.2	49.1
32	84.9	81.8	84.8	83.8	82.4	85.8	84.1	83.4	84.2	86.2
72	87.9	86.2	85.9	86.8	85.4	86.5	84.3	83.6	83.0	84.6
75(1).	24.4	25.7	27.9	31.2	25.7	32.1	28.7	27.3	28.2	27.0
77	141.1	137.3	140.6	144.2	140.6	– : –	137.5	137.8	138.2	138.1
Zm	129.1	129.5	128.4	129.4	130.3	– : –	128.1	128.6	125.3	126.8

* Примечания: 1 – Измерский могильник; 2 – Семеновский могильник; 3 – I Старокуйбышевский могильник; 4 – Кайбельский (поздний) могильник; 5 – могильник «Муромский городок»; 6 – древляне (сборные серии); 7 – поляне переяславские; 8 – поляне киевские; 9 – поляне черниговские; 10 – северяне.

Вера Ковалевская

Институт археологии РАН, г. Москва

ТРАНСЕВРОАЗИЙСКИЕ СТЕПНЫЕ ПУТИ I ТЫС. Н.Э. (анализ компьютерных карт археологического материала)*

Все археологические явления, которые мы исследуем, воссоздавая жизнь ушедших поколений в каждой точке планеты, имеют культурно-историческую характеристику во времени и пространстве. Время определяет принадлежность любого артефакта к той или иной культуре, а точнее к некоторому этапу ее существования, а географическая привязка отражает бытование артефакта в определенных пространственных условиях. Периодизационные схемы для любой системы археологических памятников строятся сегодня с использованием сочетания традиционных и математических методов и оказываются тем точнее, объективней и обоснованней, чем больший спектр естественнонаучных методов оказался применен на достаточно большом и представительном материале. Между тем иное положение с археологическим картографированием. Карты становятся необходимой частью исследования, но как констатация географического положения рассматриваемых памятников или той или иной группы вещей в пространстве, то есть несут иллюстративную, а не научно-познавательную роль, не являются источником новой информации. Я хочу остановиться в данном докладе на возможностях использования компьютерной технологии построения карт для массового археологического материала и степени эффективности полученных результатов с использованием ранее произведенных картографических тематических разработок для различных территорий Европы и Кавказа и отраженных в ряде статей и монографий¹ далее я остановлюсь на использовании в разное время основных широтных и меридиональных евразийских путей.

Географическое положение Восточной Европы на границе Азии и Европы определяло и многовековое использование степного коридора в качестве торной дороги кочевников с востока на запад. Меридиональное расположение основных рек составляло преграды этому передвижению и, с другой стороны, формировало меридиональные пути (по междуречьям, речным долинам и по воде), связывавшие лесостепные и лесные восточноевропейские пространства с предгорно-горным Кавказом и побережьем Черного моря. Опираясь на имеющиеся в археологии разработки о разрешающих возможностях разных групп археологических данных в решении вопросов культурных или торговых связей, для постановки вопросов об этнокультурной ситуации, требующей всегда междисциплинарного подхода, для характеристики изменения материальной культуры во временной перспективе – мы покажем, какие группы источников используются нами при постановки разных задач.

Степной евразийский коридор пересечен был далекими трансконтинентальными путями на всем протяжении истории, достаточно сказать о Великом Шелковом пути и вспомнить о таких передвижениях народов, как хунну-гуннские от Тихого Океана до Атлантики. Особое место в этом обширном пространстве занимает Приаралье, куда еще в раннем железном веке доходили восточные импульсы из Китая и Синьцзяна, чтобы потом, в виде сочетания ряда культурных инноваций, поступать на более западные территории. Этот путь был однонаправленным, но на археологическом материале продуктивно его рассматривать по исторически сложившимся пунктам пересечений меридиональных и широтных траекторий. Такими узловыми точками являются Арал – Нижнее течение Волги – Волго-Донское междуречье (пересеченное меридиональным сухопутным путем, о котором мы уже говорили) – предкавказские степи – Нижний Дон. В пределах I тыс. этот путь хорошо документирован циркуляцией импортов: с одной стороны шла хорезмийская керамика, среднеазиатские фляжки, китайские мечи с халцедоновыми навершиями, бусы из индийских драгоценных камней – путем было Приаралье, Урал, Волга. Небольшая часть этих импортов достигала низовьев Дона. Навстречу потоком шел римский импорт – фибулы, амфоры,

* Работа подготовлена при поддержке грантов РФФИ 06.06.80041а и РГНФ 06.01.00011а.

¹ Поскольку компьютерные карты трудны в полиграфическом воспроизведении благодаря тому, что должны быть выполнены в цвете, и число карт, предусмотренных в докладе, значительно превышает допустимый в данном издании объем, я ограничусь ссылками.

краснолаковые и стеклянные сосуды, лощенные сероглиняные кувшины аланского северокавказского производства.

Картирование наглядно показывает, как постепенно иссякает с запада на восток поток западных импортов, и наоборот, с востока на запад уменьшается поступление восточных импортных изделий, тогда как циркулируют они по одним и тем же степным трансконтинентальным путям.

Как мы уже сказали, путь по степному коридору через Приаралье и Волгу расходился по нескольким направлениям, в частности, на Кавказ. Степи Предкавказья, начиная с нашествия гуннов, заполнились разноплеменными тюркоязычными кочевниками – акацирами, савирами, болгарями, тюрками, которые объединялись в недолговременные конфедерации при непрерывной борьбе за власть в степи. Находясь на стадии «таборного кочевания», они не оставляли нам необходимого для картографирования материала, хотя для нас ситуация в предкавказских степях интересна в связи с использованием старых и созданием новых степных путей, степенью их безопасности, отношением к их охране различных конфедераций племен в разные моменты времени, интенсивностью их функционирования и т.д. Вопросов больше, чем надежных ответов. Для первой половины VI в. мы знаем серию успешных военных походов савир в Закавказье, вплоть до Каппадокии, Поита Армении, Малой Азии и Ирана (508, 513, 515, 540 гг.). Они были одинаково опасны и непредсказуемы для находящихся в непрерывной конфронтации Ирана и Византии и относительно неукротимых северных варваров эти две сильнейших Империи вынужденно объединялись. Византия год за годом оплачивала перемирия с Ираном тоннами золота в счет фортификационных работ последнего на Северном Кавказе. Так, в 562 г. Иран получил 955,5 кг золота, к чему в 568 г. было добавлено еще 409,5 кг (Гаджиев, Касумова, 2006, с.110). Причем не случайно, что в один и тот же год потрачены огромные деньги и строительные усилия, чтобы монументальными мощными каменными сооружениями перекрыть от гор до моря Каспийский проход, чтобы сделать все передвижения подконтрольными Сасанидскому Ирану. И тогда же в западной части Кавказского хребта открывается подконтрольный Византии северный отрезок Великого Шелкового Пути.

Византия, основной потребитель китайского шелка, любым способом хотела сломить монополию Ирана. В этом были заинтересованы согдийцы, в руках которых была восточная торговля, и тюрки, вступившие в противоборство с Ираном и хотевшие иметь в своем распоряжении весь китайско-византийский трансконтинентальный путь в обход Ирана. Путь этот стал пробиваться с двух сторон. В 568 г. или 569 г. тюркское посольство Истеми хана во главе с согдийцем Маниахом степным северным азиатским путем над берегом Каспия «пересекло Кавказ» и достигло Византии.

Подробнее и с большим количеством опорных точек описано ответное посольство Византии во главе стратига восточных городов киликийца Земарха. Выйдя из Синопы в августе того же года на кораблях, прибыл в Крым, затем на Боспор, Нижнюю Кубань в страну утигур, через 3 месяца в Согд, а затем на Алтай. На обратном пути византийско-тюркское посольство вместе с хорезмийскими послами прошло тем же путем, переправившись через Волгу с помощью аланского владетеля Сарочая, дружественного византийцам, прошло через западные перевалы Большого Кавказа – Даринский и Мисимианский путь. Указанный путь мы можем нанести на карту, но он будет условным и гипотетическим. Правда, отдельные его участки на основании картирования разных групп археологического материала, то более раннего, то более позднего времени, мы можем уточнить, примеры чего нами были приведены.

Для решения вопросов извлечения максимума информации из пространственного распределения выделенных нами разноприродных и разных по информативным возможностям археологических источников важным является выбор соответствующих географических программ (Ковалевская, 1998, с.10–12; 2005, с.20–25).

Поскольку идеи и вещи, как правило, передвигались с людьми был выбран пакет геногеографических отечественных программ, разработанный в Лаборатории генетики человека (ИО Ген РАН) проф. Ю.Г.Рычковым и апробированный к решению поставленных нами задач.

Все построенные к настоящему времени Атласы компьютерных карт, используемые нами и частично изданные, построены в этих программах. Используемые нами программы GGMag, Datstat, Map Developer Studio с помощью процедур аналитической сплайн- или среднезвешенной интерполяции, перспективной проекции поверхности, выделения фоновых и остаточных поверхностей распределения признаков и кластерного анализа строят карты отдельных признаков, их сочетаний по выбору исследователя, сопоставляют карты по уровню их сходства. Эффективным

является построение карт главных компонент для отдельных групп материала или всей его суммы, в результате чего можно оценить совместное варьирование всех выделенных нами типов вещей и стоящие за этим факторы их распределения – силу действия импульсов разных производственных центров и интенсивность использования тех или иных путей. Важно то, что эти синтетические карты отражают не только поведение в пространстве тех или иных объектов в одном промежутке исторического времени, но и синтезируют разные времена, когда имело место одно и то же направление торговых путей или передвижений народов.

Существенно и то, что в используемых программах при построении цифровой модели участвуют не только те пункты, где картируемый признак присутствует с определенной частотой, но и те пункты, где он отсутствует, соответственно всегда используется полная информация. А археологам на практике хорошо известно, насколько весома информация о том, что тот или иной артефакт или их сочетание отсутствует на определенной территории, даже в том случае, если остается вероятность предположения о том, что это последнее объясняется плохой изученностью именно этой территории. В используемых нами программах это происходит потому, что кроме нанесенных по координатам точек памятников с частотами картируемого признака на карту накладывается регулярная сетка заданного размера (на предложенных картах содержащая от 4000 до 7000 узлов пересечения).

В каждом из узлов сетки вычисляется количественная характеристика признака, зависящая от всех точек (с учетом частот и расстояний до них), которая переводится в непрерывное распределение с выделенными интервалами, напоминающими по цветам и конфигурации геоморфологическую карту. Вершины соответствуют зонам максимальной концентрации признака, зоны средней плотности распределения выделены как равнины, тогда как водные впадины характеризуют разные уровни отсутствия признака.

Направленное изменение частот указывает на распространение признака из зон максимальной концентрации (центры) к периферии, причем движение может быть как клинообразным (трансконтинентальные пути), так и веерообразным (местные пути на Кавказе после перевалов, проявляющих эффект «бутылочного горлышка», или в долинах рек с притоками).

Как мы уже отмечали, разные группы археологических материалов заключают в себе информацию о разном круге явлений. В археологической практике мы неоднократно рассматривали и картировали разные типы домостроительства по археологическим данным, сопоставляя их с этнографическим материалом, различные типы погребальных сооружений Предкавказья в синхронии и диахронии, типы поселений как свидетельства этнокультурной ситуации в изучаемом регионе. Анализ этих карт приводил к необходимости экстраархеологических сопоставлений – обращению к данным письменных источников, этногеографии, географической характеристики изучаемого пространства и т.д. В данном случае мы остановимся на продуктивности сопоставления археолого-географических и геногеографических карт.

Ю.Г. Рычков и др., рассматривая историческую геногеографию Восточной Европы, выделяют в качестве второго по значению фактора, упорядочившего структуру восточноевропейского генофонда, давление степных кочевников на население Восточной Европы и Предкавказья из Закаспия (Рычков и др., 1999, рис. VI₄ карта 1). Направлено оно с северо-востока на юго-запад, захватывая в своем движении Предкавказье, в котором тремя расходящимися потоками проникает вплоть до Главного Кавказского хребта.

На картах более крупного масштаба, где объектом нашего рассмотрения является Кавказ, мы можем оценить действие степного импульса на генофонд предкавказского населения. Картировано около сотни независимых генов для Кавказа, построенных по данным о генах нынешних поколений коренного населения (Ковалевская, 2005, с.364, карта 2).

Главный элемент археологической карты Предкавказья заключается во взаимодействии Кавказа со степью, что присутствует в подавляющем большинстве геногеографических карт отдельных генов – и что проявляется на упомянутой выше карте 1 главной компоненты изменчивости генофонда всего Кавказа и 2 главной компоненты для его северной части (там же, с.365, карта 4).

Эти карты мы сопоставляем с картой первой компоненты плотности распределения скифских, сарматских и средневековых погребальных памятников VII в. до н.э. – X в. н.э. Предкавказья и картой распространения типов поселений Центрального Предкавказья I тыс. н.э. (Ковалевская, 2005, с.365, карты 3, 5). Поражает совпадение направления изолиний, сходство общей конфигурации и плотности полей, подчеркнутость направления с северо-востока на юго-запад, перпендикулярно Большому Кавказскому хребту. Мы уже говорили о том, что на компьютерных

генеографических картах аккумулируется действие многих времен и в картах главных компонент отражен наиболее весомый фактор. Добавим, что результат проведенного сопоставления карт позволяет внести хронологические вехи в наше рассмотрение первой из упомянутых карт. Степных передвижений для Кавказа было много, начиная с эпохи энеолита и ранней бронзы, но то, что близкие к генеографическим археологические карты опираются на материалы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. заставляют нас обратиться к экстраархеологическим данным именно этого времени. Э.А. Грантовский на основании анализа лингвистических данных рисует ареал ираноязычных племен конца II – начала I тыс. до н.э. в Юго-Восточной Европе, ограничивая его Поволжско-Уральскими степями и лесостепью вплоть до Приаралья (Грантовский, 1998, с.109–111). С.В. Кулланда также по лингвистическим данным говорит о разделении восточноиранских языков, занимавших территорию, выделенную Э.А. Грантовским с отделением, как он полагает, в середине VIII в. до н.э. скифов (с тем самоназванием *skuda*, который стал известен грекам и ассирийцам в первой половине VII в. до н.э.). По словам Д.С. Раевского, С.В. Кулланды и М.Н. Погребовой: «Именно входившие в этот массив племена (речь идет об отделившихся от ираноязычных племен и ушедших на юго-запад. – В.К.) – в том числе те, чьи потомки позже в античной традиции фигурировали под именем европейских скифов, – составили, очевидно, основное ядро населения, в первые века I тыс. до н.э. сосредоточившееся в Предкавказье, а затем совершившее активные рейды в Переднюю Азию» (Раевский, Кулланда, Погребова, 2006).

Рассмотренные по лингвистическим материалам переселения ираноязычных племен из Юго-Восточной Европы на Северный Кавказ при учете сопоставления генеографических и археологических карт этой же территории позволяют нам следующее прочтение карты первой компоненты кавказского генофонда (Ковалевская, 2005, с.364, карта 2). Тот импульс, который дает зона максимальной концентрации из северо-восточного угла карты на юго-запад (соответствующая ареалу ираноязычных племен рубежа II–I тыс. до н.э.) характеризует направление движения племен в сторону Предкавказья. Вторая по плотности зона отражает распространение продвигнувшихся ираноязычных степняков на степи Кубано-Терского междуречья с выходом на Терек и Каспийское побережье (Ковалевская, 2005, с.365, карта 3), что имеет подтверждение в многочисленных картах распространения отдельных элементов материальной культуры ранних скифов на Кавказе (Ковалевская, 2005, с. 366–370).

Нельзя не отметить, что это направление движения продолжалось в первые века н.э., в связи с сарматскими и аланскими передвижениями, что отражено, как и в вышеуказанной карте размещения «земляных городищ» и каменных крепостей, и в серии других карт (Ковалевская, 2005, с.384, карты 28, 29; с.385, карта 32; с.388, карта 39; с.389, карта 42 и др.). Подвижность евразийского населения способствовала быстрому передвижению элементов потестарной культуры дружинников и распространению моды на украшения женского костюма из камней и драгоценных металлов в Восточной Европе. Анализ путей распространения дробно члененного скифского оружия и антропоморфных изваяний позволил исследовать каркас сухопутных путей, интенсивность и последовательность использования их отдельных отрезков для VII–V вв. до н.э. (Ковалевская, 2005, карты 6–17).

Эти карты были построены на базе каталога скифских акинаков VII–V вв. до н.э., собранных и обработанных ведущими российскими скифологами: А.И. Мелюковой, В.Г. Петренко, М.Н. Погребовой и М.А. Очир-Горяевой. В каталог включено 557 экземпляров, морфологически разбитых почти на сотню типов, объединенных в 14 морфологических групп, разделенных по 27 географическим группам, почти 500 памятникам и разбитые на 3 хронологических этапа. Это типичный пример детализированной археологической классификации, предшествующей картографированию.

Картирование наиболее архаичных типов скифских акинаков выделяет меридиональный путь «переднеазиатских походов» ранних скифов, соединяя памятники центрального Предкавказья с Закавказьем, на север степями он уводит в бассейн Дона, затем лесостепью на Днепр и двумя параллельными путями пересекая верховья Днестра и Прута, уходит в Подунавье, на территорию современной Румынии.

Для более малочисленных акинаков VI в. наблюдается северный меридиональный путь «отложившихся скифов» по междуречью Волги и Дона; степной путь из центрального Предкавказья на Нижний Дон, далее через Азовское побережье к верховьям Дона, на Днепр и в Подунавье, повторяя направление более древнего пути, но располагаясь ближе к границе степи и лесостепи. К V веку памятники с акинаками занимают все степное пространство, пути пробиваются из лесо-

степи в степь по направлению к морю параллельно течениям рек. В это время документирован весь сухопутный меридиональный путь из Центрального Предкавказья на север, кубанско-крымско-перекопский путь в Северное Причерноморье (этим путем пройдут гунны через 800 лет), степной и лесостепной путь в бассейн Дуная.

Те пути Скифии VII–V вв. до н.э., которые мы получили на основании картирования погребений с акинаками выделенных типов, можно сопоставить с передвижениями скифских мобильных воинских отрядов с постепенным увеличением освоенной территории от Кавказа до Дуная. То, что эти пути скифов продолжали использовать позднее, и, главное, то, что они соответствуют путям недавнего прошлого, позволяет предположить, что их могли использовать кочевники раннего средневековья, тем более, что «дорожные знаки» в виде скифских антропоморфных изваяний, сохранившиеся до наших дней, продолжали направлять их путь степными просторами Кавказа и Причерноморья вплоть до Подунавья.

Традиционными были не только степные и лесостепные широтные пути, но и меридиональные. Так путь «отложившихся скифов» междуречьем Волги и Дона без необходимости форсирования крупных рек оказался востребованным через 12 столетий верховыми дружинниками эпохи раннего средневековья. Так, по 50 картам распространения деталей геральдических поясов (1349 экземпляров) VI – начала VIII вв., таких, какие мы знаем в Византии и Болгарии, лангобардской Венгрии и Италии, мы получаем граф связей в пределах Юго-Восточной Европы, где документирована предыстория Волжского Пути. В VI–VII вв. дружинники пользовались сухопутным путем в междуречье Волги и Дона, а позже речным Волжско-Камским (Ковалевская, 2005, с.380, карта 21а). Анализ геральдических поясов и поясных наборов более позднего времени на базе сотен электронных карт обобщил ту информацию, которую мы получаем на основании статистического анализа этого материала. Синтетические карты выделяют для Восточной Европы две основных зоны. В одну входит Крым, Предкавказье, междуречье Волги и Дона вплоть до Средней Волги. Археологической базой для выделения этого региона являются разные типы геральдических накладок и наконечников с прорезной орнаментацией в виде человеческих личин, по своему происхождению связанным с византийским лimesом, и, как правило, являющихся жалованными союзникам поясами в византийской армии. Во вторую зону входит Средняя и Верхняя Волга, Дон и Северский Донец. Здесь среди поясных наборов выявляется сибирское влияние, причем пути проникновения, – как степным коридором, так и через Северное Приуралье (Ковалевская, 2000, с.202, 203, рис. 400–407). Компьютерный анализ позволяет нам на археологическом материале получать и траектории передвижений, когда для одной территории мы имеем атлас компьютерных карт, построенных для большого числа типов артефактов (например, 300 типов бус, представленных более чем 40000 экземплярами). Тогда мы можем построить каркас связей с учетом их интенсивности (Ковалевская, 2005, с.380, карта 21б). Мы можем и географически уточнить исследуемые связи, как в связи с анализом связей производственных центров Кавказа, так и с объемом импортов продукции дальних мастерских, шедших через Кавказ.

Интересен опыт определения различий в направлении связей между Кавказом, памятниками ранних болгар VII–VIII вв. на Самарской Луке и памятниками салтово-маяцкой культуры на Дону и Северском Донце (Ковалевская, 2005, карта 21в). Карта опирается на анализ 26541 экз. бус. Мы получаем, что для ранних болгар на первом месте находятся связи с Прикубаньем и Хазарским Дагестаном, а для СМК относительно весомее оказываются связи с Центральным Предкавказьем и Крымом, хотя связи с Кубанью и Хазарским Дагестаном высоки. Если же говорить о связях по бусам Кавказа с Подунавьем, Центральной Европой и Скандинавией, когда статистическими материалами мы располагаем только для Восточной Европы, то путем для наших построений может быть только совмещение имеющихся в литературе значковых и компьютерных карт. Накладывая на восточную часть карты Европы компьютерную карту распространения бус византийского производства, в западной части мы картируем данные Й. Калмера из статьи 1992 г. точками (Ковалевская, 2005, карта 22а) и получаем водно-сухопутный путь из «хазар в немцы» через Кавказ – Крым – Черное море (или причерноморские степи) – дунайских болгар – римский барбарикум вплоть до Балтийского моря. На другой карте слабо прослеживается и продолжение Волжского Пути через Ладогу на Балтику (Ковалевская, 2005, с.381, карта 22б). Последний путь документирован множеством карт распространения каменных и мозаичных, восточных по своему происхождению, бус (Ковалевская, 2000, с. 96, рис. 124; с.103, рис. 198–201; с.107, рис. 276; с.108, рис. 309–312; с.110, рис. 335, 336).

Последние примеры показывают, в какой мере можно совмещать компьютерные карты с традиционными значковыми. В целом, если говорить о применении археологического компьютерного картографирования, то важно отметить, насколько оно увеличивает наши возможности. Для выяснения историко-культурных связей, определения торговых путей, их направления, интенсивности использования, динамики во времени следует строить Атласы Электронных карт на основании анализа массового материала, причем полученный результат будет тем информативнее, чем шире будет рассматриваемая территория, больше количество анализируемых артефактов, подробнее их классификация.

При изучении этнокультурной ситуации для определенного времени продуктивно сопоставить компьютерные археологические карты для ряда этнодифференцирующих признаков массового материала с геногеографическими картами. В целом представленные примеры показывают, что археолого-картографические исследования являются новым полноценным источником информации, объективным, доказательным и проверяемым.

Литература

- Гаджиев М.С., Касумова С.Ю.* Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М., 2006.
- Грантовский Э.А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.
- Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из ранне-средневековых памятников Евразии. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 2. Стекланные бусы и поясные наборы. М., 2000.
- Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005.
- Раевский Д.В., Погребова М.Н., Кулланда С.В.* Значение общеарийского наследия в изучении культуры скифов Причерноморья // Вестник РГНФ, 2006, № 4.
- Рычков Ю.Г., Балановская Е.В., Нурбаев С.Д., Шнейдер Ю.В.* Историческая геногеография Восточной Европы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 1999.

Алексей Матвеев

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омский музей просвещения, г. Омск*

ОПЫТ ЛОКАЛИЗАЦИИ УЧАСТКА ИРТЫШСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРИДИОНАЛЬНОГО ПУТИ*

Живыми артериями евразийских степей в эпоху средневековья были пути сообщения. Все военные, политические, экономические, культурные события региона оставили на степных путях «свои следы». Задача исследователей – научиться находить и изучать эти «следы» в многообразии археологического, этнографического, топонимического и фольклорного материала.

Наиболее «простыми» для реконструкции кажутся меридиональные маршруты, приуроченные к крупным евразийским рекам, текущим с юга на север. Наличие рядом с этими реками путей сообщения выглядит естественным, поскольку берега рек всегда были наиболее плотно заселены. Между населенными пунктами (или кочевьями) не могло не быть дорог местного значения. С другой стороны, различная хозяйственно-производственная специализация населения разных географических зон (степь, лесостепь, тайга), расположенных в широтном направлении, предопределила активное использование ряда местных дорог для транзитного движения торговых караванов.

«Предопределенность» взаимосвязи крупных рек и меридиональных маршрутов, ничего, однако, не говорит нам об особенностях функционирования каждого конкретного маршрута, а также, об особенностях использования всей сети меридиональных евразийских маршрутов в разные исторические периоды.

В нашей работе на примере Иртышского пути (в границах среднего течения этой реки) мы продемонстрируем попытку локализации маршрута одного из важных евразийских меридиональных путей сообщения, а также рассмотрим особенности его функционирования в разные периоды средневековья.

Методика нашего исследования основывается на топографии археологических находок (клады, предметы импорта), городищ и могильников соответствующих археологических культур на фоне анализа общего хода исторического процесса в этой северной части евразийских степей.

В начале раннего средневековья степные пространства Западной Сибири и Казахстана превратились в дорогу, по которой с востока на запад постоянно двигались волны кочевых племен. В результате этого движения вся степная и лесостепная полоса превратилась в «дикое поле» без постоянных обитателей. Отсутствие долговременных поселений привело сначала к упадку местных дорог, а затем к разрыву транзитных путей караванной торговли, активно функционировавших на протяжении раннего железного века.

Восстановление постоянных путей сообщения в Среднем Прииртышье произошло во второй половине I тыс. н.э. и было связано с расселением носителей южно-таежной потчевашской археологической культуры. С VI по IX вв. их поселения продвинулись на юг, вверх по р. Иртыш, до современной границы Омской области и Республики Казахстан. Между поселками потчевашского населения вскоре возникла сеть местных сухопутных дорог. На ее основе вдоль р. Иртыш стали функционировать крупные караванные пути, в надежности которых были заинтересованы не только жители Среднего Прииртышья, но и Тюркский, а затем Кимакский каганаты. Отдельные потчевашские поселения могли быть торговыми пунктами на этих маршрутах. Так, Д.Г. Савинов предполагает, что роль торгового пункта могло играть поселение Черлак I в одноименном районе Омской области (Савинов, 1984, с.48).

Арабо-персидские письменные источники VIII–X вв. подтверждают существование трансмеридионального «Иртышского» пути. По данным Тамим ибн Бахры в конце VIII – начале IX в. один из караванных путей шел от Тараза на север, пересекал Бетпак-Далу в восточной ее части, выходил к верховьям реки Сары-су и долинами рек Ишима, Иртыша подходил к кочевьям кимак (Ахинжанов, 1968, с.429–430).

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 05-06-80470

На севере, в южно-таежной зоне, трасса «Иртышского пути» раннего средневековья может быть локализована рядом археологических источников: находкой кости верблюда на потчевашском Новоягодном городище «Линевская сопка» (Знаменский район) (Могильников, 1987, с.191), материалами погребения с конем из Мурлинских курганов (Тарский район) (Чагаева, 1973, с.116). Последние позволили В.А. Могильникову предположить, что во второй половине VIII–IX в. «тюрки по широкой долине Иртыша начинают вклиниваться в южно-таежную зону Прииртышья» (Могильников, 1990, с.34).

Несомненно, военно-политическая активность Кимакского каганата была направлена на контроль основных торговых путей и их узловых пунктов. Поэтому маркерами раннесредневекового «Иртышского» пути в лесостепной и степной зонах Среднего Прииртышья могут быть такие могильники тюркоязычного населения VIII–X вв., как Алексеевка I (Муромцевский район) (Татауров, Тихонов, Чудаков, 2001), Ирча I (Большереченский район), могильники близ б.н.п. Романтеево (Таврический район) (Левашова, 1928), с. Соляное (Черлакский район) (Генинг, Корякова, Овчинникова, Федорова, 1970; Мельников, Яшин, 1988), на территории г. Омска (Матвеев, Михалев, Сафаров, 2005).

В конце 1980-х годов Л.Р. Кызласов на основании археологических материалов могильника древнехакасской тухтятской культуры IX–X вв. близ с. Бобрового (к северу от современного г. Павлодара Республики Казахстан) и могильника Кип III в Тевризском районе Омской области провел «Иртышский путь» IX–X вв. по правому берегу р. Иртыш (Кызласов, 1987, с.79, 80 путь № 3 на карте). В ряде своих публикаций исследователь утверждает, что оба этих погребальных комплекса – кладбища древнехакасских дружинников и купцов, основавших на территории Среднего Прииртышья свои фактории.

Б.А. Конилов, автор раскопок могильника Кипы III в Тевризском районе Омской области, действительно связывает материалы могильника с процессом «проникновения в таежное Прииртышье части тюркоязычного (кыргызов) населения» (Конилов, 1981, с.52), однако считает их недостаточными для обоснования гипотезы о функционировании здесь кыргызских факторий. Против точки зрения Л.Р. Кызласова однозначно высказывался В.А. Могильников (1990, с.34).

Таким образом, несмотря на то что гипотеза Л.Р. Кызласова о кыргызских торговых факториях и военных гарнизонах пока не имеет убедительных доказательств и требует специальных исследований, для IX–X вв. мы имеем на территории Среднего Прииртышья два потенциальных маркера «Иртышского пути» – могильники Кип III и у с. Бобрового. Импортный ковш, обнаруженный Б.А. Кониловым в кургане 17 могильника Кипы III (Конилов, 1989, с.43–51), также подтверждает причастность этого археологического памятника к «Иртышскому пути».

Использование археологических комплексов в качестве доказательства функционирования средневекового маршрута может быть проведено методом «этнографической ситуации». Именно с его помощью в середине 1990-х годов С.Ф. Татауров в Муромцевском районе Омской области датировал IX–X вв. участки современных дорог, ведущих от археологических комплексов у с. Артын на север к Усть-Тарскому археологическому микрорайону (Корусенко, Татауров, 1997, с.149). Означенный С.Ф. Татауровым «древний путь» является отрезком «Иртышского пути», а археологические памятники урочища Темеряк – пунктами на этой дороге.

Таким образом, топография абсолютного большинства вышеозначенных археологических комплексов приводит нас к мысли, что в раннем средневековье для передвижений использовали преимущественно правый берег р. Иртыш (рис. 1). Здесь же, на левом берегу, в южно-таежной зоне Среднего Прииртышья располагалось подавляющее большинство городищ потчевашской археологической культуры.

Возможно, в начале *развитого средневековья* главные сухопутные коммуникации Среднего Прииртышья были взяты под контроль Кимакским каганатом. Иллюстрацией этого процесса на территории Среднего Прииртышья может являться картина, зафиксированная Б.А. Кониловым на Кипо-Куларовском III (Тевризский район) и Верхнеаксеновском II поселениях (X–XI вв.) (Усть-Ишимский район) с отчетливо прослеживаемыми следами разгрома. На основании этих материалов Б.А. Конилов допускает возможность «вооруженной экспансии тюркоязычных кочевников в таежные районы по широкой и удобной для продвижения конницы пойме Иртыша» (Конилов, 1984, с.140). С той же степенью вероятности отмеченная «экспансия» кимаков могла быть связана не с борьбой за торговые пути, а с их бегством из Иртышских степей после разгрома от армии киданей во второй половине XI в. В любом случае имеющиеся на территории Среднего Прииртышья тюркские курганные могильники и поселения являются маркерами «Иртышского пути». К

их числу относятся могильники у с. Иртыш (Черлакский район) (Левашова, 1928), Батаково-18, Старо-Карасук 22 (Большереченский район), поселение Батаково-20 (Большереченский район), (Ахметова, Погодин, Толпеко, 2001, с.162).

Кроме тюркских археологических памятников трасса «Иртышского пути» развитого средневековья локализуется находками костей верблюда на Новоникольском IV (Усть-Ишимский район) и Новоягодном I (Знаменский район) городищах усть-ишимской археологической культуры (XI–XIII вв.) (Могильников, 1987, с.201), случайной находкой импортного металлического сосуда близ д. Екатериновка (Тарский район) (Матвеев, 2005).

Вероятно, XI в. стал переломным в торговых связях населения Среднего Прииртышья. Отсутствие политической стабильности в евразийской степи привело к временной остановке южного направления караванной торговли. С этого времени на рынок Среднего Прииртышья более активно начинают проникать предметы западного импорта. В.А. Могильников выделил и картографировал в этом импорте финно-пермские (родановской и вымской археологических культур) вещи (находки из археологических памятников у н.п. Окунево, Имшегал, Аргаиз, Кип, Усть-Ишим, Новоникольск, Малая Бича), предметы болгарского импорта (находки из археологических памятников у н.п. Усть-Ишим, Аксеново, Кип), предметы славянского происхождения (находки из археологических памятников у н.п. Кипо-Кулары, Кип, Аксеново, Усть-Ишим, Имшегал, Аргаиз, Эбаргуль) (Могильников, 1991). Таким образом, указанные В.А. Могильниковым артефакты являются маркерами «Иртышского пути» развитого средневековья в северной части Среднего Прииртышья, заселенной населением усть-ишимской археологической культуры.

Анализ топографии импортных изделий, мест находок костей верблюдов, могильников тюркского населения развитого средневековья, следов разгрома городищ усть-ишимской археологической культуры не позволяет пока четко определить маршруты движения торговых караванов и военных отрядов. Для путешествия могли использовать как участки правобережной, так и левобережной первой надпойменной террасы, первой коренной террасы (рис. 2). Возможно, во второй половине развитого средневековья интенсивность движения по Иртышскому пути с юга ослабла. Хотя изучение курганных групп на левом берегу р. Иртыш в южных районах современной Омской области может изменить это предположение.

Еще в первой трети XIII в. монгольские войска разгромили Хакасское государство, Волжскую Булгарию, Среднеазиатские государства, рассеяли военно-политические образования евразийской степи и еще более чем на 150 лет отодвинули процесс восстановления трансмеридиональных торговых путей. В упадок пришли главные пункты формирования караванов в Среднее Прииртышье.

В начале позднего средневековья на территории монгольского государства основной вектор коммуникаций был направлен по линии запад-восток. Активно использовались широтные маршруты, проходившие через Среднюю Азию. Однако, в третьей четверти XIV в., когда всеобщая смута охватила Золотую Орду, опустошительные походы Тимура в Поволжье, Крым и Семиречье положили конец международной торговле по южным широтным маршрутам. К 1370 г. вся система трансасиатских путей пришла в полное расстройство (История Казахстана, 1997, с.212).

Следствием этих процессов стала острая необходимость восстановления для международной торговли северных широтных маршрутов, которые на ряде участков (например, в Среднем Прииртышье) принимали характер трансмеридиональных путей. В первую очередь по этой причине в конце XIV в. трасса «Иртышского пути» была взята под контроль улусом Шейбани-хана, который обеспечил регулярное прохождение торговых караванов (Катанов, 1905). Вскоре здесь закономерно появилось и государственное образование – Тюменское, а впоследствии и Сибирское ханство. Центрами развивающейся на их территории торговли были крупные города: Чимги-Тура, Искер, Кызыл-Тура (городище Красноярка I в Усть-Ишимском районе Омской области), Тон-Тура (Соболев, 1994, с.361). На территории Среднего Прииртышья пунктами Иртышского пути могли быть городки населения Сибирского юрта, расположенные на правом берегу реки (городища Большой лог, Исаковка VI, Екатерининское V, Крапивка II, Безьямянное I, Новоникольское I). К ним и вели основные транспортные магистрали. О развитии с XV в. на территории южных районов Западной Сибири караванной торговли с государствами Средней Азии писали в своих работах Х.З. Зияев (1964, с.16, 18), Н.А. Томилов (1992, с.80–81).

В XVI–XVII вв. пути вдоль р. Иртыш продолжали функционировать как главные магистрали региона (рис. 3). К их числу относятся участок транзитной дороги из г. Тобольска в г. Иркутск (по левому берегу до г. Тары), участок пути из г. Тобольска в Туркестан (по левому берегу до устья р.

Камышловки), маршрут из г. Тобольска до Ямышевского озера (по левому берегу до Татмытской слободы и далее по правому берегу), путь от г. Тары до Омской крепости (по левому берегу до Татмытской слободы и далее по правому берегу). Реконструкция этих маршрутов стала возможной в результате анализа письменных, картографических и этнографических источников (Матвеев, 2003). В них же содержатся сведения о местах переправ аборигенного населения через р. Иртыш в районе урочищ Атмас (Окмас, Откмас), Ачаир (Отчаир, Чаир), Черлак, в устье р. Оми (Матвеев, 2001). Известное постоянство этих элементов сухопутных дорог предполагает функционирование их и в более ранние периоды истории. Для подтверждения этого тезиса необходимо проведение сплошных археологических работ в районе расположения позднесредневековых переправ.

Таким образом, в настоящей работе мы на широком историческом фоне рассмотрели вопросы функционирования участка средневекового Иртышского меридионального пути. Картографирование археологических комплексов, связанных с этим транзитным путем, позволяет с известной долей условности наметить его трассы. Уточнение маршрутов будет происходить неизбежно по мере археологической изученности территорий, прилегающих к р. Иртыш. Исследование других евразийских степных меридиональных путей в перспективе позволит представить всю систему контактов Среднеазиатских государств, степных и таежных военно-политических образований.

Литература

Ахинжанов С.М. Древние караванные пути кимаков // Материалы I научной конференции молодых ученых АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1968. С.429–430.

Ахметова Ш.К., Погодин Л.И., Толпеко И.В. Процессы тюркизации южных территорий Среднего Прииртышья (к постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С.162.

Вискалин А.В. Самарский вариант переправы через Волгу на пути из Киева в Булгар // Путь из Булгара в Киев. Материалы науч. конф. Казань, 1992. С.40–46.

Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Овчинникова Б.Б., Федорова Н.В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы археологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 203–228.

Зияев Х.З. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI–XIX вв.). Ташкент, 1964.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Алматы, 1997. Т. 2. 620 с.

Катанов Н. О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. Вып. 14. С.3–28.

Конигов Б.А. О тюркском компоненте в культуре населения лесного Прииртышья конца I – начала II тысячелетия н.э. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез.ы док. обл. науч. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск: ОмГУ, 1984. С.137–141.

Конигов Б.А. Работы на средневековых памятниках таежного Прииртышья // АО – 1980. М., 1981. С.184–185.

Конигов Б.А. Раннесредневековый ковш из лесного Прииртышья // Известия СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. 1989. Вып. 1. С.43–51.

Корусенко М.А., Татауров С.Ф. Система земле- и природопользования у населения низовьев Тары в XIX – начале XX в. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1997. Т. 2. С.118–158.

Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987. С.79–86.

Левашова В.П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея за 1926–1927 гг. // Изв. Государственного Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. Вып. 1. С.157–162.

Матвеев А.В. Переправы через р. Иртыш в свете изучения Сибирских оборонительных линий XVIII в. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С.52–54.

Матвеев А.В. Сухопутные маршруты передвижения населения Среднего Прииртышья XVII – первой трети XVIII в. по данным письменных, картографических источников и этнографии //

Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, ОГИКМ, 2003. Т. 10. С.163–169.

Матвеев А.В., Михалев В.В., Сафаров М.Ю. Погребение тюркского воина у павильона Пригородных сообщений Омского железнодорожного вокзала // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. Омск: ОГИКМ, 2005. С.41–48.

Матвеев Ал.В. Находка восточного художественного металла в Тарском Прииртышье – Екатеринбургское III (предварительное сообщение) // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего коллоквиума / ООМИИ им. М.А. Врубеля. Омск: ООО «Издательский дом «Наука»», 2005. С.52–57.

Мельников Б.В., Яшин В.Б. Новые материалы раннесредневекового времени из лесостепного Прииртышья // Археология Западной Сибири. Омск, 1988. С.34–36.

Могильников В.А. Динамика и направления обменных и этнических контактов лесного населения Зауралья и Западной Сибири во второй половине I – начале II тысячелетия н.э. // Взаимодействие древних культур Урала. Межвузов. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во ПГУ, 1990. С.33–39.

Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири во второй половине I – начале II тысячелетия н.э. // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С.47–62.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С.163–202.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

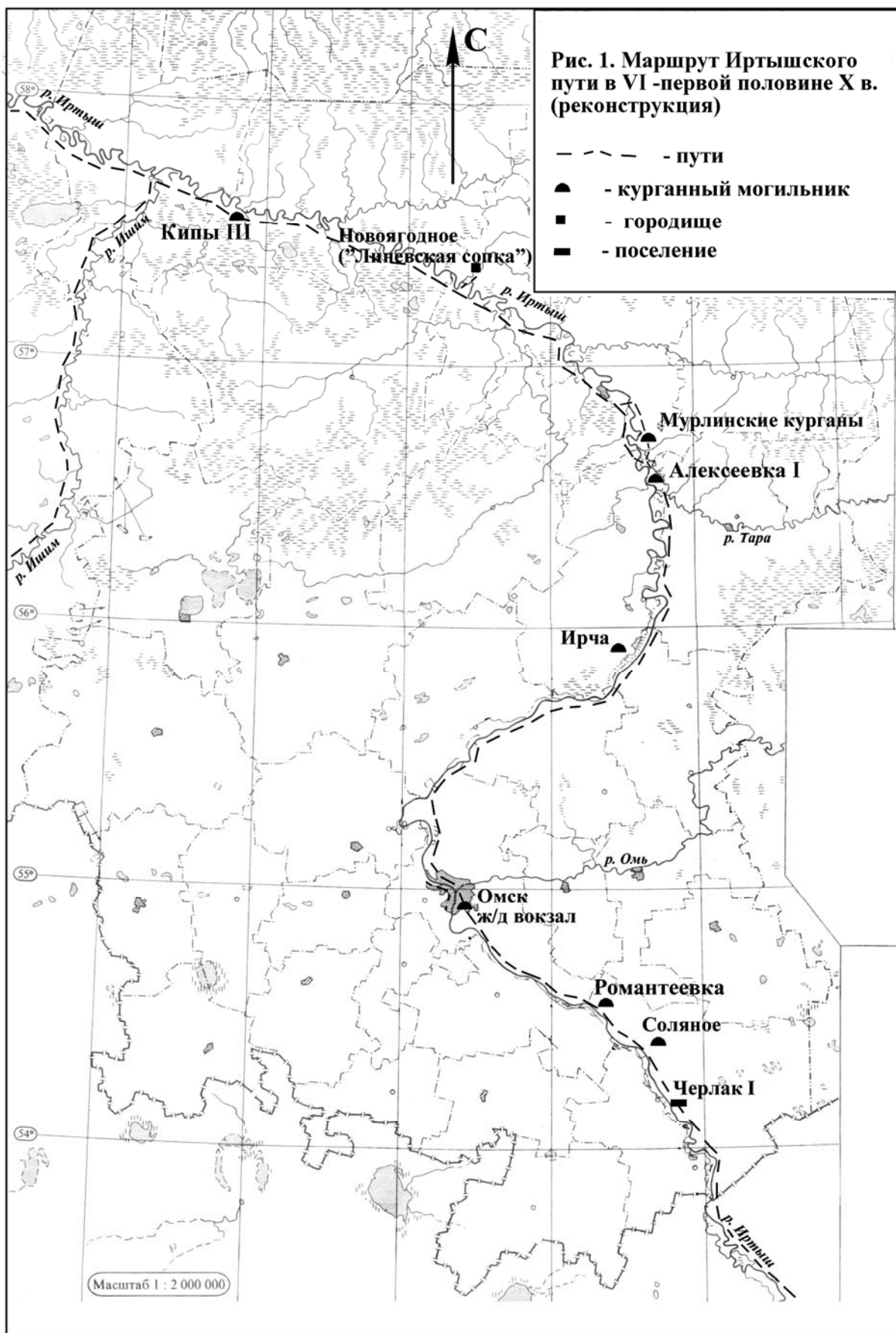
Соболев В.И. История Сибирских ханств (по археологическим материалам). – Дисс. ... д.и.н. Новосибирск. 1994.

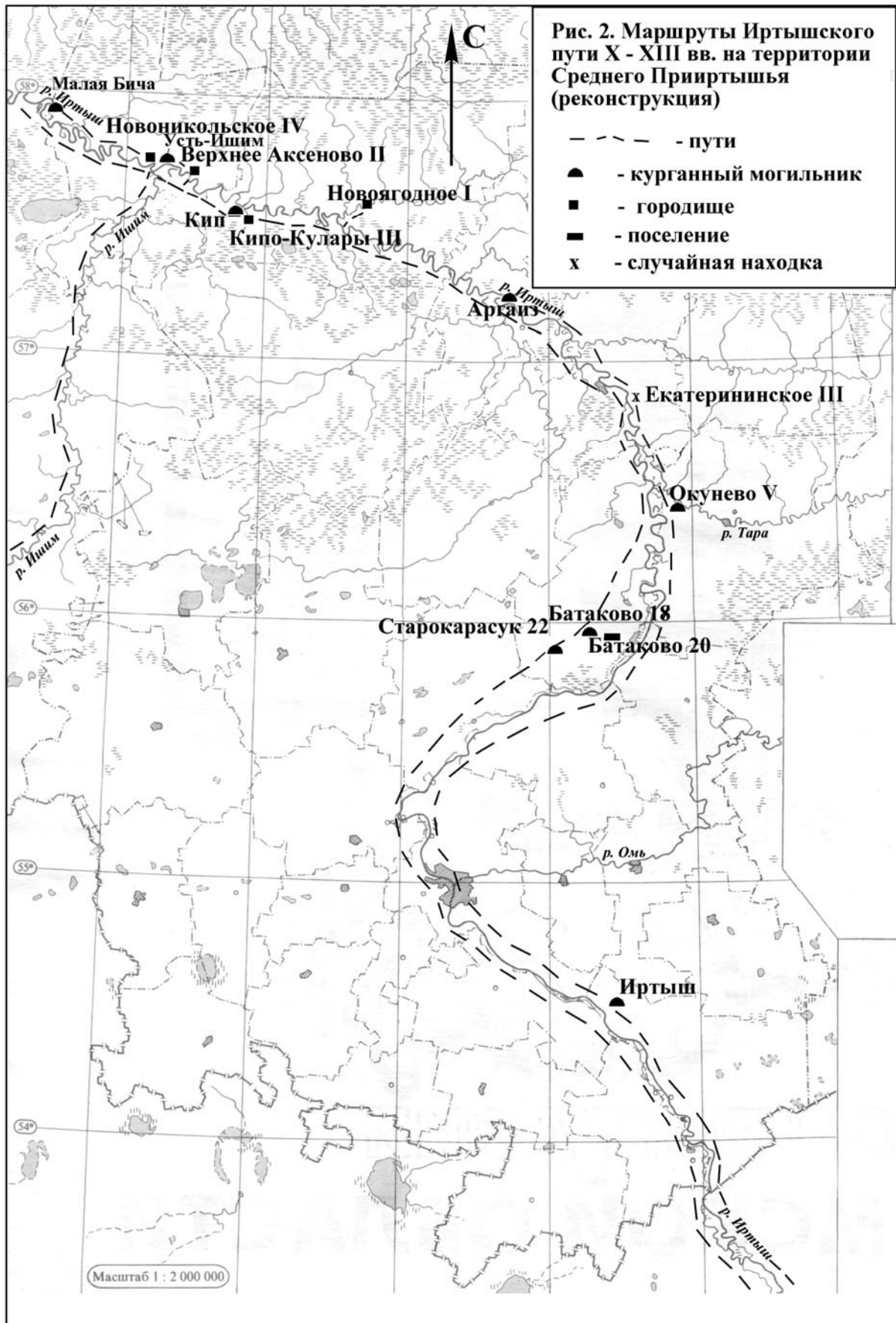
Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чудаков Д.В. Могильник Алексеевка I // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С.114–127.

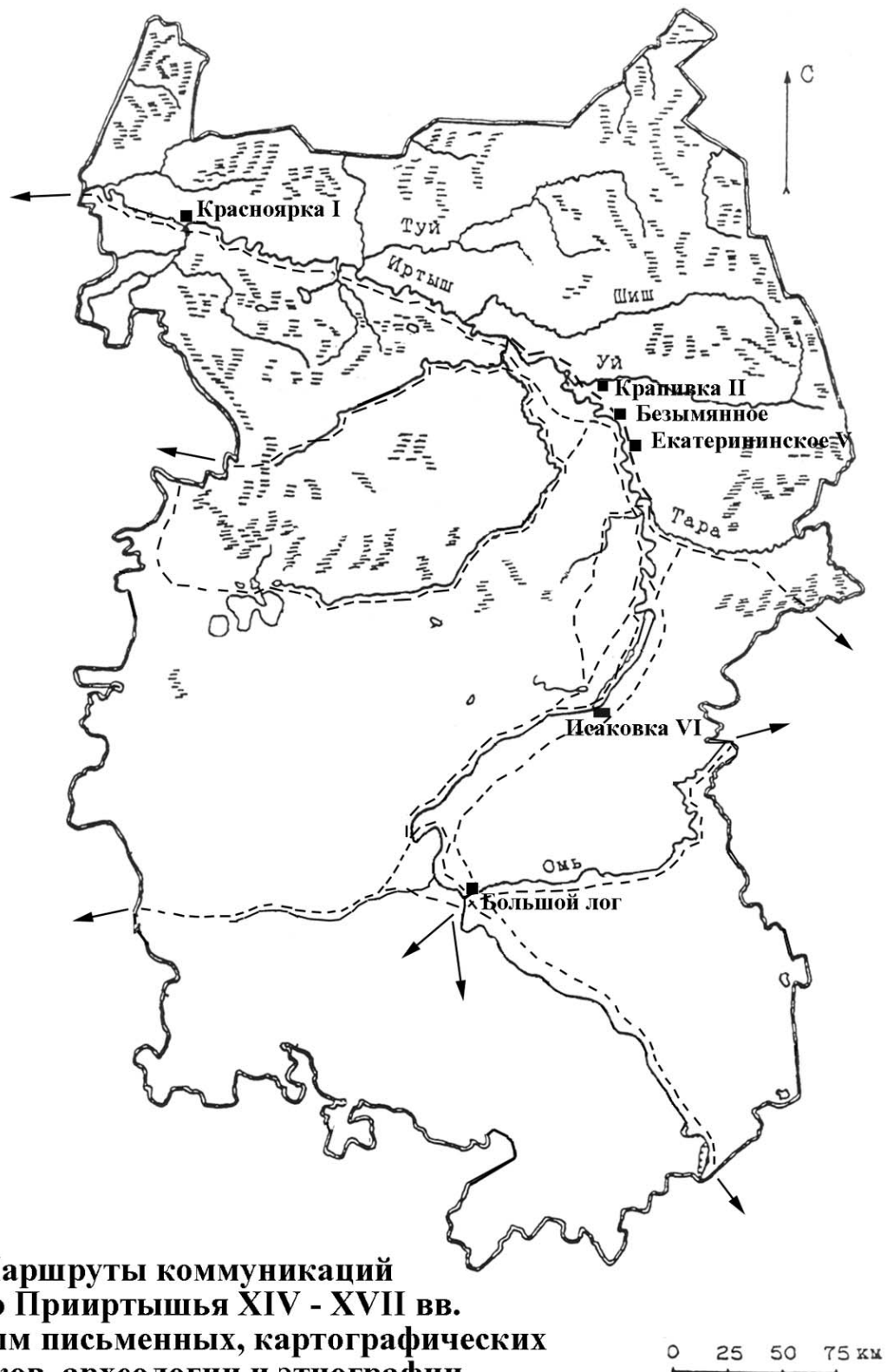
Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992.

Халиков А.Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII вв. и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев). // Путь из Булгара в Киев. Материалы науч. конф. Казань, 1992. С.12–22.

Чагаева А.С. Могильники в окрестностях д. Айткулово Омской области // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 3. С.103–118.

Рис. 3. Маршруты коммуникаций Среднего Прииртышья XIV - XVII вв. по данным письменных, картографических источников, археологии и этнографии (реконструкция)

Рашо Рашев

*Шуменский филиал Археологического института Болгарской Академии наук,
г. Шумен, Болгария*

ПРАБОЛГАРЫ НА ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ

Распад Великой Болгарии и последовавшее расселение праболгар обычно не относят к событиям Великого переселения народов. Однако на самом деле оно является последней волной этого переселения как по отношению дальности маршрутов, так и по отношению конечного результата – основание государств на новой земле. Каждое массовое переселение в древности кончалось, как известно, занятием новой земли, которую переселенцы получали двумя основными способами: 1) мирное освоение, когда эта земля была ничейной или была под контролем центральной власти, но отступалась при выполнении со стороны нового населения определенных условий; 2) военное освоение, когда земля отнималась силой без выполнения каких-то условий. В исторической литературе эта ситуация означает как Время обретения родины, Occupation of the New Homeland, Conquête d'un nouveau pays, Landnahmezeit, Nonfolalás kori. Относительно племен евразийской степи этот термин обычно применяется по отношению венгров конца IX в. (Fodor, 1982. P. 277 sq.). Не менее удачно его надо применять по отношению праболгар в период создания Дунайской Болгарии (Rašev, 1997. P. 52).

Основное население нового государства заняло новую землю на протяжении двух этапов двумя способами. Славяне поселились южнее Дуная в начале VII в. мирно, в согласии с центральной властью империи, выполняя обязанности охранять дунайскую границу. Наоборот, болгары сначала поселились в глухом уголке между Дунаем и Черным морем, но без официального позволения, нарушая практику заселения варваров. Поэтому Византия отправила большую армию отбросить их на левый берег. Экспедиция кончилась военным разгромом, что позволило Аспаруху увеличить в несколько раз свою первоначальную территорию за счет империи. Именно это определило тот жесткий политический конфликт, который установился между двумя государствами на протяжении почти двух столетий. Политическое противостояние естественно усиливалось религиозным и культурным противопоставлением. В частности, в области материальной культуры, Дунайская Болгария не воспользовалась достижениями культуры местного населения, которое, кстати, в VII в. уже находилось в состоянии упадка. Славяне и праболгары формировали культуру на новой земле, прежде всего, на основе своих традиций. Местная традиция каменно-кирпичного строительства укреплений была заменена оборонительными сооружениями деревянно-земляной конструкции. Наземное жилище с каменными стенами отступило место полуземлянке. Быстро вращающийся ножной гончарный круг отступил место медленновращающему ручному кругу. Формы и технология местной керамики уже не применялись, их заменили новые формы и декорации стенок, знакомые местной гончарной традиции. Первый век истории болгарской средневековой культуры отличался своеобразием по отношению культуры соседней Византии, а также по отношению культуры своих языческих соседей – аваров и хазаров. Можно также говорить о некотором своеобразии в еще более широких рамках евразийской степной зоне. Конечно, это относится прежде всего к культуре управленческой элиты центральной области государства. Необходимо напомнить, что государственные ставки и дворцы гуннов, болгар времени Кубрата, авар и хазаров пока остаются неизвестными, хотя о некоторых есть какие-то письменные данные. Процесс седентаризации и формы традиционной культуры, истоки которых надо искать в степной зоне, хорошо прослеживаются в процессе исследования языческой столицы Дунайской Болгарии Плиски и ее окрестности. Некоторые новые памятники, исследованные на протяжении последних лет, дают весьма интересные данные. Они являются иллюстрацией основных сфер жизни и культуры праболгарской аристократии: резиденции ханов и их жилья, поменальные сооружения, погребальные обряды.

Еще в 1981 г. был совершен важный шаг в исследовании самого раннего периода истории столицы. Был установлен неизвестный до этого факт, а именно, что до строительства каменных построек в центре столицы существовали на протяжении около ста лет более ранние постройки и сооружения из дерева. Это стало основанием пересмотреть ряд гипотетических положений об относительной хронологии строительства и жизни, и прежде всего утверждение, что самая ранняя каменная постройка – т.н. дворец Крума – мог быть воздвигнут еще во время Аспаруха или Тер-

веля, т.е. в конце VII – начале VIII в. Оказалось, что фундаменты этого дворца перерезают остатки более ранней деревянной постройки, план которой пока остается только частично установленным, так как толстые стены каменного дворца почти целиком уничтожили остатки более ранней деревянной постройки. Однако недалеко от этого дворца сохранились полностью остатки другой деревянной постройки круглого плана диаметром 15 м. (Рашев, Дочева, 1989; Рашев, 1993, с.186–188, рис. 1). Сохранились ямы для деревянных столбов, которые оформляют основное круглое тело с открытой платформой почти по всей окружности и лестница на южной стороне (рис. 1; 2). Именно лестница, а также отсутствие данных об устройстве и состоянии пола на уровне древней поверхности или ниже его дают основание реконструировать основную круглую часть, поднятую выше тогдашней дневной поверхности, как обычно сооружались представительные постройки дворцового или жилого назначения разных времен и культур (рис. 3).

В 2005 г. было закончено исследование второй круглой деревянной постройки. Она располагалась всего в 20 м севернее первой (Рашев, Димитров, Иванов, 2004, с.115, рис. 2; Рашев, Димитров, Иванов, 2006, с. 370–371). Круглое тело диаметром 25 м составлено из трех концентрических кругов ям для круглых столбов диаметром 20–40 см. (рис. 4). Глубина ям понижается с центра к периферии и это является, как и в первом случае, четким основанием реконструировать ее как основное плотное тело, окруженное открытой площадкой типа балкона (рис. 5).

Тем временем выяснилось, каким образом эти и другие постройки, выявленные только частично в соседних секторах центра Плиски, располагались по отношению к известным до сих пор трем оборонительным линиям т.н. Внутреннего города разного времени – земляному валу и рву, двойной деревянной стене и каменной крепости. Их ограждала и обороняла двойная деревянная стена (рис. 6), открытая российской экспедицией, работавшей под руководством С.А. Плетневой в Плиске в 1977–1980 гг. (Плетнева, 1992, с.41–46, рис. 12–17). Сейчас установлен полный план этой деревянной крепости площадью около 35 га (Георгиев, Димитров, 2004; Станилов, Инкова, Григоров, 2004). Уже есть веские доказательства тому, что именно эта стена являлась синхронной с деревянными постройками в центре и таким образом являлась оборонительным рубежом самого раннего периода деревянной ханской резиденции (Рашев, 2005, с.191–192). В центре располагались круглые деревянные постройки жилого и представительного назначения (рис. 6, 1, 2). Пока слишком рано судить о состоянии планировки и густоты застройки укрепленной территории в целом. Некоторые наблюдения показывают, что, по всей вероятности, относительно плотно был застроен только центр, пространство между центром и деревянной стеной было редко застроено или совершенно пустое. Именно так выглядела резиденция во время более позднего периода каменного строительства. Новым фактом является установление переходного этапа – от деревянного к каменному периоду строительства. Еще во время функционирования деревянных построек в непосредственном соседстве был воздвигнут большой каменный дворец, а возле него – баня и водохранилище (рис. 6, 3, 4). На основании остатков большого пожара и известия византийских хроник о пожаре, причиненного императором Никифором I в ауле Крум в июле 811 г., открыватель памятника акад. К. Миятев назвал его «дворец Крума» (Миятев, 1942, с.105–130). Новое состоит в том, что подземные деревянные проходы, ведущие от дворца к северу и к югу, были протянуты до уже существовавшей, более ранней деревянной стены (рис. 6, 5, 6). Проходы перерезали внутреннюю линию бревен и завершались выходами, ведущими в пустое пространство между двумя рядами деревянных столбов, откуда через ворота во внешнем ряде столбов можно было выйти из крепости. Эта ситуация отражает переходный этап сосуществования деревянного и каменного строительства, начала упадка традиции домашней строительной культуры и появление планов и строительной техники средиземноморской римско-греческой архитектуры, сохранившейся в строительной практике соседней Византии.

Датировать точно начало деревянного строительства, а также его конец, трудно из-за отсутствия надежных датирующих находок. Археологический материал представлен только столовой керамикой домашнего производства и византийского типа. До выработки соответствующих надежных критериев пока его можно датировать в широких границах VIII в. К этой проблеме мы еще вернемся ниже. Пока можно сказать, что памятники подобного характера неизвестны в обширных просторах евразийской степи эпохи средневековья. Они показывают, каким образом кочевническая аристократия переходит к стационарному образу жизни, выбирая для своих деревянных дворцов круглую форму традиционного степного жилья – юрты (Флеров, 1996).

Памятники поминального характера, исследованные в последние годы, располагаются в окрестностях Плиски. В 4 км к западу от т.н. Внешнего города, у с. Золотая нива был исследован

культовый комплекс, состоящий из трех элементов: 1. Группа камней типа тюрских балбалов (совр. тур. – перс. *девташлар* ‘камни духов) в виде четырехугольника, содержащий поставленные рядами 35 камней (рис. 7, 1). 2. Круглое в плане культовое сооружение диаметром 12 м с ориентацией входа на восток; в центре его располагался каменный или деревянный идол, сейчас уничтоженный (рис. 7, 2, 4, 5). Ров сооружения был заполнен камнями, фрагментами керамики, углями и костями животных (Рашев 1991). 3. Четырехугольник размером 380 x 350 м, оформленный траншеей глубиной 1 м, куда в процессе засыпки добавляли камень, кости животных и фрагменты керамики (рис. 7, 3). Внутренность этого пространства пока не исследовано. В центре его можно ожидать остатки святилища или жертвенной площадки. Этот культовый комплекс отмечал середину пути между столичным лагерем и вторым по значению земляным лагерем у естественного кургана Кабиюк, о котором пойдет речь ниже. Керамику из комплекса можно датировать в рамках середины VIII – середины IX в.

В том же регионе, на расстоянии 250 м от внешнего земляного укрепления Плиски, исследовано уникальное для территории Первого Болгарского царства, можно сказать, и для всей зоны евразийской степи эпохи средневековья, сооружение поминального характера (Rašev, Stanilov, 1998). В центре небольшого кургана эпохи бронзы (курган № XXII) была сделана прямоугольная в плане вертикальная шахта глубиной 12 м (рис. 8). На ее дне была оформлена неглубокая яма-кенотаф. В ее засыпке не было найдено никаких предметов и костей. В процессе засыпки на разной глубине были поставлены два коня – один целый, от второго только передняя половина, а также две собаки. Равномерно по всей глубине сооружения находились конские зубы и кости других животных. Самая верхняя часть заполнения содержала мелкие камни, керамические фрагменты и угли. Глубина сооружения и присутствие целых животных показывает, что его можно связать с обрядами, совершенными в память умершего самого высокого ранга, вероятно, хана. Где его настоящее погребение, пока неизвестно. На троне языческой Дунайской Болгарии с конца VII до середины IX в. сидели 16 ханов, но пока их погребения остаются совершенно неизвестными. То же можно сказать и о погребениях праболгарской знати. Только у служебной знати были 25 титулов разного ранга, письменные источники содержат почти 30 личных имен. Где и каким образом они были похоронены – тоже неизвестно. Кстати, в Плиске пока не зафиксированы не только аристократические погребения, но и могильники рядового населения дохристианского периода.

Именно поэтому чрезвычайно интересный представляет первое и пока единственное погребение праболгарского аристократа, исследованное в 2005 г. в 15 км к западу от Плиски в долине малой реки (Рашев, Атанасов, Стойчев, Йоргов, 2006). Диаметр курганов 25–30 м, высота 3,5–4 м. Их считали фракийскими, но некоторые нетипичные для фракийских курганов особенности указывали на возможность датировки его эпохой средневековья. Это, прежде всего, расположение курганов на прямоугольной площади размерами 175 x 155 м., правильная ориентация фигуры, а также то, что их ставили в долине речки, а не на верху окрестных холмов, как это обычно делали фракийцы. Раскопки подтвердили, что комплекс целиком относится к периоду раннего средневековья. Три кургана (№№ 1–3) оказались поминальными. В их центральной части ядро, составленное из черной гумусной земли, содержало керамические фрагменты, угли и кости животных. Только последний курган (№ 4) содержал погребение, расположенное в его юго-западной части, в стороне от центра (рис. 9). Молодой человек возраста 20–22 лет лежал на спине головой на север. Слева лежала железная сабля, у головы – серебряные украшения конской сбруи, череп барана, узда и глиняный сосуд, у головы и у правой руки – пара железных стремян, в области таза – серебряная поясная гарнитура, у ног – шкура коня (рис. 10). Одна золотая серьга была найдена слева от черепа, вторая лежала в нижней части грудной клетки. Нижняя часть сабли отломана, по всей вероятности, как мера обезвреживания погребенного. Перекрестие прямоугольное, деревянная ручка была укреплена с двух сторон серебрянными кольцами (рис. 11, 3). Снаряжение коня включает узду с прямыми псалиями, пару стремян, железные пряжки, предмет неизвестного назначения (рис. 11, 2, 4, 5). Глиняный сосуд – кувшин с небольшим круглым телом украшено лощеными линиями и очень длинным горлом (рис. 11, 1). Ремни конской сбруи украшали луновидные подвески и круглые бляшки (рис. 12). Два украшения колоколовидной формы скрепляли подвески, составленные из тонких кожаных ремней. Два круглых фалара из бронзы, обтянутые тонким серебрянным листом, украшали уздечный ремень, а серебряная трубочка поддерживала основания какого-то украшения типа султана на голове коня. Везде хорошо сохранились остатки кожи и дерева. Поясной набор включает серебряные литые принадлежности и украшения (рис. 13). Орнамент везде одинаков, составлен из ряда «эсвидных» элементов, в концах которого стоит круг с точкой. Самая близкая аналогия – орнамент бляшки из

клада из Ерсекe (Catalogue, 1981, Lot 173c). К кругу памятников типа Врaп – Ерсекe относятся бляшки с полукруглым вырезом в верхней части, а также трапецевидные бляшки с кольцом в нижней части для подвешивания предметов. Серьги – золотые, с стеклянными подвесками зеленого цвета. На голове – большая золотая пуговица, в значительной степени деформированная (рис. 14). На современном этапе изучения комплекса дату погребения можно определить временем не раньше середины VIII в. – начала IX в.

Все представленные новые памятники снова поднимают важный вопрос о начале формирования материальной культуры Первого болгарского царства. Для археологии дунайских праболгар эта проблема, поставлена только в последние годы (Рашев, 2003; 2006). Обычно утверждается, что начало государства в 681 г. надо принимать и как начало уже сформировавшихся характерных особенностей материальной культуры. Из этого следует, например, что самые ранние памятники Плиски надо датировать последней четвертью VII в., т.е. временем Аспаруха. То же самое подразумевается в отношении массовой культуры – поселения, жилища, керамический комплекс. Дело в том, что эта логически возможная синхронизация политической истории с историей культуры пока недостаточно обоснована убедительными археологическими доказательствами. Надежных датированных предметов пока очень мало. В трех погребениях найдены византийские пряжки VII в., а еще в одном погребении – византийский крест VII в. Это считается достаточным датировать начало соответствующих могильников концом VII в. Однако совершенно не исключено, что они могли попасть там в более позднее время в качестве амулетов, как попали в погребения тех же могильников около 20 позднеримских монет IV–V вв. Но их никто и не пытался использовать в качестве датировочного материала. Остальные датированные предметы в могильниках дохристианского периода не возможно отнести ранее VIII в. Попытки допускать запоздание массовой материальной культуры по сравнению с начальной датой политической истории базируются на разных основаниях. Так, например, некоторые авторы утверждают, что в первые десятилетия после основания государства праболгары продолжали вести кочевой образ жизни. Но эти авторы не затрагивают проблемы, какая была культура поселившихся раньше на том же месте славян, которые никогда не были кочевниками, и каким образом славяне и праболгары оказались носителями общей материальной культуры. В настоящее время решение проблемы зашло в тупик. До выработки убедительных критериев датировки массового бытового материала, и прежде всего керамики, как мне представляется, надо считать, что действительно был небольшой период в начале истории Дунайской Болгарии, когда еще окончательно не оформилось тех характерных особенностей культуры, которую теперь мы называем болгарской. Славяне пришли со своей примитивной культурой и сохраняли ее до выработки керамического комплекса на гончарном круге, который они приняли, целиком отказавшись от своей собственной гончарной традиции. Праболгары, покидая свою старую территорию, не принесли практически ничего из того, что им было известно в степях Восточной Европы (об этом см.: Рашев 2004, с.64 сл., а также дискуссию о датировке и этнической принадлежности памятников). Можно сказать, что на Нижнем Дунае все начиналось заново. Для этого, формирования новой культуры, требовалось время. А пока посуда была деревянная и кожаная, так что в самых ранних напластованиях поселений, в погребениях и в ранних сооружениях Плиски гончарная керамика могла просто отсутствовать. Это можно назвать «докультурное» или «догончарное» болгарское раннее средневековье. Конечно, термин условный, так как материальная культура, несомненно, была, но она была основана целиком на органических материалах, которые не фиксируются в процессе раскопок. Это время можно назвать переходным периодом, когда старая культура (и, прежде всего, восточноевропейский стиль украшений из могил группы Сивашовки и из памятников перещепинско-вознесенской группы) уже ушла, оставаясь за спиной поселившихся на Дунае, а новая (стиль украшений тоже), основанная на балканском субстрате, еще не была создана или, скорее, не была принята. Еще надо уточнить, почему как в Восточной Европе, так и на Балканском полуострове стиль металлических украшений VII в. не получил развития, и VIII в. в обоих регионах был выработан новый стиль.

Есть еще одно немаловажное наблюдение допускает существование этого переходного (промежуточного) период в истории культуры дунайских праболгар – значительное сходство развития начального этапа материальной культуры у соседей болгар: аваров, хазар, ранних венгров. Установлено, например, что самые ранние жилища раннеаварского поселения у Дунайварош, датированные началом VII в., не содержат керамику. Керамика появляется, как утверждает исследователь этого поселения И. Бона, только в жилищах второй четверти VII в. (Bóna, 1972). В последнее время уверенно обозначается т.н. раннехазарский, предсалтовский или досалтовский период,

представленный одиночными погребениями и предметами из цветных металлов (Семенов, 1983; Семенов, 1988; Круглов, 1990; Круглов, 1992; Комар, 1999; Флерова, 2001; Иванов, 2002 и др.). На протяжении этого периода еще не было стационарных поселений и не был оформлен или не получил широкого распространения специфический салтовский керамический комплекс. Много сделали в области археологии авар и хазар венгерские исследователи (Балинт, 1984а; Балинт, 1984б; Bálint, 1993; Mesterházy, 1994). Можно утверждать, что существовала некоторая общая закономерность развития материальной культуры племен евразийской степной зоны. Она заключалась в том, что после миграции в поисках новой родины и после ее обретения, начинался период формирования новой культуры. В археологическом плане это означает, что самые ранние памятники представляются нам сегодня вообще лишенными находок или в них находят более ранние предметы, которые оставили прежние хозяева этой земли и которые новые поселенцы ставили в погребения в качестве амулетов.

Однако это только вариант решения проблемы. В отношении дунайских праболгар надо еще много работать, чтобы говорить уверенно о начальной дате культуры и о том, являются ли началом политической истории и началом развития специфической массовой культуры синхронные процессы или культура «запаздывает» по отношению к истории. Пока более вероятным выглядит последнее. Можно надеяться, что создание Международного конгресса средневековой археологии евразийской степи, которое происходит сейчас в Казани (14–16. 02. 2007 г.), поможет объединить усилия специалистов разных зон степей в решении вопроса и дать более убедительное решение проблемы. Общей задачей могло быт создание степной евразийской шкалы древностей VII–IX вв. и в частности восточно-среднеевропейской зоны на основе синхронизации памятников авар, болгар дунайских, донских и волжских, хазар, донских алан и их соседей.

Литература

Балинт Ч. Археология эпохи обретения венграми родины (часть I) // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.

Балинт Ч. О датировке центрально- и восточноевропейских степных древностей раннего средневековья (трудности и возможности) // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6.–10. Jahrhundert. Nitra, 1984.

Георгиев П., Димитров Я. Проучване на дървеното укрепление в Плиска през 2004 г. // Археология. 2004. № 3–4.

Комар А.В. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. 1999. № 2.

Иванов А.А. К вопросу об этнокультурной характеристике захоронений в «курганах с ровиками» Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы. Москва, 2002.

Круглов Е.В. О подкурганых захоронениях Калмыцко-Астраханских степей хазарского времени // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.

Круглов Е.В. К проблеме выделения и этнокультурной атрибуции раннехазарских археологических памятников // Востокведение в Башкортостане: история, культура. Тез. конф. Ч. II. Уфа, 1992.

Миятев К. Крумовият дворец и други новооткрити постройки в Плиска // Известия на Българския археологически институт. Т. XIV. 1940–1942.

Плетнева С.А. Стратиграфические исследования Плиски. (Работы советского отряда 1977–1980 гг.) // Плиска – Преслав. Т. 5. 1992.

Рашев Р. Езически култов паметник при Златна нива // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. София, 1991.

Рашев Р. К ранней истории праболгар на Нижнем Дунае // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Рашев Р. За началото на българската средновековна култура // Плиска – Преслав. 9. 2003.

Рашев Р. Прабългарите през V–VII в. Второ допълнено издание. София, 2004.

Рашев Р. «Лей линии» и центричност в Първото Българско царство // Археология. 2005. № 1–4.

Рашев Р. Прабългарите в последната четвърт на VII в. // Европейските степи и Долен Дунав през средновековието VII–XIV в. Доклади от Международна научна конференция, Добрич 12 – 14. 09. 2006 (в печати).

Рашев Р., Атанасов Г., Стойчев Ст., Йоргов Ю. Ранносредновековен могилен комплекс при Кабиюк, община Шумен // Археологически открития и разкопки през 2005 г. София, 2006.

Рашев Р., Димитров Я., Иванов Ст. Разкопките в Дворцовия център на Плиска през 2004 г. // Археология. 2004. № 3–4.

Рашев Р., Димитров Я., Иванов Ст. Проучвания в Дворцов комплекс – Плиска. // Археологически открития и разкопки през 2005 г. София, 2006.

Рашев Р., Дочева В. Юртообразна постройка в Плиска // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989.

Семенов А.И. Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на Дону, 1983.

Семенов А.И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. 29. 1988.

Станилов Ст., Инкова М., Григоров В. Проучване на тайни ходници във Вътрешния град на Плиска през 2004 г. // Археология. 2004. № 3–4.

Флѐров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Флѐрова В.Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // РА. 2001. № 2.

Bálint, Cs. Probleme der archäologischen Forcshung zur awarischen Landnahme // Ausgewälte Probleme europäischer Landnahmen des früh- und Hohmittelalters. Teil I. Sigmaringen, 1993.

Bóna I. L'agglomération avare du Dunaujvaros, les différents périodes. // Les questions fondamentales du peuplement du bassin de Carpathes du VIIIe au Xe siècles. Budapest, 1972.

Cataloge of the Avar Treasure. London, 1981.

Fodor I. In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Budapest, 1982.

Mesterházy K. Die Landnahme der Ungarn aus archäologischer Sicht // Ausgewälte Probleme europäischer Landnahmen des früh- und Hohmittelalters. T.II. Sigmaringen 1994,

Rašev R. La plus ancienne période de l'état bulgare // Von der Schytia zur Dobrudža (= Miscellanea bulgarica, 11). Wien, 1997.

Rašev R., Stanilov St. Kenotaph für einem Herrscher bei der ersten bulgarischen Haurtstadt Pliska // Das Altertum. Vol. 44. 1998.

Рис. 1. Круглая деревянная постройка 1981 г. – ямы для столбов. Вид с запада.

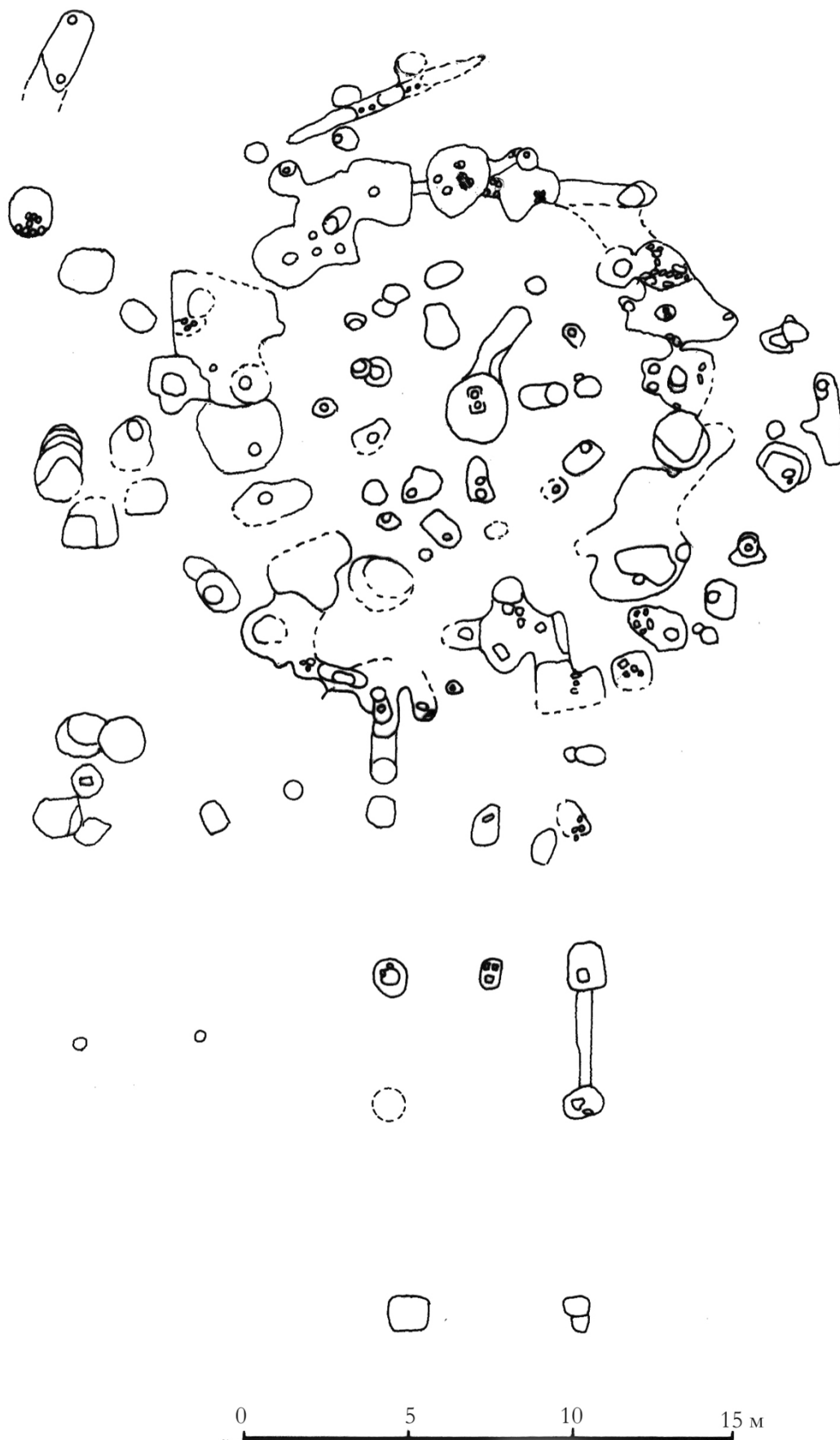

Рис. 2. Круглая деревянная постройка 1981 г. План.

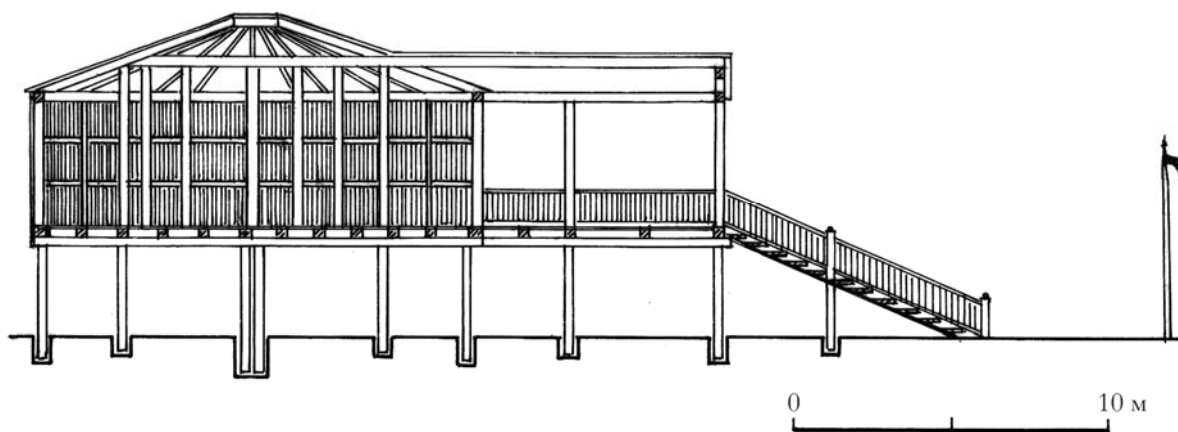

Рис. 3. Круглая деревянная постройка 1981 г. Реконструкция - продольный разрез север – юг.

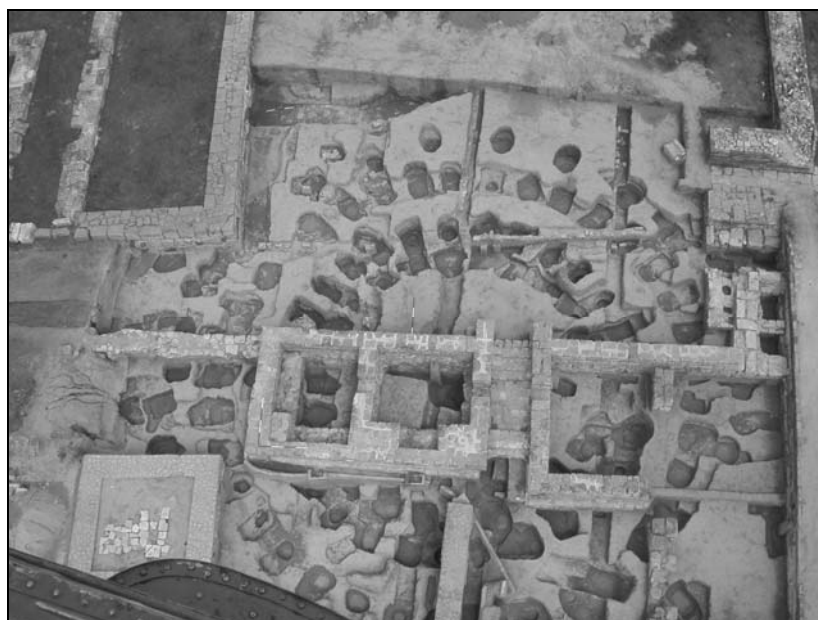

Рис. 4. Круглая деревянная постройка 2005 г. Вид с воздуха.

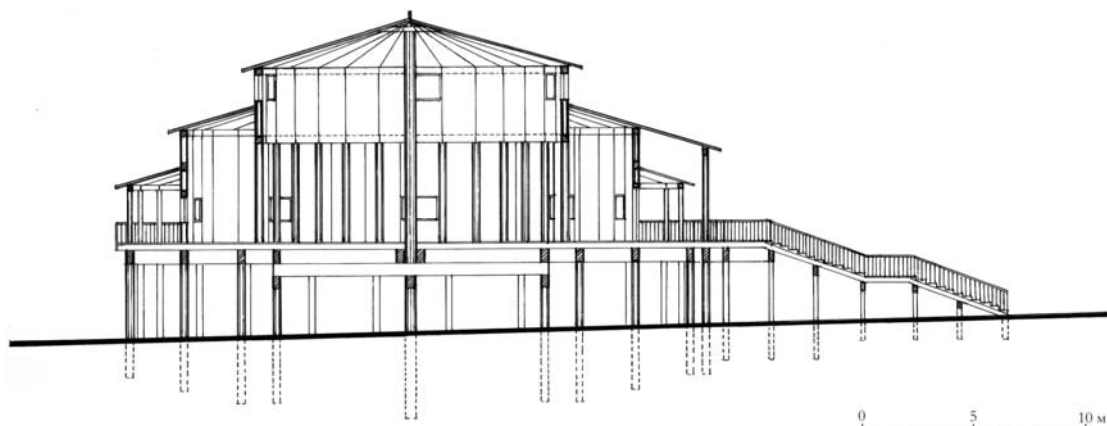
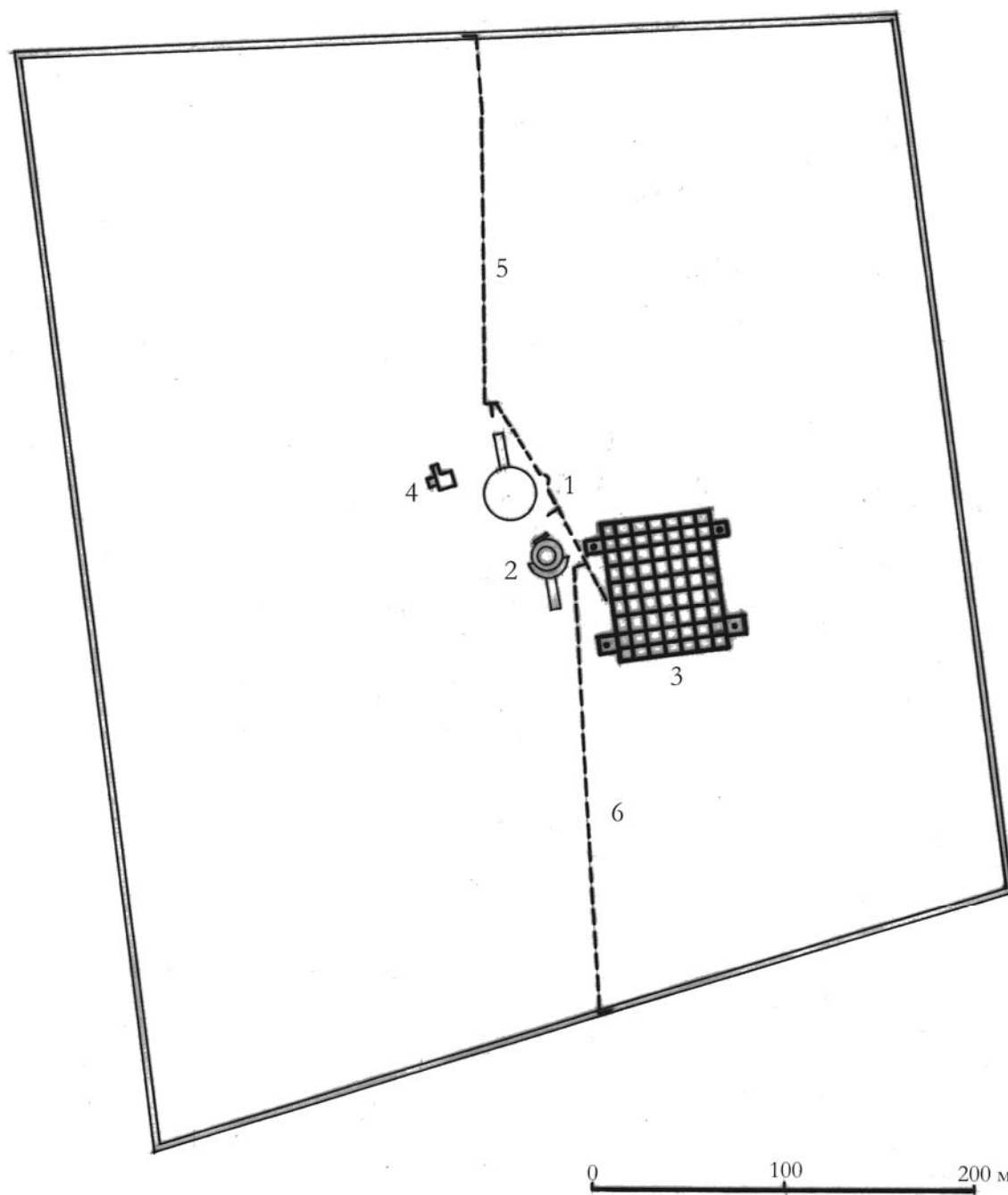
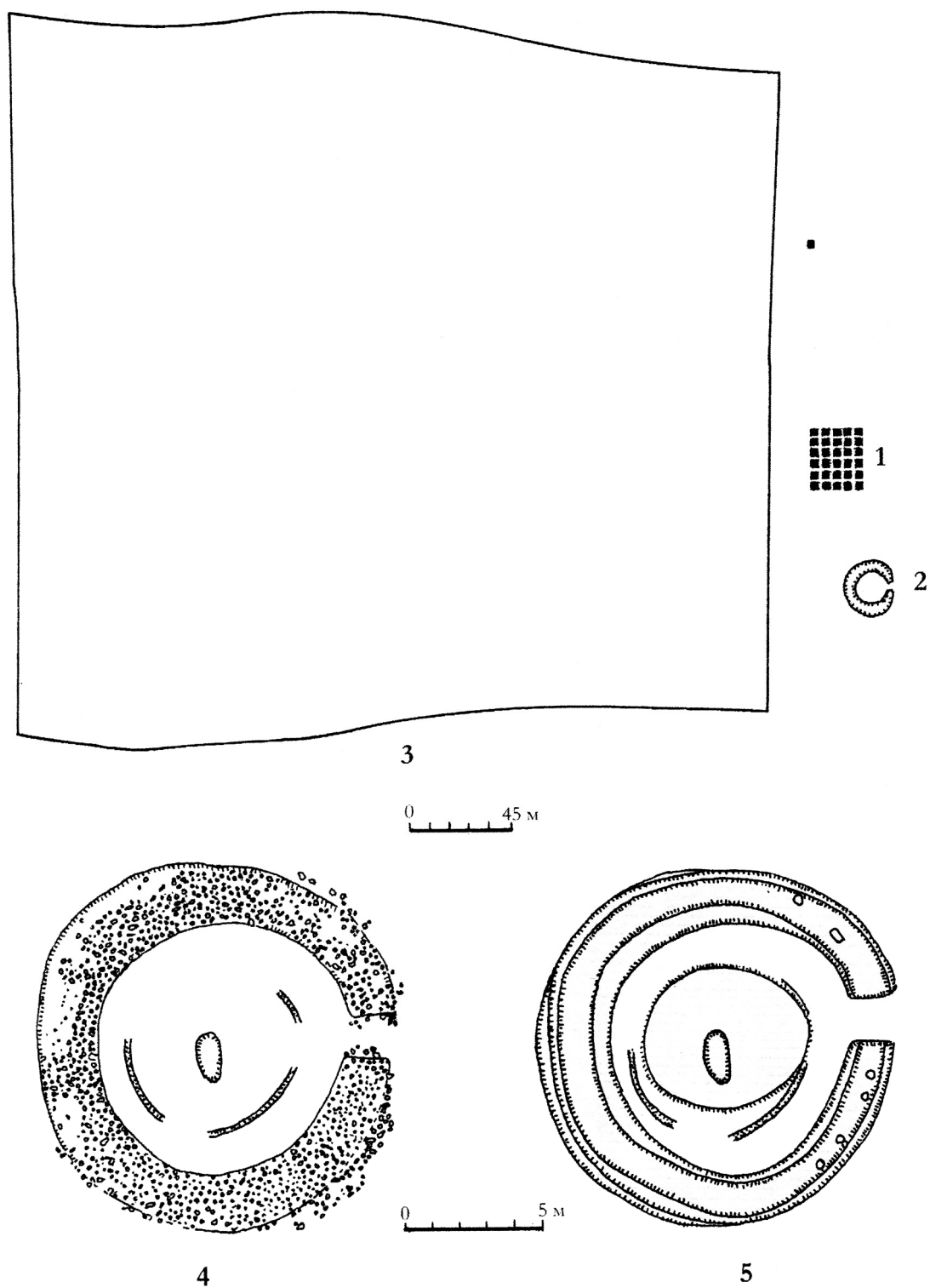

Рис. 5. Круглая деревянная постройка 2005 г. – реконструкция – продольный разрез юг – север.

Рис. 6. Ханская резиденции в конце VIII в. – начале IX в., окруженная деревянной стеной: 1. Круглая деревянная постройка 2005 г. 2. Круглая деревянная постройка 1981 г. 3. Дворец Крума. 4. Баня и водохранилище вероятно синхронные дворца Крума. 5, 6. Подземные проходы.

Рис. 7. Культурный языческий комплекс у с. Златна нива: 1. «Балбалы» (тур.-перс. *девташлар*). 2, 4, 5. Круглое культовое сооружение. 3. Прямоугольное ограждение.

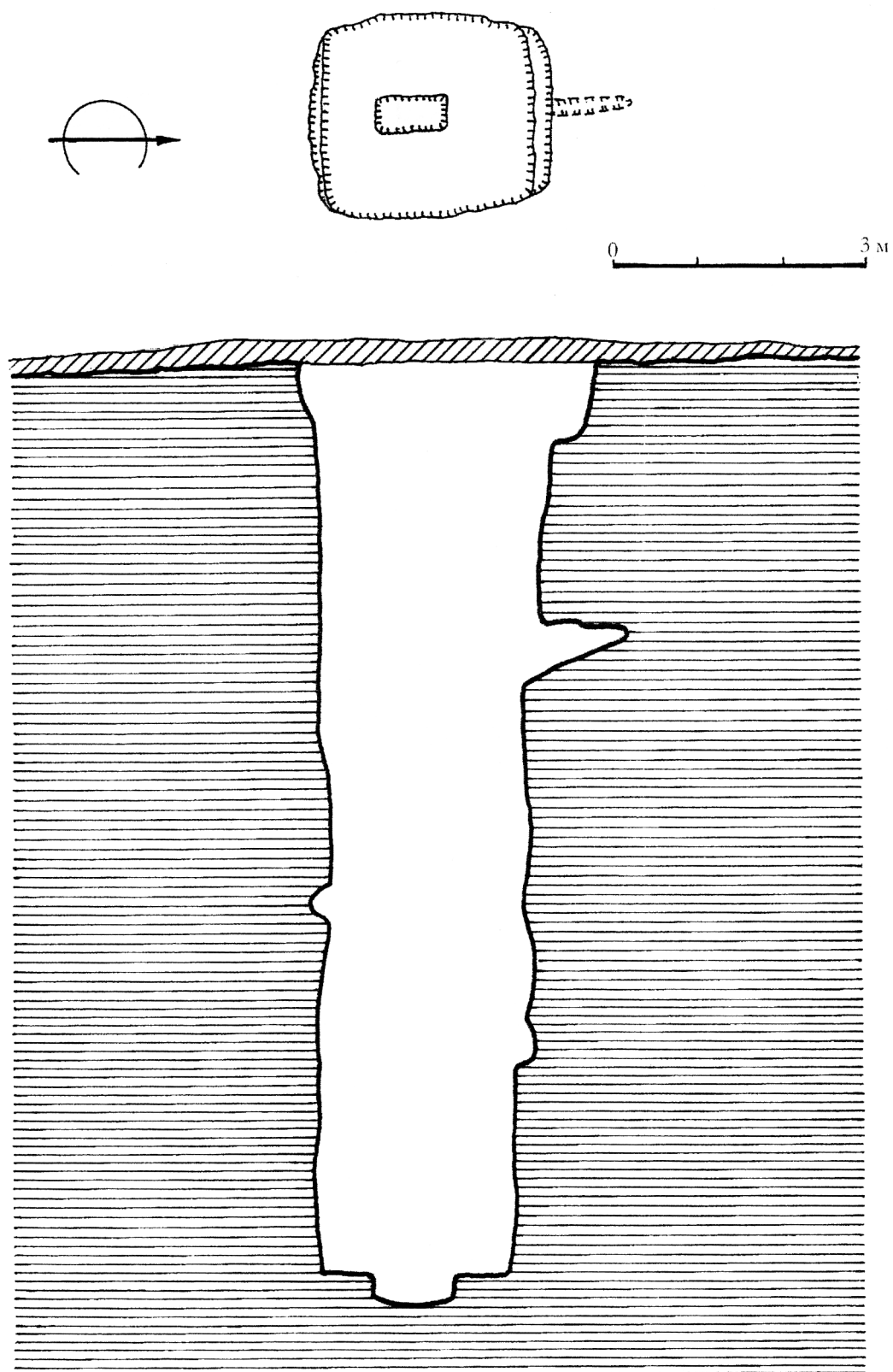
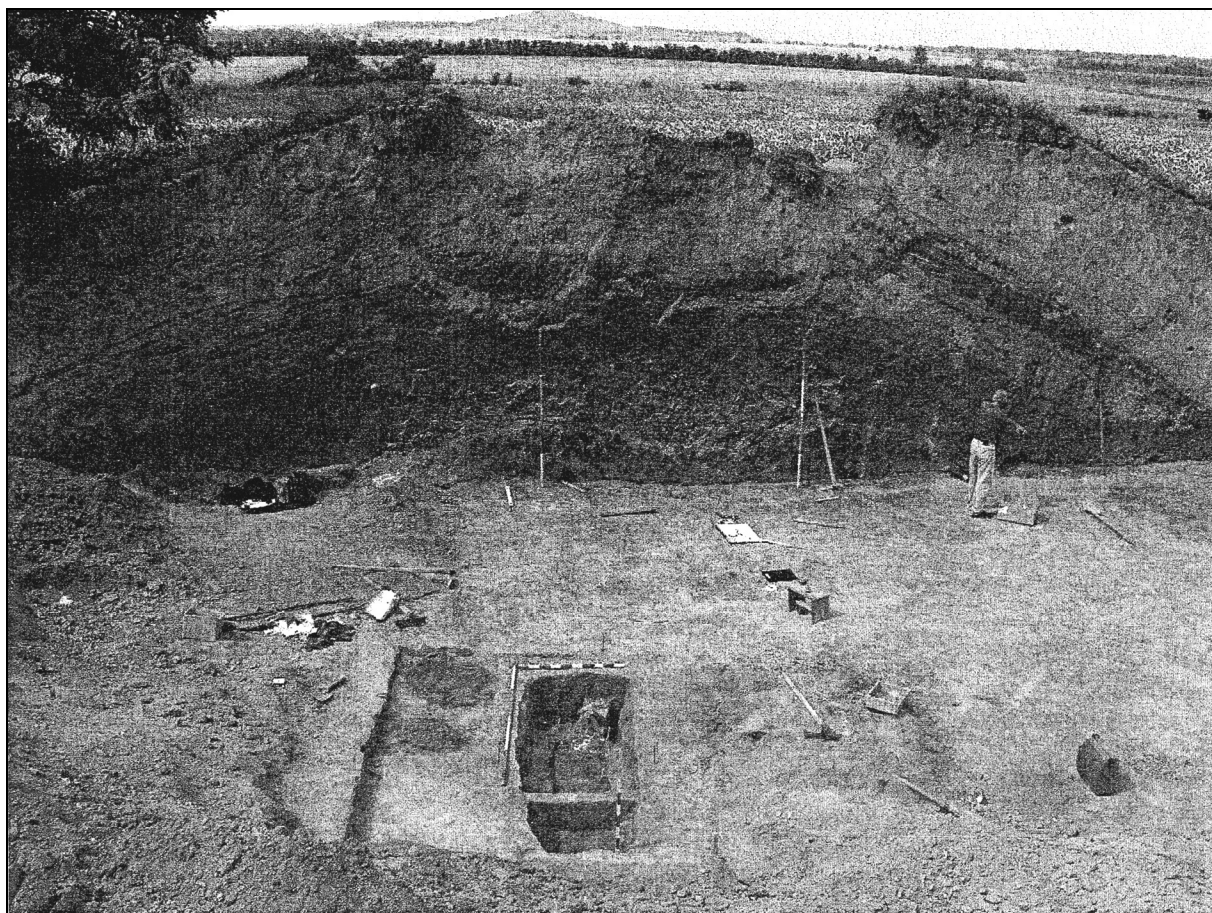
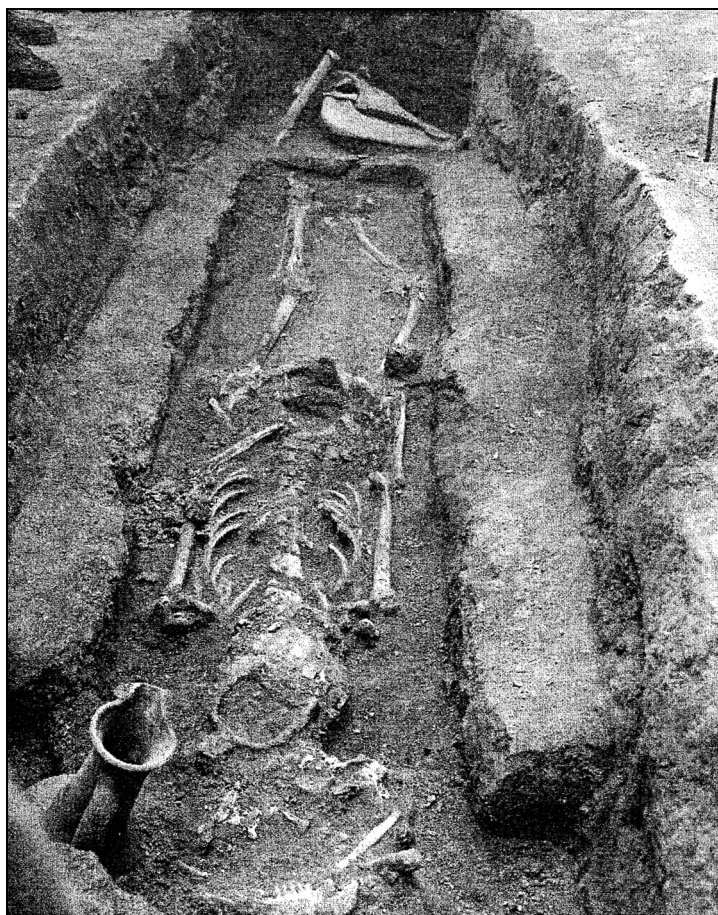

Рис. 8. Вертикальная шахта поменального назначения в кургане эпохи бронза № XXII возле Плиски.

Рис. 9. Кабиюк, курган № 4. Погребение и разрез кургана. Взгляд с юга.

Рис. 10. Кабиюк, курган № 4. Погребение. Взгляд с севера.

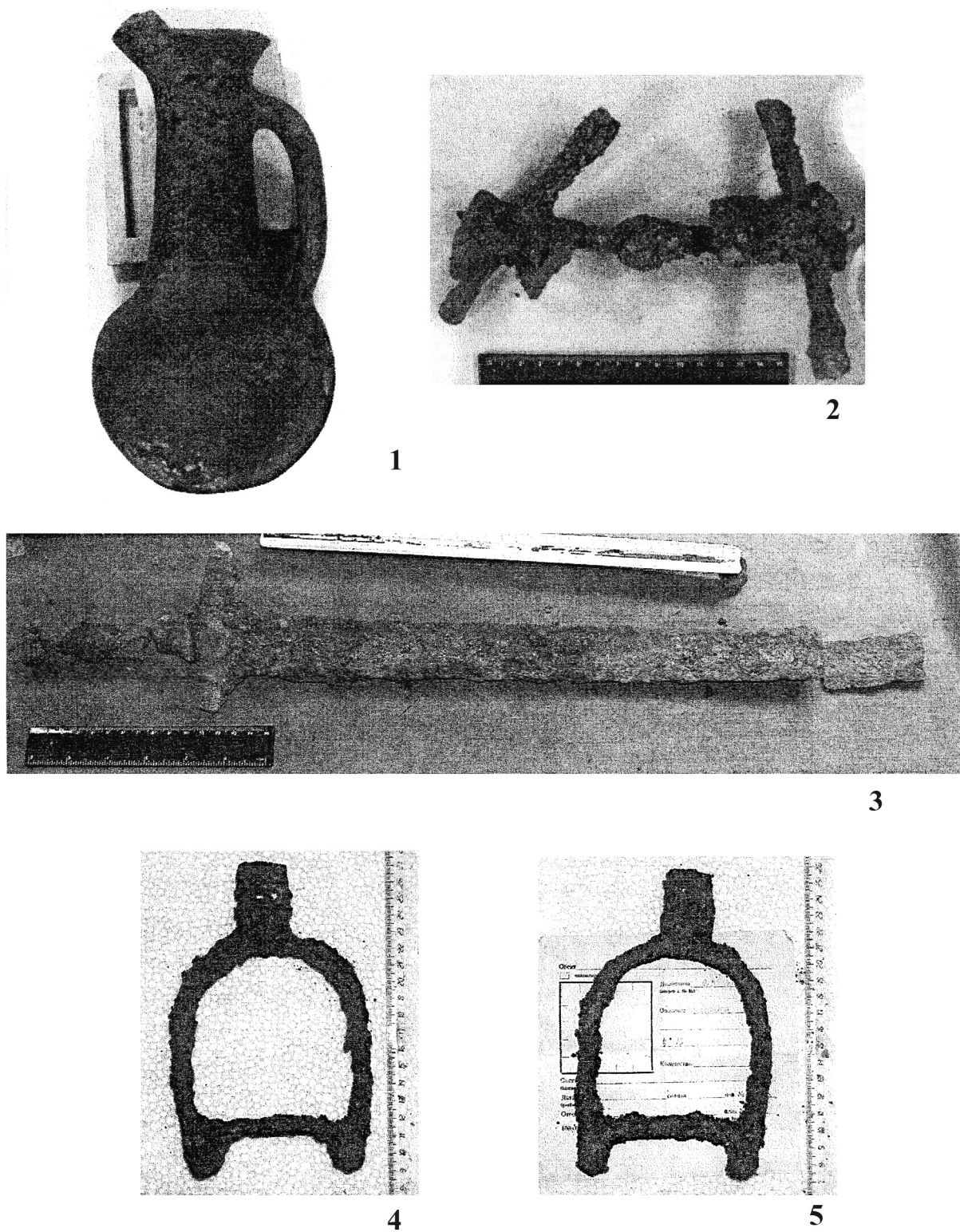
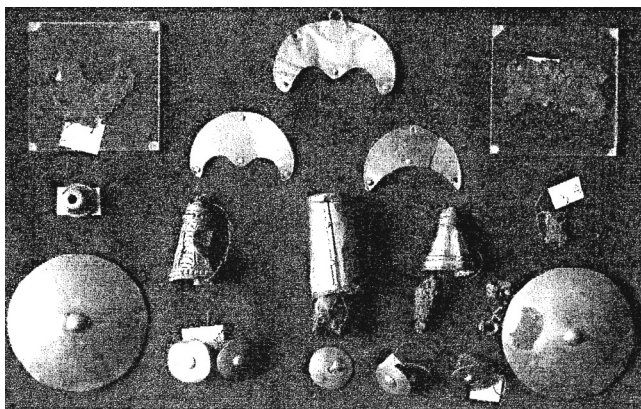

Рис. 11. Железные предметы и керамика из погребения: 1. Серолощенный глиняный кувшин. 2. Узда. 3. Сабля. 4, 5. Стремена.

Рис. 12. Серебряные и позолоченные предметы и остатки кожи – украшения конской сбруи.

Рис. 13. Золотые и серебряные предметы, украшавшие тело и одежду погребенного.

Рис. 14. Пуговица и серьги из золота.

Евгений Казаков

Институт истории АН РТ, г. Казань

ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ И КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ VIII–X вв.: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В последние десятилетия благодаря обширным материалам, полученным археологами Татарстана при исследовании памятников, были освещены вопросы происхождения, датировки комплексов волжских болгар и их взаимоотношения с древностями финно-угров. Значительно хуже изучены связи волжских болгар с кочевым населением степи и лесостепи, хотя болгары и сами являлись частью этого мира.

Первая волна болгар, появившаяся в Среднем Поволжье во второй половине или конце VIII в., несомненно, состояла из этнических групп кочевников лесостепи Волго-Донского междуречья. Погребальный обряд, сочетание из заимствованной от алан круговой и собственной лепной горшковидной керамики, остальной вещевой материал также, безусловно, указывают на принадлежность пришельцев к салтовскому культурному миру.

Однако наличие длинных могильных ям, иногда с подбоями и заплечиками, положение шкуры лошади с головой и ногами в ногах погребенных (рис. 1), присутствие прикамских элементов (Генинг, Халиков, 1964) говорят о специфичности культуры волжских болгар. Скорее всего, эти элементы культуры болгары заимствовали, контактируя с буртасами, которые проживали в саратовском Поволжье. Они наследовали данные элементы культуры, характерные для турбаслинско-именьковских (позднесарматских) племен Волго-Камья, с эпохи тюркских каганатов (Казаков, 1998, с.97–150).

О том, что болгары бывали в землях буртас и, скорее всего, мигрировали к северу по правому берегу р.Волги, свидетельствуют археологические материалы. Так, болгаро-салтовские некрополи известны у г. Волгограда, Саратова (Максимов, 1981, с.108–110), на территории г.Ульяновска (Казаков, Семькин, Вискалин, 2004, с.207–219), на территории Татарстана (I, II Большетарханские могильники). При этом все могильники, расположенные у г.Саратова и севернее (Усть-Курдюмский, Автозаводской, I, II Большетарханские), содержат захоронения с черепом и костями ног лошади в ногах погребенных, уложенных нередко в глубокие ямы с заплечиками и подбоями.

Другую этнообразующую группу волжских болгар представляют памятники т.н. «уреньского» типа, расположенные на левом берегу р. Волги в Ульяновской области. Они представлены подкурганскими погребениями, окруженными подквадратными в плане ровиками. Керамика на кругу и другой вещевой материал (рис. 2) позволяют связывать данные захоронения с салтовским (в широком смысле) кругом памятников. Однако погребальный обряд и часть вещевого инвентаря находят аналогии в круге собственно хазарских древностей (Казаков, 1999, с.64–73). Они отмечены в курганных памятниках Сало-Маньчского региона (Власкин, Ильюков, 1990, с.137–153), входящего в домен хазарского кагана.

Судя по раннеарочной форме стремени (там же, с.139, рис. 2, 17), поздним накладкам неволинского типа (там же, с.145, рис. 5, 31, 32), византийским монетам 695–705 гг. из могильников этого типа (Флерова, 2001, с.173, рис. 4) и другим изделиям, данные памятники появились в начале салтовского времени. Особенно много их отмечается в Нижнем Подонье (там же, с.164, рис. 1).

Таким образом, даже на раннем этапе переселившиеся в Среднее Поволжье из районов Хазарии тюркоязычные кочевники не были однокомпонентными. По времени это совпадает с ранним этапом салтовской культуры. Не исключено, что такая миграция, как и переселение алан в Подонье, была следствием решения кагана Хазарии.

Вышеуказанная специфика в культуре отмеченных мигрантов по правобережью р. Волги уже с этого времени позволяет определять их как волжских болгар.

Другая ситуация обусловила массовое переселение кочевых и полукочевых угорских племен Приуралья и Прикамья в Волжскую Болгарию. Она была вызвана конфронтацией между печенегами и мадьярами, спровоцированную, в свою очередь, ожесточенной «борьбой за веру» между партиями ислама и иудаизма в Хазарии. Мадьяры, видимо, кочевали в северных районах урало-поволжских степей между «землей печенегов и землей болгарских эсегель» (Заходер, 1967, с.48). Скорее всего, в 80-е годы IX в. печенеги вытеснили мадьяр с прежней территории (Заходер, 1962, с.129), положив начало их движению на запад через останки в Леведии и Ателькузу. Мадьяро-печенежская война имела большое значение для истории Европы. Она привела к образованию таких государств как Волжская Болгария и Венгрия, а печенеги способствовали также падению Хазарии.

Вытеснив мадьяр, печенеги стали нападать на угорские племена более северных районов (Казаков, 1997, с.34–36). В результате в это время исчезают кушнаренковская, неволинская культуры, а также южные памятники ломоватовской и полемской культур (рис. 3, I).

Ряд материалов свидетельствует об этих бурных событиях в регионе. Так, видимо, группа верхнекамских угров укрылась от печенегов в дебрях самого крупного болотного массива Татарстана – Кулегаш. Здесь они оставили Игимский могильник, состоящий из четырех захоронений. Два из них были безынвентарными, а два сопровождалось большим количеством вооружения: топорами, луками, стрелами, саблей (Старостин, Казаков, Габяшев, 1973, с.260–264). Об ожесточенности борьбы свидетельствует материал Чишминского могильника, оставленного южноуральским кушнаренковским (бекешевская группа) населением, ушедшим в низовья р. Белой (Казаков, 2002, с.53–59). Здесь расчищено захоронение погибшего в бою мужчины, сопровождаемого черепом и костями ног коня. У погребенного отсутствовали кости груди, правой руки ниже локтя, кисть левой руки, а также нижняя челюсть. Верхняя часть черепа была срезана саблей, а у бедренной кости острием к ней находился костяной наконечник стрелы (Казаков, 1975, с.259–264). Недалеко от этого некрополя в кургане эпохи бронзы расчищено разграбленное впускное, возможно печенежское, погребение. На глубине всего 40 см встречены кости человека, обломки дерева и бронзовые накладки (Казаков, 1983, с.151).

Без поддержки мадьяр указанное угорское население не могло сопротивляться набегам печенегов. Регион во многом пустеет. Как отмечалось, исчезает ряд культур Урало-Поволжья и Прикамья. Их носители, в основном, уходят в северо-восточные районы будущей территории Волжской Болгарии. Здесь появляются памятники с гребенчато-шнуровой полемско-ломоватовской посудой: Танкеевский могильник (рис. 3; рис. 4, 14-21) и штампо-гребенчатой кушнаренковской керамикой: Большеитганский, XII Измерский могильники (рис. 5). Основные элементы культуры этих памятников: керамика, погребальные маски, специфические культовые изделия, связанные с урало-сибирским шаманизмом, - свидетельствуют об их принадлежности к уграм (Казаков, 1997, с.35). К концу IX – началу X вв. будущая центральная часть Волжской Болгарии, где потом появились ее столичные центры Болгар, Сувар и Биляр, во многом представляла собой «Волжскую Венгрию». Несомненно, это население не могло переселиться сюда, не имея какого-то договора с болгарями о совместной обороне от врагов.

Очень скоро пришлое население «болгаризуется». Во многих захоронениях Танкеевского могильника, где вскрыто 1200 захоронений, появляется все больше круговых салтовских сосудов, которые в погребениях нередко стоят вместе с круглодонной посудой угров. Формируется группа гибридной керамики – лепные одноручные кувшины (рис. 4, 8, 9), по форме имитирующие круговые салтовские образцы (бомбовидность тулова, широкая горловина, слив и т.д.), но являющиеся лепными, круглодонными, с примесью раковины в тесте и иногда с веревочным орнаментом (Казаков, 1992, с.121–125). Это так называемая группа N I гибридной керамики болгар (Казаков, 2000, с.228).

Пришельцы во многом восприняли от болгар погребальный обряд в виде глубоких ям с заплечиками и подбоями, положением шкуры лошади в ногах умерших. В то же время они сохранили свои элементы в виде погребальных масок, коньковых изделий и т.д.

К началу X в. в результате взаимодействия угорских и болгаро-салтовских групп формируется яркая и своеобразная языческая культура волжских болгар как нового народа в Среднем Поволжье (Казаков, 1992). В числе ее носителей отмечаются и позднетюркские представители, чьи захоронения представлены в Танкеевском могильнике. Так, в широкой яме погребения 623 сбоку от погребенного, слева находилась «кукла» лошади из шкуры ее с оставленными в ней головой и ногами. На месте спины расчищены остатки седла (Казаков, 1991, с.171, рис. 52). Такие погребения исследователи относят к печенегам.

Ко времени Ибн-Фадлана (922 год) в объединении болгар сохранялись племена и племенные подразделения: болгар, сувар, эскэл, баранджар. Часть их еще не приняла мусульманства и не всегда подчинялась царю Алмушу (Ковалевский, 1956, с.139). Сам Алмуш был женат на дочери одного из вождей огузов, что свидетельствует о продолжающихся контактах болгар с позднетюркскими кочевниками.

К 40-м годам X в., то есть ко второй четверти этого столетия, относятся письменные сообщения о первых городах: Булгаре и Суваре волжских болгар, в которых проживали мусульмане, которым приходилось вести религиозные войны, «так как неверные – вокруг них» (Заходер, 1962, с.36–39). Предполагается, что остатки раннего Болгара с круговой болгаро-салтовской и лепной полемско-ломоватовской керамикой этого времени изучены П.Н.Старостиным при раскопках Малоиерусалимского поселения на территории Болгарского городища.

В 60-е годы X в. из гибнущей под ударами печенегов и походов Святослава Хазарии в Волжскую Болгарию переселяются новые группы болгар. Это были мусульмане с твердыми земледельческими и ремесленными навыками. Они принесли на Среднюю Волгу те черты общеполгарской культуры, которые существуют весь домонгольский период. В круговой керамике их отражаются не северокавказско-салтовские, а античные традиции, что прослеживается в технологии и разнообразии форм (рис. 6, 2, 3). Вместе с ними пришли и новые группы поздних тюркских кочевников. Они привнесли с собой характерные элементы культуры: лепную керамику саркельского облика, котлы с внутренними ушками, рунику (рис. 6, 4-8) и т.д., которые продолжали существовать в культуре болгар до XI в. (Казаков, 1991, с.167–176).

В конце X в. из районов петрогромской культуры Среднего Урала в Волжскую Болгарию переселяется новая группа угров с лепной круглодонной посудой, украшенной гребенчато-шнуровой орнаментацией (рис.3, II). В отличие от ломовско-ломоватовской посуды, она имела не блоковидную, а высокую цилиндрическую шейку (рис.7, 1). Новые мигранты заняли широкую территорию лесостепи Урало-Поволжья, оставив здесь памятники постпетрогромской культуры.

В домонгольский период постпетрогромская цилиндрическая посуда встречается практически на всех памятниках Волжской Болгарии, составляя здесь от 1 до 3% керамики. Под влиянием круговой посуды болгар, как и в раннеболгарский период, формируются группы гибридной керамики (т.н. группа Н II – рис.7, 2-5), которая составляет от 1,5 до 7% посуды (Казаков, 2000, с.224–231).

Таким образом, на протяжении VIII-X вв. волжские болгары находились в тесном взаимодействии с тюркоязычными и угорязычными племенами Урало-Поволжья. На первоначальном этапе в результате такого взаимодействия болгары и сформировались в новый народ на Волге.

Литература

Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. № 1. С.137–153.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. М., 1962.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.

Казаков Е.П. Два погребения Чишминского могильника // СА. 1975. № 4. С.259–264.

Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции // АО – 1981. М., 1983. С.150–151.

Казаков Е.П. О взаимодействии волжских болгар с тюркоязычным населением юго-восточной Европы в IX-X веках (по археологическим данным) // Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы. Приложение. Казань, 1991. С.167–176.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.

Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // F-U. № 1. 1997.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С.97–150.

Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С.64–73.

Казаков Е.П. О роли миграции в формировании этноса и культуры волжских болгар // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000. С. 224–231.

Казаков Е.П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002. С.53–59.

Казаков Е.П., Семькин Ю.А., Вискалин А.В. Автозаводской раннеболгарский могильник на территории Ульяновска // Материалы первой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л.Сытину. Ульяновск, 2004. С.207–219.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.

Максимов Е.К. Находка раннеболгарских погребений близ Саратова // Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С.108–110.

Старостин П.Н., Казаков Е.П., Габяшев Р.С. Игимский могильник // СА, 1973, № 1. С.260–264.

Флерова В.Е. Подкурганые погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Донецк, 2001. С.163–190.

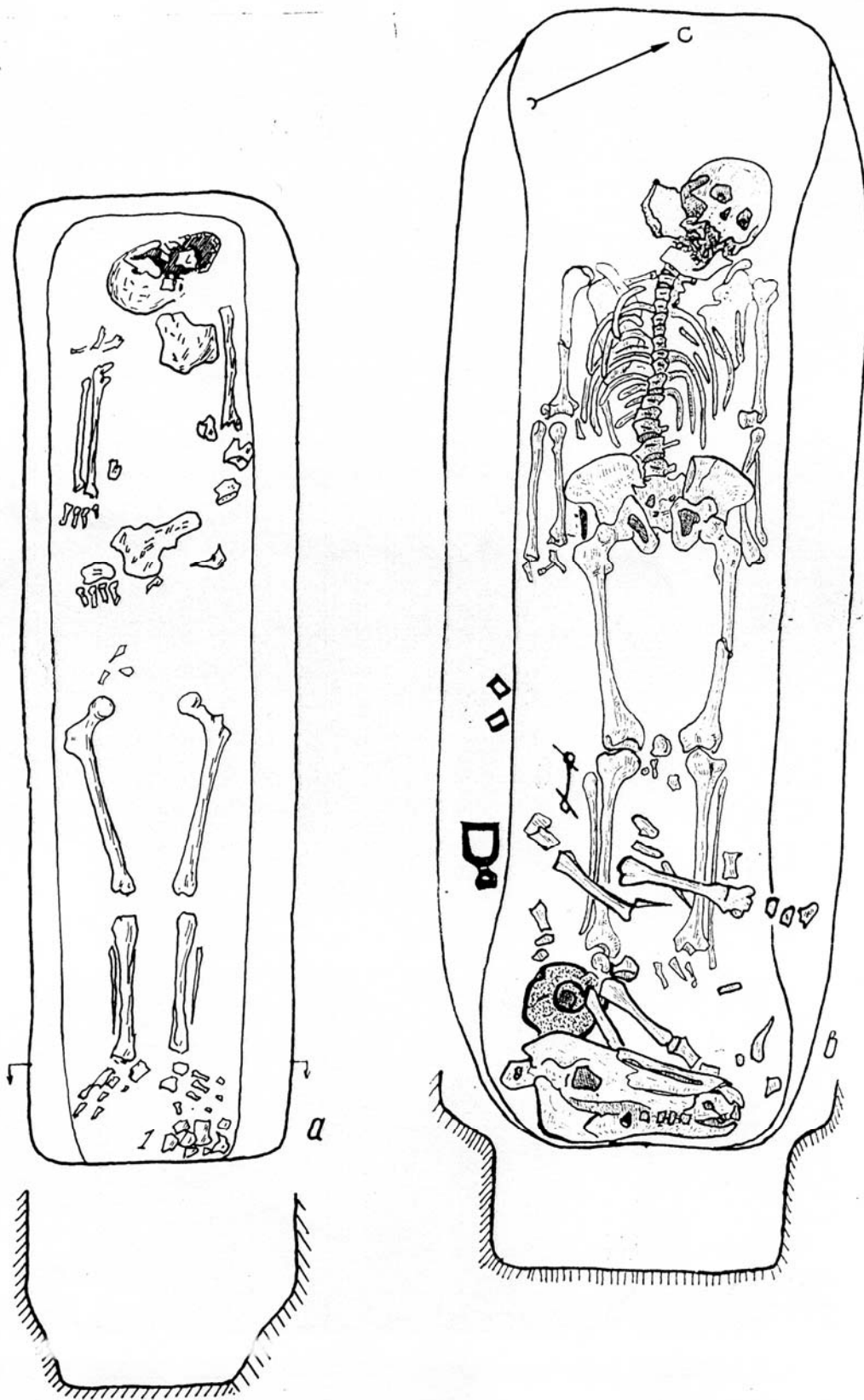

Рис. 1. Болгарские погребения из Большетарханского могильника.

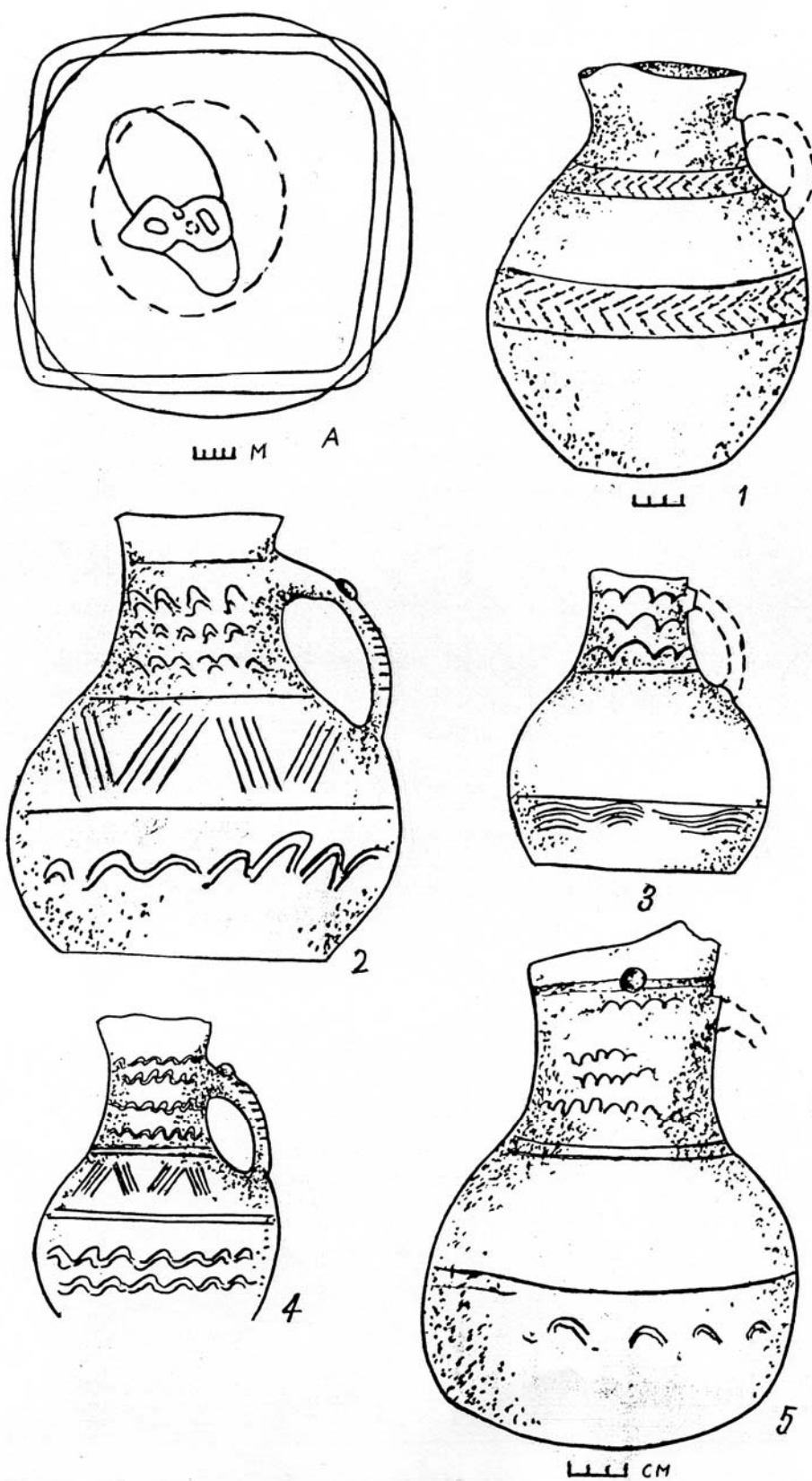

Рис. 2. «Хазарский» тип погребения и «хазарская» керамика из могильников ранней Волжской Болгарии.

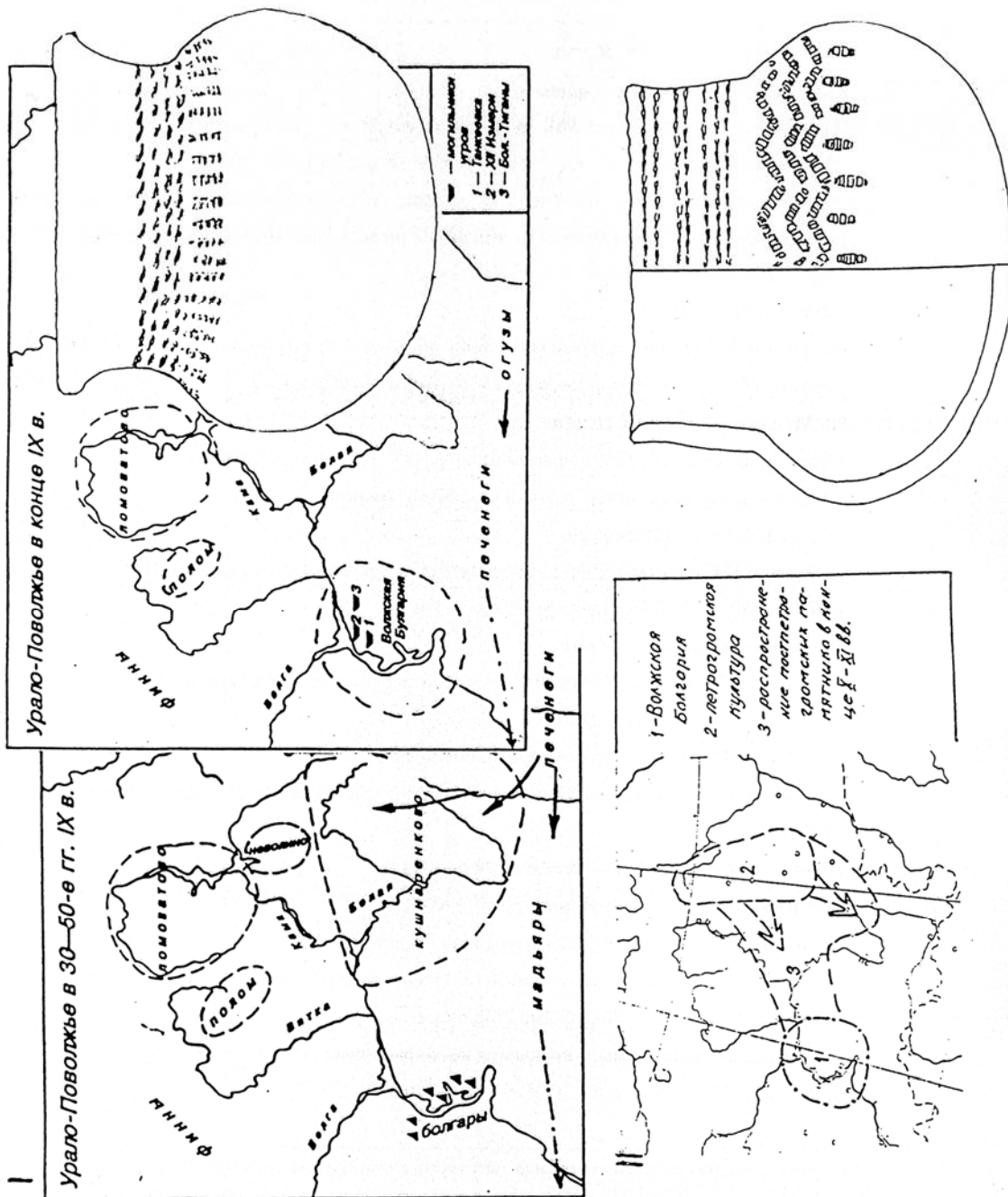

Рис. 3. Этнокультурная ситуация VIII-X вв. в Урало-Поволжье.

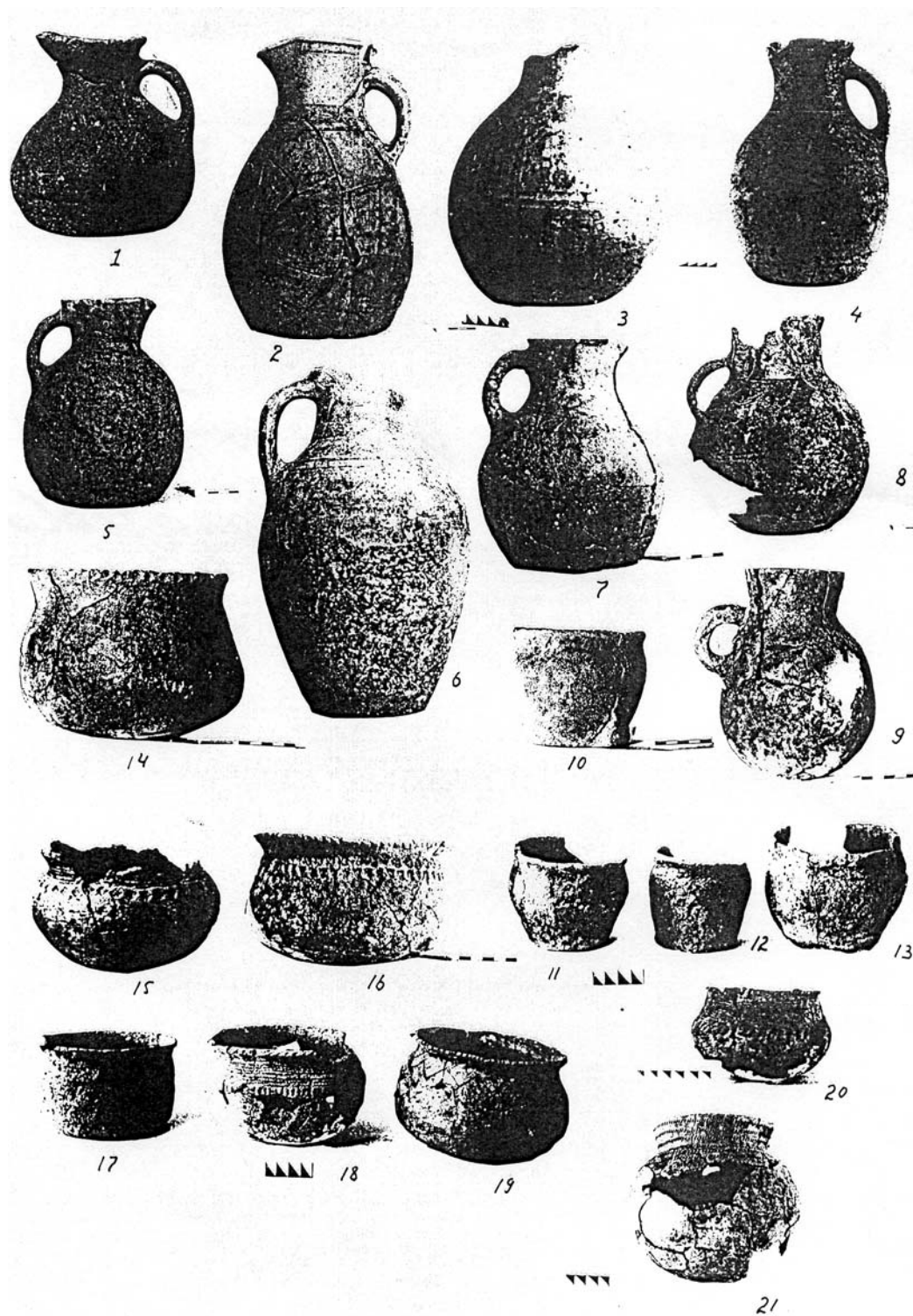

Рис. 4. Группы керамики из Танкеевского могильника.

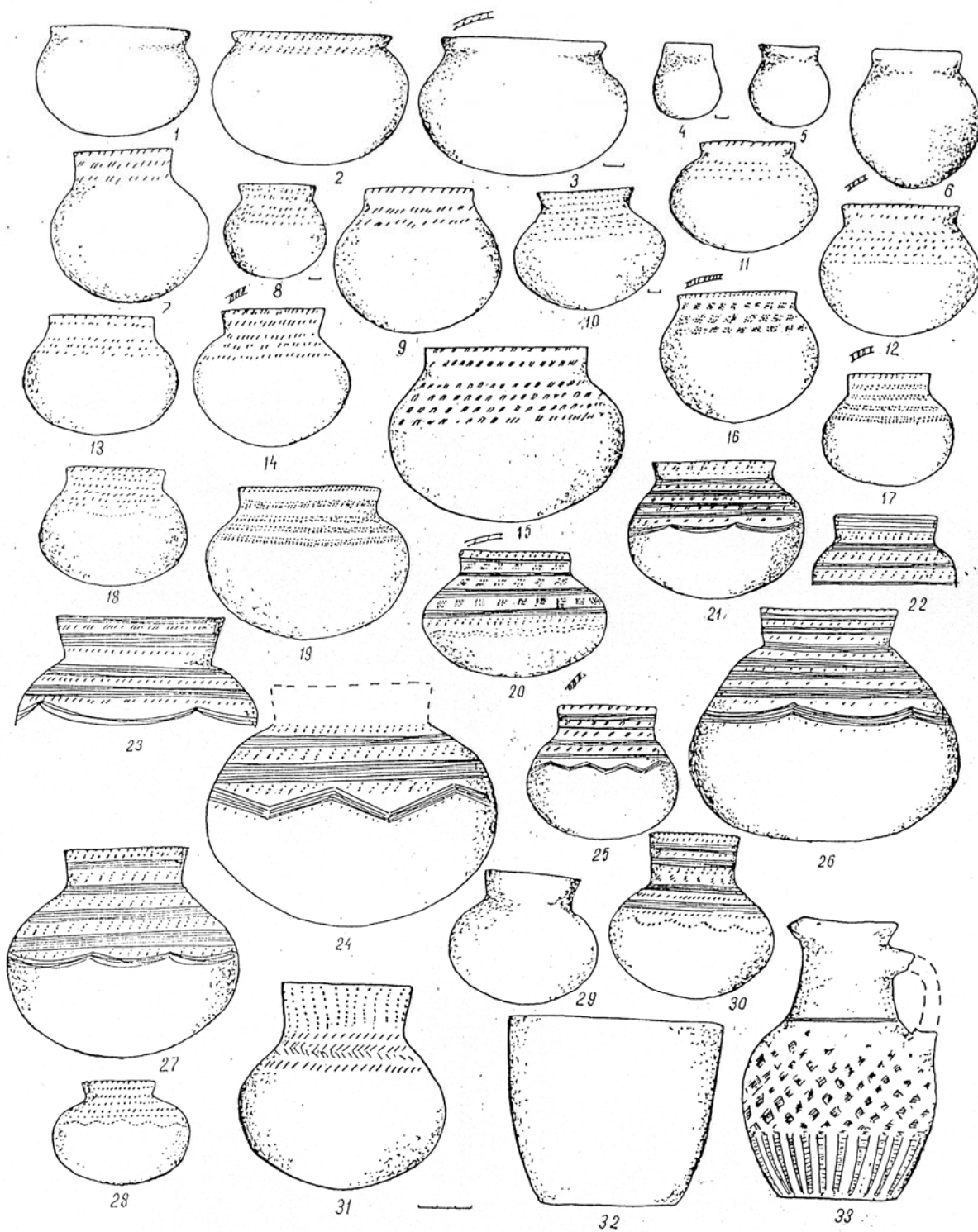
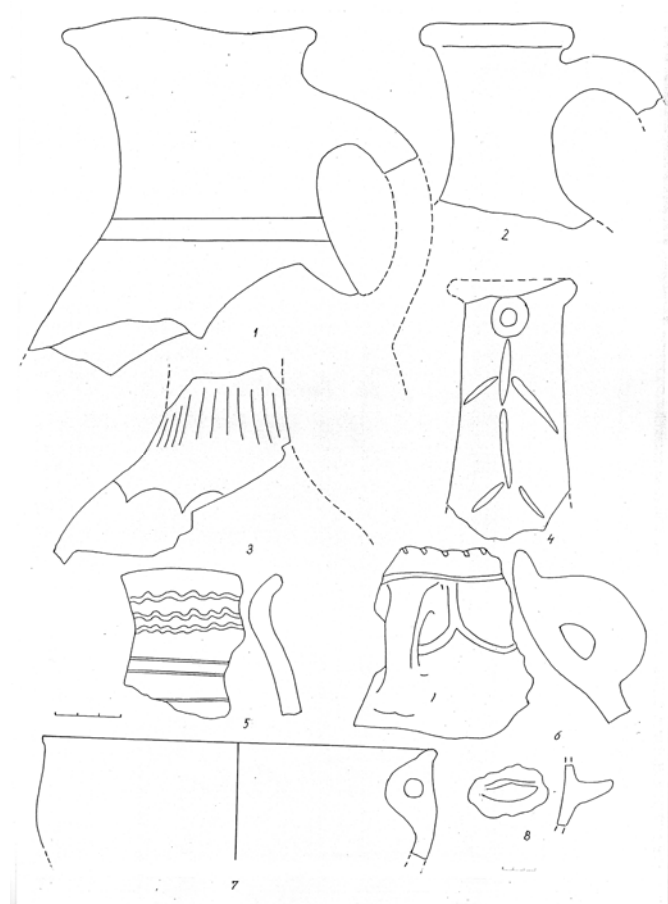
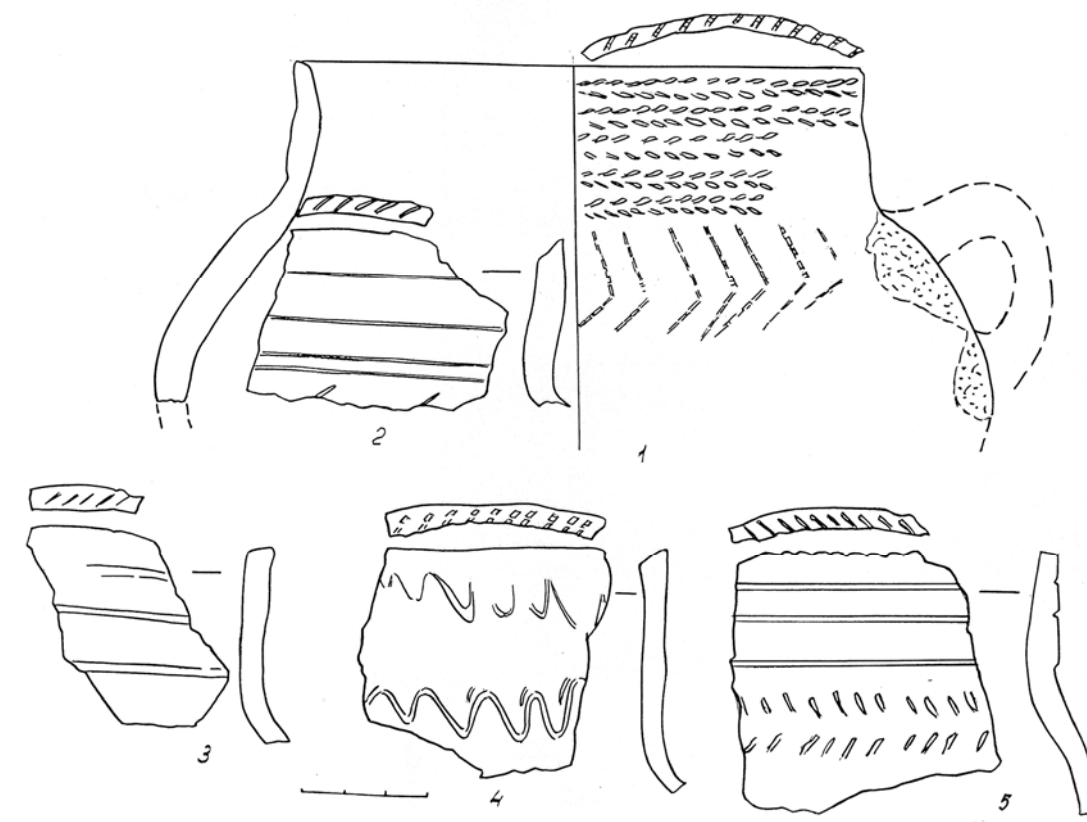

Рис. 5. Керамика из Большетиганского могильника.

Рис. 6. Круговая раннеболгарская (1), общеболгарская (2,3) и лепная кочевническая (4-8) керамика конца X – начала XI вв. 1 – Соколовское селище, 2-8 – Измерское селище.

Рис. 7. Постпетрогромская (1) и гибридная (2-5, группа Н II) керамика из Измерского селища.

Галина Матвеева

Самарский государственный университет, г. Самара

Юрий Семькин

Ульяновский государственный педагогический университет, г. Ульяновск

ПОСЕЛЕНИЯ VIII–IX вв. в СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Два последних десятилетия XX столетия ознаменовались открытием и исследованием ряда курганных и грунтовых могильников конца VII–IX вв. в Южном Средневолжье, на территории современных Самарской и Ульяновской областей. В результате этих исследований было установлено, что проникновение тюркоязычного в своей основе населения из Приазовья, Северного Причерноморья и Подонья началось не в середине или второй половине VIII в., как это считалось (Генинг, Халиков, 1968; Казаков, 1992), а значительно раньше: во второй половине VII в. (Шиловский курганный могильник).

Этнический состав населения был неоднородным. Первыми во второй половине VII в. в Поволжье продвинулись аланы, которым принадлежит катакомбное погребение I Шиловского могильника, чуть позднее в конце VII в. – население, оставившее могильники новинковского типа, которые большинством исследователей связываются с болгарами (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998). Д.А. Сташенков убедительно показал связь памятников новинковского типа и Кайбельского могильника, болгарская принадлежность которого ни у кого из исследователей не вызывает сомнений (Сташенков, 2003).

Третью группу составляют могильники VII–IX вв., под курганами которых имеются прямоугольные ровики (Урень II, Брусянский III). Их часто связывают с хазарами (Власкин, Ильинов, 1990; Круглов, 1992).

В литературе утвердилось мнение о том, что все эти могильники принадлежали кочевникам, с появлением которых племена именьковской культуры покинули Среднее Поволжье и переселились на левобережье Днепра (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998). Только В.С. Седов считал, что часть именьковского населения осталась в Поволжье (Седов, 2001).

Е.П. Казаков писал, что «судя по отсутствию поселений VIII – начала X вв. и наличию двух десятков языческих могильников с характерным для кочевников инвентарем, население ранней Волжской Болгарии вело преимущественно кочевой образ жизни. В связи с тем, что основная часть именьковских памятников датируется второй половиной VI–VII вв., между ними и памятниками болгар не могло быть контактов» (Казаков, 1992, с.223).

Между тем в последнее десятилетие в Среднем Поволжье выявлено около десятка поселений VIII–IX вв. Некоторые из них (Мало-Пальцинское селище) были известны еще в 50–60-х годах XX в., но воспринимались исследователями как болгарские домонгольского периода (Хлебникова, 1984).

Одни из этих поселений возникли в именьковское время (V–VII вв.) и продолжали существовать в VIII–IX вв. (селище Ош-Пандо-Нерь, городища Старомайское, Чертов городок), другие функционировали только в раннеболгарское время в VIII–IX вв. (Севрюкаевское, Гундяровское селища), третьи, возникнув в VIII в., существовали в течение всего домонгольского периода (Мало-Пальцинское селище, Новослободское городище).

Населению, оставившему могильники именьковского типа, принадлежало селище, расположенное у подножья горы Ош-Пандо-Нерь в 0,7 км к западу от с. Шелехметь Вожского района Самарской области. Оно было открыто в 1923 г. В.В. Гольмстен, в 1970, 1980, 1981 гг. исследовалось Г.И. Матвеевой и Р.М. Ключниковой, в 1993–1996 гг. М.С. Седовой, в 1994 г. Р.С. Багаутдиновым, в 1995 г. В.А. Скарбовенко, в 2001, 2002 гг. Н.А. Лифановым. Всего вскрыто около 1700 кв. м.

Селище занимало приустьевую часть межгорной долины Холодный овраг и примыкающую к горе с юга узкую полосу первой надпойменной террасы. В V–VII вв. на селище обитали племена именьковской культуры. На рубеже VII–VIII вв. в южной части поселения у западного и южного склонов горы Ош-Пандо-Нерь возник болгарский курганно-грунтовой могильник новинковского типа (Матвеева, 1995, с.191–198; Багаутдинов, 1995, с.85–87; Седова, 1995, с.53–54). В то же время северная часть поселения в Холодном овраге продолжала функционировать. Во время разведок в 1994 г. в слое, размытом водоимой, был найден фрагмент золотой серьги салтовского типа, находящийся аналогии в погребениях Новинковского II курганного могильника.

Во время раскопок селища в 1995 г. почвоведом Г.Ю. Офманом, Е.В. Пономаренко, С.В. Пономаренко прослежены на разных участках селища следы от трех до четырех пожаров. К позднему горизонту поселения относится уничтоженное последним пожаром сооружение 14. По конструкции оно было близко к жилищам именьковской культуры и представляло собой котлован прямоугольной формы размером 6 x 5,2 м, глубиной от уровня выявления 0,36 м. Стенки котлована слегка наклонные, поэтому размеры его ко дну уменьшились до 4 x 3,66 м. На дне выявлены две очажные ямы размером 1,1 x 0,6 м и 1,07 x 0,62 м, а также хозяйственная яма в северо-восточном углу.

Котлован был заполнен продуктами горения (сажа, зола). В заполнении найдено два обломка известняковых жерновов и железные предметы: фрагмент ножа, пряжка трапециевидной формы и стилетообразный предмет с валутовидным навершием. Подобные предметы встречались в погребениях Шелехметского II курганно-грунтового могильника, находящегося на территории южной части селища Ош-Пандо-Нерь, а также Новинковского II, Брусаянского II и других могильников новинковского типа.

В жилищах найден развал сосуда с цилиндрической шейкой, орнаментированной тройным зигзагом, нанесенным зубчатым штампом. Аналогии сосуду можно указать в могильниках неволинской культуры. В целом керамика северной части поселения близка к именьковской, но здесь гораздо больше сосудов с отогнутыми наружу венчиками, украшенными круглыми вдавлениями по краю. Встречаются сковороды с высоким, до 5 см., бортиком, отличающиеся от именьковских сковород, высота бортика которых не превышает 1 см.

В слое встречаются фрагменты лепных круглодонных сосудов с отогнутой наружу шейкой и реповидным туловом, украшенные по плечикам зигзагообразными резными линиями. Они аналогичны сосудам из курганов VIII–IX вв., исследованных Н.А. Мажитовым на территории Южного Урала (Мажитов, 1981) и из погребения 14 Шелехметского могильника (Лифанов, Седова, 2003).

Таким образом, селище Ош-Пандо-Нерь, возникнув в середине I тыс. н.э., продолжало функционировать в VIII в.

Ю.А. Семькин, исследовавший городище Чертов Городок в Старо-Майнском районе Ульяновской области наряду с именьковской посудой обнаружил сосуды раннеболгарского времени и пришел к выводу о совместном проживании на городище именьковского населения с пришедшими в Среднее Поволжье болгарами (Семькин, 1996, с.66–82).

Следы контактов именьковского населения с болгарами прослежены во время раскопок Старомайнского городища. На раскопе VII, заложенном у западного склона площадки городища был обнаружен котлован подквадратной формы размером 5,2 x 5 м, глубиной до 0,4 м. Выкид из котлована перекрывал слой V–VII вв. Вокруг котлована располагалось 10 ям круглой в плане формы диаметром от 1 до 1,8 м, глубиной от 0,65 до 1 м. Во многих ямах находились большое количество рыбных костей и чешуи, а также фрагменты сосудов, близких к именьковским, но имеющих отогнутые наружу шейки. Края венчиков уплощены и орнаментированы округлыми вдавлениями или насечками. В сооружении 27 вместе с описанной керамикой обнаружено два фрагмента стенок сероглиняных сосудов салтовского типа.

Интересные результаты получены во время раскопок Севрюкаевского II селища, расположенного на мысу первой надпойменной террасы р. Волги в 2,5 км от с. Севрюкаево Ставропольского района Самарской области. Оно исследовалось экспедицией Самарского государственного университета в 1998–2000 гг. и в 2003–2004 гг. Всего на селище вскрыто 364 кв. м.

Никаких сооружений, в частности, жилых построек, на селище не обнаружено. Возможно, это связано с расположением раскопа у края оврага или с близостью металлургических производственных сооружений, о чем свидетельствуют многочисленные находки железных шлаков.

Основную массу находок составляли фрагменты лепных сосудов с примесью шамота и навоза, представленных горшками и сковородами. Имеются единичные фрагменты кувшинов и котлов. Найдены пестикообразные ручки крышек. Многие горшки по форме и технологии изготовления близки к сосудам из Новинковского II курганного могильника и других могильников новинковского типа. Найдено несколько фрагментов сосудов прикамского происхождения с примесью раковины, с многорядным веревочным орнаментом на шейке и вертикальной елочкой, нанесенной зубчатым штампом на плечиках.

Наряду с лепной керамикой найдены фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге: сероглиняных салтовского типа, красноглиняных причерноморских амфор и единичные обломки круговых болгарских горшков и кувшинов домонгольского периода.

Пряслица, найденные на селище, повторяют типы пряслиц из погребений Новинковского II могильника. Одни из них сформованы из глины и имеют цилиндрическую или усеченно-бико-

ническую форму, другие изготовлены из фрагментов причерноморских амфор. Из железных предметов следует упомянуть стилетообразный предмет с валутовидным навершием, являющийся своеобразной «визитной карточкой» памятников VIII в. в Среднем Поволжье.

Связь Севрюкаевского II селища с могильниками новинковского типа не вызывает сомнения в связи с полным совпадением керамики, вещевого материала и территориальной близостью (Севрюкаевское II селище находится в 8 км к востоку от Бруснянского II могильника).

За пределами Самарской Луки материалы, очень близкие к севрюкаевским выявлены на Мало-Пальцинском селище в Чердаклинском районе Ульяновской области, исследованном Т.А. Хлебниковой в 1950-х годах. Одинаковы формы горшков, сковород, котлов, крышек, пряслиц.

Лепная посуда на Мало-Пальцинском селище составляет 58% от общего количества фрагментов, при этом в 1 и 2 горизонтах ее 54%, а в 3 горизонте – 60%. Столь высокий процент лепной посуды не отмечен ни на одном из болгарских поселений домонгольского периода, что свидетельствует о том, что Мало-Пальцинское селище – памятник двухслойный: нижний горизонт культурного слоя относится к раннеболгарскому периоду (VIII–IX вв.), а верхний – к домонгольскому. Кстати, в отличие от Т.А. Хлебниковой, датировавшей Мало-Пальцинское селище X–XIII вв. Г.А. Федоров-Давыдов относил его к VIII–XI вв. (Федоров-Давыдов, 1962, с. 76).

Наибольший интерес среди поселений раннеболгарского времени представляет Новослободское городище, исследованное в 2006 г. совместной экспедицией Ульяновского государственного педагогического университета и Самарского государственного университета под руководством Ю.А. Семькина при участии Г.И. Матвеевой и Р.С. Багаутдинова.

Городище расположено в 6 км к юго-западу от с. Новая Слобода Сенгилеевского района Ульяновской области, между двумя текущими с запада на восток ручьями, образующими при слиянии реку Чугурку. Оно примыкает к южному ручью, запруженному бобровой плотиной. Площадка городища, возвышающаяся над ручьем на 6–10 м, представляет собой трапецию, основанием которой является левый берег ручья, а остальные стороны составляют вал и ров. Западная и северная стороны трапеции образуют прямой угол, а северная и восточная тупой. Протяженность городища с запада на восток 320 м, а с севера на юг 220 м, площадь его составляет 51 000 кв. м. Ширина оборонительной системы составляет в среднем 15 м, высота вала из рва – 3,2 м. Западная часть площадки поросла лесом, а восточная в течение многих лет распахивалась.

К западу от городища простирается обширное селище (внешний город) протяженность которого с запада на восток составляет не менее 1 км. Поверхность селища распахивается, на пашне встречаются многочисленные фрагменты лепных и гончарных сосудов, пряслица, а также металлические изделия.

Городище было известно в XIX в. Сведения о нем содержатся в работе В.Н. Поливанова «Археологическая карта Симбирской губернии» (Поливанов, 1900). В 1954 году памятник был обследован П.Д. Степановым.

В 2006 г. на городище было заложено 3 раскопа общей площадью 292 кв. м. Раскоп I площадью 120 кв. м. находился поблизости от южного ручья в юго-западной части городища. Мощность культурного слоя здесь не превышает 0,2 м. На раскопе представлена гончарная общеполгарская керамика (72%) и лепная с примесью дресвы и шамота (28%). Найден железный наконечник стрелы домонгольского периода.

Раскоп II площадью 144 кв. м был заложен в восточной части городища недалеко от вала. Мощность культурного слоя составляла 0,4–0,6 м. Здесь было выявлено более 20 сооружений, главным образом хозяйственных ям и две жилые постройки, одна из которых, более поздняя, прорезала другую. Поздняя постройка представляла собой котлован прямоугольной формы размером 4 x 4 м. глубиной до 0,6 м с очагом и хозяйственными ямами.

В слое встречались фрагменты гончарных болгарских и лепных, близких к именьковским, сосудов. В первом штыке лепная посуда составляла 76,1%, во втором – 89,8%, а гончарная болгарская соответственно 23,9% и 10,2%.

Основную массу лепной керамики составляют фрагменты сосудов с примесью дресвы и шамота, среди которых преобладают горшки с цилиндрической или отогнутой наружу шейкой и округлобким туловом, а также сковороды с бортиками высотой в 1–2 см.

Края венчиков горшков и сковород орнаментированы насечками и вдавлениями округлой или овальной формы. По форме и орнаменту сосуды близки к именьковским, отличает их лишь примесь дресвы, нехарактерная для именьковской посуды. Цвет сосудов серый, бежевый, красноватый.

Другую группу составляют фрагменты сосудов серого или коричневатого цвета, возможно, подправленных на гончарном круге. Орнамент состоит из рифления – рядов неглубоких параллельных линий. Подобная керамика была отнесена Т.А. Хлебниковой к III группе.

Еще одну группу составляли немногочисленные фрагменты круглодонных лепных сосудов с высокими цилиндрическими шейками, орнаментированные многорядной веревочкой в виде «кошечки» и с многорядным зигзагом, нанесенным зубчатым штампом на плечиках. Такая керамика Т.А. Хлебниковой выделена в VII группу, связанную с неволинской культурой, которая возникла, по ее мнению, в Сылвинском бассейне в результате слияния традиций местного пермского и пришедшего зауральского угорского населения с преобладанием последнего (Хлебникова, 1984, с.223).

Найдено несколько фрагментов сосудов с резко отогнутым наружу закругленным венчиком, возможно, славянского происхождения.

Верхний слой городища датируется домонгольским периодом (X – началом XIII вв.) благодаря многочисленным находкам железных (наконечники стрел, гвозди, ножи, детали замков) и бронзовых (дужки от ведер) изделий.

К раннеболгарскому периоду относится еще одно поселение – городище, расположенное недалеко от северной окраины г. Ульяновска, в 1 км к СЗ от бывшего с. Поливна, на мысу, находящемся между двумя оврагами. Площадка городища защищена валом и рвом. На городище были найдены железные предметы с волотовидным навершием.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в VII–IX вв. в Среднем Поволжье функционировал ряд поселений, где в непосредственной близости жили разноэтничные группы населения: потомки племен именьковской культуры, болгары и пришедшее из Прикамья угорское население.

Общим признаком всех поселений VIII–IX вв. является наличие плоскодонной лепной посуды с примесью шамота, а иногда и дресвы, преобладание горшковидных сосудов с цилиндрической или отогнутой наружу шейкой. Большая часть сосудов орнаментирована насечками или округлыми вдавлениями по краю венчика. Довольно часто встречаются фрагменты сковород с более высокими, чем в именьковское время, бортиками. Подобная керамика была отнесена Т.А. Хлебниковой ко II группе.

Наряду с лепной посудой встречаются немногочисленные фрагменты круговых сероглиняных сосудов салтовского типа, а иногда и обломки красноглиняных амфор причерноморского происхождения.

Для всех поселений характерно сосуществование пряслиц трех типов: усеченнобиконических, цилиндрических и изготовленных из стенок и днищ гончарных красноглиняных амфор.

Почти на всех поселениях найдены стилетообразные предметы с волотовидным навершием. Судя по погребениям могильников новинковского типа они бытовали в Поволжье в VIII в., главным образом, в первой его половине. Назначение этих предметов пока точно неизвестно.

Наличие на поселениях разных видов керамики свидетельствует о проживании на них различных по происхождению групп населения и о раннем (не позднее VIII в.) переходе всех этих групп к оседлости.

Литература

Багаутдинов Р.С. Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.

Вискалин А., Уланов Г. Находка женских украшений угров IX века в Ульяновском Поволжье // F-U. 2003–2004. № 1 (7–8).

Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. № 1.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

Голдина Р.Д., Водолого Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.

Круглов Е.В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // РА. 1992. № 4.

Лифанов Н.А., Седова М.С. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981.

Матвеева Г.И. Грунтовые погребения новинковского типа на Самарской Луке // Краеведческие записки Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Вып. VII. Самара, 1995.

Матвеева Г.И. К вопросу о седентаризации ранних болгар в Поволжье // II Городцовские чтения. М., 2005.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В. Реконструкция истории природопользования на Самарской Луке в эпоху средневековья // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // РА. 2001. № 2.

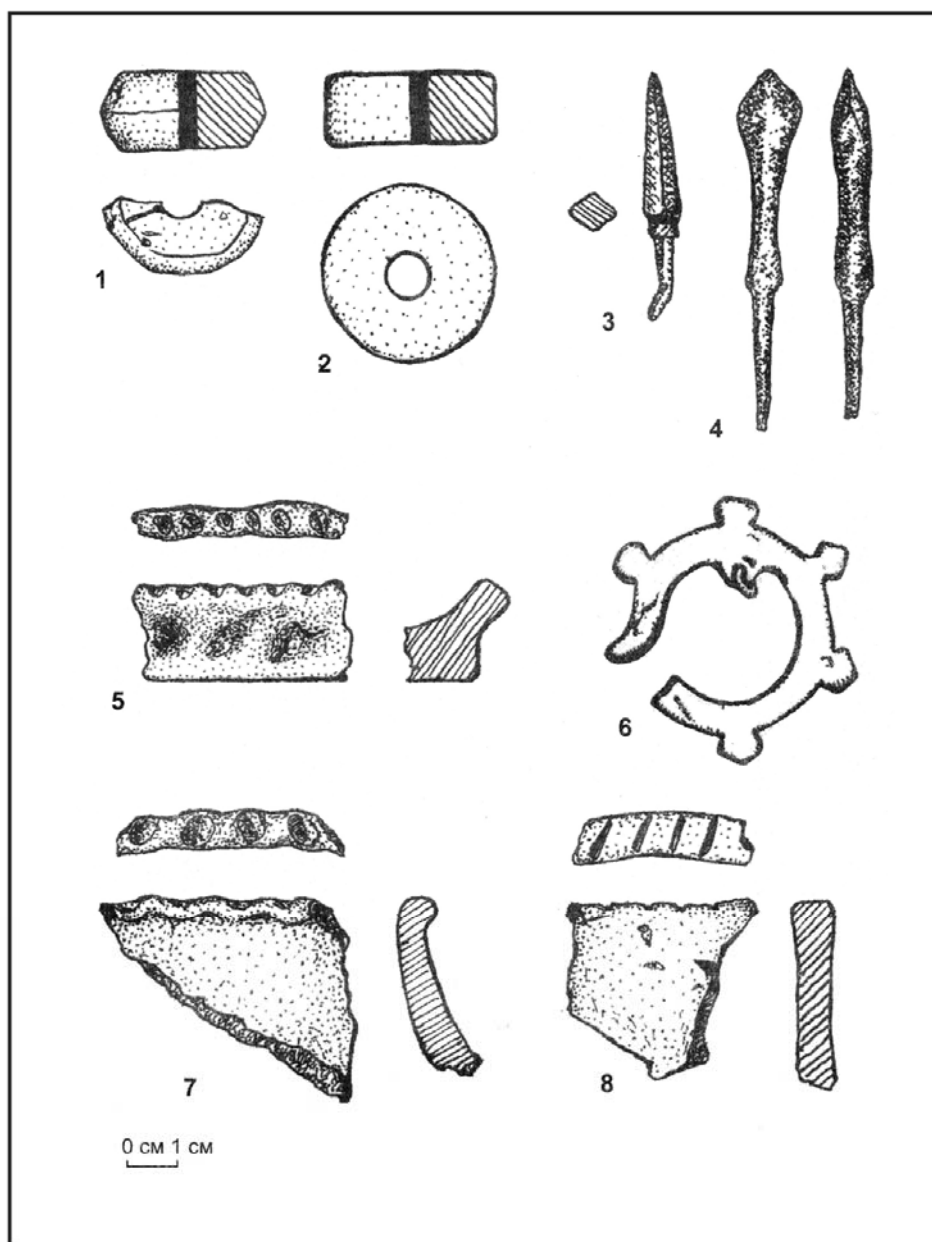
Седова М.С. Исследование Шелехметского курганно-грунтового могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Семькин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Сташенков Д.А. Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.

Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище. (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // МИА. 1962. № 111.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984.

Находки из культурного слоя Ново-Слободского городища.
1,2 пряслица; 3-4 наконечники стрел; 5 фрагмент сковороды; 6 бронзовая сюльгама;
7,8 фрагменты сосудов II группы (Т.А. Хлебникова).

Константин Руденко

Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ В XI–XII ВВ.

Материальная культура народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в XI–XII вв. сложилась на основе традиционного местного ремесла, активно воспринимавшего технологические новинки и прогрессивные формы универсальных изделий, получивших хождение на Евразийском континенте. Весомое место в этом явлении занимало восточное направление. Чтобы понять суть явления рассмотрим несколько примеров.

С середины XI в. на болгарских памятниках широкое распространение получают предметы – реплики изделий аскизской культуры Южной Сибири (Кызласов, 1983). Причем, это наблюдается и на территории Древней Руси (Кызласов, 1998, с.72–75). Наиболее ярко это проявляется в железных украшениях конской сбруи и бытовых поясных наборах.

Функциональное назначение изделий. Использование их в Волго-Камье можно предполагать в трех видах:

1. Конская упряжь (уздечные и сбруйные накладки и соединительные детали, седельные аксессуары, а также амуниция всадника – специальные крючки для ремней), сюда же относятся аскизские удила с псалиями и их разновидности. Представляется, что в большей степени это относится к болгарским, сурским (приокским) и марийским памятникам. Аналогичный набор распространяется на древнерусских памятниках. Идентификация проведена по аналогиям. Аналогично можно интерпретировать находки из марийских могильников XI–XII вв. (Архипов, 1986).

2. Поясной набор костюмного комплекса. Набор железной гарнитуры здесь типологически ограничен. Основной район бытования – Волжская Булгария, Приочье и бассейн Чепцы (удмурты). Данное определение сделано по материалам погребальных памятников северных удмуртов (Иванова, 1992) и билярских некрополей (Халикова, 1976).

3. Портупейные аксессуары (распределители ремней, колчанные крючки и т.п.) для колчанов, налучей и воинской амуниции. Идентифицированы по аналогиям. Соотносятся с этим комплексом и изменения в ассортименте железных наконечников стрел в регионе (Руденко, 2003).

Таким образом, основной состав предметов аскизского круга связан с изделиями бытового, промыслово-охотничьего и военного назначения. Причем, практически во всех пунктах они заменяют, а местами почти полностью вытесняют предшествующую им в X в. бронзовую гарнитуру и аксессуары местного производства. Применение бронзовых украшений пояса, сбруи и портупей сохраняется на Верхней Каме и в Зауралье. Здесь изделия аскизского круга не известны или встречаются единично. Отличия изделий из археологических памятников на Суре, и в Волжской Булгарии только в одном – в использовании в качестве элемента костюмного комплекса (в болгарском варианте).

Хронология. Ранее XI в. говорить о появлении таких изделий в Волго-Камье нет оснований. Нет их ни в погребальных, ни в поселенческих комплексах региона X в. В XI и XII вв. бронзовая гарнитура для украшения сбруйных принадлежностей и костюма продолжает использоваться и изготавливаться, но оставляет свое лидирующее положение.

«Инкубационный» период (до массового появления аскизских предметов и их реплик) в Волжской Булгарии, видимо, приходится на первую половину – середину XI в. К концу XI в. формируется комплекс изделий, копирующих форму аскизских изделий (наряду с оригинальными изделиями). Этот предметный комплекс с третьей четверти XI в. проникает к северным удмуртам и развивается здесь самостоятельно в XII в. уже как собственно удмуртский. Видимо во второй – третьей четверти XI в. складывается близкий комплекс подражаний в Сурской группе памятников, охватив затем большую часть Приочья, Примокшанья, Поветлужья и Нижегородского Поволжья. Причем, его распространение было менее продолжительным, чем у болгар и не дало большого разнообразия местных вариантов.

Отметим и тот факт, что там, где ощущается влияние тюркских кочевых племен, как, например, в Притешье (хотя болгарский импорт здесь присутствует) в XI–XII вв. ни на поселениях, ни в погребальном инвентаре могильников нет аскизских комплексов. В целом распространение изде-

лий аскизских, их подражаний, реплик и их разновидностей приходится на территорию расселения мордвы-эрзи, муромы, мордовского населения Посурья, собственно Булгарии, части марийских племен и северных удмуртов.

У мордвы, марийцев, удмуртов они использовались в основном как детали обычного костюма (поясные пряжки и накладки). По комплексу находок в погребениях Кузьминского, Чиргинского и др. удмуртских могильников они датируются XI–XII вв. (Иванова, 1992, рис.18; 20, 3; 32, 20). На памятниках северных удмуртов XI–XII вв. найдены и остатки железной уздечной гарнитуры, в частности шарнирные подвески (городище Иднакар,¹ могильники: Кузьминский, Чиргинский, Чемшай и др.) (Иванова, 1992, с.51, рис.18–19).

На болгарских памятниках подражания аскизским изделиям и оригиналы встречаются в слоях домонгольского времени. На Остолоповском, Мурзихинском селищах такие находки встречаются в слое и сооружениях второй половины XI – середины XII вв.; на Билярском, Кирменьском, Сосновском II городищах в отложениях культурного слоя и объектах, датированных XII в.

Железные детали поясного гарнитура выявлены на Билярском II могильнике (погр. 147), относящемуся к первой половине домонгольского периода. Отметим, что антропологическая серия этого могильника, по определениям специалистов, финского (чепецкого?) происхождения (Халикова, 1976, с.148). Этот факт дает возможность датировать и другие находки этого круга, найденные вне закрытых комплексов на Билярском городище, серединой – второй половиной XI–XII в.

Таким образом, реплики аскизских изделий и их варианты могут быть хронологическим репером в болгарских древностях второй половины XI–XII вв.

XI–XII вв. – период бурного развития болгарского ремесла, складывания и развития в кратчайшие сроки новых отраслей и направлений, совершенствования технологий и создание массового рыночного производства некоторых категорий изделий на заказ. На этом фоне вполне понятна и объяснима та восприимчивость новых элементов материальной культуры, которую мы наблюдаем в болгарском ремесле.

Инновационный процесс был сложным и не прямолинейным. Рассмотренное выше явление является ярким тому подтверждением. Ни аналогичных форм, ни технологий, которые проявились в болгарских подражаниях аскизским изделиям, до XI в. не было известно. Широкого хождения этих изделий в кочевнических древностях Восточной Европы мы также не наблюдаем. Поэтому предполагать формирование неких отвлеченных образов вещей и тем более технологий в отрыве от самих носителей ремесленных традиций будет не правильным. Очевидно, что процесс формирования местной болгарской ремесленной традиции в изготовлении таковых изделий шел в единой связи с непосредственной передачей навыков и приемов, сложившихся в инокультурной среде.

Для болгарского ремесла это не единственный пример. В конце X – XI вв. на основе заимствованных технологий происходило становление болгарского медницкого дела, в производстве медной бытовой посуды. Оригинальная технология изготовления медных котлов, ковшей, чаш (фальц, «в зубец») и обусловленная этим устойчивая форма изделия не имели корней в местном производстве и развиться на собственной основе (учитывая отсутствие достаточной сырьевой базы) не могли.

В XII в. болгарское стеклоделие стало самостоятельной отраслью ремесла. Сложная технология получения стеклянной массы и изготовления посуды были заимствованы болгарскими ремесленниками (Валиуллина, 2005).

Другой вид технологического новшества в болгарском ремесле XI в. – инкрустация серебром и медью по железу. Выполненные в этой технике изделия имеют достаточно большое распространение и в Европе, и в Азии. Известны центры производства инкрустированных изделий в Западной Европе, Прибалтике. Традиционна эта техника в аскизских древностях (Кызласов, 1983а, с.120–130); использовалась она населением и более восточных областей – вплоть до Дальнего Востока. В меньшей степени она применялась в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока, где практиковалась инкрустация по бронзе (посуда, украшения). Можно заметить в связи с этим, что предметы, изготовленные из меди или бронзы с инкрустацией серебром в болгарских древностях домонгольского периода – редкость.

Анализируя болгарские материалы, мы обнаруживаем следы использования этой технологии на следующих категориях предметов из железа: ключи, стремена, накладки, пряжки. Все они датируются домонгольским временем.

¹ Коллекция НМ РТ, №5571-7.

Инкрустация по железу была разной. На бытовых предметах практиковались врезная таушировка или насечка. В этом случае декоративные элементы в виде поясков, полосок из меди на ручках ключей, резе на стержнях/стержне рабочей части украшали основную часть изделия.

Аналогичный способ использовался и при украшении арочных стремян (Армарчук, 2006). Здесь инкрустировалось дужка предмета. Кроме того, на одном стремяни зафиксирован и более сложный декор: в виде арочного орнамента и декоративных точек, выполненных из разного металла (из серебра и из меди).

На накладках и пряжках использовалось сплошное покрытие тонкой серебряной или золотой фольгой насеченной поверхности изделий (Кызласов, 1983а).

То, что эти технологические приемы использовались болгарскими мастерами, подтверждается находками как исходного сырья – золотой фольги, проволоки, утилизированными медными изделиями для вторичного использования, так и применением близких приемов на ювелирных изделиях, например, обтягивание золотой фольгой медных височных колец. Характерно и то, что таушировка применялась при украшении и серийных изделий – железных ключей.

В связи с таушировкой, отметим появившуюся с XI в. у болгар технологию чернения. Область ее применения была довольно ограниченной. Это несколько категорий предметов из серебра: серебряные перстни, коробочки-капторги (филактерии) и медные поясные накладки. Наиболее распространены были серебряные перстни.

Техника золочения встречается на болгарских изделиях со второй половины X в., но активно она стала использоваться только с XI в., причем ассортимент изделий с использованием такой технологии очень невелик – несколько серебряных перстней и чаша с гравированным орнаментом.

Таким образом, чернение, таушировка, золочение не имеют истоков в ювелирном деле болгар VIII–IX вв. и народов их окружавших. Чернение и золочение в этот период использовались в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока, Византии и, частично, Европы. В X в. чернение появляется на Древней Руси.

Учитывая этот факт, можно предполагать, что передача этого опыта иным путем, кроме как от мастера к мастеру, маловероятна.

Высказано мнение, что распространение новой технологии в изготовлении украшений и предметов сбруи из железа – это явление стадийного характера (Исмагилов, Худяков, 2001, с.187). К техногенной стороне этого явления склоняются авторы исследования технологии и декора художественного металла кочевого мира средневековья (Конькова, Король, 1999, с.64, 67). «Суть прогрессивного развития состояла в распространении экономных технологий, позволяющих развиваться, с одной стороны, экономии металла, с другой – удовлетворению массового спроса и (при достаточно хорошем уровне мастерства) эстетических запросов заказчика» (Конькова, Король, 1999, с.67). Тем не менее, и этнический аспект в этом плане отнюдь не отрицается, особенно там, где «обработка черного металла была традиционной и имела достаточно развитую технологию» (Конькова, Король, 1999, с.64–65). Стоит заметить, что новая технология требовала высокого уровня кузнечного и слесарного мастерства, включая и сложнейшие приемы инкрустации и золочения, что не могло возникнуть лишь при наличии массового спроса.

Интересна в этом отношении парадная посуда X–XI вв., найденная в Волжской Булгарии и на близлежащих территориях. Это в основном чаши из оловянистой бронзы (Руденко, 2000а). Технологические приемы, применявшиеся здесь: этоковка по литой заготовке, гравировка, золочение, полировка (Руденко, 2000). Большая часть этих сосудов привезена из Ирана. Одновременно, помимо Булгарии, поток этого импорта шел в таежное Приобье, к угорскому населению, через Хазарию в Приочье в земли мордвы и муромы. Основная часть этого импорта приходится на X в. В начале – первой половине XI в. значительная часть транзита идет через болгар к марийцам. Характерно, что такие находки не известны на Вятке и Пермском Приуралье.

Сам по себе импорт бронзовой парадной посуды в Булгарию не прекратился и позже – во второй половине XI–XII вв. С этого времени здесь встречаются и бронзовые чаши с надписями, инкрустированными серебром иранского производства.

Но, несмотря на достаточно большое количество находок импортного художественного металла, у нас нет фактов, позволяющих утверждать, что производство художественной в данной технике, или с использованием инкрустации посуды было налажено в болгарских землях в домонгольский период.

Кроме непосредственной трансляции ремесленных традиций и опыта, несомненно, существовала и тенденция к копированию широко распространенных форм специализированных изде-

лий и, прежде всего, предметов вооружения. На наш взгляд, это преимущественно предметы вооружения: некоторые типы наконечников стрел, характерных для XI–XII вв. Западной и Восточной Сибири (долотовидные, срезни, ряд бронебойных), типы булав (например, с выступающими пирамидками) и т.д.

На основе приведенных примеров процесс появления инноваций в сфере ремесла можно представить как поэтапный. На *первом этапе* воспроизводятся точные копии оригинальных изделий, мастерами-носителями технологических традиций. Данные изделия практически не отличимы от изделий, произведенных на исходной территории.

Копирование внешней формы, без соблюдения технологии изготовления изделия – *второй этап* «вживания» новой вещи в инокультурную среду. Появление изделий-модификаций – *третья стадия* развития «идеи» привнесенного предмета.

Важным маркером инновационного процесса являются находки оригинальных изделий, изделий-реплик и изделий подражаний. В этой связи возникает вопрос, как выделить на поселенческих материалах комплекс предметов местного производства и импортных. Однозначных подходов к решению этой проблемы нет.

Прежде всего, необходимо проанализировать серии предметов одной категории (на основе классификации и типологии). Такой анализ позволяет выделить признаки, отличающие серийные изделия от единичных вещей, понять причину этого. Так, медные котлы местного изготовления и привезенные, несмотря на всю схожесть, отличаются, например, деталями приемов сборки. Или подражания аскизским изделиям в болгарском варианте изготовлены по-другому, имеют внешние отличия (композиция рисунка и орнамент).

Вторым необходимым для заключений фактом является наличие следов производства – заготовок, полуфабрикатов, бракованных изделий.

Таким образом, анализ данных материалов позволяет предполагать, с одной стороны, значительное влияние восточных ремесленных традиций на формирование новых технологий в сфере производства у населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в XI–XII вв., и с другой стороны, – разную степень их использования и усвоения.

Литература

Армарчук Е.А. Декорированные биметаллические стремена XI–XIII веков // ТА. 2006. № 1–2 (16–17). С.43–59.

Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола, 1986.

Валиуллина С.И. Стекло Волжской Булгарии. По материалам Билярского городища. Казань, 2005.

Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992.

Исмагилов Р.Б., Худяков Ю.С. Находки монгольского времени из Северного Казахстана // Диалог культур Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. Казань, 2001. С.183–192.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл) // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С.56–68.

Кызласов И.Л. Аскизская культура / САИ. 1983. Вып. ЕЗ-18.

Кызласов И.Л. К истории художественной обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Материалы Всесоюзного совещания. Алма-Ата, 1983а. С.120–130.

Кызласов И.Л. Пребывание древних хакасов в Восточной Европе (конец X – начало XIII в.) // Славяне и их соседи. (Тез. XVII конф.) М., 1998. С.72–75.

Руденко К.А. Металлические чаши VIII–XI вв. из Среднего Поволжья // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2. Саранск, 2000. С.69–81.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: «Репер», 2000а.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: «Заман», 2001.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003.

Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М., 1976. С.113–168.

Андрей Белавин, Наталья Крыласова

Пермский государственный педагогический университет, г. Пермь

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТЕПИ И ЛЕСА (по археологическим материалам Предуралья)

В литературе и мироощущениях историков и археологов Урало-Поволжья давно утвердилось мнение о своеобразии взаимодействия степи и леса, когда за степью закреплена роль своеобразного культуртрегера для леса, проводника всего нового и прогрессивного в материальной и духовной культуре, в силу своей мобильности, проницаемости и скорости движения. При этом считается, что все культурные новации из степи практически в неизменном виде перетекали в культуру лесного населения через своеобразную буферную зону лесостепи, где жили представители и тех и других народов. Население глубинных районов Восточной Европы, на первый взгляд, затерянное в глубине лесов, не было изолировано от остального мира. Культурные импульсы, зародившиеся в степях Евразии, достигали далеких лесных районов и отражались в материальной культуре живших здесь племен. Такими словами, например, описывает Е.Ю. Тавлинцева взаимодействие населения памятников дяковской культуры Подмосковья со степями [Тавлинцева 2000]. Степь давала лесу новые идеи в развитии хозяйства и общества, культурные достижения и новые открытия человечества двигались в леса Евразии через степную зону из очагов древних цивилизаций. Отношения кочевнического мира степи и земледельческого мира леса по сложившейся издревле историографической традиции характеризуются, однако, как крайнее недружелюбные. Отрицательную характеристику степнякам-кочевникам давали все оседлые жители, независимо от места жительства и вероисповедания. Так, известный автор XIV в. египетский географ и энциклопедист ал-Омари писал о жителях степи: «...тупоумный и жалкий народ, который не знает ни веры, ни ума, ни проницательности...» (Крачковский, 1957). Ахмед ибн Фадлан, проехавший в своем путешествии X в. из Багдада в Волжскую Булгарию, и наблюдавший разные степные народы, отозвался о них так: «...они в жалком положении. Вместе с тем, они как блуждающие ослы, не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему...» (Путешествие, 1939, с.27). Автор «Повести временных лет» также не сдерживает своего гнева против степняков: «...кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту...», хотя примерно также он характеризует вполне оседлых земледельцев древлян, вятичей, радимичей и других восточных славян: «жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах».

Точно так же кочевники-степняки отделяли себя от оседлого населения, считали свой образ жизни единственно достойным для благородных людей, определяя жителей леса как «не совсем людей». Подобное воззрение было присуще монголам XIII в., маньчжурам в период установления власти Юаньской и Цинской династии в Китае (Хафизова, 1995, с.55–56).

Степняки – умелые всадники и опытные воины. В определенной степени они превосходили своими военными навыками оседлых жителей леса, воинская культура степняков, неприхотливый походный быт, более совершенное оружие делали степняков в период средневековья своеобразным образцом воина для оседлого земледельца. Войско кочевников имело несомненное преимущество перед ополчением оседлых народов. Например, мадьяры, имевшие более сильное и опытное войско, нежели у оседлых соседей, осуществляли походы на государства Центральной и Западной Европы. Эти походы создали у европейцев этнический стереотип мадьяр как умелых конных воинов, жестоких и кровожадных грабителей. Этот стереотип нашел отражение в западноевропейских хрониках и других литературных произведениях X в. «и утвердился сначала во всей средневековой историографии, а затем в историографии европейских стран нового времени» (Краткая история Венгрии, 1991, с.16). Вероятно, в силу аналогичного стереотипного отношения к степнякам в лесу старались перенять основные элементы вооружения и воинского искусства степняков. Не случайно в средневековых древностях лесного Предуралья мы встречаем степные сабли, панцири, элементы кочевнического конского снаряжения. Сабля впервые появилась в VII–VIII вв. в евразийских степях, в зоне влияния кочевых племен, где главной военной силой были отряды легких всадников, действовавших на просторе. Родина сабли – территория, где археологи находят древнейшие искривленные клинки, – простирается от Венгрии, Чехии и Северного Причерноморья до Алтая и Южной Сибири.

Отсюда этот вид оружия и начал распространяться среди народов, которым силою исторических обстоятельств приходилось иметь дело с кочевниками. По данным А.В. Данича, сейчас в материалах Пермского Предуралья (ломоватовские и родановские памятники) известно 28 находок сабель VIII–XII вв. Еще два десятка сабельных клинков изучено С.Р. Волковым по материалам неволинских памятников. По оценке А.В. Данича, прикамские сабли имеют незначительный изгиб полосы (стрела изгиба до 10–15 мм), т.е. предназначены для рубки и для укола. Почти у всех клинков острый конец имеет двухстороннюю заточку длиной около 15–30 см. Как показали раскопки Баяновского могильника в 2006 г., у сабель, даже при железной ручке, не имеющей наклона в сторону лезвия, была сильно наклоненная деревянная рукоять – один из главных формообразующих показателей для ранних типов сабель, так как слабо искривленный однолезвийный клинок за счет наклона рукояти получил тот режущий эффект, который характерен для сабли. Подобные сабли со слабо изогнутым клинком и рукоятью, отогнутой в сторону лезвия, имеют аналогии в находках в Южной Сибири и в изображениях на древнетюркских статуях (Кубарев, 1984, рис.8). По мнению С.Р. Волкова, из Южной Сибири от кочевников в Пермское Предуралье проникли и стремяна в уже сформировавшемся виде (Волков, 1995, с.21).

Наряду с конским степным снаряжением в Пермское Предуралье поступали и степные лошади. Как отмечает А.Г. Петренко, наряду с лошадьми местных «лесных» типов в ломоватовских, полумских и неволинских могильниках и на поселениях есть находки костей лошадей «степного» типа, среди которых встречались категории выше «средних», имевшие высоту около 144 см. Оценивая этнографическое значение захоронений с человеком черепа коня и частей ног, А.Г. Петренко указывает, что этот ритуал частично символизирует признак кочевой формы жизни населения и характерен для угров. Его достаточно устойчивое бытование (от 40 до 70% погребений) в средневековых могильниках лесного Предуралья в VI–XI вв. (Калашниковский, Варнинский, II Аверинский, Верх-Саинский, Неволинский, Рождественский, Каневский, Огурдинский, Запосельский, Телячий Брод, Степаново Плотбище, Баяновский, Пыштайн и др.) свидетельствует о прочном укоренении этой степной воинской традиции в сознании лесного угорского населения. Часть захоронений с остатками коня в указанных могильниках имеет в своих материалах в различных сочетаниях клинковое оружие, копье, стрелы, удила, стремяна, уздечки, и представляют собой воинские погребения. По мнению В.В. Овсянникова, у населения полумской, ломоватовской и неволинской культур под влиянием степных традиций сформировался своеобразный комплекс вооружения, причем у неволинцев он более приближен к степному и находится под большим воздействием степи. Промежуточное положение между степным и лесным типом вооружения занимает комплекс вооружения караякуповских племен (Овсянников, 1996, с.165–175).

Однако наиболее показательной частью материальной культуры в плане взаимопроникновения идей считается костюм. Население леса, как принято считать, перенимало модные и популярные новинки у степняков, тиражировало их и, зачастую, какое-то время слепо следовало в русле степной моды. Наиболее заметной частью такого степного импорта являются наборные кочевнические пояса. «Население Прикамья поддерживало самые оживленные связи с соседними областями и регулярно в обмен на меха получало новейшие образцы многих изделий, в том числе поясных принадлежностей, которые и служили образцами для местных мастеров» (Генинг, Голдина, 1973, с.87).

Как отмечают различные исследователи, одной из наиболее ярких категорий вещей, и по сию пору вызывающей споры, среди материалов курганных могильников харинского типа, оставленных в эпоху Великого переселения народов в Северном Предуралье пришлым населением, являются детали поясных наборов, изготовленные в полихромном стиле, характерном для степей Евразии в гуннское время. Эти пояса стали первыми наборными поясами в лесном Предуралье. Впоследствии наборные пояса превратились в одну из важных этнографических черт Прикамского костюма. Наборные пояса (как целиком, так и в частичных наборах) довольно широко были распространены на харинском этапе (особенно в составе пряжки и наконечника ремня), имели повышенную тенденцию распространения в ломоватовское время, продолжали бытовать на рождественском этапе, но в позднеродановский период значительно сокращается количество полных поясных наборов, отсутствуют наборы из пряжки и наконечника ремня, массово продолжают встречаться пояса либо только с пряжками, либо только с накладками.

Поясные привески-низки появились на харинском этапе, но широкое распространение получили, начиная с ломоватовского периода, когда возникли еще и привески-ремешки. Можно утверждать, что наличие большого количества поясных привесок как в женских, так и в мужских

поясах является характерной чертой прикамского костюма с VII по XIV вв. Таким образом, если сравнивать тенденцию использования наборных поясов в среде кочевников и у населения Пермского Предуралья, можно отметить, что пик моды на них и у тех и у других приходится на VII–X вв. Позднее у кочевников такие пояса встречаются уже довольно редко, а у населения Пермского Предуралья их продолжали носить до XIV в. (Иванов, Крыласова, 2006, с.14–15).

С учетом проникновения элементов степного убора костюма (в первую очередь, поясных наборов) строится хронология ломоватовской и неволинской культуры В.Ф. Генингом, Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго. Выделение стадий ломоватовской культуры во многом опирается на появление, освоение и массовое использование тех или иных видов импортных степных поясных наборов. «Появление в Прикамье поясов харинского типа не может быть существенно оторвано от времени указанных керченских погребений и относится к началу V века» (Голдина, 1985, с.126). Речь идет о близости харинской полихромной поясной гарнитуры украшениям типа Варна – Кара-Агач, чье появление в Предуралье – результат устойчивых и широких связей Верхнего Прикамья с населением степей Восточной Европы, осуществлявшихся скорее всего через Южно-Уральскую (Башкирскую) (Голдина, 1985, с.126). Место производства полихромной харинской поясной гарнитуры и ее связь с южноевропейскими степями до сих пор предмет острых дискуссий (подробно о соответствующих дискуссиях см.: Овчинников, 2004).

Южный культурный импульс проявляется и в распространении подвесок-лунниц (калачиковые серьги). Не исключено, что появление калачиковых серег в Прикамье связано с притоком в этот район какой-то части степного кочевнического населения, ушедшего на север под натиском гуннской агрессии (Богачев 1996. С.99–104). На территории Пермского Предуралья такие серьги встречены на 8 памятниках (Мингалев, 2006, с.52–56, рис.16).

Проникновение во второй половине VI в. в Прикамье из степей Евразии наборных поясов с украшениями геральдического типа увязываются Р.Д. Голдиной со сменой харинской стадии (V–VI вв.) агафоновской (конец VI – VII вв.) (Голдина, 1985, с.126). По поводу поясов агафоновской стадии в отечественной литературе длительное время также велась дискуссия (Амброз, 1980, с. 3–56.; Голдина, 1979, с.79–90), которая так и не закончилась выработкой единой для всех ее участников точки зрения на хронологию и историческое место агафоновских поясов. Но большинство исследователей (Голдина Р.Д., Иванов А.Г.) считают, что местный тип геральдической поясной гарнитуры, известный в Прикамье как «агафоновский», сложился и широко распространился в VII в. под влиянием геральдических поясных наборов степей Восточной Европы (Иванов, 1998, с.48). Р.Д.Голдина отмечает, что ареал распространения геральдических поясов совпадает с территорией распространения еще одной категории украшений, характерных для агафоновской стадии ломоватовской культуры – плетеных цепей-ожерелий. Это совпадение, на ее взгляд, свидетельствует «о расширении отношений с племенами юга Восточной Европы. Причем, посредниками в этих отношениях были племена, населявшие бассейн р.Белой, где оседало значительное количество предметов того же круга» (Голдина, 1985, с.128). Однако, по мнению И.О. Гавритухина, «агафоновские» пояса связаны с приуральско-сибирской традицией. Наиболее реальные прототипы гарнитур с накладками, имеющими подвески, по мнению Гавритухина, можно видеть в культурах Дальнего Востока. После распада I Тюркского каганата псевдопряжки не исчезли, а наоборот, стали еще более «модными» и продолжили свою эволюцию вплоть до появления «классических типов», представленных, в частности, и в наборах агафоновских поясов (Гавритухин, 2001, с.51–54).

Датировка следующей, деменковской стадии ломоватовской культуры (конец VII – VIII вв.) (неволинской стадии неволинской культуры) во многом опирается на появление и распространение в Предуралье поясов тюркского типа, «распространенных в VII–VIII вв. особенно широко в Сибири и считающихся собственно тюркскими» (Голдина, 1985, с.130). Предуралье стало одним из трех районов наибольшей концентрации «тюркских» поясов», причем эти пояса здесь представляли собой «один из наиболее выразительных и характерных элементов материальной культуры» (Иванов, 1999, с.74). В.А.Иванов предполагает два пути проникновения сюда этой категории материальной культуры: 1 – в результате непосредственных контактов приуральских угров с древнетюркскими племенами; 2 – по степному торговому пути, параллельному Волжскому торговому пути, связывающему Южный Урал и Прикамье со Средней Азией (Иванов, Крыласова, 2006, с.122–123). Одновременно с «тюркскими» поясами в Среднем Предуралье получили широкое распространение оригинальные «неволинские» пояса. Возникновение поясов неволинского типа, целиком являющихся творчеством местных предуральских мастеров, означало не только полную адаптацию идеи наборного пояса у жителей Прикамских лесов, но и ее значительную переработ-

ку. Если пояса тюркского (тюркско-аварского – так у исследователей) типов были характерны преимущественно для мужского костюма, то пояс неволинского типа с многочисленными кожаными привесками, украшенными характерными типами накладок, в подавляющем большинстве использовались женщинами (Голдина, Водолаго, 1990, табл.29). Следует, правда, отметить, что возникновение поясов неволинского типа с многочисленными ремешками-привесками имеет явный южносибирский контекст. Пояса с многочисленными поясками-привесками мы можем наблюдать не только в материалах различных тюркских погребений Алтая и Сибири (например, из кургана № 8 могильника Кирбитский Лог, кургана Ак-Кобы № 3 на Алтае и др.), но и на тюркских статуях. По мнению Р.Д.Голдиной, в начале деменковской стадии ломоватовской культуры контакты с Сибирью и Средней Азией в значительной степени усилились на фоне ослабления связей с Башкирией и югом Восточной Европы, но «вряд ли эти новые контакты были длительны и устойчивы, так как своеобразие ломоватовских вещей очевидно» (Голдина 1985, с.130).

Кроме наборных поясов типичными элементами костюма предуральского населения становятся височные подвески (серьги) с привесками в виде полых шариков или с гроздьевидными привесками (серьги салтовского типа) (Иванов, Крыласова, 2006, с.124). Салтовские серьги в период конца VII – X вв. были наиболее «модными» среди кочевого и оседлого населения Евразии, «являясь неотъемлемой частью единой евразийской моды и входя первоначально в набор воинских предметов-символов» (Сташенков, 1997, с.61). К носителям ломоватовской культуры такие серьги, вероятно, проникли из неволинской культуры, где известны собственно салтовские прототипы изделий данной группы. К «неволинцам» салтовские серьги могли проникнуть из башкирской лесостепи. В ломоватовской культуре украшения данной группы получили дальнейшее развитие и приобрели свой особый облик.

На урынской стадии ломоватовской культуры (конец VIII–IX вв.), как отмечает Р.Д.Голдина, распространение поясов салтовского типа свидетельствует о новом вовлечении населения ломоватовской культуры в сферу влияния народов Восточной Европы. При этом исследовательница, учитывая, что в Средней Азии смена поясов, подобных неволинским, салтовскими произошла, скорее всего, на рубеже третьей-четвертой четверти VIII в., предполагает, что этот процесс и в Прикамье происходил не раньше (Голдина, 1985, с.132–133).

«Модные» степные украшения редко оставались в неизменном виде. В первую очередь, коренным образом менялось смысловое значение привнесенных элементов костюма. В процессе адаптации новинки декора костюма из степи у лесных жителей чаще всего меняли свой статус социального маркера на статус оберега, получали новое развитие, не зависящее от степной моды, их новое значение (вплоть до перемены пола потребителя) становилось понятным для всех финно-угорских соседей предуральских угров, и Прикамье выступало транслятором новинок для всей лесной полосы от Оби до Скандинавии. При этом смысл деталей костюмного убранства у жителей степи и жителей леса никогда не совпадал. Даже в позднее время, когда основным транслятором степных новинок стало ремесло Волжской Болгарии, «степняк» и «лесовик» воспринимали один и тот же элемент с разной целью и смыслом.

Лес, вроде бы, в свою очередь давал степи свои культурные идеи, которые воспринимались там как нечто сакральное и использовались в культовой практике. Однако таких культурных проникновений было явно меньше. Так, описывая культурное взаимодействие между населением степи и лесной полосы Урало-Поволжья, В.А. Иванов и Н.Б. Крыласова указывают, что, например, в костюме населения степи практически не было заимствований из костюма лесного населения. Таковыми, судя по приведенной ими статистике, могли быть лишь подвески-нашивки в виде стилизованных фигурок птиц и копоушки с ажурным щитком, характерные только для комплексов огузо-печенежского периода X–XI вв. (Иванов, Крыласова, 2006, с.12, табл.2) (специфическим элементом материальной культуры кочевников-огузов). Птицевидные подвески и копоушки, очевидно, тиражировались, поскольку в разных удаленных друг от друга памятниках встречаются идентичные изделия (Уральск, Саркел, Истрия). Копоушки – туалетная принадлежность, известная многим народам. Они широко известны в салтово-маяцких памятниках, хорошо знакомы финно-угорским народам Поволжья, Прикамья, севера европейской части России, встречаются и у ряда тюркских народов. Их появление в культуре огузов могло быть обратным движением в степь предмета туалета, некогда, в определенной степени, заимствованного населением леса у салтовцев, и ставшего у финно-угорского населения достаточно массовым предметом. Однако если у ломоватовского и древнекарельского населения леса копоушки имели как утилитарное, так и магическое (амулет) значение, то у огузов копоушки с ажурными щитками листовидной формы,

украшенными растительным орнаментом в виде трилистника, превратились исключительно в амулет-оберег (Гаврилина, 1985, с.214). По мнению С.А. Плетневой, внешний облик кочевнических копоушек и, в какой-то мере, их смысловая нагрузка, имеют сходство в ажурными бляхами пермского звериного стиля, изображающих «сулде» [Гаврилина 1985. С.222]. Посредниками в передаче копоушек населению степи выступают, скорее всего, жители южно-уральской лесостепи, хотя не исключается и финно-угорское влияние через сrostкинскую культуру, активно взаимодействовавшую с угро-самодийскими племенами юга Западной Сибири.

«Лесовик» и «степняк», таким образом, имеют совершенно разное понимание мира и своего места в нем. Полного культурного взаимопонимания между ними в период средневековья нет. Однако, невзирая на отсутствие такого понимания, археологический материал дает возможность говорить и о редких, но имевших место прямых контактах степняков с жителями предуральских лесов, в отличие от письменных источников, в которых нет такой информации.

Примером непосредственного пребывания группы степняков в пермских лесах может служить, возможно, Мокинский могильник в Пермском районе Пермского края. Н.В. Кулябиной и А.Ф. Мельничуком здесь исследовано 241 погребение, совершенные в прямоугольных ямах глубиной от 20 см до 1,5 м, ориентированные по линии В – З. Погребения совершались как по обряду труположения в деревянных гробовищах, так и по обряду трупосожжения. Некоторые могилы имеют следы ритуальных разрушений костяков. Ряд погребений имеет на дне белую известково-меловую подсыпку, характерную для сармат. В материалах погребений собрана большая коллекция керамики, пряжек и наконечников ремней от поясных наборов и узды из железа, меди и серебра, найдено сарматское височное кольцо, костяные черешковые наконечники стрел, железные наконечники копий, крупные стеклянные, халцедоновые и янтарные бусины, в том числе, украшавшие темляки рукоятей железных мечей сарматского типа в деревянных окрашенных красной краской ножных с накладками из серебряного тисненого листа. Наибольший интерес представляет находка небольшой сапфириновой (голубоватый халцедон) позднеантичной геммы, изображающей головку Амура. Данный предмет датируется первой половиной I века нашей эры, и является фалерой: наградой для римских легионеров. Вероятно, это ценный боевой трофей сармат использовался как навершие меча (Колобов, Кулябина, Мельничук, 2001, с.103–107). По мнению исследователей, материалы Мокинского могильника и особенности его погребального обряда отражают непростую этнополитическую ситуацию в Приуралье в первых веках нашей эры (Кулябина, 1999, с.55–56).

Для более позднего времени можно с уверенностью говорить о проникновении в Пермское Предуралье отрядов аскизских всадников из степей Саяно-Алтайского нагорья. Аскизские древности отчетливо представлены в Восточной Европе. Они имеются, по меньшей мере, в материалах 10 древнерусских городов и селищ, практически во всех болгарских поселениях, на поселениях буртас, древней мордвы, в материалах чепецкой археологической культуры (Руденко, 2001). Часть аскизских предметов попала на земли финно-угров и славян в результате торговой деятельности самих алтайских тюрок или волжских болгар, часть попала вместе с отрядами аскизских всадников, которые могли выполнять торговые или военно-дипломатические функции.

Материалы селища Телячий Брод, городищ Рождественского, Кыласово, Городищенского и Саломатовского дают образцы предметов поясной и упряжной гарнитуры из железа, выполненных в аскизской традиции. В коллекции частей поясной и упряжной гарнитуры Рождественского городища аскизские предметы составляют заметную часть – 11,4%. Находки предметов аскизского облика, включая обломки и целые железные пряжки, накладки, крючки, привески, детали седла, крюка для подергивания седельных ремней и для шнуровки, который был непременно принадлежностью аскизского всадника (Белавин, 2003, с.72–78), заставляет утверждать, что в XI–XII вв. в Пермском Предуралье в составе торговых караванов или с собственными торговыми или военно-дипломатическими миссиями могли бывать и аскизы, так же как они бывали в ряде малых и больших городов Руси и Болгарии. Возможно, что именно эти всадники были охранниками болгарских торговых караванов на Русь, в страну Вису, страну Чулман, в Сибирь и Среднюю Азию.

Непосредственное пребывание жителей степей в Предуралье, безусловно, давало возможность найти какое-либо взаимопонимание между представителями кочевников и оседлыми земледельцами и охотниками.

Важным фактором в осуществлении связей между лесом и степью в Предуралье была относительно легкая проницаемость и размытость границ природных биоценологических зон. В эпоху раннего и развитого средневековья территория Пермского Предуралья входила в зональный комплекс широколиственных видов (включая дуб, бук, липу, клен, ясень, вяз, граб, лещину).

Северная граница ареала распространения дуба 2000–600 лет назад, судя по новейшим данным, проходила по территории современной республики Коми и Архангельской области, захватывая верховья Печоры и среднее течение Северной Двины (Турубанова, 2000). По территории Предуралья были распространены пирогенные массивы сосны, включаемые в широколиственные леса с сопутствующими им участками лугов. В Южном Предуралье границы лесостепи и степи были расположены значительно южнее современных, а сама лесостепь представляла собой участки луговой степной растительности, перемежающиеся массивами дуба, вяза, орешника, с включением ели. Похожие по структуре участки располагались и в глубине массивов смешанных лесов по среднему и верхнему течению Камы, там же присутствовала и степная фауна. Местами такой характер фауны сохранялся до недавнего времени. Так, в конце XVIII в. на пространстве от нынешней Воронежской области до севера Казахстана и юга Западной Сибири, включая Предуралье, еще встречались тарпаны и куланы; северные олени при зимних кочевках регулярно доходили до севера калмыцких степей (Паллас, 1773). В начале XIX в. сурки были распространены на территории нынешней Калужской и Тамбовской областей (Смирнова, Калякин, Турубанова, Бобровский, 2001, с.200–208). Становление современных биоценологических зон на территории Восточной Европы и Предуралья в частности, приходится на последние шесть–восемь столетий и связано с постепенным ослаблением роли природных ключевых видов и замены ее антропогенными воздействиями, в том числе с интенсификацией выпаса овец и лошадей в степи и северного оленя в лесотундре, с развитием сначала подсечно-огневого, а затем и пашенного земледелия в лесах, интенсификацией промысловой охоты на различных пушных животных в лесной зоне.

Для населения степи и леса размытость природных зон, определенная привычность флоры, отличающейся лишь густотой леса и преобладанием того или иного вида деревьев и подлеска, легкость перехода видов фауны, в том числе и промысловой, создавала хорошие условия для относительно свободного перехода из зоны в зону, и значительно облегчало возможные миграционно-адаптационные процессы. Археологические материалы Предуралья достаточно наглядно рисуют активные связи между населением степи и леса в период средневековья. Понимание их характера, социально-культурной и экономической направленности и динамики – дело последующих изысканий.

Литература

- Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
- Белавин А.М. Древние хакасы и Пермское Предуралье (по материалам рождественского археологического комплекса) // Тр. КАЭЭ. Пермь: ПГПУ, 2003. Вып.3.
- Волков С.Р. Вооружение населения Верхнего Прикамья во II половине I тыс. н.э. (по материалам могильников). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995.
- Гаврилина Л.М. Кочевнические украшения X в. // СА. 1985. № 3.
- Гаврилухин И.О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры евразийских степей второй половины I тыс.н.э. (из истории костюма). Самара, 2001. Т. 2.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. 1973. Вып.12.
- Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып.158.
- Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998.
- Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.
- Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: ПГПУ, 2006. 164 с.
- Колобов А.В., Кулябина Н.В., Мельничук А.Ф. Античная гемма из Пермского Приуралья // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып. 1. С.103–107.
- Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М.: «Наука», 1991.
- Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т.IV.
- Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.
- Кулябина Н.В. К вопросу о роли сармат в этнической истории Прикамья // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999.

Мингалев В.В. Калачиковидные серьги харинского типа // Оборинские чтения. Материалы региональных археологических конференций. Вып.4. Пермь: ПОКМ, 2006. С.52–56.

Овсянников В.В. Природно-географический фактор в выделении комплексов вооружения памятников Урало-Поволжья эпохи средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара: Самарский обл. истор.-краевед. музей, 1996.

Овчинников Ф.В. О происхождении харинской полихромной поясной гарнитуры (К вопросу об истоках культуры харинского типа) // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2004. Вып. 17.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства.-СПб., 1773. Ч. 1.

Петренко А.Г. Костные остатки животных в погребальном обряде финно-угорских могильников I тыс. н.э. в Прикамье как этнографический признак // FU. 1999. № 1 (3). С.69–78. Сайт «Тюркско-татарский мир» ИИ им. Ш.Марджани АН РТ <http://www.tataroved.ru/institut/arheolog/publ/4>

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией академика И.Ю.Крачковского. М.; Л., 1939.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань: «Заман», 2001.

Смирнова О.В., Калякин В.Н., Турубанова С.А., Бобровский М.В. Современная зональность Восточной Европы как результат преобразования позднеплейстоценового комплекса ключевых видов // Мамонт и его окружение: 200 лет его изучения. М.: «ГЕОС», 2001.

Сташенков Д.А. Об одной группе раннесредневековых украшений самаро-симбирского Поволжья (серьги салтовского типа) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1997. С.60–64.

Тавлицева Е.Ю., 2000. Железный век на территории Москвы и Подмосковья. Дьяковская культура // www.clio.org.ru

Турубанова С.А. Леса Европы в голоцене – что было? // Лесной бюллетень. 2000. № 16, декабрь.

Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (14–19 вв.). Алматы, 1995.

Марал Хабдулина

г. Астана, Республика Казахстан

ЖИЛИЩА СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА БОЗОК (X–XII вв.)

Городище Бозок находится в Центральном Казахстане, на окраине города Астаны. Памятник расположен среди болот и озерных западин левобережной пойменной долины р. Ишим. Руины городища занимают останец восточного берега озера Бузукты. Общая площадь памятника с окружающей системой ирригационных сооружений около 30 га. Развалы строений городища тянутся полосой 400 x 200 м и состоят из трех частей. Центральную часть городища образуют три подквадратной формы сооружения (мы их назвали «кварталы»). Кварталы примыкают друг к другу, но каждый из них отдельно окружен внутренним рвом и валом. Во рвах фиксируются проходы, ведущие как наружу, так и в соседние строения. Кварталы смещены относительно друг друга и композиционно имеют вид трехлепесткового «цветка» (рис.1). За годы исследования раскопана внутренняя поверхность северного квартала, в культурном слое которого выявлено три строительных горизонта.

В 50 м южнее центральной градообразующей части расположены два всхолмления, оказавшиеся развалом мавзолея и кирпичеобжигательной печи, западины могил. Условно эта часть памятника названа нами «некрополь». В 70 м севернее центральных площадок фиксировался холм размерами 55 x 18–30 м, высотой до 1 м. На поверхности его виднелись три подпрямоугольных котлована, окруженных глиняными валиками. К северо-западному углу строений примыкает овальное углубление, от которого вниз к озеру прорыт арык. С восточной стороны на бугре фиксируется небольшое возвышение размерами 6 x 4 м (рис. 1). Этот комплекс строений оказался развалом жилищ земляночного типа.

Исследование памятника ведется с 1999 г. Раскопы заложены на всех структурных частях памятника, вскрыто более 6000 кв.м. В центральной части исследованы внутренняя поверхность северного квартала и поверхность наиболее высокой площадки городища. На этой площадке вскрыто 14 погребальных сооружений круглой и прямоугольной форм, основания двух квадратных мавзолеев, сложенных из обожженного кирпича, и кирпичеобжигательная печь. Вал и ров северного квартала разрезаны поперечной траншеей в трех местах, изучена архитектура оборонительных сооружений и конструкция прохода внутрь северного квартала. В южной части памятника на некрополе раскопаны остатки мавзолея и кирпичеобжигательной печи.

Всего на территории городища исследованы четыре мавзолея, две погребальные конструкции из сырцового кирпича, 47 погребений (из них 5 – грунтовые с вещевым инвентарем XIII–XIV вв.), две кирпичеобжигательные печи, три жилища-землянки и следы шести наземных домов, основания которых фиксируются в верхних слоях северного квартала. Вокруг руин городища обнаружена система каналов, арыков, остатки огородов.

В течение пяти полевых сезонов (2001–2005 гг.) в раскопе 4 исследовалась северная периферия городища Бозок. В этой части памятника находилось четыре глубокие впадины, окаймленные глиняными валами, и земляное овальное всхолмление с котлованом внутри (рис. 1). Сооружения располагались на ровной площадке восточного берега озера Бузукты. Высота площадки относительно уреза воды в озере – около 1,5 м. Береговая терраса не выражена, местность имеет слабый наклон в сторону озера. В раскопе площадью 1080 м кв. было вскрыто три жилища земляночного типа, мавзолеев из сырцового кирпича и одиночное захоронение (рис. 2).

Жилища земляночного типа многокамерные, однорядно-гребенчатой планировки. Два жилища (№ 1, 3) расположены в одну линию вдоль береговой кромки озера. Выходы обращены в сторону озера. Третье жилище развернуто перпендикулярно к ним, выходом на север. Расстояние между котлованами домов 4–5 м. Глубина котлованов 1,5 – 1,7 м от уровня древней поверхности. Котлованы жилищ заполнены глиной, верхняя часть стенок обрушена. Контуры помещений фиксируются только в придонной части. Было установлено, что уже при копке землянок строители оставляли межстенные перегородки из материка. Толщина таких стен равнялась 0,8–1,2 м.

Самым большим является жилище № 1. Размеры его: 25,2 x 3,9–4,2 м. Жилище состоит из четырех помещений. Вход расположен примерно посередине юго-западной стенки и упирается в мощную межстенную перегородку, разделяющую жилище на две части. Северную – хозяйствен-

ную и южную, состоящую из трех жилых комнат. Вдоль трех комнат тянется узкий коридор. Полезная площадь помещений с вычетом коридора от 9,2 до 13,4 кв.м. На полу хозяйственного помещения (10 x 3,5 м) было зафиксировано несколько неглубоких ямок, расчищен кусок деревянной плахи. Следов прокала, кострищ, очагов не обнаружено.

Жилище № 2 развернуто перпендикулярно к жилищу № 1. Его размеры: 7,5 x 3,5 м. Оно состоит из двух комнат, перепад уровня пола составляет 0,3 м. Вход пристроен к северному углу. Площадь комнат 9,6–11,6 кв. м, они объединены узким коридором.

Жилище № 3 вытянуто вдоль берега и расположено южнее жилища № 1. Оно состоит из трех помещений, разделенных двумя массивами глиняных стен. Размеры жилища 9,7 x 4–5 м. Вход примыкает к углу среднего помещения, которое, судя по отсутствию очагов, выполняло функции «вестибюля» или хозяйственного отсека. Интересна внутренняя планировка комнат. Южное помещение – самое изолированное, отгорожено от остальной части дома массивом стены-перегородки. Попасть в эту комнату можно только через узкий проход, оставленный в противоположном от входа углу. Проход имеет ширину 0,7 м и ступеньку вниз высотой 15 см. Уровень пола на 10–20 см ниже, чем в остальных помещениях дома. Выборка дна помещения была затруднена обилием костей животных и фрагментами керамики. Пол среднего помещения выше пола соседних комнат.

Одинаковым является интерьер жилищ. Вдоль стен жилых комнат расчищены П-образные суфы высотой 20–40 см, шириной 0,8–1,0 м. Они оставлены в материке. Лишь в южном помещении жилища № 1 суфа была сбита из глины и края ее были обложены обожженным кирпичом. В одном случае на поверхности суфы в жилище № 3 лежали два квадратных кирпича из светлой глины. В жилище № 1 на суфах обнаружены ямки с золой, иногда перекрытые обожженным кирпичом. В стенках выше суф фиксируются небольшие нишки. В жилище № 1 прослежена штукатурка стен комнат черным илистым грунтом толщиной 1–2 см. Раствор для штукатурки приготовлялся из озерного ила, это хорошо видно по мелким раковинам моллюсков.

В жилищах расчищены очаги трех типов: пристенные камины, округлые углубления и печь из обожженных кирпичей. Три пристенных камина открыты в жилище № 2 и один в жилище № 3. Они округлой формы, высотой 0,4 м, полость вдается на 0,3–0,5 м в толщу стены, ширина устья 0,4 м. Устье каминов сложено из квадратных обожженных кирпичей. В массиве южной стенки жилища № 3 расчищен камин со сводчатым верхом. Полость камина утоплена в стене. Глубина его по дну 0,4 м, ширина 0,6 м, высота от пола 0,4 м. Камин составлен из вертикально поставленных плоских кирпичей, укрепленных по бокам кирпичами уложенными плашмя. Камин заполнен золой, угольками и костями животных. Перед устьем камина выгребная ямка глубиной 20 см. Она была заполнена ошлакованными комочками глины и пережженными костями. Рядом с камином расчищены фрагменты обожженных кирпичей.

Кроме пристенных каминов в центре комнат расчищены остатки открытых очагов в виде небольших углублений, заполненных золой, обожженными комочками глины. Рядом скопление мелких костей, рыба чешуя, позвонки. В жилище № 1 в помещении 1 расчищены остатки печи прямоугольной формы, размеры ее по нижнему слою кирпичей – 0,9 x 0,8 м. Печь была сложена из плохо обожженного черного кирпича. Удалось проследить только нижний ярус кладки печи. При кладке печи использовался кирпич стандарта 27 x 27 x 7 см, 26 x 24 x 4 см. Над печью было нагромождение кирпича красного цвета. Видимо, это остатки дымохода, рухнувшего при разрушении жилища. Перед печью был зафиксирован кусок тростниковой циновки.

Входы узкие, тамбурообразные. В жилище № 1 коридор наклонно спускается в виде пандуса. Прослежены ямки с остатками деревянных столбов от дверного проема. Вход в жилище № 3 тянется с юга на север в виде коридора длиной 5 м, шириной 0,7–1,5 м. Южный конец коридора на 2 м выступает за пределы котлована жилища. Вход в продольном разрезе наружной части имеет довольно крутой спуск на дно жилища. На расстояние 2 м высота уклона равна 1,1 м. Входной проем был очень низким и узким. Практически это похоже на отверстие норы. Жилища, судя по капитальности, наличию печи и очагов-каминов, конструкции входов использовались в зимний период.

На полу жилищ обнаружены фрагменты станковой посуды, фрагменты железных котлов, железный нож, свинцовая гирька, фрагмент ручного каменного жернова.

Глубина землянок свидетельствует о том, что высота стен, возведенных выше древней поверхности, была незначительна. При исследовании жилища № 3 были прослежены некоторые детали кладки стен.

Элементы реконструкции. Средняя глубина землянки 1,5 м от уровня древней поверхности. Судя по толщине погребенки, древняя поверхность подрезалась, нивелировалась. На нее выкладывалась чистая глина, возможно, в виде сформованных кирпичей. Нижние линии этих кирпичей прослеживаются в профилях раскопа. Толщина этого слоя 10–20 см, ширина 2,0–2,4 м. Укладка этой полосы нижних кирпичей начиналась в 1,5 м от края котлована землянки. Затем на нее сверху «намазывалась» глина, перемешанная с гумусом и коричневой глиной. Этот слой толщиной в 20 см хорошо виден в северных профилях западной части раскопа. Выше этого слоя фиксируется чистая глина. Возможно, она выкладывалась пахсовыми блоками. В настоящее время толщина ее не больше 10–15 см и она почти не задернована. Именно эта глина сползла в нижнее заполнение землянки и прикрыла стенки. Она практически не отличается от материковой, что затрудняет фиксацию стен жилища. Часть ее упала на внешнюю сторону и, вероятно, ее развал и дает современный рельеф обваловки котлована шириной 6–8 м.

Толщина стены жилища на древней поверхности может быть реконструирована по ширине нижнего ряда кирпичей, выложенных на погребенку. Этот слой имеет ширину 2–2,5 м. Высота стены над древней поверхностью должна быть не менее 1 м. В этом случае общая высота жилого пространства равнялась 2,5 м. Кровля, вероятно, была плоской. Жерди перекрытия могли опираться на внутренние перегородки и, в этом случае, укладывались продольно. Сверху, судя по этнографическим материалам, настилался камыш, возможно, глина и дерн. Стены с наружной стороны имели, вероятно, обваловку из глины.

Как уже указывалось, расстояние между домами 4–5 м. Если учесть, что толщина стены на поверхности была 2–2,5 м, то получается, что дома были пристроены впритык друг к другу и представляли единый массив. Однако есть косвенные факты, свидетельствующие об очередности строительства. По заплыву грунта в заполнение жилища № 1, перекрывающего почти полностью южное помещение, можно предположить, что жилище № 1 было построено раньше, чем жилище № 3. И при разрушении значительная часть грунта северной стенки жилища № 3 упала в южное помещение жилища № 1 и закрыла эту часть соседнего дома.

Строительный материал, интерьер и планировка домов находят аналогии в однорядных домах, распространенных на территории юга Казахстана и в Средней Азии с раннесредневекового по позднесредневековый период. Подобная планировка имеет широкое хронологическое и территориальное распространение.

Датировка жилищ уточняется исследованием сырцового мавзолея, вскрытого рядом с руинами землянок (рис. 2). Внешние размеры сооружения – 7,5 х 4 м, внутренние – 6 х 3 м. Длинными сторонами постройка вытянута по линии СЗ–ЮВ. Мавзолеем сложен из сырцовых кирпичей-блоков, которые укладывались на древнюю поверхность без предварительной подготовки площадки. Кирпичи приготовлены из плохо промешанного раствора. Они двух цветов – черного и желтого. Впрочем, черный цвет смягчен вкраплениями глины, а желтые кирпичи содержат крупные фракции черного ила. Судя по плотности черных кусочков, это обломки сырцовых кирпичей, аналогичных тем, которые использовались при надстройке стен жилищ. Размеры кирпича следующие: 36 х 23 см, 35 х 22 см, 32 х 20 см, 36 х 22 см, 37 х 25 см при толщине от 7,5 до 9,5 см. Кирпичи укладывались на слой раствора около 1,5–2 см толщиной. Сохранившаяся высота стен от 2 до 8 слоев кирпичей, т.е. от 18–20 см до 70 см. Кирпичи в плане уложены в 2–3 ряда, т.е. тычком или продольно (рис. 2), причем ряды черного и желтого кирпича чередовались. Толщина стен – 0,7–0,8 м. Стенки неровные, слегка искривленные. Вход в мавзолей не обнаружен. Видимо, функции входа выполнял небольшой лаз под северо-восточной стеной.

Внутри мавзолея было зафиксировано четыре грунтовые могилы. В трех из них встречены вещи: бронзовое зеркало, железный наконечник стрелы, серебряная монета, которые датируются концом XIII–XIV в. Важно отметить, что развал погребального сооружения перекрывает развал стен жилищ № 1–2. Следовательно, все эти погребения возникли после того как городище было заброшено и лежало в руинах. Это дает основание отнести жилища городища Бозок к X–XII вв., что подтверждается планировкой и интерьером домов, находками станковой керамики.

Необходимо подчеркнуть, что данное место обживалось средневековым населением степной зоны Казахстана и в более позднее время, о чем свидетельствуют постройки мавзолеев из обожженного кирпича, погребения по мусульманскому обряду, перестройка центральной части городища. Появление трех квадратных площадок, обнесенных рвом и валом, может быть отнесено к раннесредневековой эпохе. Таким образом, структурные части городища Бозок возникли в разное время, и функционирование памятника охватывало длительный хронологический период.

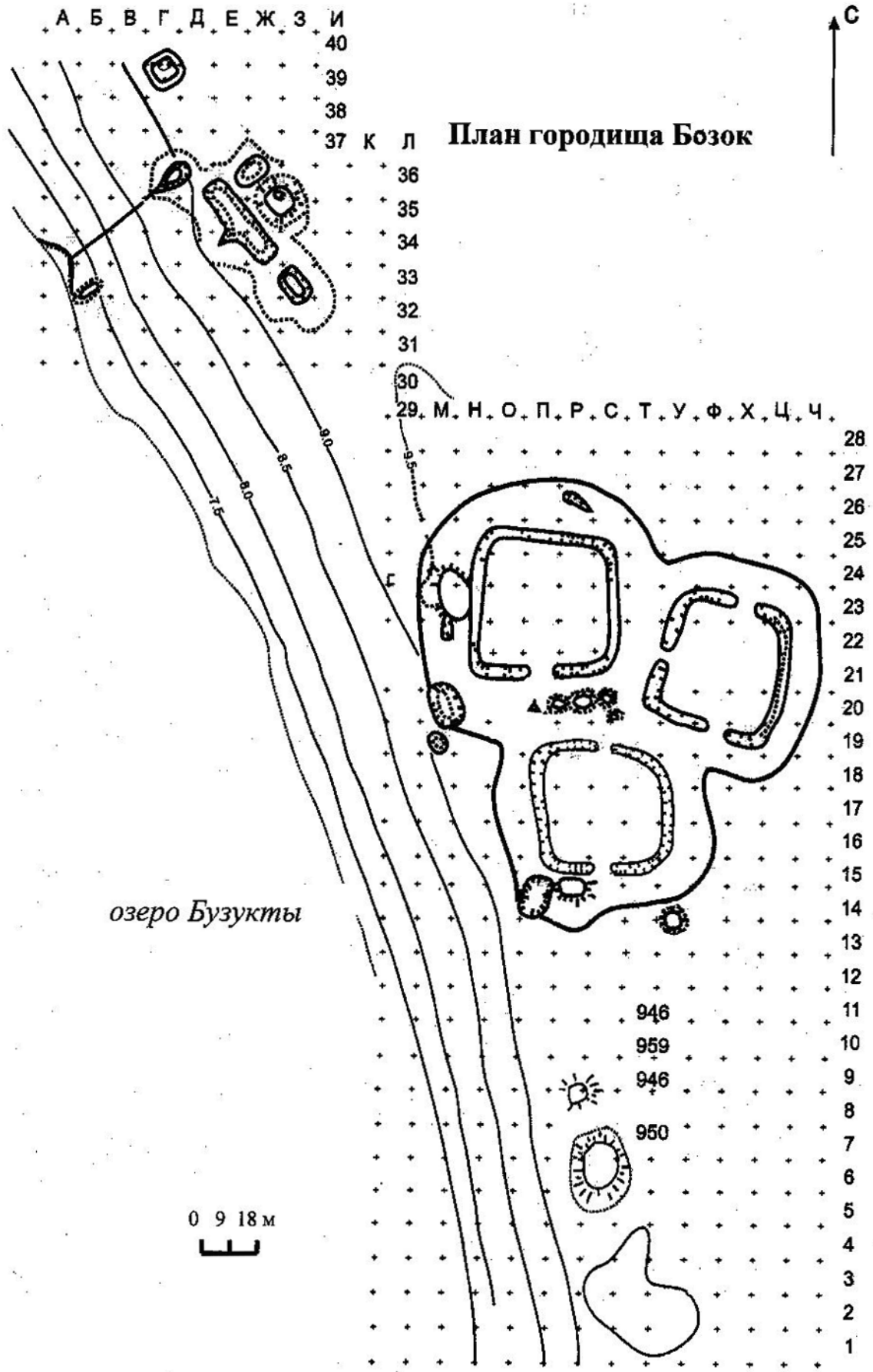

Рис. 1. Топографический план городища Бозок.

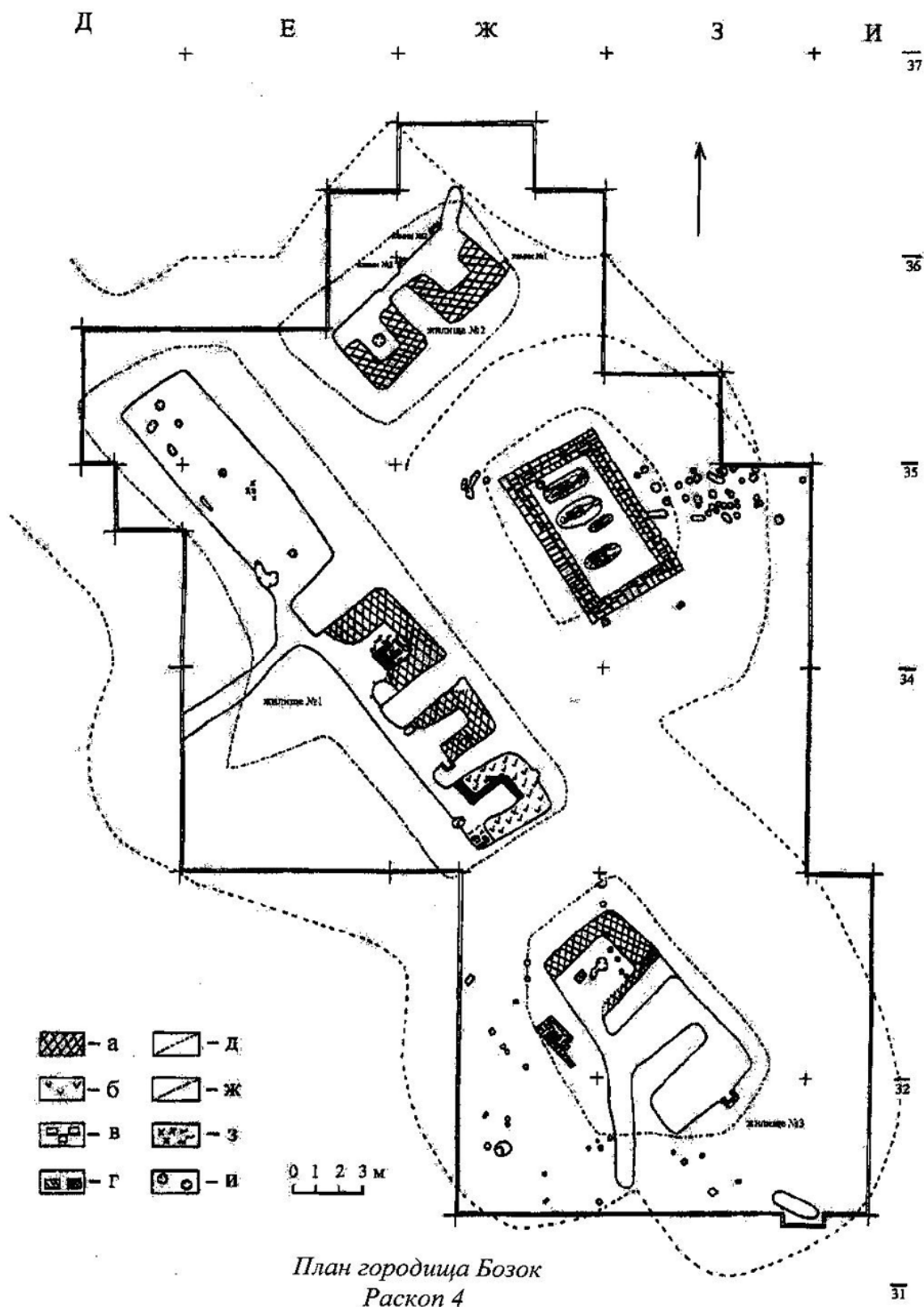

Рис. 2. Городище Бозок. Раскоп 4. Условные обозначения: а – материковые останцы суф; б – глинобитные суфы; в – сырцовые кирпичи; г – обожженные кирпичи; д – контуры развала стен; ж – контуры котлованов землянок; з – зола, уголь; и – ямки, углубления.

Вячеслав Молодин, Александр Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

НОВЫЙ ТИП АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В ходе исследования археологических объектов II–III четверти II тыс. н.э. в предтаежном Обь-Иртышском междуречье, в зоне традиционных контактов северного таежного и южного тюркоязычного кочевого населения, был обнаружен новый, ранее неизвестный тип археологических памятников. Первые объекты такого рода были встречены при исследовании комплекса разновременных некрополей Сопка-2. По внешним признакам они практически не отличались от курганных насыпей средневековой части могильника и представляли собой довольно высокие куполообразные земляные холмы, которые не содержали погребений, но сохраняли в своих насыпях обугленные остатки деревянных четырехугольных срубов, сооруженных на уровне погребенной почвы. Внутри пространства, ограниченного остатками обугленного дерева встречались железные и костяные наконечники стрел, железные ножи, бляхи-лунницы, украшенные зернью, обгоревшие фрагменты орнаментированной деревянной посуды (чашечки, корытца), а также деревянные скульптуры. Последние представлены небольшой фигуркой птицевидного идола (Молодин, 1990) и довольно крупными (до полуметра) антропоморфными изваяниями (Молодин, 1992). В одном из таких объектов был встречен фрагмент нижней челюсти человека. Имели место и иные типы аналогичных по сути сооружений, когда в земляной насыпи наблюдались лишь следы кострища, либо сосуды (так же вверх дном) помещенные в специальной ямке вместе с несколькими предметами. Все эти сооружения органично вписывались в планиграфию более древнего могильника, располагаясь, то по одиночке, то небольшими группами, в межкурганном пространстве. И лишь одно из них встречено над насыпью кургана XIII–XIV вв., содержавшего погребение человека с тучелом лошади (Молодин, Соловьев, 1995). Материалы нескольких сооружений были опубликованы В.И.Молодиным, который обозначил их как культовые сооружения и, связав с обрядовой практикой таежного населения, интерпретировал как следы действий, связанных с избавлением от иттерма – куклы, изображавшей покойного (Молодин, 1990).

Находки, полученные в таких сооружениях, и, прежде всего, керамический комплекс, позволяют связать их с угорским этносом, и даже, учитывая погребальные комплексы, поставить вопрос о выделении особой южно-хантыйской культуры, существовавшей в предтаежных районах Обь-Иртышского междуречья в XIII–XV вв.

Полученная серия сосудов представляют собой круглодонные емкости с венчиком в форме широкого воротничка, украшенные по его срезу и верхней трети изделия орнаментом в виде горизонтальной гребенчатой елочкой или сетки и преимущественно двумя поясками ямок, один из которых расположен под венчиком, а другой на тулове горшка. Обращение к материалам более поздних (XVII–XVIII вв.) могильников угорского круга позволило выявить наличие близкой орнаментальной традиции со стабильным присутствием в декоре двух поясков ямок, которая носит, таким образом, культурно-диагностирующий характер и ретроспективно прослеживается на материалах разновременных памятников II тыс. вплоть до XI–XII вв. (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с.174–175). Это позволяет расширить хронологические границы кыштовской культуры до означенных пределов. Однако при всем бесспорном единстве керамической традиции и непрерывности её развития, памятников типологически и функционально единых с охарактеризованными культовыми комплексами на некрополях XI–XII и XVI–XVII вв. распознано не было.

Дальнейшие поиски привели к исследованию курганного могильника Усть-Изес-1, культурно родственного Сопке-2 и синхронного части его погребальных объектов. Данный некрополь кроме собственно курганов содержал под некоторыми насыпями полностью аналогичные сопкинским деревянные конструкции со следами огня.

Однако, в отличие от Сопки-2, Усть-Изес-1 как памятник сочетал в себе и погребения, и культовые комплексы. Данное обстоятельство позволяет, сравнив объекты обеих памятников, по сложности внутреннего устройства предложить их типологическое членение. К первому типу можно отнести описанные выше сооружения. Вторым является упрощенной их разновидностью с меньшим числом сосудов в основании и более тонкими и легкими стенками. Третий представлен

обугленным берестяным полотнищем, сосудом на нем, угольями от небольших жердочек, использованных для сборки шалашика. Сосуды могли нести на себе следы преднамеренных повреждений, вплоть до отсутствия его половины. Встречаются обугленные кости. Четвертый являл собой насыпь со следами прокала, небольших ямок (или без них) и обожженные фаунистические останки. И, наконец, пятый представлял собой почти пустые насыпи со слабыми следами огня.

Обращает на себя внимание то, что на памятнике Усть-Изес-1 количество культовых мест (пока для удобства сохраним за этими сооружениями такое название) находится в соответствии с числом подкурганых погребений. Можно говорить даже о корреляции (по величине трудовых и материальных затрат) между разными видами погребений и культовых сооружений. Отметим, что количество объектов, относимых к первому, самому сложному их варианту, находится в соответствии с числом погребений со шкурой или чучелом лошади – самыми представительными по инвентарю и полноте совершенных ритуалов. Данные объекты относятся к погребениям местной элиты, заимствовавшей у кочевых тюркоязычных обществ серию социально-значимых, престижных элементов передовой материальной культуры, и оставившей при этом в своем активе традиционные общественно-значимые символы и ритуалы. Совокупность сакральных для лесного населения предметов, уложенных в могилы, на фоне однородного керамического комплекса, тяготеющего к угорскому кругу культур Приобья, заставляет рассматривать материалы данных погребений как комплексы, оставленные аборигенным населением.

Самый простой вариант культовых сооружений может быть связан с детскими погребениями, которые в традиционных обществах западносибирской тайги и Предтаежья совершались по самому упрощенному обряду.

И культовые, и курганные комплексы представляются нам разнесенными во времени звеньями одной обрядовой цепочки – следами ритуалов, проводимых в начальной и завершающей стадиях процесса перевода душ и тела почившего соплеменника в области мифического пространства, с которым связаны последующие их судьбы. На связь «культовых комплексов» с погребальной обрядностью кроме их расположения на территории могильников, могут указывать и перевернутые сосуды, и то обстоятельство, что некоторые из них представлены половинками, имеют отбитый венчик или какие либо другие преднамеренные повреждения. Отметим, что ни в одном известном случае фрагментов отсутствующих частей в комплексах не обнаружено, и это, на наш взгляд, определенно свидетельствует, что к моменту «погребения» вещи были уже повреждены. Важным является и то обстоятельство, что некоторые керамические изделия были помещены в ямки. В верованиях традиционных обществ обских угров, самодийцев Нижнего Приобья и тюрков Южной Сибири иные миры, в которые отправляются покойники, представлялись обратным, перевернутым отражением мира людей (и сломанное здесь становилось целым «там» (Катанов, 1894, с.9–10; Кулемзин, 1984, с.152–153; 1994, с.369) и опускание тела в яму, уходящую вглубь земли, равно как и закапывание предметов, либо, наоборот, водружение их на высоту семантически могут рассматриваться как перемещение, в широком смысле слова, отправление, транспортировка их за границы земного бытия. Обратим внимание и на то, что во всех известных нам в средневековой археологии региона случаях, сосуды, оставленные под курганными насыпями вблизи могил (Малый Чуланкуль-1, Усть-Изес-2, Кыштовка-1), оказываются вверх дном, либо сознательно фрагментированными. Отметим, что аналогичное положение посуды в могильных ямах устойчиво фиксируется на памятниках развитого и позднего средневековья Обь-Иртышского Предтаежья – Садовка-2, Туруновка-2, Кыштовка-1, Кыштовка-2, Бергамак-II, Крючное-6, Абрамово-10 (Молодин, Соболев, Соловьев, 1995, с.117, рис. 96; Соболев, 1978, с.93–94; Молодин, 1979, с.49, табл. XII.3, XVII. 2,3, рис. 1, 3; Корусенко, 2003, с.38, 39, рис.52, 55).

Таким образом, с позиций сказанного, устройство означенных культовых сооружений, включая их последующее уничтожение, указывает на определенную адресацию к потусторонним уровням мироздания. И если упомянутые сосуды и ямки можно трактовать как апелляцию к нижним мирам, куда опускается «могильная» душа, то акт сожжения следует понимать как посыл верхним, светлым сферам, гарантирующим возрождение другой, отправляемой сюда души.

Подобные сооружения могут рассматриваться двояко – как остатки святилищ (с амбарчиком и без оно), посвященных духам-предкам (имевшим, судя по сопкинским материалам «антропо-зооморфную» ипостась), хорошо известным в обско-угорской среде, и как следы захоронения иттерма – изображений покойного, которые по истечении определенного срока оставлялись в лесу, на кладбище, закапывались в землю или сжигались (Молодин, 1990, с.132–135). Трактовка остатков выявленных сооружений с позиций их принадлежности древним святилищам, подобным

традиционным сакральным сооружениям таежного населения, устанавливаемым в особых почитаемых местах, выглядит более уязвимой. Уже потому, что при всем отмечаемом сходстве структурообразующих элементов (деревянные конструкции наподобие домика, птицевидное и антропоморфные изображения, наконечники стрел, украшения и т.д.), можно отметить существенные различия между этими культурными явлениями.

Прежде всего, амбарчики на культовых местах, как правило, занимали высотное положение – они приподнимались над землей и устанавливались на столбах, пнях специально сваленных деревьев и т.д., то есть семантически ориентировались на верхнюю сферу. Далее на известных жертвенных местах никогда не наблюдалась столь высокая концентрация культовых сооружений. Подобные постройки здесь единичны. И, наконец, они не сжигались, а все их обветшавшие деревянные детали постепенно заменялись новыми. Старые же, включая идолов – хозяев культовых мест, изваяния которых менялись по истечении определенного срока (семь лет по наблюдениям Л.Р. Шульца и Б.Н. Городкова), аккуратно удалялись и складывались рядом с амбарчиком или где-нибудь на окраине сакральной площадки. При этом все металлические части и прочие приклады помещались на новые изваяния (Городков, 1913, с.52; Шульц, 1913, с.9). В тех случаях, когда по каким-то причинам святилища оказывались заброшенными, амбарчики падали на землю и постепенно затягивались дерном. Такие культовые места старались не посещать. Они считались принадлежащими духам, здесь запрещалось шуметь, рвать ягоду, собирать дрова, брать воду. Следовало даже остерегаться подъезжать близко (Паллас, 1773, с.80–81). Наоборот, большое число «культовых» сооружений на памятниках Сопка-2 и Усть-Изес-1, да еще расположенных на действующих кладбищах предполагает отнюдь не редкое посещение территории.

Таким образом, предпочтительней оказывается версия о связи остатков рассматриваемых конструкций с типом сооружений, непосредственно связанным с заупокойными обрядами. Следы действий, составляющие структурные элементы данных комплексов, находят параллели с отдельными сюжетами этнографически зафиксированных обрядовых действий и позволяют перекинуть смысловой мостик от последних к археологическим реалиям «культовых мест» Усть-Изеса-1 и Сопки-2.

И действительно, иттерма – куклы изображающие покойных, делались для всех без исключения усопших (речь не идет о самой младшей возрастной группе). Следовательно, число данных изваяний, а равно и циклов особых обрядов расставания с ними, находится в прямом соответствии с количеством погребальных сооружений, в которых пребывала телесная оболочка и душа-тень покойных. По данным С.К. Патканова, прощание с такой фигуркой по истечении установленного срока означало и окончание траура (Чернецов, 1959, с.151). Поэтому такой акт можно считать и концом самой погребальной церемонии. По сведениям В.Н. Чернецова такая кукла есть ни что иное как заместитель тела умершего, в котором временно пребывает его четвертая (реинкарнирующаяся, выступающая в облике птички, ассоциирующаяся с дыханием и переходящая впоследствии в тело новорожденного) душа (Там же, с.137). Неслучайно поэтому и использование в этой церемонии тушек и изображений пернатых (Чернецов, 1959, с.151; Бауло, 2002, с.63), которые выступали спутниками-проводниками этой самой, отлетающей в верхний мир, души. С этих позиций весьма показательно выглядит находка в одном из сопкинских культовых мест обугленного деревянного «птицевидного идола». Отметим еще несколько моментов, которые позволяют связать Усть-Изесские и Сопкинские находки с археологизированными остатками обрядов «провода души». У березовских хантов еще в середине прошлого века кукла по прошествии 40–50 дней (в зависимости от пола умершего) выносилась на окраину селения, где строится небольшой шалашик, перед входом которого и укладывалась убитая утка головой на север. Шалашик вместе с куклой сжигался, а утку варили и съедали. Если человек умер поздней осенью или зимой, то изображение его хранили до весны, пока не прилетят утки. Обряд сжигания куклы проводился непременно при «верховом», т.е. южном ветре (Чернецов, 1959, с.151). Полвека спустя такую куклу – Опт-акань «кукла из волос» – делали на пятый день после смерти мужчины и четвертый – женщины. Осенью, когда улетают птицы, куклу сжигают за деревней при южном ветре (сжигают её и весной, если кто-то умирает зимой). Место, где сжигают акань должно быть сухим. Здесь в ямке, делают балаганчик из веток тальника, поверх кладут бересту. Высота балагана около 20см, длина около 30см. С акань снимают одежду, разбирают ее по частям и складывают всё в кучу под балаганчик, рядом ставят поминальную еду. Затем все поджигают. При этом часть балагана не должна сгореть. Обугленные фрагменты постройки оставляют в ямке, кладут туда же несколько палочек и сверху покрывают берестой (Бауло, 2002, с.62–63).

Фактически перед нами упрощенный сценарий, основных чертах совпадающий со схемой действий, развертывавшихся столетия назад. Совпадают в основном и декорации и, вероятнее всего, драматургия, и сакральный смысл мистерии. Несложно заметить, что сохраняются и основные структурообразующие элементы археологических комплексов: наземное расположение, ямки, антропоморфные изображения, амбарчики, частичное сожжение деревянных построек со всем их содержимым, фактическое погребение остатков сакральных действий в земле. Разумеется, есть и отличия, которые указывают на очевидное упрощение обряда. Можно считать, что этот процесс шел по пути постепенного отказа от менее значимых элементов и трансформации его к реальным возможностям экономической и социальной жизни. Обратим внимание и на то, что на некоторых объектах могильников Усть-Извес-1 и Сопка-2 при наличии прокалов и других остатков, которые могут быть связаны с обрядом проводов души, сосудов не обнаружено. То есть, представляется вероятным допущение, что эти предметы, в отличие, например, от огня, были желательным, но далеко не обязательным элементом ритуала.

Возможен еще один вариант интерпретации сакрального смысла подкурганых «культовых» сооружений. Речь идет о реликтах старинного ритуала, связанного с домашними фетишами, известными по селькупским материалам как «Кедол куллага» или просто «куллага». Это были деревянные антропоморфные изображения, которые получали дети в возрасте примерно одного года, после того как у них начинали появляться зубы. Размеры таких изваяний обычно соответствовали росту годовалого ребенка (которые соответствуют габаритам некоторых деревянных изваяний из культовых комплексов Сопки-2). По устной традиции изображения домашних духов надо было кормить, одевать, каждый год шить им новую одежду. Жизнь человека считалась тесно связанной с его личной куклой, с которой он не расставался всю жизнь, и которая изображала самого этого человека. Женщины после замужества приносили в новую семью свое изображение, мужчина, надолго уезжая из дома, забирал с собой свою куклу. После смерти хозяина его куклы уничтожали – предавали огню или согласно другим сведениям бросали в реку (Пелих, 1980, с.58–59). На Нижнем Васюгане обряд сжигания «Кедол куллага», выглядел следующим образом. Старая женщина, перед тем как сжечь куклу в дальнем конце своего огорода, распускала волосы, потом копала небольшую продолговатую ямку, на дно которой помещала сухие палочки, а на них – куклу, завернутую в бересту. Сверху в виде шалашика устанавливались сухие палки и хворост, а у входа в шалашик укладывалась убитая утка. Затем все это поджигалось. Новых сучьев в костер не подкладывалось. Пепел и угли, после того как костер потух, засыпались песком (там же, с.60).

Нетрудно заметить, насколько похожи между собой внешние проявления обряда сожжения иттерма и куллага. Да это и не удивительно, ибо в том и в другом случае речь идет о высвобождении некой жизненной сущности связанной с конкретным человеком и пребывавшей в деревянном изваянии.

Смысл акта сожжения (сарайчиков, амбарчиков, балаганчиков) видится в особом приеме транспортировки содержимого сооружений и, в первую очередь, реинкарнирующей души покойного (в случае с иттерма), обитавшей в кукле, во внеземные сферы. Сжигали потому, что огонь «не портит вещей», характеризует словами информатора по поводу обрядовой роли пламени В.М.Кулемзин (Кулемзин, 1994, с.377). Обратившись к приведенным выше этнографическим материалам березовских хантов, можно прийти к выводу, что данная процедура имела еще один сакральный, сохраненный устной традицией смысл поминовения усопшего.

Мемориальная составляющая ритуала позволяет усмотреть соответствия между данными постройками и четырехугольными поминальными сооружениями (оградками) древнетюркского времени, которые тоже содержали археологические предметы, в том числе посуду, следы огня и скульптуру человека, о смысле которой до сих пор нет единого мнения. Главным структурно-типологическим отличием «сожженных» мест от древнетюркских поминальников, сакральный смысл которых предполагал уход в вечность существования, а мифоритуальная структура допускала и даже предполагала необходимость повторных посещений и совершение новых ритуалов, является «одноактность» использования деревянных построек на таких местах, кратковременность их существования (только на время совершения обряда), последующее ритуальное уничтожение (можно сказать, что для этого они и строились) и, наконец, финальное «погребение» обугленных остатков – т.е. искусственное сокрытие их под землей, прекращавшее всякую возможность физического контакта с былым обитателем духа. Мифоритуальная же структура оградок, сопоставимая с храмом, позволяет соотносить последние скорее с амбарчиками на жертвенных и священных местах обских ургов, хранившими почитаемые изображения семейных и родовых духов-предков, хозяев территорий.

Историческая перспектива развития таких культовых мест видится в постепенном отделении мест их проведения от некрополей и вероятным последующим превращением некоторой их части в самостоятельные обрядовые объекты, связанные с сакрализацией духов-предков – священных покровителей территории. Для памятников XV–XVI вв. фиксируется резкое сокращение их числа на площади известных могильников. Последнее находится в соответствии с количеством погребений местной элиты. Для всех остальных членов древних коллективов обряды, очевидно, проводились уже в стороне. В XVII–XVIII вв. таких мест на кладбищах не встречается. Судя по данным близких по обрядовому смыслу объектов, происходит дальнейшее упрощение ритуалов и сокращение материальных затрат на их проведение. Находит свое отражение и общая деградация керамического производства, связанная с заменой сломанных сосудов смятыми металлическими (бронзовыми) емкостями, которые, которые обнаруживаются под очень небольшими насыпями, устроенными в стороне от некрополя.

Литература

- Бауло А.В.* Культовая атрибутика березовских хантов. Новосибирск: ИАЭт, 2002. 92 с.
- Городков Б.Н.* Поездка в Салымский край. // ЕТГМ. Тобольск, 1913. Вып. 21. 56 с.
- Корусенко М.А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XVIII вв. Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.
- Кулемзин В.М.* Ханты и манси. // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1994. С.363–379.
- Молодин В.И.* Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 181 с.
- Молодин В.И.* Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С.128–140.
- Молодин В.И.* Деревянные антропоморфные изваяния из культовых комплексов эпохи средневековья (Западная Сибирь) // Северная Азия от древности до средневековья. Тез. Конф. к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Спб., 1992. С.227–229.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.* Экспериментальное исследование культовых сооружений XIII–XIV вв. (по материалами Сопки-2) // Экспериментальная археология: Известия лаборатории экспериментальной археологии Тоб. пединститута. Тобольск: Изд-во Тоб.ГПИ, 1992. Вып.2. С.69–76.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.* Погребение позднеюрского воина в Барабе // Средневековые древности Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С.65–101.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1773. Ч.2. 571 с.
- Пелих Г.И.* Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С.5–70.
- Соболев В.И.* Курганы XIII–XIV вв. у с. Туруновка. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1978. С.91–96.
- Чернецов В.Н.* Представления о душе у обских угров // Тр ИЭ. Нов. сер., 1959. Т.51. С.114–156.
- Шульц Л.Р.* Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // ЕТГМ. Тобольск, 1913. Вып. 21. 19 с.

Михаил Корусенко, Валерий Михалёв

*Омский государственный университет, филиал Института археологии и этнографии
СО РАН, г. Омск*

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЛИКА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЮЖНОТАЕЖНОЙ ЗОНЕ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ (к вопросу о взаимодействии степных и лесостепных элементов)

Вопросы культурного облика раннесредневекового населения в лесном Прииртышье к настоящему времени во многом остаются дискуссионными. Со времени выделения В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской среднеиртышской и потчевашской культур (1953; 1957) был высказан ряд нередко противоположных взглядов на развитие процессов в этом регионе.

В целом можно отметить, что раннесредневековые археологические комплексы в лесостепном и южнотаежном Прииртышье, характеризуются наличием укрепленных городищ с мощным культурным слоем и большим количеством поселений, представляющих собой скопления (от 20 до 40) подпрямоугольных и овальных в плане насыпей. В последние годы М.А. Корусенко исследовал ряд подобных объектов. В своей работе мы уделим им основное внимание.

Поселение Чеплярово 26 (ЧП 26). Памятник открыт И.Е. Скандаковым (1994), который зафиксировал две жилищных насыпи на площади могильника Чеплярово 27. Поселение исследовано полностью. Жилищные насыпи до раскопок представляли собой возвышения размерами 10x12 м и 8 x 10 м, высотой до 0,3–0,5 м. с небольшим понижением в центральной части. С внешней стороны насыпи оконтурены прерывистым ровиком, состоящим из серии вытянутых ям шириной до 1 м, длиной 1,5–2 м, глубиной до 0,8 м. В ходе исследования насыпей выявлено, что постройки представляли собой наземные жилища площадью до 120 кв. м. В центре располагался наземный очаг, зафиксированный в виде линзы спекшейся глины. Столбовые ямки каркаса жилища отсутствовали. В обоих жилищах прослежены выходы, которые были направлены в противоположные друг от друга стороны: в жилище 1 – на СЗ, в жилище 2 – на ЮВ. Находки на поселении немногочисленны и представлены в основном фрагментами керамики (389 фр. от 28–30 сосудов). Сосуды представлены горшковидными и чашевидными формами небольших и средних размеров, с диаметром по венчику 10–16 см и 25–30 см. Орнамент сосудов однотипен, это многорядные горизонтальные желобки в сочетании с оттисками гребенчатого штампа. Под венчиком всех сосудов имеется ряд округлых ямок. В жилище 1 найден небольшой железный наконечник стрелы. Другие находки представлены немногочисленными фрагментами костей животных. По внешнему облику керамики и наконечнику стрелы поселение можно датировать VI–VII вв. н.э.

Поселение Чеплярово 28 (ЧП 28) открыто И.Е. Скандаковым (1994), на поселении выявлено 5 прямоугольных насыпей 4 x 5 м высотой 0,3 м. Поселение расположено на правом берегу р. Тара. Ряд насыпей частично обвалились под берег. Исследованы две насыпи. В результате работ выяснилось, что постройки представляли собой наземные сооружения площадью 20–26 кв. м с выходом на запад (к реке). В центре располагался наземный очаг, зафиксированный в виде линзы прокаленного песка. Столбовые ямки отсутствовали. С внешней стороны жилище оконтурено четырьмя не смыкающимися между собой ровиками. Ширина ровиков 0,4–0,5 м, глубина до 0,35 м, длина до 5 м.

Комплекс находок на поселении незначителен. Керамические материалы представлены 54 фрагментами от 5–7 сосудов. Сосуды горшковидной формы, диаметром по венчику 15–18 см. На двух сосудах орнамент составлял только поясок ямок под венчиком, один сосуд не орнаментирован. На остальных сосудах представлены оттиски гребенчатого штампа и горизонтальные прочерченные желобки. Предварительная датировка поселения VII–VIII вв. н.э.

Поселение Алексеевка XLV (45) открыто М.А. Корусенко в 2000 г. (Корусенко, 2001), исследовано три жилищных насыпи (Корусенко, 2004, 2005).

Исследования показали, что остатки жилищ представляли собой котлованы очень незначительно углубленные в материк (5–7 см). С внешней стороны жилища были оконтурены ровиками. В центральной части жилищ находился очаг, представлявший собой приподнятое над уровнем материка скопление обожженной глины, под которой находился слой прокаленного песка. Других конструктивных особенностей устройства жилища не зафиксировано.

При исследовании поселения был получен керамический материал, представленный не менее чем 38 сосудами горшковидной, чашевидной форм и одним ладьевидным сосудом.

В целом характер орнаментации и ассортимент посуды поселения Алексеевка 45 характерен для памятников усть-ишимской культуры X–XIII вв. Небольшая группа керамики поселения, на которой представлены орнаменты, выполненные оттисками ромбического фигурного штампа, горизонтальными прочерченными желобками более характерна для предшествующей усть-ишиму потчевашской культуры. Датировка памятника определяется находками бронзовых украшений в рамках X–XI вв. н.э.

Жилища, представляющие собой до раскопок приподнятые площадки в Среднем Прииртышье, к настоящему времени исследованы недостаточно. В литературе, где затрагиваются вопросы датировки и культурной принадлежности подобных памятников, предлагалась отнести их к ранним поселениям тарских татар или их возможных предков второй половины II тыс. н.э. (Корусенко, Татауров, 1997, с.92, 97) Позднее было предложено датировать их XIV–XVI вв. и связать с проникновением в Тарское Прииртышье кочевых тюркских групп (Татауров, Тихонов, 2002, с.33). Тем не менее подобные поселения (с подпрямоугольными и округлыми остатками наземных жилых или хозяйственных сооружений) большинством исследователей средневековой проблематики в Сибири интерпретируется как сезонные, связанные с тем или иным хозяйственно-промысловым использованием прилегающих территорий (Адамов, 2000; Бараба в тюркское время, 1988).

Выявленные остатки жилищ довольно единообразны – неглубокий котлован, в центре которого расположен приподнятый очаг, с внешней стороны жилище окружено ровиками. Если высказывать некоторые предположения о форме жилищ, то можно предположить, что это было каркасное жилище с открытым дымоходом. Отсутствие столбовых ямок, возможно, объясняется тем, что они не достигали уровня материка, а крепились грунтом, которым было присыпано жилище по нижнему краю. Эта же присыпка обеспечивала некоторую теплоизоляцию помещения. Как нам представляется, жилища использовались для проживания в относительно теплое время года (весна – лето (?) – осень), на что указывает и относительно небольшие размеры очагов и минимальное количество находок.

Аналогии подобным жилищам в настоящее время немногочисленны, но можно говорить, что такие конструктивные особенности сезонного жилища, как ровики, оконтуривающие постройку, глиняный очаг на приподнятой площадке, применялись уже в потчевашской культуре (VI–IX вв.) и существовали в Прииртышье на протяжении тысячелетия, по меньшей мере, до XVII в (Михалёв 1999, с.41). Данная ситуация свидетельствует о глубокой преемственности культур в Прииртышье на всем протяжении средневековья.

Керамические материалы представляют, на наш взгляд, несколько линий развития, восходящие как к компонентам, принявшим участие в формировании потчевашской культуры, так и к более поздним влияниям традиций степного мира.

Керамика потчевашской культуры представлена разнообразными по орнаментации сосудами, которую можно разделить на четыре группы. Первая группа это горшки, в орнаменте которых преобладают многорядные горизонтальные желобки. Вторая группа – горшки и чаши, в орнаменте которых горизонтальные линии являются разделителями зон оттисков гребенчатого штампа. Третья группа – горшки, в орнаменте которых большую роль играют оттиски фигурного штампа. Четвертая группа – горшки и чаши с лаконичным орнаментом, ограничивающимся рядом ямок. Можно предполагать, что выделенные группы восходят к саргатской (вторая группа) и кулайской (первая и четвертая группы) культурам и проникновению нарымского населения (третья группа), принявшим участие в формировании потчевашской культуры.

Для памятников X–XIII вв. объединенных Б.А. Кониковым в рамках усть-ишимской культуры, угорской в своей основе, характерно хорошо развитое керамическое производство, восходящее к традициям потчевашской культуры, и большое количество пышно орнаментированных сосудов с доминированием оттисков гребенчатого штампа (Конилов, 1993).

К VIII–XII вв. относится появление в Среднем Прииртышье материалов, свидетельствующих о проникновении тюркского населения. Небольшой керамический материал с этих памятников представлен массивными горшковидными сосудами, орнамент которых состоял из одного-двух рядов крупных насечек и ямок под венчиком (Левашева, 1928, с.159–160; Мельников, Яшин, 1988, с.34–35).

Период XIV–XVI вв. в истории южнотаежного и лесостепного Прииртышья характеризуется сложными этнокультурными и политическими процессами. Прекращает свое существование археологическая усть-ишимская культура; территория непосредственно включается в зону формирования новых политических объединений – Тюменского ханства и др., совокупно называемых Сибирским юртом. Многие вопросы исторического развития населения на данной территории еще слабо освещены в литературе. Это касается и процессов развития керамических традиций.

В.А. Могильников, исследовавший Ананьинское городище, дал предварительную характеристику керамическому производству XIV–XVI вв. Среднего Прииртышья. Для него характерны тонкостенные круглодонные сосуды горшковидной формы хорошего обжига, орнаментированные зубчатым штампом, оттисками конца пальца или палочки. Автор публикации обратил внимание на небрежность нанесения орнамента. Отмечая «некоторую связь с посудой предыдущего хронологического этапа», В.А. Могильников связал появление новой керамической традиции в Среднем Прииртышье с появлением татар¹, которые, частично ассимилировав и частично оттеснив местное население, восприняли некоторые элементы культуры, в том числе гребенчатую орнаментацию керамики (Могильников, 1965, с.281). Появление такой керамики на Безымянном городище В.Н. Чернецов отнес к «совершенно иной (по отношению к древнехантыйской), видимо татарской культуре» (Чернецов, 1957, с.219).

С.Ф. Татауров и С.С. Тихонов, проанализировав имеющиеся в их распоряжении материалы и сведения, предложили схему развития керамических традиций в Тарском Прииртышье. По мнению авторов, со второй трети XIII в. в Притарье в связи с притоком тюркских групп складывается новое население (Татауров, Тихонов, 2002, с.124). Пришлое тюркское население, не имевшее собственной керамической посуды, заимствовало ее у местного населения и на этой основе сложилась татарская керамика XVII–XVIII вв. (Татауров, Тихонов, 2002, с. 132–133).

Соглашаясь с тезисом о ведущей роли лесного компонента в генезисе керамических традиций XVII–XVIII вв., хотелось бы отметить следующее обстоятельство. По нашему мнению, в Омском Прииртышье не было кардинальной смены населения, а происходил сложный процесс смешения различных этнических образований, что привело в итоге к сложению современных этнических подразделений сибирских татар. Таким образом, уместно говорить не о заимствовании традиций пришлым населением, а о поступательном развитии культуры местного населения, проявившиеся в керамическом производстве, домостроительных традициях и хозяйственном укладе, восходящие к традициям потчевашской и усть-ишимской культур (Корусенко, Михалёв, 2006, с.255; рис. 1–2, с.253–254).

Хотя вопросам проникновения тюркских групп в лесное Прииртышье посвящено значительное число публикаций, проблема тюркизации этой территории еще далека от своего разрешения во многом из-за слабой исследованности памятников лесостепной и степной зоны. В.А. Могильников отмечал, что с IX–X вв. Прииртышье становится ареной чересполосного проживания и смешения аборигенного южнохантыйского населения усть-ишимской культуры и тюркоязычных (степных) пришельцев (Могильников, 1996, с.32). При этом материалы X–XII вв. уже отражают «политическую гегемонию тюркского этноса» в данном регионе (Могильников, 1997, с.61–62).

По нашему мнению, политическая гегемония вовсе не означает широкую миграцию пришлого населения на территорию, занимаемую аборигенами тайги. Косвенно такую ситуацию характеризуют рассмотренные временные поселения. Комплексному типу хозяйства, сложившемуся в регионе и частично основанному на промыслах в местах, удалённых от основных, стационарных поселений, наиболее оптимально соответствовал описанный тип поселений, состоящих из временных каркасных жилищ, эксплуатировавшихся один сезон, а потом, вероятно забрасывавшихся; следующие жилища сооружались уже рядом, образуя порой причудливые комплексы прямоугольных насыпей, тянувшихся на значительные расстояния.

Литература

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000.

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин и др. Новосибирск, 1988.

Конигов Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. Омск, 1993.

Корусенко М.А. Отчет об археологической разведке участков нижнего и среднего течения р. Тара (Муромцевский район Омской области) летом 2000 г. // Архив МАЭ ОмГУ. 2001. Ф. II. Д. 165-1.

---

¹ Разумеется, В.А. Могильников в предварительном варианте анализа мог оперировать таким термином для описания пришлое население. Но сейчас уже можно точно сказать, что сам термин «татарь», применённый с такой смысловой нагрузкой (пришлое население) не несёт ни какого эвристического содержания, не даёт представления об этом самом пришлое население и т.д.. Термин, однако послужил основой для формирования другого – «татарская керамика», ещё более, по нашему мнению, затемняющего суть явлений, мешающего объективно оценить исторические процессы, протекавшие в регионе в период позднего средневековья.

Корусенко М.А. Отчёт об археологических раскопках поселения Алексеевка XLV летом 2003 г. // Архив МАЭ ОмГУ. 2004. Ф. П. Д. 179-1.

Корусенко М.А. Отчёт об археологических раскопках поселения Алексеевка XLV летом 2004 г. // Архив МАЭ ОмГУ. 2005. Ф. П. Д. 199-1.

Корусенко М.А., Михалёв В.В. К вопросу о влиянии степных традиций на развитие керамического производства в южнотаёжном Прииртышье в IX–XVI веках нашей эры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Красноярск, 2006.

Корусенко М.А., Татауров С.Ф. Планиграфия и ориентация татарских поселений и могильников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Том 2. Культура тарских татар. Омск, 1997.

Левашева В.П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея за 1926–1927 гг. // Известия государственного Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. № 1.

Мельников Б.В., Яшин В.Б. Новые материалы раннесредневекового времени из лесостепного Прииртышья // История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Омск, 1988.

Михалёв В.В. Поселение Бергамак XI // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 1999.

Могильников В.А. Ананьинское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // СА. 1965. № 1.

Могильников В.А. К этническому составу населения Нижней и Средней Тары в XVI–XVII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Часть I. Новосибирск; Омск, 1996.

Могильников В.А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997.

Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре) // МИА. 1953. № 35.

Скандаков И.Е. Отчет о работе Тарской экспедиции Омского государственного педагогического института на правом берегу р. Тары в Муромцевском и Большереченским районах Омской области в 1993 г. // Архив Лаборатории археологических исследований ОмГПУ. 1994. П.-I. 33-1

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тарское Прииртышье в XIV–XVI вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т. 5. Омск, 2002.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири // МИА. 1957. № 58.

Эмма Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Регион Нижнего Поволжья является интереснейшей территорией, которая по своей исторической роли всегда была промежуточной между Востоком и Западом. На протяжении тысячелетий здесь проходили волны кочевников, двигавшихся с Востока на Запад, и происходили активные процессы взаимовлияния различных культур и цивилизаций. Здесь формировались кочевые культуры, осуществлялся их исторический синтез и сосуществование с оседлым населением. Археологическое изучение этой территории является ключевым для изучения многих процессов, происходивших в древности и средневековье на территории Восточной Европы.

Археологические памятники бронзового и железного веков, а также средневековья представлены на этой территории многочисленными курганами. Однако до недавнего времени считалось, что поселения возникают здесь только в золотоордынское время. В классических трудах Г.А. Федорова-Давыдова и В.Л. Егорова неоднократно проводится мысль, что золотоордынские города Нижнего Поволжья возникли на «пустом месте», т.е. в зоне, где в домонгольское время полностью отсутствовала оседлость и вне связи с какой-либо культурной традицией (Федоров-Давыдов, 1994; Егоров, 1985; 2000).

По письменным источникам известно, что Нижнее Поволжье входило в состав Хазарского каганата, и столица каганата Итиль находилась в низовьях Волги. Тем не менее, до последнего времени на территории Астраханской области были найдены только немногочисленные погребения хазарского времени. Гипотеза Л.Н. Гумилева и М.И. Артамонова о том, что Итиль находился на месте Селитренного городища (столица Золотой Орды Сарай) не находила археологического подтверждения (Артамонов, 2002, с.393; Гумилев, 1966, с.24–27). В трудах восточных авторов и русских летописях неоднократно упоминается город Саксин XI–XII вв., который также находился в Нижнем Поволжье (Федоров-Давыдов, 1969, с.253–261). И, наконец, Г. Рубрук описывал город Суммеркент в Нижнем Поволжье, который в XIII в. был захвачен татарами-монголами (Путешествия, 1993, с.164). Только в последнее десятилетие прошлого века в Астраханской области были найдены и начали изучаться поселенческие памятники домонгольского периода. Пересмотр хронологии возникновения оседлых поселений в Нижнем Поволжье играет значительную роль в истории всего Волго-Каспийского региона. Изучение памятников X–XIII вв. может во многом изменить сложившиеся представления об исторической географии Хазарского каганата и возникновении и развитии городов в Золотой Орде.

Наиболее крупным памятником хазарского и домонгольского периодов является городище Самосделка, расположенное в дельте Волги в 40 км от г. Астрахани (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006). Главная часть городища находится на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги, который со всех сторон окружен высохшими протоками. Общая площадь памятника достигает 2 кв. км. Городище было известно еще в XIX в. и считалось остатками поселения золотоордынского времени (Егоров, 1985, с.118). Только в 90-е годы XX в. археологи обратили внимание на большое количество лепной керамики, датированной эпохой раннего средневековья. Начиная с 2000 года экспедиция, организованная Еврейским Университетом в Москве (координаторы проекта И.А. Аржанцева и В.Я. Петрухин, начальник экспедиции Э.Д. Зиливинская) при участии астраханских исследователей Д.В. Васильева и Т.Ю. Гречкиной начала раскопки в островной части городища – на самой высокой ее точке. Глубина культурного слоя здесь превышает 3,0 м. Исследования городища проводятся всего шесть лет, однако, уже сейчас можно многое сказать об облике города и занятиях его населения. В слоях IX–X вв. были найдены остатки круглых в плане юртообразных жилищ с заглубленным полом и стенами, сделанными из жердей, обмазанных глиной. Сходные жилища хазарского времени известны в Биляре, Саркеле и Дунайской Болгарии (Флеров, 1996).

В более позднее время, в XI–XIII вв. дома строились из сырца и обожженного кирпича. Поражает обилие кирпичных построек, принадлежавших явно простым горожанам. Причем кирпич, который использовался для возведения стен и внутренних конструкций, весь вторичного использования. Он различного формата, битый и со следами известкового раствора при том, что кладка

делалась на глиняном растворе. Часто в кладке стен встречаются фигурные «лекальные» кирпичи трапециевидной формы. Такие кирпичи применялись для кладки куполов и сводов. Вероятно, жители города разбирали какие-то монументальные кирпичные постройки более раннего времени и строили из них свои дома. Дома домонгольского времени небольшие, явно рассчитанные на одну индивидуальную семью. Стены в них сложены из обломков кирпичей, полы земляные, часто заглубленные в землю, крыши были покрыты тростником. Вдоль стен в домах делались узкие скамьи – суфы. Отапливались жилища при помощи очагов или тандыров. В некоторых домах от печек отходили горизонтальные дымоходы – каны.

Кроме небольших однокомнатных домов, существовали и другие жилища. Раскопками частично вскрыт многокомнатный дом, в котором было не менее пяти помещений, причем они были построены не одновременно, а постепенно пристраивались друг к другу. К домонгольскому времени относится и большая землянка площадью около 27 кв. м. Стены ее были заглублены в землю более чем на 2 м и облицованы кирпичом. Пол был земляным, а крышу поддерживал центральный столб. Перекрытие крыши также было тростниковым. Землянка существовала очень долго, внутренние конструкции ее неоднократно перестраивались.

Население Самосдельского городища занималось земледелием. В ямах и некоторых сосудах были найдены зерна проса, семечки арбузов и дынь. О наличии садоводства говорит находка косточек персиков, слив, вишен. Развито было и скотоводство. На первом месте стояло разведение мелкого рогатого скота. В меньшем количестве разводили крупный рогатый скот и лошадей. Скотоводство было придомным, так как кочевать в условиях дельты, пересеченной многочисленными протоками было невозможно. Значительное место в рационе жителей города составляла рыба.

Самосдельское городище являлось крупным центром ремесленного производства. Находки железных криц говорят о том, что здесь выплавляли железо. Медные шлаки и мелкие бесформенные выплески меди, свидетельствуют о том, что в городе могли выплавлять и медь. Значительное развитие получило стеклоделие. На городище найдены не только стеклянные украшения – бусы, подвески, перстни, браслеты, но и многочисленные обломки стеклянных сосудов. Это бутылки, флакончики, небольшие кувшинчики с ручкой, стаканы с фигурным тиснением и рюмки на тонких ножках.

Поистине огромного размаха достигло на Самосдельском городище керамическое производство. Керамика поражает обилием форм и способов декора. Вся она делится на две большие группы – гончарную и лепную. Гончарная посуда представлена большим разнообразием столовой, кухонной и тарной. Это кружки, миски, блюда, крышки, кувшины, чаши, котлы, горшки, корчаги. Вся эта керамика красноглиняная хорошего обжига, часто с лощением и ангобом. Абсолютное большинство ее форм находит аналогии в керамике Волжской Болгарии IX–XII вв. (Хлебникова, 1984). Столь значительные масштабы керамического производства позволяют говорить о тесных связях Самосдельского городища с Волжской Булгарией и о наличии значительного болгарского компонента среди населения городища.

Ко второй группе относится грубая лепная керамика из плохо промешанного теста. Это кухонная столовая посуда – горшки, котлы, сковороды, кружки, крышки горшков и тандыров. Украшены сосуды довольно разнообразным орнаментом – ногтевыми и пальцевыми вдавлениями, наколами камышинкой и поллой косточкой, отпечатками зубчатого штампа, свисающими «гирляндами», процарапанными по сырой глине рисунками-граффити. Венчики сосудов украшены защипами, пальцевыми вдавлениями, насечками. Очень разнообразны ручки сосудов – петлевидные ручки горшков, декорированные насечками, имитирующими рога барана, часто встречаются зооморфные ручки, стилизованно изображающие пасущегося барана. Нередко встречаются ступенчатые зооморфные ручки. Кроме этого, керамика зачастую богато декорируется налепами в виде рогов барана. Аналогичная керамика встречается в Приаралье, в Низовьях Сыр-Дарьи, на так называемых «болотных городищах» (Джанкент, Кескен-Куюк-кала, Большая Куюк-кала), открытых Хорезмской экспедицией (Толстов, 1947). Населены они были огузами, которые вели там рыболовецко-скотоводческое хозяйство. В начале IX в. происходит усыхание русел Сыр-Дарьи, и часть жителей «болотных городищ» переселяются в низовья Аму-Дарьи, в так называемую область Кердер и дальше на Устюрт. Как показывают материалы Самосделки, они доходят до низовьев Волги, где их привлекли схожие природно-климатические условия. Таким образом, анализ керамического материала, позволил выделить два основных этноса, населявших Самосдельское городище: это болгары и огузы.

Неизвестно, как назывался город в X в., однако в XII в. многие восточные авторы и русские летописи упоминают город Саксин, расположенный в низовьях Волги. Арабский путешественник андалузского происхождения ал-Гарнати, проживший в Саксине около 20 лет, писал о нем: «Саксин – это город гузов, однако в нем проживают и болгары, у которых здесь есть свой квартал и своя соборная мечеть» (Ал-Гарнати, 2000, с. 98–99). На основании материалов, полученных в результате раскопок Самосдельского городища, можно с достаточной долей вероятности утверждать, что Саксин находился именно здесь, тем более что других крупных городищ домонгольского времени в Нижнем Поволжье не найдено.

Таким образом, хронология существования городища представляется сейчас следующей. Возникновение городища следует отнести IX в. Об этом говорит керамика хазарского времени. Встречается лепная и гончарная керамика, в массе которой выделяется болгарская и аланская. Несколько позже на городище появляются лепные гузские сосуды, аналогии которым можно встретить на выделенных С.П. Толстовым «болотных» городищах гузов в низовьях Сырдарьи, где они датируются VIII – началом IX в. Именно гузы, скорее всего, составили основу населения городища в позднехазарское время. Переселявшихся из Северного Хорезма и с низовий Сырдарьи гузов можно связать с известной по письменным источникам наемной гвардией хазарских царей (ларисиями или арсиями), которые несли службу хазарскому царю и защищали восточную границу государства от набегов печенегов.

После падения каганата, судя по непрерывности стратиграфии городища, жизнь на памятнике продолжается, и в X–XII вв. Самосдельское городище становится одним из центров, где происходит формирование материальной культуры саксинов. Есть довольно веские основания полагать, как пишет Г.А. Федоров-Давыдов со ссылкой на мнения М.И. Артамонова, Ф. Вестберга и Б.Н. Заходера, что Саксин – это часть восстановленного Итиля, последней столицы Хазарии (Федоров-Давыдов, 1969, с.261).

В XIII в. город был захвачен монголами и разрушен. Г. Рубрук упоминает захваченный монголами город Суммеркент в дельте Волги: «При среднем рукаве (Волги) находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда вода разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины» (Путешествия, 1993, с.164). Многие исследователи отождествляют Суммеркент с Саксином (Федоров-Давыдов, 1969, с.261). Ордынское поселение на территории городища небольшое – оно занимает лишь островную часть, вероятно, вследствие подъема уровня воды в Волге. Самые поздние ордынские монеты в островной части городища, относящиеся к началу 30–40 годов XIV в., говорят о том, что в это время здесь жизнь угасла из-за затопления.

Самосдельское городище являлось самым крупным, но не единственным поселенческим памятником домонгольского времени в дельте Волги. Еще одним памятником, синхронным Самосделке является городище Мошаик, расположенное на окраине г. Астрахани. Исследования, проводившиеся здесь в 80-е годы XX в., дали в основном материал золотоордынского времени. Однако большой процент составляет керамика лепная, с неровным костровым обжигом. Подобного рода керамика очень часто встречается на гузских памятниках X в. в Северном Хорезме, большое количество ее обнаружено в Саркеле, в Астраханской области подобные находки известны на Самосдельском городище (Попов, 2004). Также при раскопках 1999 г. на могильнике Мошаика были вскрыты погребения с болгарским инвентарем IX–X вв. и мусульманское погребение, в котором на ступеньке стоял черноглиняный лепной сосуд огузо-печенежского облика. (Васильев, 2001). В настоящее время городище Мошаик и его могильник почти полностью разрушены и продолжают разрушаться.

Памятником домонгольского времени, вероятнее всего, является и грунтовый могильник «Хан-Тюбе», расположенный всего в 20 км от Самосдельского городища. А.В. Шевченко, рассмотрев некоторые особенности краниологических характеристик серии черепов из погребений этого могильника, обратил внимание на несхожесть показателей этих черепов, относившихся, по мнению автора раскопок Е.В.Шнайштейн, к XIV в., с показателями половецких черепов (Шевченко, 1980, с.139). Зато прослеживалось сходство с черепами из захоронений на Зливкинском могильнике и особенно – на могильнике хазарского Саркела (Шевченко, 1980, с.159). На основании этого А.В. Шевченко предлагает датировать могильник более ранним временем и предполагает, что антропологические характеристики и некоторые черты погребального обряда, отличающиеся от типично золотоордынских и мусульманских, сохранились с хазарских времен у населения города Саксин, остатки которого должны располагаться где-то неподалеку (Шевченко, 1980, с.167).

Погребения домонгольского времени встречаются и в могильнике «Маячный бугор» недалеко от райцентра Красный Яр, на северо-восточной границе дельты Волги. Большая часть средневековых погребений в этом могильнике датируется XIII–XIV вв., однако встречаются погребения домонгольского времени, которые можно отнести к IX–XI вв. (Котеньков, 2001).

Вполне вероятно, что в домонгольское время возникло Чертово городище, также расположенное в дельте Волги недалеко от Самосдельского городища. Оно расположено на высоком Бэровском бугре и имеет развитую систему фортификации. С трех сторон бугор окружен пересохшими в настоящее время ериками, а с четвертой отчетливо прослеживается вал городища. Один из склонов бугра, возможно, эскарпирован. Такая структура совершенно не характерна для золотоордынских памятников. Исследования на Чертовом городище почти не проводились. Последний период его существования относится к XIV в., о чем свидетельствуют монеты и золотоордынская керамика, однако среди подъемного материала присутствует значительный процент керамики, подобной самосдельской. Тем не менее, без проведения раскопок на этом памятнике достоверно судить о его датировке невозможно.

Таким образом, наличие ряда поселений хазарского и домонгольского периода кардинально меняет сложившийся взгляд на историческую географию Нижневолжского региона. Вполне вероятно, что к приходу монголов здесь существовала область Саксин, центром которой был одноименный город, расположенный на месте Самосдельского городища. Население области состояло из саксинов, четко отделяемых русскими летописями от половцев (Федоров-Давыдов, 1969, с.260). Культура этого народа, до сих пор не выделенная в археологических исследованиях, была сформирована на основе булгарской и огузской материальных культур, существовавших здесь еще с хазарского времени. Конечно, в домонгольский период Нижнее Поволжье не являлось зоной сплошной оседлости, как в золотоордынское время, тем не менее, было бы неверным говорить о полном отсутствии каких-либо культурных традиций на этой территории. Нисколько не отвергая тезис о том, что золотордынские города Нижнего Поволжья были построены мастерами из завоеванных стран, следует иметь в виду, что на их сложение могло оказать влияние, пусть и не столь значительное, местное оседлое население. Так, например, на ряде памятников XIV в., расположенных на юге Астраханской области (Ахтубинское, Хаджи-Тархан, Тумак-Тюбе, Шареный бугор), выделяется группа жилищ, несколько отличающихся по своему облику от традиционных золотоордынских домов, известных по раскопкам Селитренного и Царевского городищ, а также других памятников. Эти дома имеют заглубленный пол и легкие фахверковые стены. В интерьере их присутствуют прямоугольные суфы, пристроенные к одной стене или идущие по всему периметру помещения «кольцевые» суфы. Отопительная система представлена неразвитыми, часто одноканальными каналами и большим количеством открытых очагов различной формы. Все эти черты сближают их с жилищами Самосдельского городища XII–XIII вв. Однако, так как исследования памятников домонгольского периода в Нижнем Поволжье находятся в самом начале пути, вопрос о преемственности культурных традиций населения Нижнего Поволжья требует дальнейшего изучения.

Примерно в 1250 г. на Нижней Волге появляется город Сарай, ставший столицей Золотой Орды. Впервые он упоминается Г. Рубруком, посетившим его в 1254 г. (Путешествия, 1957, с.185). После этого вдоль всего течения Волги и Ахтубы возникают многочисленные города и поселения, и Нижнее Поволжье становится сплошной зоной оседлости. Остатками Сарая традиционно считается Селитренное городище, расположенное на левом берегу р. Ахтубы у с. Селитренное Харабалинского района. На Селитренном городище в течение более 30 лет вела работы Поволжская археологическая экспедиция под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Этот памятник исследован значительно полнее многих других: общая площадь раскопок здесь достигает 30000 кв. м. Тем не менее, культурные слои, относящиеся к XIII в., не были найдены. Долгое время считалось, что наиболее древняя часть городища застроена с. Селитренным. В последние годы на территории села ведутся активные раскопки под руководством Е.М. Пигарева, однако и там никаких объектов, относящихся к XIII в., не обнаружено. Кроме того, среди нумизматической коллекции, происходящей с Селитренного городища и насчитывающей несколько тысяч монет, всего 3 монеты относятся к XIII в. (Рудаков, 2000, табл. II). По нумизматическому материалу, время существования городища определяется от времени правления Узбека до XV в. Наибольшее количество монет конца XIII – начала XIV в. происходит с Красноярского городища и связанного с ним грунтового могильника Маячный бугор. Это обстоятельство позволило А.В. Пачкалову высказать предположение о том, что с первой столицей Золотой Орды нужно связывать именно Красноярское городище (Пачкалов, 2002). Это предположение кажется вполне вероятным, если

обратиться к материалам могильника Маячный бугор, относящемуся к Красноярскому городищу. Здесь найдена серия погребений, датированных по монетам концом XIII – началом XIV в. и отличавшихся «неполовецкими» и немусульманскими чертами. Это южная или восточная ориентировка, наличие одежды и обуви на погребенных, а также богатого погребального инвентаря, среди которого преобладают украшения и бытовые предметы. Оружие и сбруя в погребениях почти полностью отсутствуют. Особый интерес представляют два богатых женских погребения. Одно из них принадлежало пожилой (старше 90 лет) монголоидной женщине, которая была одета поверх шелкового нижнего белья в три парчовых халата, шапочку и кожаные сапоги с парчовой отделкой. Погребенная была положена на подстилку и подушку. Она лежала в деревянном гробу, на крышке которого был вырезан дракон, обрамленный растительным орнаментом. Крышка гроба была выкрашена красной, зеленой и синей красками. Вместе с погребенной была положена деревянная миска, выкрашенная в малиновый цвет, двусторонний деревянный гребень, серебряное зеркало, две золотые серьги, золотая шпилька и серебряная монета предположительно чеканки Сарая конца XIII в. (Орфинская и др., 2006). В другом погребении, также женском, были найдены два парчовых халата, бокка, кожаные сапоги и сумочка-амулетница (Лантратова и др., 2002). В голенище сапога погребенной были найдены две костяные палочки для еды с завершениями в виде головок соколов, соединенные медной цепочкой. Остатки одежды, обуви, головных уборов (бокк), украшения, амулетницы, зеркала, деревянная посуда и др. были найдены и в других погребениях (Артемьев, 1991; 1995; Котеньков, 1992; 1993; 1994). Также в некоторых погребениях встречались семена культурных растений, таких как арбузы, дыни, виноград, грецкие орехи и просо, что свидетельствует о том, что могильник принадлежал оседлому населению.

Могильник «Маячный бугор» конца XIII – начала XIV в., несомненно, является некрополем аристократии, вероятно, выходцев из Дальнего Востока. Но, скорее всего, это не сами монголы, так как сопровождающий их инвентарь никак не связан ни с военным делом, ни с всадничеством. В свете этого предположение о том, что первой столицей Золотой Орды являлось Красноярское городище, кажется вполне вероятным. Однако для проверки этого предположения необходимо провести раскопки на этом памятнике, от которого сохранился небольшой участок. Желательно было бы также продолжить исследование могильника «Маячный бугор».

Не совсем ясна ситуация и с затуханием жизни на золотоордынских городищах. Хорошо известно, что окончательный распад Золотой Орды произошел в 30-х годах XV в., однако как на Селитренном городище, так и на большинстве других золотоордынских памятников Нижнего Поволжья слоев XV в. не найдено. К XV в., вероятно, следует относить многочисленные некрополи, возникшие на месте жилых кварталов Селитренного городища, но они пока не поддаются точной датировке. Возможно, слой XV в. есть на Ахтубинском городище, расположенном у поселка Комсомольский. В.В.Плахов в 1990-е годы проводил здесь широкомасштабные раскопки, в результате которых были исследованы два больших мавзолея, «дворцы» и другие крупные постройки, однако результаты этих раскопок до сих пор не опубликованы (Плахов, 1987; 1988; 1989; 1990; 1991; 1992; 1993; 1994). Интересным памятником XV в. является Каменный бугор, расположенный в 5 км к востоку от с. Селитренного. Здесь найдено 4 клада серебряных монет и большое количество монет одиночного залегания, относящихся к XV в. Монеты были собраны и опубликованы В.П.Лебедевым и В.Б.Клоковым (Лебедев, Клоков, 2001). В 2002 г. В.Г.Рудаковым здесь были проведены разведочные работы (Рудаков, 2004, с.162–163). Были обнаружены следы грабительских раскопок, произведенных скрепером. При зачистке скреперного хода выявлены остатки жилищ из сырцового кирпича с канами и суфами. Следовательно, вполне вероятно, что на Каменном бугре находится поселение XV в., которое также требует дальнейшего изучения. До сих пор считалось, что здесь расположен некрополь.

Таким образом, в настоящее время в изучении поселенческих памятников Нижнего Поволжья наметился ряд проблем. К ним относятся, дальнейшее изучение и выявление памятников домонгольского периода, исследование памятников раннего периода Золотой Орды, т.е. XIII – начала XIV в., а также периода ее угасания, т.е. XV в. Разрешение этих проблем напрямую связано с состоянием археологической деятельности в Астраханской области. В настоящее время здесь относительно стабильно работают всего две экспедиции – на Селитренном и Самосдельском городищах. Исследования на других памятниках ведутся в небольших объемах, эпизодически и связаны исключительно с охранными работами на новостройках, которых в Астраханской области немного. Проекты, регулярно подаваемые в различные фонды, пока не находят поддержки. Также прискорбным является тот факт, что большая часть результатов раскопок, проведенных в

80-е и 90-е гг. XX в., не опубликована. Учитывая важность этого региона в качестве контактной зоны между Востоком и Западом, а также одного из центров Хазарского каганата и центра Золотой Орды – двух крупнейших империй средневековья, государств, оказавших влияние на сложение многих народов и культур России, такая ситуация представляется не совсем нормальной.

Литература

- Ал-Гарнати* о гузах, печенегах, хазарах и булгарах // Из глубины столетий. Казань, 2000.
- Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2002.
- Артемьев С.Б.* Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике Маячный бугор в Красноярском районе Астраханской области в 1991 г. // Архив ИА РАН Р-1, №№ 16111, 16112.
- Артемьев С.Б.* Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике Маячный бугор в Красноярском районе Астраханской области в 1995 г. // Архив ИА РАН Р-1, №№ 19395, 19396.
- Васильев Д.В.* Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всерос. научно-практич. конф. Астрахань, 2001.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в Низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т. 3.
- Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. М., 1966.
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Егоров В.Л.* Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. – общее и особенное // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю.* Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // РА. 2006. № 4.
- Котеньков С.А.* Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике Маячный бугор в Красноярском районе Астраханской области в 1992 г. // Архив ИА РАН Р-1, №№ 17655, 17656.
- Котеньков С.А.* Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике Маячный бугор в Красноярском районе Астраханской области в 1993 г. // Архив ИА РАН Р-1, №№ 18395, 18396.
- Котеньков С.А.* Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике Маячный бугор в Красноярском районе Астраханской области в 1994 г. // Архив ИА РАН Р-1, №№ 18983, 118984.
- Котеньков С.А.* Погребение конца IX – XI вв. у села Красный Яр в Астраханской области // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всерос. научно-практич. конф. Астрахань, 2001.
- Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л.* Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного Исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. М., 2002.
- Лебедев В.П., Клоков В.Б.* Монеты с юго-восточных окраин Сарая // ТА. Казань, 2001.
- Орфинская О.В., Голиков В.П., Лантратова О.Б., Рудаков В.Г.* Исследование нескольких деталей женского костюма из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный бугор // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. М., 2006.
- Пачкалов А.В.* О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археология та етнологія східної Європи: матеріали і дослідження. Одеса, 2002. Том 3.
- Попов П.В.* К вопросу о датировке городища Мошаик // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тез докл. I Международ. Нижневолжской конф. Волгоград, 2004.
- Плахов В.В.* Отчет о раскопках мавзолея XIV в. и могильника у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1987 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №№ 12519, 12519а.
- Плахов В.В.* Отчет об археологических раскопках у пос. Комсомольский астраханской области в 1988 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №№ 14329, 14330.
- Плахов В.В.* отчет о раскопках культового комплекса XIII в. в Астраханской области в 1989 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №№ 14194, 14195.
- Плахов В.В.* Отчет о раскопках участка городища, расположенного в Красноярском районе Астраханской области в 1990 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 15762.
- Плахов В.В.* Отчет о раскопках участка городища XIII–XIV вв., расположенного в Красноярском районе Астраханской области в 1991 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 16333.

Плахов В.В. Отчет о раскопках участка городища XIII–XIV вв., расположенного в Красноярском районе Астраханской области в 1992 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 17959.

Плахов В.В. Отчет о раскопках участка городища XIII–XIV вв., расположенного в Красноярском районе Астраханской области в 1993 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 17885.

Плахов В.В. Отчет о раскопках участка городища XIII–XIV вв., расположенного в Красноярском районе Астраханской области в 1994 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №№ 18688, 18689.

Путешествия в Восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957.

Рудаков В.Г. К вопросу о двух столицах Золотой Орды и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000.

Рудаков В.Г. Каменный бугор и бугор «Татарское кладбище» к востоку от Селитренного городища (предварительные итоги археологических разведок 2002–2004 гг.) // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. Казань, 2004.

Толстов С.П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII–XIV вв. // МИА. 1969. № 169.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (по краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980.

Юрий Зеленец

Институт археологии РАН, г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Чингисхан выделил улус своего старшего сына Джучи в 1224 году, но завоевание тех земель, которые составили его основную часть, начались только в 1236 году. После завершения в 1241 году завоевательных походов Бату хана в Восточной и Центральной Европе идет формирование основ государства, которое получило в исторической литературе последующего времени наиболее распространенное название Золотая Орда. Вместе с формированием данного государства идет процесс сложения его государственной культуры, которая достигла наивысшего расцвета в первой половине XIV в.

Как и во всех восточных деспотиях, государство в Золотой Орде оказывало влияние на формирование общих основ материальной культуры, что в первой половине XIV в. привело к созданию культурного комплекса, который мы называем золотоордынский. Хотя, нужно учитывать, что в Хорезме, Болгарах, мордовских землях, на Северном Кавказе золотоордынская культура наслонилась на местную культуру, ряд компонентов которой органически вошел в нее, получив дальнейшее развитие. Своеобразие же золотоордынской культуры заключалось в сосуществовании в рамках единого государства разноэтничных культурных массивов и в сосуществовании культуры оседлого населения с культурой кочевого населения (Федоров-Давыдов, 1960, с.5).

Кочевое население Золотой Орды было основным населением государства, как по численности, так и по его значению в общественной жизни. В начальный же период существования государства, т.е. во второй половине XIII в. господство кочевой формы хозяйства и кочевнической культуры было практически единственным, так как оседлые формы жизни в центральных районах Золотой Орды только начинают зарождаться, а интеграция культуры оседлых народов ее окраин в общегосударственную культуру также находится на начальной стадии.

Это вполне объяснимо с точки зрения исторических условий существовавших во второй половине XIII в. в Поволжье и других регионах, вошедших в состав Золотой Орды. Во-первых, к этому времени здесь сложились идеальные условия для ведения кочевого хозяйства, что подтверждают и письменные источники XIII–XIV вв., и исследования палеоэкологов нашего времени. Так, Джузджани писал, что, «когда Туши (Джучи. – Ю.З.) старший сын Чингис-хана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» (Сборник, 1941, с.14). Палеоэкологи также называют этот период временем средневекового климатического оптимума (Рысков, Демкин, Николаев, Олейник, Якумин, 2006, с.55).

Поэтому во второй половине XIII в. в степях Нижнего Поволжья и других степных регионах сохраняется и хозяйственный уклад и культура, во многом характерная для предшествующего периода. Иногда у археологов, раскапывающих средневековые курганы кочевников вызывает удивление тот факт, что погребальные обряды, свойственные домонгольскому времени, коррелируются с находками золотоордынских монет. Но ничего странного в этом нет, т.к. коренной смены населения в степях Восточной Европы в середине XIII в. не произошло и его уничтожение во время монгольского нашествия относится к одному из широко бытующих исторических мифов, который легко опровергается и письменными, и археологическими данными.

Можно с полной уверенностью говорить, что основой культуры Золотой Орды второй половины XIII в. являлась культура кочевых кыпчаков с включением в нее культурных инноваций, привнесенных участвовавшими в походе Бату хана восточными тюрками и в меньшей мере монголами, например головной убор – бокка (Мыськов, 1995). А процесс вливания в культуру государства культур оседлых народов – волжских болгар, хорезмийцев, населения Крыма и Кавказа, русских, мордвы только начался.

Постепенному формированию единой государственной культуры послужило и то, что имперским центром стал город Болгар, где первоначально золотоордынские ханы находились, по крайней мере, в зимнее время. Подтверждением этому факту является начало в Болгаре монетной чеканки (Федоров-Давыдов, 2003, с.10–11). Мощная домонгольская болгарская культура наложила свой отпечаток на первоначальное развитие золотоордынской культуры. Некоторые исследова-

тели, например, А.П. Смирнов, считали, что золотоордынская культура напрямую выходит из материальной культуры волжских булгар (Смирнов, 1948, с.15).

Позднее начинается процесс формирования оседлого населения и его культуры и в той части Ордынской империи, которой было суждено стать ее центром, т.е. в Нижнем Поволжье, где до прихода Бату кроме Суммеркента-Саксина городов или других оседлых поселений не было. Первоначально здесь возникает один город – Сарай в 1254 году (Зеленец, 2005, с.165–166). Возможно, что Сарай сравнительно долго не становился официальной ставкой хана Золотой Орды. По крайней мере, чеканка монеты в Сарае началась только с 1270-х гг. (Федоров-Давыдов, 2003, с.13). Оформление монет имеет сходство с монетами Болгара времени Менгу-Тимура, а потом с монетами Хорезма, что, возможно, говорит о том, что начальная сарайская чеканка монеты осуществлялась болгарскими, а затем хорезмскими мастерами (Федоров-Давыдов, 2003, с.13).

Вначале, что характерно для монгольской традиции, город представлял собой скопление юрт и кибиток, т.е. являлся по существу крупным станом кочевников. Именно поэтому, несмотря на довольно большой объем археологических работ на крупнейших городищах Нижнего Поволжья, слои XIII в. обнаружены не были и перспектива их выявления здесь очень невелика (выделено мной. – Ю.З.).

Впоследствии на месте юрт знати стали создаваться свободно стоящие в степи усадьбы с многокомнатными домами, построенными в основном из сырцового кирпича. Вблизи от усадеб начинает формироваться торгово-ремесленная часть города. Именно такую планировку Г.А. Федоров-Давыдов вслед за С.П. Киселевым называл усадебно-квартальной планировкой золотоордынского города (Федоров-Давыдов, 1994, с.63). Наиболее наглядно она прослеживается по рельефу Царевского городища (Сарай ал-Джедид) (рис. 4).

Торгово-ремесленные кварталы в Сарае, как, впрочем, и в других нижневолжских городах Золотой Орды стали складываться не ранее начала XIV века, что вполне обоснованно показано Е.П. Мыськовым на материалах раскопок Водянского городища. При этом он считает, что основу населения первоначального Водянского городища (Бельджамена) составляли русские (Мыськов, 2003, с.2).

В порядке предположения можно высказать мнение о том, что возникающие в начале XIV в. торгово-ремесленные части нижневолжских городов Золотой Орды были заселены, кроме русских, также волжскими булгарами и выходцами из Крыма, других западных районов Золотой Орды, откуда население выводилось во время борьбы Токты с Ногаем.

Но откуда же берется в целом восточный, мусульманский облик культуры этих городов, известный нам по археологическим раскопкам. Решая эту проблему, нужно обратить внимание на направление военных походов ханов Золотой Орды в первой половине XIV в., т.е. в период быстрого роста их торгово-ремесленных кварталов, да и вообще расцвета городской жизни.

Следуя монгольской традиции, при победе над противником ханы Золотой Орды захватывали тех пленных, которых можно было бы использовать в хозяйстве страны. В первой половине XIV в. это было население, выведенное из захваченных районов Закавказья и Северного Ирана во время войн с хулагидами. Период же первой половины XIV в. был временем постоянных и зачастую успешных войн с ними.

Как сообщает Ибн Дукмак, в 1319–1320 гг. войско Узбека дошло до Куры (Золотая Орда, 2003, с.152–153). В «Истории Вассафа» начало этой войны относится к 1318–1319 гг. (Золотая Орда, 2003, с.269–270). Начавшаяся этим походом война не прекращалась, по словам Ибн Халдуна, вплоть до смерти Узбека в 1342 г. При этом основными объектами действий золотоордынских войск были Муган и Хорасан (Золотая Орда, 2003, с.174). При преемнике Узбека Джанибеке война против хулагидов продолжалась и к 1357 году, по сообщению Ибн Халдуна, он овладел Адзербайджаном и Хорасаном (Золотая Орда, 2003, с.174–175). Война сопровождалась пленением части населения на захваченных территориях, например, в Ширване, о чем упоминается в «Истории Шейха Увейса» (Золотая Орда, 2003, с.284).

Возможно, что некоторый приток населения был и из Средней Азии, куда был совершен поход ордынского войска в самом конце правления Узбека – во второй половине 1341 – начале 1342 г. (Золотая Орда, 2003, с.117).

Население, выведенное из Закавказья и Северного Ирана, начиная с 20-х годов XIV в., становится основой жителей в торгово-ремесленных частях золотоордынских городов Нижнего Поволжья. С этим фактором нужно связать и появление монетной чеканки с явным иранизмом «Гюлистан», которая появляется с 1350-х годов. (Федоров-Давыдов, 2003, с.15, 29). Особенно

большое количество монет с чеканом этого города происходит с Царевского городища и относится к 1360-м годам (Зеленец, 1995). Г.А. Федоров-Давыдов считает, что появление изображений льва, солнца, двуглавого орла на золотоордынских монетах также связано с хулагуидскими заимствованиями (Федоров-Давыдов, 2003, с.32).

Касаясь планировки золотоордынских городов, Г.А. Федоров-Давыдов пишет о том, что торгово-ремесленные части золотоордынских городов состояли из кварталов-усадеб. Он также считает, что в этих городах отсутствовала центральная улица (Федоров-Давыдов, 1960, с.10), хотя кварталы-усадыбы и разделялись улицами, вдоль которых очень часто проходили арыки. На перекрестках улиц иногда прослеживаются площади с прудом-хаусом. Нужно учитывать, что понятия кварталы-усадыбы и усадебно-квартальная планировка золотоордынского города различны по своему содержанию, о чем писалось выше.

На всех золотоордынских памятниках найдены кирпичные дома, сложенные из кирпичей, имеющих размер приблизительно 22 x 22 x 5 см, с выложенным кирпичом полом и с системой подпольного отопления типа китайских канов с лежанками, которые канами и обогревались. Дома украшались изразцами. В помещении встречаются умывальники типа среднеазиатской тошны, вделанные в пол (Федоров-Давыдов, 1960, с.4).

Встречаются и другие типы жилищ, например, землянки. Есть некоторые основания говорить о том, что землянки, как правило, предшествовали устройству наземных жилищ в торгово-ремесленных частях золотоордынских городов.

Важной составляющей городской жизни в Золотой Орде было наличие развитого ремесла. Причем развитие ремесла связано с государственной политикой, которую осуществляла ханская администрация. К мероприятиям такого рода относятся, в первую очередь, массовые переселения ремесленников из завоеванных областей в города Улуса Джучи.

В первой половине XIV в. сформировалось местное золотоордынское керамическое производство, что позволяет говорить о таком объекте материальной культуры Золотой Орды, как золотоордынская керамика (Курочкина, 2006б, с.125). Правда, нужно отметить, что, несмотря на выделение ее как единого комплекса материальной культуры, в нем, в свою очередь, выделяются местные керамические школы: в Сарае ал-Махрусе, Азаке, Маджаре (Волков, 1992, с.9–10), Сарай ал-Джедиде (Курочкина, 2006б, с.126). То есть в каждом городе существовала местная керамическая школа, которая производила стандартный для всего государства видовой ассортимент красноглиняных изделий, различающихся определенным набором признаков.

С.А. Курочкина считает, что в городах Золотой Орды выделяются две группы мастерских, выпускающих массовую керамическую продукцию. Первая группа мастерских выпускала амфоровидные кувшины, хумы, хумчи, корчаги, одноручные тарные кувшины, афтоба, горшки, миски, тазы, тагора (ямы), туваки (рис. 1). Производство подобных изделий существовало во многих золотоордынских городах: в Сарай ал-Махрусе, Сарай ал-Джедиде, Старом Орхее, Костештах, Азаке, в Закавказье, в Волжской Булгарии. Вероятно, что происхождение данной группы керамики связано с развитием неизвестных пока традиций, хотя некоторые формы сосудов встречаются в дозолотоордынский период в керамике Крыма и Закавказья (афтоба), в салтово-маяцкой культуре (корчаги), Волжской Булгарии (горшки), Средней Азии (туваки) (Курочкина, 2006 а, с.14).

Мастерские, выпускавшие вторую группу местной керамики, стояли на более высоком уровне развития, и ассортимент их был несколько иным. Для неполивной керамики, выпускавшейся этой группой мастерских, характерны кувшинчики, чаши, чаши-пиалы, лампы-светильники, лампы-подсвечники, копилки и крышки (рис. 2). Но основную часть ассортимента этой группы мастерских составляет поливная керамика, которая представлена кувшинами, афтоба, альбарелло, чашами, мисками, лампами-светильниками, лампами-подсвечниками (рис. 3). Большое влияние на сложение этой группы оказало керамическое производство Закавказья, Ирана, Византии, Причерноморья, Крыма, Средней Азии (Курочкина, 2006 а, с.15).

Производство керамики велось крупными мастерскими, которые известны практически во всех городах Золотой Орды. Наиболее развитыми представляются керамические мастерские, раскопанные на Селитренном городище (Сарай ал-Махруса). Во второй половине 60-х – начале 80-х годов XX в. здесь был раскопан производственный комплекс, который Г.А. Федоров-Давыдов считал возможным сравнивать с крупными мастерскими, основанными на рабском труде типа иранских «кархана» (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с.239). В этом комплексе производилась и поливная и массовая неполивная посуда. В 2005 году на юго-восточной окраине городища была вскрыта часть мастерской по производству массовой красноглиняной неполивной керамики.

Такие мастерские, вероятно, обслуживали продукцией население городов, в том числе и поливной высококачественной посудой социальную верхушку государства. Возможно, что к организации таких мастерских имела отношение ханская власть (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с.239).

Мастерские нестоличных городов производили массовую неполивную красноглиняную посуду, обеспечивая этой продукцией население близлежащей округи. Несмотря на определенную специфику керамического производства провинциальных центров, тем не менее, общие принципы производства характерны для всей золотоордынской керамики. В качестве примера можно привести раскопанные керамические мастерские Наровчатского городища (Мохши) (Алихова, 1969; Зеленец, 1989).

Кроме керамических мастерских известны мастерские по обработке цветных металлов. Раскопаны производственные помещения с плавильными печами, известен инструментарий мастеров (Байрамова, Зеленец, 2000).

В результате деятельности ханской власти появляются и негородские поселения оседлого населения. Правда, к настоящему времени археологические останки золотоордынских городов и поселения негородского типа не имеют четких научных критериев различия.

Причин этому несколько. Все поселения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье или не имеют укреплений, или их укрепления не представляют собой значительных фортификационных сооружений присущих средневековому городу. Неясна и суть основных занятий населения небольших по размеру поселений. По крайней мере, на современном этапе изучения относить их к сельским поселениям по типу хозяйственных занятий населения затруднительно. Более того, большинство изученных малых поселений в Нижнем Поволжье имеют определенные черты торгово-ремесленного направления деятельности их населения. Скорее всего, небольшие поселения Нижнего Поволжья с красноглиняной керамикой также как и торгово-ремесленные кварталы больших городов Золотой Орды начинают формироваться с 20-х годов XIV в.

Таким образом, очевидно, что материальная культура Золотой Орды явление надэтническое и связанное с функционированием государства и его политикой. Спецификой золотоордынской материальной культуры является многокомпонентность ее формирования и сохраняющиеся различия в культуре оседлого и кочевого населения, что вполне закономерно. Различия между культурами города и сельской местности сохраняются и в современном обществе, но это не говорит об отсутствии единства между культурами сельской и городской, например, России нашего времени.

В настоящее время под термином золотоордынская культура понимается, в первую очередь, культура золотоордынских городов, но не нужно забывать, что эта культура сложилась в государстве, в котором подавляющая часть населения являлась кочевниками. Тем не менее, городская культура стала оказывать, в силу ряда причин, влияние на всю культуру государства, а зачастую и олицетворять собою культуру Золотой Орды.

Оседлая материальная культура Золотой Орды формируется в нижневожских городах с начала XIV в., достигает своего расцвета в первой половине этого столетия и с 60-х годов XIV в. приходит в упадок, а к концу XIV в. фактически угасает. В первой четверти XV в. прежние городские центры Золотой Орды в Нижнем Поволжье окончательно утрачивают свое значение, что подтверждается и прекращением в это время здесь денежного обращения (Федоров-Давыдов, 2003, с.55).

Для второй половины XIII в. можно говорить о том, что главным вектором в развитии материальной культуры государства Золотая Орда было развитие кочевнических элементов культуры с местной кыпчакской основой. В начале XIV в. начинается формирование золотоордынской оседлой культуры с преобладанием в ней элементов культуры местного поволжского домонгольского населения. С 20-х годов XIV в. происходит вливание культурных новаций мусульманского оседлого населения Закавказья и Ирана, а также, возможно, Средней Азии, что приводит к окончательному оформлению того культурного комплекса, который мы называем золотоордынской материальной культурой.

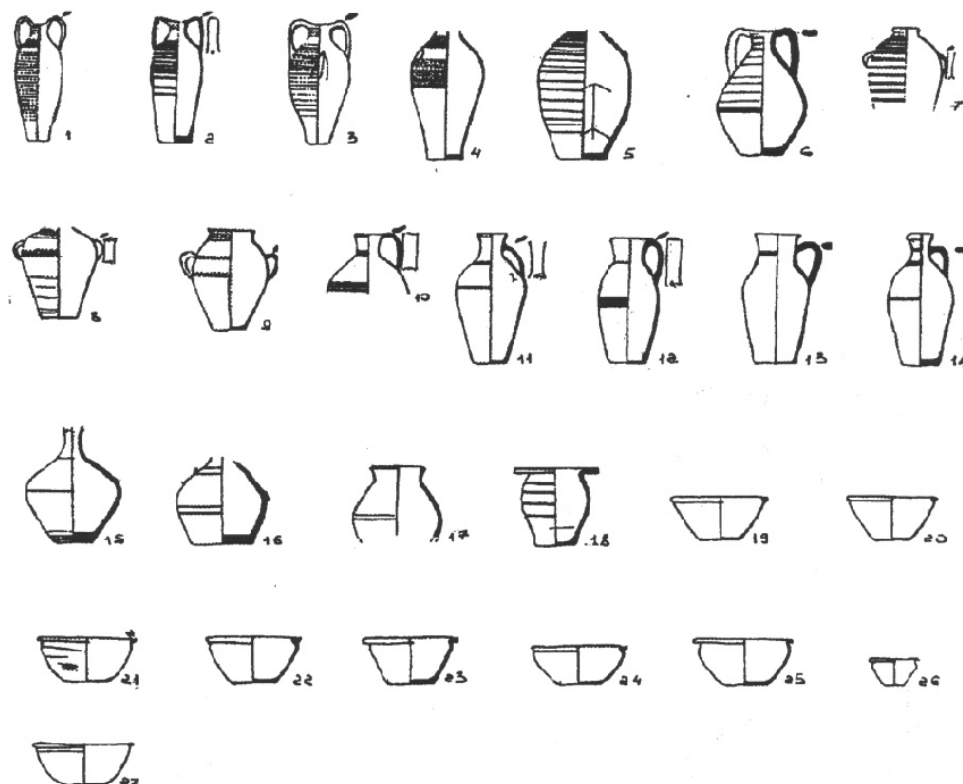
Конечно, этот процесс не был таким прямолинейным. Нужно отметить, что в разных регионах общегосударственная культура Золотой Орды наслаивалась на местные культуры, что приводило к складыванию локальных региональных культур внутри общезолотоордынской культуры. Наиболее выделяется региональная культура Хорезма. Возможно, что это связано с той мощной культурной основой, которая сохранилась здесь с домонгольских времен. Хорезм вообще, видимо, имел довольно много автономии, что подтверждается и другими фактами, например, сохра-

нявшимся на протяжении всего золотоордынского периода своеобразием хорезмского монетного чекана (Федоров-Давыдов, 2003, с.15).

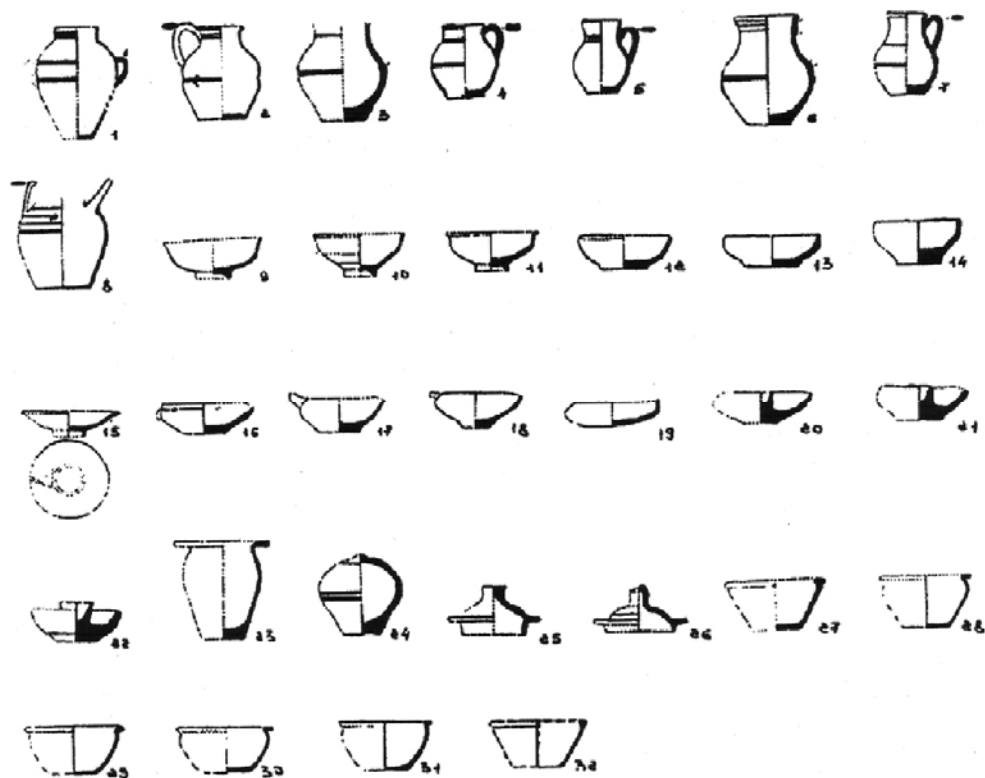
Литература

- Алихова А.Е.* Гончарные горны города Мохши-Наручадь // КСИА. 1969. Вып. 120.
- Байрамова Г.С., Зеленец Ю.А.* Мастерская медника города Сарай ал-Джедид // Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработки цветных металлов у народов Поволжья в средние века. Тез. науч. конф. Йошкар-Ола, 2000.
- Волков И.В.* Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Зеленец Ю.А.* Отчет об археологических исследованиях в Наровчатском р-не в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13631.
- Зеленец Ю.А.* Отчет о раскопках Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19213.
- Зеленец Ю.А.* Этнокультурные традиции золотоордынского города // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань, 2005.
- Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские источники. М., 2003.
- Курочкина С.А.* Керамика города Сарай ал-Джедид (своеобразие керамического производства). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2006а.
- Курочкина С.А.* Керамика города Сарай ал-Джедид (своеобразие керамического производства). Дисс. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2006б.
- Мыськов Е.П.* О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. 1995. № 2.
- Мыськов Е.П.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище, могильниках Жирновск 3, Недоступов и кургане у села Линево в Дубовском и Жирновском районах Волгоградской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23798.
- Рысков Я.Г., Демкин В.А., Николаев В.И., Олейник С.А., Якумин П.* О возможности идентификации «антропогенной аридизации» ландшафтов в прошлом по изотопным данным // Стабильные изотопы в палеоэкологических исследованиях. М., 2006.
- Сборник материалов*, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М., 1941.
- Смирнов А.П.* К вопросу о происхождении татар Поволжья // Происхождение казанских татар. Казань, 1948.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Отчёт об археологических работах на Царевском городище (Сарае Берке) // Архив ИА РАН. Р-1. № 2123.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М.* Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.

Рис. 1. Видовой ассортимент I местной группы (неполивная керамика): 1–6 – Амфоровидные кувшины; 7–8 – Хумчи; 9 – Корчага; 10–11 – Одноручные тарные кувшины; 12–15 – Кувшины; 16 – Афтоба; 17 – Горшки; 18 – Туваки; 19–20, 22–26 – Миски; 21 – Тагора (ямы); 27 – Тазы.

Рис. 2. Видовой ассортимент II местной группы (неполивная керамика): без ангоба, без лощения: 1 – корчаги; 2 – кувшины; 3–7 – кувшинчики; 8 – афтоба; 9, 11 – чаши; 12–14 – чаши-пиалы; 15 – тарелка; 16–19 – лампы-светильники; 20–21 – лампы-подсвечники; 23 – туваки; 24 – копилки; 25–26 – крышки; 27–32 – миски; с ангобом: 10 – чаши; 22 – лампы-подсвечники.

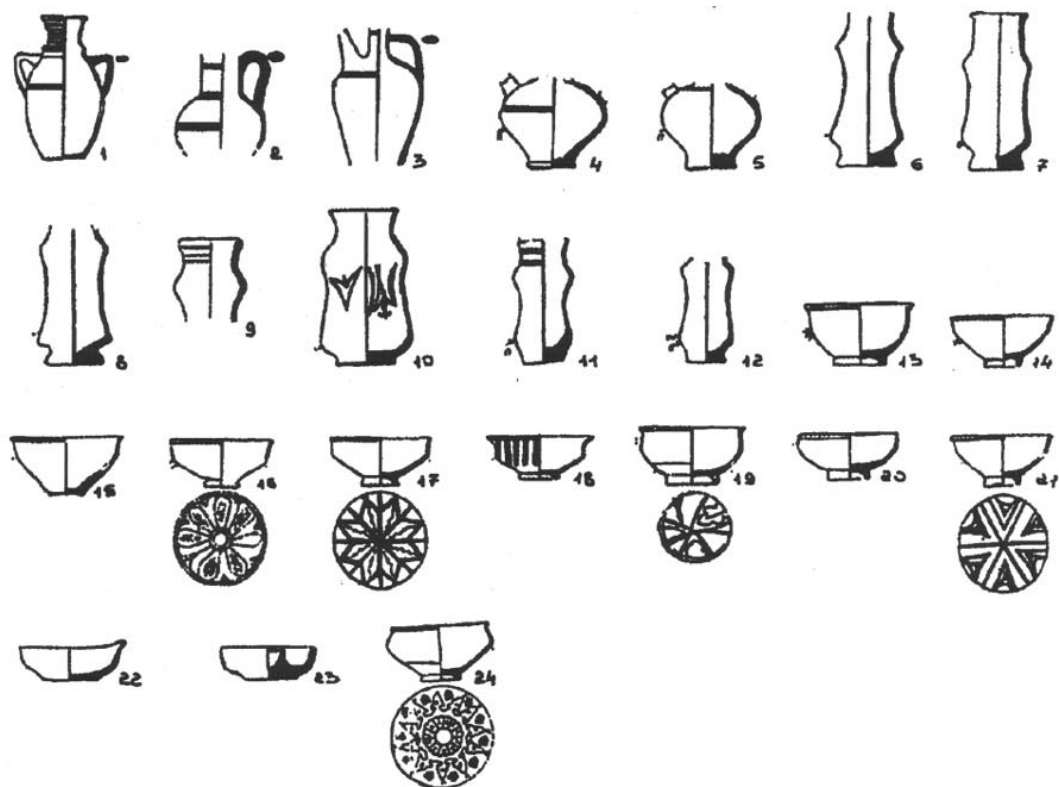

Рис. 3. Видовой ассортимент II местной группы (поливная керамика): 1–2 – кувшины; 3–5 – афтоба; 6–12 – альбарелло; 13–21 – чаши; 22 – лампы-светильники; 23 – лампы-подсвечники; 24 – миски.

Рис. 4. Царевское городище (по Г.А. Федорову-Давыдову).

Леонард Недашковский

Казанский государственный университет, г. Казань

ЦАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ПОСЕЛЕНИЯ ЕГО ПЕРИФЕРИИ¹

В данной статье кратко характеризуются материалы Царевского городища и поселений его окружи. Если при описании поселенческих памятников не сообщается о раскопках или объектах на них, это означает, что детальные обследования этих поселений не производились.

1. Царевское городище. Расположено на западной окраине села Царев Ленинского района Волгоградской области в пойме Ахтубы. Площадь памятника в пределах укрепленной части – 160 га, с учетом неукрепленной части – более 400 га. Исследовалось раскопками А.В. Терещенко в 1843–1851 гг., Ф.В. Баллодом в 1922 г., ПАЭ в 1959–1968, 1971 и 1973 гг., Ю.А. Зеленевым в 1994–1998 гг., Е.П. Мыськовым в 1999 и 2001 гг., В.Г. Блохиным и А.Н. Дьяченко в 2000–2001 гг. (прил. 1). Укрепления городища, возведенные в 60-е гг. XIV в., имеют подовальную в плане форму; культурный слой распространен и на значительной площади за пределами укрепленной части памятника. На городище прослеживаются улицы, отдельные усадьбы и арыки; исследовалась система искусственных бассейнов. На памятнике были исследованы наземные и углубленные в землю жилища (фиксировались также следы юрт), монументальные здания и различные ремесленные мастерские (зафиксированы косторезное, гончарное, железоделательное, стеклодельное, бронзолитейное и ювелирное производства). В развалинах домов иногда встречались человеческие скелеты, в том числе с застрявшими в них железными наконечниками стрел – это говорит о катастрофической гибели городища. Мощность культурного слоя составляет 20–120 см. Материал представлен разнообразными поливной (в том числе китайским фарфором) и неполивной (в том числе древнерусской посудой и трапезундскими амфорами) керамикой, архитектурным декором, многочисленными изделиями из стекла (в числе них – ближневосточные), металла (имеются, в частности, железные сошники, мотыги, кетмени, оковки лопат, серпы), кости (прил. 2). Нумизматические материалы (в числе единичных находок с памятника наряду с многочисленными джучидскими пулами и дирхемами имеются хулагуидские и джелаиридские серебряные и медные монеты, серебряная монета делийского султана Гийас ад-дина Тоглука 722 г.х., чагатаидская серебряная монета хана Буян Кули 75? г.х., медная монета Тимура и монета Бейрута XII в.) датируются серединой XIII – концом XIV в. Имеются и более поздние нумизматические находки XVII–XVIII вв.: золотая монета Османидов 1012 г.х. и медная монета Шахин-Гирея. К опубликованным сводкам монетных находок с памятника (прил. 3) и публикациям материалов исследований ПАЭ можно добавить, что в 1994–1995 и 2001 гг. при раскопках были найдены дирхем (Джанибек: Гюлистан 752 г.х.) и пулы (Джанибек: Сарай ал-Джедид 1340-е гг. – 11, 752 г.х. – 9, 1350-е гг. – 22; Барджин 753 г.х. – 2; Хызр: Сарай ал-Джедид 762 г.х. – 4; Гюлистан 762 г.х. – 1; анонимные монеты периода междоусобицы: Сарай ал-Джедид 760 г.х. – 1; Гюлистан 764 г.х. – 1, 766 г.х. – 4; хан?: Сарай год? – 1; Сарай ал-Джедид год? – 1); археографической экспедицией КГУ в 1985 г. на памятнике были подобраны еще 3 джучидских пула: Узбек: Сарай 731 г.х. – 1; Джанибек: Сарай ал-Джедид 1350-е гг. – 1; Хызр: Гюлистан 762 г.х. – 1 (сообщение А.И. Ногманова). С Царевского городища известен и клад серебряных «ладьевидных» слитков – соммов. На территории городища исследовались могильники.

2. Водяное городище. Располагается в 2 км к северу от поселка Дубовка Дубовского района Волгоградской области на правом берегу Волги. Памятник занимает мыс площадью около 50 га, ограниченный с востока Волгой, с запада и севера – Водяной балкой, заполненной водой, с юга – оврагом, а также валом и рвом. Водяное городище исследовалось раскопками членами СУАК в 1888 и 1914 гг., разведками А.А. Спицыным в 1893 г., Ф.В. Баллодом в 1921 г., Г.А. Федоровым-Давыдовым в 1963 г., И.А. Закировой в 1983 г. Активные раскопки памятника связаны с работами ПАЭ 1967–1974 гг., А.Г. Мухамадиева 1988–1990 гг. и Е.П. Мыськова 1992–2002 гг. (прил. 4). На городище исследованы наземные и заглубленные в землю жилища, большая каменная мечеть второй половины XIV в. с минаретом (в качестве подставки для Корана в этой

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1053.2005.6.

мечети использовалась часть мраморной колонны византийского времени), квартальная мечеть (с процарапанными и нанесенными тушью на штукатурке рисунками и надписями на арабской графике; среди рисунков есть изображение мечети с двумя минаретами), общественные бани и три мавзолея; зафиксированы следы гончарного (горн для обжига керамики) и бронзолитейного производств, черной металлообработки. Постройки Водянского городища позволяют реконструировать кварталы и улицы города. На памятнике имелись русские поселки – в северо-восточной (в первой трети XIV в.) и юго-восточной (в 40-е – 60-е гг. XIV в.) частях городища. Мощностной культурного слоя памятника составляет 20–150 см. Известны находки золотоордынской неполивной гончарной керамики, красноглиняной поливной и кашинной посуды, сероглиняной штампованной, древнерусской и мордовской керамики, фрагментов изразцов, стеклянных и керамических шлаков, литейных форм, разнообразные индивидуальные находки (обнаружены, в частности, железная мотыга, фрагменты оконных стекол, стеклянные сосуды с эмалевыми росписями, бусы, бронзовый «ильтахан», рыболовные крючки и грузила); имеются также материалы эпохи бронзы и хазарского времени, античные, византийские и китайская монеты. Нумизматические находки золотоордынского времени представлены пулами и дирхемами конца XIII – 90-х гг. XIV в., а также медными монетами императора Трапезундской империи Михаила III (1341–1349), династии Джелаиридов? (Музаффаридов?) и Тимура². На юго-восточной окраине городища исследован христианский некрополь, а в северо-западной его части – мусульманский.

3. Винновка. У теперешнего поселка Винновка г. Волгограда на правом берегу Волги были зафиксированы следы построек из квадратного кирпича, найдены «конический золотоордынский сосуд» (Баллод, 1923. С.16, 34–35, 130, рис.2; Волков, 2000. С.120, 133; Егоров, 1985. С.111; Ильина, Шишкин, 1929. С.6; Федоров-Давыдов, 1994. С.34; Fedorov-Davydov, 1984. P.25; Fyodorov-Davydov, 1984. P.26) и монетный клад.

4. Мечетное городище. Располагается на правом берегу Волги напротив истока Ахтубы на мысу между двумя оврагами у поселка Спартановка г. Волгограда. К настоящему времени памятник, имевший площадь около 65 га, полностью застроен. Мечетное городище исследовалось раскопками А.А.Ширинским-Шихматовым в 1914 г., Ф.В.Баллодом в 1920 г., Е.П.Мыськовым в 1986 г. (прил. 5). Мощностной культурного слоя городища достигает 30 см. На памятнике были исследованы наземные дома (с печами, канами и суфами), фиксировались остатки крупных монументальных зданий. Материал представлен неполивной золотоордынской (с орнаментацией в виде оттисков гребенчатого штампа, многорядной волны, фестонов, горизонтальных линий, а также сероглиняной штампованной керамикой) и древнерусской посудой, а также поливной (в том числе причерноморской в технике сграффито) керамикой, фрагментами мозаик, разнообразными индивидуальными находками (в их числе керамическое напрясло из стенки сосуда, бронзовые пуговицы, серьги в форме вопросительного знака, щиток перстня и фрагменты зеркал, золотые и серебряные предметы, железные «бронзобойный» наконечник стрелы и калачевидное кресало, стеклянные круглые плосковыпуклые вставки перстней, фрагмент перстня и бусины). Нумизматические материалы датируются последней третью XIII в. – 1380-ми гг. В центральной части памятника располагался могильник; к западу от городища на водоразделе имелись курганная группа и грунтовый могильник.

5. Остров Денежный. Располагается на р. Волга к югу от Мечетного городища (№ 4). Ф.В. Баллод упоминает о наличии на острове «по всей видимости» золотоордынского поселения, базируясь на многочисленных находках монет и древностей (Баллод, 1923. С.16, 18, 20, 130, рис.2; Федоров-Давыдов, 1994. С.34).

² При сборах 1911–1913 гг. и археологических исследованиях 1988, 1992–1995, 1997–2002 гг. на памятнике были найдены следующие джучидские монеты: серебро: анонимные: Булгар 1280-е – 1290-е гг.-1; Узбек: Сарай 717 г.х.-2, 722 г.х.-1; Сарай ал-Махруса 722 г.х.-1; медь: анонимные (последней трети XIII – начала XIV в.): Крым год?-1; Узбек: Сарай 721 г.х.-8, 726 г.х.-15, 731 г.х.-7, год?-1; Сарай ал-Махруса 731 г.х.-2; Мохша 722 г.х.-1; город? 1330-е гг. (со львом и солнцем)-12, год?-3; Джанибек: Сарай ал-Джедид 743 г.х.-1, 1340-е гг. (с двуглавым орлом)-23, 752 г.х.-16, 753 г.х.-1, 1350-е гг. (с цветком)-16 (3 – с надчеканкой конца XIV в.); Барджин 753 г.х.-1; Хызр: Сарай ал-Джедид 762 г.х.-2; Гюлистан 762 г.х.-1; город? год?-19; Абдуллах: город? год?-1; анонимные монеты периода междоусобицы: Сарай ал-Джедид 761 г.х.-1; Гюлистан 764 г.х.-5 (1 – с надчеканкой в виде полумесяца); хан?: Сарай ал-Джедид год?-2; город? год?-7 (с надчеканками конца XIV в.); Токтамыш: Сарай ал-Джедид 795 г.х.-1, год?-2; Сарай 785? г.х.-1 (с надчеканкой конца XIV в.), год?-2; Орда(?) год?-1; город? 791 г.х.-1, год?-1; анонимная: Хаджи-Тархан 799 г.х.-1 (с надчеканкой).

6. Верхнее и Нижнее Погромное. В районе этих сел Средне-Ахтубинского района Волгоградской области на левом берегу Волги располагалось поселение, на котором было найдено много джучидских монет (Баллод, 1923. С.16, 18, 130, рис.2; Волков, 2000. С.120, 126, 133–134; Егоров, 1985. С.111; Ильина, Шишкин, 1929. С.5; Федоров-Давыдов, 1963. С.187–188, № 353; Федоров-Давыдов, 1994. С.36; Fedorov-Davydov, 1984. P.26).

7. Поселение у истока Ахтубы. Упоминается Ф.В.Баллодом (Баллод, 1923. С.16, 18, 130, рис. 2; Егоров, 1985. С.111; Федоров-Давыдов, 1994. С.36).

8. Верхне-Ахтубинское (Безродное). У этого села, ныне застроенного г. Волжским Волгоградской области, располагалось золотоордынское поселение, на котором отмечались находки джучидских монет 1280–1365 гг., в том числе дирхемов Узбека 1317 г. и Джанибека 1352 г. (Баллод, 1923. С.16, 18, 97–98, рис. 2; Волков, 2000. С.120, 126, 133–134; Егоров, 1985. С.111; Ильина, Шишкин, 1929. С.5; Федоров-Давыдов, 1963. С.187, № 350; Fyodorov-Davydov, 1984. P.27).

9. Заяр. В районе этого хутора Средне-Ахтубинского района Волгоградской области располагались остатки золотоордынских зданий, «кирпичного завода» и искусственный водоем (Ильина, Шишкин, 1929. С.10).

10. Заплавное. У села в Средне-Ахтубинском районе Волгоградской области зафиксировано поселение золотоордынского времени (Баллод, 1923. С.16, 18, рис.2; Волков, 2000. С.120, 126, 133; Егоров, 1985. С.111; Fyodorov-Davydov, 1984. P.27).

11. Бахтияровка. В 2 км к западу от поселка Бахтияровка Ленинского района Волгоградской области на надпойменной террасе Ахтубы недалеко от курганных групп Бахтияровка I–III располагается селище размерами 400 x 100 м (Федоров-Давыдов, 1966. Л.75; Федоров-Давыдов, 1967. С.123; Fyodorov-Davydov, 1984. P.27). Подъемный материал представлен фрагментами керамики и кирпича (в том числе ошлакованными).

12. Колобовка. Располагается на территории от северо-западной окраины этого села до пространства между селами Колобовка и Зубовка Ленинского района Волгоградской области (прил. 6). Селище исследовалось А.В. Терещенко в 1843 г., А.А. Спицыным в 1893 г., Г.А. Федоровым-Давыдовым в 1966 г., В.И. Мамонтовым в 1973 г., В.Г. Блохиным в 1998 г., И.В. Сергацковым в 1999 г. и В.В. Дворниченко в 2000 г. (раскоп площадью 60 кв. м.). На поселении фиксировались 10 усадеб, остатки кирпичных и саманных зданий, а также водоемов, были вскрыты тандыр и 5 ям. Мощность культурного слоя составляет 20–50 см. С памятника, размеры которого весьма значительны (не менее чем 700 x 800 м), а площадь достигает 50 га, известны находки неполивной и поливной (кашинной и красноглиняной) керамики, мозаик и майолик (которые, возможно, производились на месте), шлаков, фрагментов стеклянных сосудов и оконных стекол, чугунных котлов, серебряного и 2 золотых сосудов, украшений, медных крестов, изделий из металла и кости, мраморных досок с изображением крестов, а также золотого навершия шапки-орбелге. Есть многочисленные находки джучидских монет: дирхемов и пулов 1340–1395 гг.

13. Зубовка. Между этой бывшей деревней и хутором Стасовым Ленинского района Волгоградской области располагались остатки 13 золотоордынских зданий, водоемов и гончарного горна (Ильина, Шишкин, 1929. С.10; Клоков, Лебедев, 2004. С.76, 78–94, 99–107, 116–118; Федоров-Давыдов, 1966. Л.75; Федоров-Давыдов, 1967. С.123). Фиксировались находки изразцов, а также множества серебряных и медных джучидских монет 1310–1365 гг.

13а. Грачи. В 6800 м к северу-северо-западу от хутора Грачи Ахтубинского района Астраханской области в 1998 г. Д.В. Рябичкиным было открыто поселение «Шишка», располагающееся на трех соседних холмах (Рябичкин, 1998). Размеры памятника 210 x 200 м; подъемный материал с него представлен золотоордынскими кирпичом, фрагментами гончарной керамики и обломками кашинных изразцов с бирюзовой поливой.

14. Капустин Яр. У поселка Капустин Яр Ахтубинского района Астраханской области фиксировались остатки золотоордынских кирпичных построек (Ильина, Шишкин, 1929. С.39).

15. Пологое Займище. У села Пологое Займище Ахтубинского района Астраханской области фиксировались остатки кирпичного и 9 саманных зданий (Ильина, Шишкин, 1929. С.39–40). Подъемный материал представлен фрагментами керамики, майолик, стекла, кирпича и костями животных.

16. Дмитриевка. В селе Дмитриевка, а также между ним и селом Пологое Займище Ахтубинского района Астраханской области отмечено поселение золотоордынского времени, на котором находились остатки прямоугольной монументальной постройки, украшенной изразцами; находки представлены фрагментами красноглиняной гончарной керамики, кирпича, поливных изразцов и

железного сосуда (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С.149; Ильина, Шишкин, 1929. С.38; Рыков, 1929. С.138; Раскопки П.С.Рыкова, 1928. Л.24)³.

Судя по площади, занимаемой памятниками, можно предполагать, что в округе Царевского городища крупные поселения с площадью более 7 га (их 4, они составляют 23,5% всех выявленных поселений) преобладали над средними, с площадью 1–7 га (зафиксировано 2 таких поселения, т.е. 11,8% от их общего количества). Для остальных селищ данных нет. Крупные по площади памятники – Царевское (№ 1), Водянское (№ 2), Мечетное (№ 4) городища и поселение у Колобовки (№ 12) – являются остатками золотоордынских городов⁴.

Мощность культурного слоя известна у 4 поселений: для 1 памятника (№ 4) она не превышает 30 см, еще для 1 (№ 12) – 50 см, а для 2 оставшихся (№№ 1–2) – достигает 120–150 см.

Литература и источники

Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.; Пгр., 1923.

Волков И.В. Эволюция оценок состояния золотоордынских городищ Нижней Волги // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. Сборник статей по материалам семинара 1998–1999 гг. М., 2000.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Ильина А.Н., Шишкин П.Н. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского, и некоторой части Астраханского и Камышинского Округов Нижне-Волжского Края. Сталинград, 1929.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетные комплексы трех небольших золотоордынских поселений Нижнего Поволжья // Древности Поволжья и других регионов. М.; Нижний Новгород, 2004. Вып. V. Нумизматический сборник. Т.4.

Раскопки П.С.Рыкова в Нижне-Волжском крае. Переписка о раскопках в 1927 г. Отчет и чертежи за 1928 г. // Архив ИИМК. 1928. Ф.2. Оп.1. Д.154.

Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском Крае, произведенные в 1928 году // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения. 1929. Т. III.

Рябичкин Д.В. Отчет об археологических разведках на территории Ахтубинского района Астраханской области в 1998 году // Архив ИА РАН. 1998. Р-1. № 21918.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. 1963. Т.IV.

Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках и разведках золотоордынских городищ в Волгоградской и Астраханской областях в 1966 году // Архив ИА РАН. 1966. Р-1. № 3289.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе // АО – 1966. М., 1967.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Fedorov-Davydov G.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. München, 1984.

Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H.Bartlett Wells / BAR. International Series, 198. Oxford, 1984.

Приложение 1. Литература и архивные материалы о Царевском городище

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, две столицы Золотой Орды и современные им селения Нижнего Поволжья // НВ. 1923. Кн.3. С.372–377; *Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань: Комбинат Издательства и Печати, 1923. 63 с.; *Блохин В.Г.* Планировочная структура золотоордынского города // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. С.281–283; *Булатов Н.М., Вайнер И.С., Галкин Л.Л., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов в Нижнем Поволжье // АО – 1968. М., 1969. С.172–173; *Булатов Н.М., Вихляев В.И., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Носкова Л.М., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО – 1971. М., 1972. С.233; *Вайнер И.С.* О некоторых видах ремесла Нового Сарая (по материалам археологической экспедиции кафедры истории СССР КГУ на Царевском городище в 1961–1965 гг.) // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Казань: Изд-во

³ СОМК №/№ НВСП 30598-30600 (АО 1139/1), 30603 (АО 1139/3).

⁴ Крупные по площади поселения, отнесенные нами к остаткам золотоордынских городов, имеют зафиксированные следы ремесленных производств и монументальной архитектуры.

КГУ, 1967. Вып.1. С.229–238; *Вайнер И.С.* Ремесленное производство в золотоордынских городах Нижнего Поволжья // Вопросы истории, филологии и педагогики. Казань: Изд-во КГУ, 1967. Вып.2. С.66–68; *Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки на Царевском городище // АО – 1965. М., 1966. С.193–195; *Волков И.В.* Эволюция оценок состояния золотоордынских городищ Нижней Волги // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. Сборник статей по материалам семинара 1998–1999 гг. М.: Институт Наследия, 2000. С.120–137; *Гусева Т.В.* Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая // СА. 1974. № 3. С.125–141; *Гусева Т.В.* Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (основные этапы развития, социальная топография): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1975. 21 с.; *Гусева Т.В.* История изучения Нового Сарая // Вестник МГУ, серия IX, история. 1975. № 6. С.73–88; *Гусева Т.В.* Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (основные этапы развития). Учебное пособие. Горький: 1985. 80 с.; *Гусева Т.В., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Носкова Л.М., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО – 1973. М., 1974. С.148; *Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Зеленева Ю.А.* Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ, Вып. 135. М., 2002. С.71–79; *Дьяченко А.Н.* Результаты археологических исследований в Подонье и Заволжье // НАВ. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2002. Вып. 5. С.400; *Дьяченко А.Н., Блохин В.Г.* Раскопки в Волгоградском Задонье и окрестностях Царевского городища // АО – 2001. М., 2002. С.265–267; *Егоров В.Л.* Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959–1965 гг.) // Поволжье в средние века. М., 1970. С.172–193; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. С.112–114; *Зеленева Ю.А.* Исследования Царевского городища // АО – 1995. М., 1996. С.217–218; *Зеленева Ю.А.* Царевское городище // АО – 1996. М., 1997. С.246–248; *Зеленева Ю.А.* Этнический состав жителей г. Сарай ал-Джедид по данным археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VI Международ. науч. семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д.Н.Анучина. Омск, 1998. Ч. I. С.75–76; *Зеленева Ю.А., Архипов С.А.* Исследования Царевского городища // АО – 1997. М., 1999. С.169–171; *Ильина А.Н., Шишкин П.Н.* Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского Округов Нижне-Волжского края. Сталинград, 1929. С.27; *Золотая Орда. История и культура.* СПб.: Славия, 2005. С.48, 111–112, 137, 229; *Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарая // СА. 1970. № 3. С.149–161; *Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ, сер. история. 1978. № 3. С.88–102; *Мыськов Е.П.* Работы Волго-Ахтубинской экспедиции в Волгоградской области // АО – 2001. М., 2002. С.295–296; *Мыськов Е.П.* Северо-западный пригород Царевского городища // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ, Вып. 135. М., 2002. С.115–122; *Отчет о поездке члена Археологической Комиссии А.А.Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК за 1893 год. СПб., 1895. С.88–91; Производство археологических раскопок // ОАК за 1893 год. СПб., 1895. С.31; Рыков П.С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю / Сост. при уч. научн. сотр. Саратов. обл. музея Н.К.Арзютова и Т.М.Минаевой. Саратов, 1928. С.42–43, 81; *Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов: Краев. изд-во, 1936. С.114–115, 122–124; *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. 1964. № 1. С.248–271; *Федоров-Давыдов Г.А.* Новый Сарай по раскопкам в 1963–1964 гг. // СА. 1966. № 2. С.233–248; *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе // АО – 1966. М., 1967. С.122–123; *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе // АО – 1967. М., 1968. С.137–138; *Федоров-Давыдов Г.А.* Три средневековых нижеволжских города // Вопросы истории. 1974. № 3. С.212–216; *Федоров-Давыдов Г.А.* Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ, серия 8, история. 1981. № 1. С.64–84; *Федоров-Давыдов Г.А.* Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. 1984. № 3. С.83–93; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.27–31; *Федоров-Давыдов Г.А.* Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // ТА. 1997. № 1. С.88, 90–91, 93–96, 98; *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. С.68; *Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.* Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С.89–131; *Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // По-*

волжье в средние века. М., 1970. С.68–171; *Якубовский А.Ю.* К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. Л.: Изд-во ГАИМК, 1931. 48 с.; *Якубовский А.Ю.* Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды – Сарай Берке. Л.: Изд-во ГАИМК, 1932. 52 с.; *Fedorov-Davydov G.A.* Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. München: Verlag C.H.Beck, 1984. P.21–23; *Fedorov-Davydov G.A.* The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H.Bartlett Wells / BAR. International Series, 198. Oxford, 1984. P.22–25; *Дьяченко А.Н.* Отчет о проведении охранных археологических раскопок разрушающихся участков Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области в 2000 году // Архив ИА РАН, р.1, д.23420; *Зеленеев Ю.А.* Отчет о раскопках Царевского городища (Ленинский р-н Волгоградской обл.) в 1994 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.18607; *Зеленеев Ю.А.* Отчет о раскопках Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области за 1995 год // Архив ИА РАН, р.1, д.19213; *Зеленеев Ю.А.* Отчет об исследованиях Царевского городища в 1996 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.20117; *Зеленеев Ю.А.* Отчет о раскопках Царевского городища в 1998 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.21966; *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1999 году // Архив ИА РАН, р.1, д.23533; *Мыськов Е.П.* Отчет об исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище, Северо-западном и Северо-восточном пригородах Царевского городища в 2001 году // Архив ИА РАН, р.1, д.22251; *Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет об археологической разведке, произведенной на Царевском городище Сталинградской обл. и в г. Азове Ростовской обл. Золотоордынским отрядом Нижне-Донской экспедиции // Архив ИА РАН, р.1, д.1715-1715а; *Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках Царевского городища в 1959 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.1934; *Федоров-Давыдов Г.А.* Научный отчет о раскопках на Царевском городище (Сарай Берке) в 1960 году // Архив ИА РАН, р.1, д.2123-2123б; *Федоров-Давыдов Г.А.* Научный отчет о раскопках в 1961 г. на Царевском городище (Сарай-Берке) Ленинского района Волгоградской области // Архив ИА РАН, р.1, д.2331, ч.1-3; *Федоров-Давыдов Г.А.* Научный отчет о раскопках 1962 г. на городище Сарай-Берке – столицы Золотой Орды // Архив ИА РАН, р.1, д.2540; *Федоров-Давыдов Г.А.* Научный отчет об археологических работах на городище Сарай-Берке (Царевское городище) и разведках памятников золотоордынского времени по р. Ахтубе в 1963 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.2699-2699а; *Федоров-Давыдов Г.А.* Научный отчет о раскопках на Царевском городище (Сарай-Берке) в 1964 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.2885; *Федоров-Давыдов Г.А.* Научный отчет о раскопках на Итяковском и Царевском городищах в 1965 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.3130; *Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Вайнер И.С., Галкин Л.Л.* Отчет о раскопках золотоордынских городищ на р. Ахтубе в 1967 г. Царевское городище. Водянское городище. Селитренное городище // Архив ИА РАН, р.1, д.3533; *Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Вайнер И.С., Галкин Л.Л., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г.* Научный отчет о раскопках Царевского, Водянского и Селитренного городищ в 1968 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.3687-3688; *Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г.* Отчет о раскопках Водянского и Царевского городищ в Волгоградской области в 1973 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.5039; *Федоров-Давыдов Г.А., Мухамадиев А.Г.* Отчет о раскопках на Царевском городище в Волгоградской области в 1971 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.4452.

Приложение 2. Литература о находках с Царевского городища

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (по материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. 1968. № 4. С.95–109; *Булатов Н.М.* Кашинные миниатюрные сосуды из Нового Сарая // Древности Восточной Европы. М., 1969. С.32–40; *Булатов Н.М.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С.73–107; *Бусятская Н.Н.* Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // Вестник МГУ, сер. IX, история. 1972. № 2. С.85; *Бусятская Н.Н.* Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С.38–72; *Вайнер И.С.* Серебряная пряжка из Сарай-Берке // СА. 1964. № 1. С.335–336; *Вайнер И.С., Нигомедзянов М.Н.* Музыкальный духовой инструмент из Нового Сарая // СА. 1965. № 2. С.282–283; *Волков И.В.* Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах // Средняя Азия: археология, история, культура. Материалы Международ. конф., посвящ. 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М.: Гос. музей Востока, 2000. С.47; *Волков И.В.* Химическая посуда в золотоордынских городах // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования. Казань, 2004. С.143, 158, рис.1, 5; *Волков И.В.*

Неопределенные предметы в золотоордынских городах // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всеросс. конф. «Поволжье в средние века». Казань, 2005. С.175, 191, рис.1, 1; *Волков И.В., Зеленева Ю.А.* Золотоордынский керамический сосуд для возгонки // Средняя Азия: археология, история, культура. Материалы Международ. конф., посвящ. 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М.: Гос. музей Востока, 2000. С.51; *Галкин Л.Л.* Булава из Нового Сарая // СА. 1963. № 4. С.239; *Зеленева Ю.А.* Сосуд из Царевского городища // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. Вып.2. С.152–153; *Золотая Орда. История и культура...* С.18–22, 47, 52, 68–69, 71, 74, 76, 88, 93, 96–98, 101, 111, 119–121, 127, 136, 140, 145, 156, 177, 187, 195–196, 199–204, 207–210, 227–229, 233–239, №№ 26–30, 38, 71–76, 91, 122–132, 146, 149–155, 160–164, 171, 175–178, 180, 219–230, 236–241, 243–245, 247–258, 555–558, 560–573, 632–636, 638–639, 645, 652–653, 656–666, 669–682, 684–692, 694–701, 703, 705–709, 714–716, 719–720; *Клоков В.Б.* Золотоордынский монетный штемпель с Селитренного городища // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С.83; *Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог.* Волгоград: Панорама, 2001. №№ 44–45, 72, 74–75, 77, 81, 84, 86–87, 89, 100, 102; *Курочкина С.А.* Керамика г. Сарай ал-Джедид как источник по этнокультурной истории города // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VI Международ. науч. семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск, 1998. Ч.1. С.134–136; *Курочкина С.А.* Традиции болгарского гончарного производства в Сарай ал-Джедиде // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы Международ. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова. Саранск, 1998. С.95–97; *Курочкина С.А.* Керамическое производство в Сарае ал-Джедид // Поволжье в средние века: Тез. док. Всеросс. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С.86–89; *Курочкина С.А.* Классификация керамики Сарай ал-Джедиды // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Тр. ГИМ, Вып.135. М., 2002. С.90–96; *Курочкина С.А.* Керамика города Сарай ал-Джедид (своеобразие керамического комплекса): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 2006. 25 с.; *Лебедев В.П., Клоков В.Б.* Западноевропейские свинцовые товарные пломбы с золотоордынских городищ // РА. 2002. № 1. С.92–100; *Носкова Л.М.* Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С.7–37; *Панина Э.Л., Волков И.В.* Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: археология, история, культура. Материалы Международ. конф., посвящ. 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М.: Гос. музей Востока, 2000. С.89; *Папа-Афанасопуло К.* Золотоордынская керамика. (Опыт систематизации и описания золотоордынской посуды) // Уч. зап. СГУ. 1925. Т. III, вып.3. С.52–74; *Полубояринова М.Д.* Русские вещи на территории Золотой Орды // СА. 1972. № 3. С.164–177, рис.1–4; *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. С.54–72, рис.4–12; *Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С.165–212; *Полубояринова М.Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991. 112 с.; *Усманов М.А.* О языковых особенностях надписи из Нового Сарая // СА. 1963. № 3. С.246–248; *Федоров-Давыдов Г.А.* Связи золотоордынских городов Поволжья с Средней Азией и Кавказом (по материалам последних раскопок Нового Сарая) // Материалы сессии, посвящ. итогам археолог. и этнограф. исследований 1964 г. в СССР. (Тез. док.). Баку, 1965. С.144; *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. С.107–186; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.; *Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С.* О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая // СА. 1963. № 3. С.245–246; *Шляхова В.И.* Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ) // СА. 1980. № 4. С.75–86; *Fyodorov-Davydov G.A.* The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley, California: Zinat Press, 2001. P.50–179; *Kramarovsky M.G.* The Golden Horde and Levant in the epoch of Fr. Petrarca: trade, culture, handicrafts // Rivista di Bizantinistica. Bologna: Edizioni CUSL, 1993. N 3. P.271.

Приложение 3. Публикации монетных находок с Царевского городища

Варваровский Ю.Е. К вопросу о «теории двух Сараев» и локализации города Гюлистана // Археологические вести. СПб., 2000. № 7. С.257–262; *Евстратов И.В.* О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы Международ. науч.

конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау. Саратов, 1997. Часть 2. С.88–118; *Лебедев В.П., Клоков В.Б.* Иноземные монеты XII–XV вв. на золотоордынских городищах Поволжья // Тр. Международ. нумизмат. конф. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов 2001; Муром 2003. М., 2005. С.58, 60, рис.1, 9; *Недашковский Л.Ф.* Монеты южных соседей Золотой Орды в собрании Саратовского областного музея краеведения // Россия и Иран: Иранистика в Татарстане. М., 2001. С.158–159; *Рудаков В.Г.* К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы науч. конф. М.: ГИМ, 2000. С.316–320; *Сингатуллина А.З.* Монеты Царевского городища. (Раскопки 1998 г.) // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Тр. ГИМ. Вып.135. М., 2002. С.166–167; *Федоров-Давыдов Г.А.* Находки джучидских монет // НЭ. 1963. Т. IV. С.168–170, 190–192, № 379; *Янина С.А.* Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970. С.194–223.

Приложение 4. Литература и архивные материалы о Водянском городище

Балабанова М.А. Еще раз о русских в Золотой Орде // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международ. Нижневолжская археолог. конф. Тез. докл. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2004. С.298–299; *Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». М.; Пгр.: Гос. изд-во «Мосполиграф», 1923. С.35–43, 96–98, 130–131; *Блохин В.Г.* Планировочная структура золотоордынского города... С.283–285; *Блохин В.Г.* Нижневолжские мечети Золотой Орды: к проблеме формирования архитектурных традиций // НАВ. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2003. Вып.6. С.108–111; *Булатов Н.М.* Классификация красноглиняной... С.73–107; *Булатов Н.М., Вайнер И.С., Галкин Л.Л., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки... С.173; *Булатов Н.М., Вихляев В.И., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Носкова Л.М., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов... С.233–234; *Булатов Н.М., Вихляев В.И., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., Шитов В.Н.* Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО – 1970. М., 1971. С.175–176; *Бусятская Н.Н.* Стекланные изделия городов... С.38–72; *Волков И.В.* Эволюция оценок состояния золотоордынских городищ Нижней Волги... С.120–121; *Волков И.В.* Химическая посуда в золотоордынских городах... С.149; *Гусева Т.В., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Носкова Л.М., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге... С.147–148; *Гусева Т.В., Егоров В.Л., Носкова Л.М., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки на Водянском городище в Волгоградской области // АО – 1974. М., 1975. С.152; *Гусева Т.В., Мухамадиев А.Г., Носкова Л.М., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки мечети XIV в. на Водянском городище // АО – 1972. М., 1973. С.171–172; *Евстратов И.В.* Идиль – монетный двор Золотой Орды // Восьмая Всеросс. нумизмат. конф. Тез. док. и сообщ. М., 2000. С.74–76; *Егоров В.Л.* Историческая... С.109–110; *Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО – 1969. М., 1970. С.174–175; *Егоров В.Л., Полубаяринова М.Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С.39–79; *Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.* Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С.108–167; *Зайковский Б.В.* Городище Бэльджамен // ТСУАК. 1908. Вып. XXIV. С.33–44; *Зиливинская Э.Д.* Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С.251–256, рис.1; *Зиливинская Э.Д.* Мечети Золотой Орды. (Общие принципы планировки) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып.1. С.20–22, рис.4; *Зиливинская Э.Д.* Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М., 2001. С.189, 190–191, 202, 204, рис.7, 18, б; *Золотая Орда. История и культура...* С.23–24, 48, 74, 98, 116–117, 119–120, 126, 137, 202–207, 227, 230, №№ 148, 166–170, 185, 207, 576; *Ильина А.Н., Шишкин П.Н.* Материалы... С.7–8; *Ильина О.А.* История исследований Водянского городища // НАВ. Волгоград, 2003. Вып.6. С.112–125; *Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Джучидские монеты с Водянского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т. 1. С.303–344; *Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетное обращение золотоордынского города Бэльджамен // Древности Поволжья и других регионов. М., 2000. Вып. III. Нумизматический сборник. Т.2. С.56–147; *Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог...* №№ 73, 76, 79–80, 82–83, 88, 90–93, 95, 98–99; *Лебедев В.П., Клоков В.Б.* Западноевропейские свинцовые товарные пломбы... С.92–100; *Лебедев В.П., Клоков В.Б.* Иноземные монеты XII–XV вв. на золотоордынских городищах Поволжья... С.59–60, рис. 1, 10, 14; *Материкин А.В.* Водянское городище – уникальный памятник золотоордынской культуры // Межрегиональная конференция «Средневековые

кочевники и городская культура Золотой Орды». (Тез. док.). Волгоград, 1992. С.32–33; *Материкин А.В.* К вопросу об истории исследований Водянского городища // ДВДС. 1993. Вып. 3. С.233–239; *Миронов В.Г.* Камышинская и Царицынская археология в дневниках С.А. Щеглова (Материалы для археологической карты Волгоградского Поволжья) // ДВДС. 1993. Вып. 3. С.224–226; *Мухамадиев А.Г.* Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С.80–88; *Мыськов Е.П.* Общие итоги исследований Водянского городища в 1992, 1997 годах // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. (Тез. док. VII Донской археолог. конф.). Ростов-на-Дону, 1998. С.131–132; *Мыськов Е.П.* Раскопки общественного здания с эпиграфическими находками на Водянском городище // НАВ. Волгоград, 2001. Вып. 4. С.260–261; *Мыськов Е.П.* Русский поселок и русский квартал Водянского городища // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С.250–267; *Мыськов Е.П.* Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища // НАВ. Волгоград, 2002. Вып. 5. С.126–147; *Мыськов Е.П.* Работы... С.296–297; *Мыськов Е.П.* Раскопки Водянского городища в Волгоградской области // АО – 2002. М., 2003. С.259–260; *Мыськов Е.П.* Основные итоги исследований Водянского городища // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международ. Нижневолжская археолог. конф. Тез. докл. Волгоград, 2004. С.296–298; *Недашковский Л.Ф.* Монеты южных... С.157–159, рис. 5; *Недашковский Л.Ф.* Введение // Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань: Изд-во КГУ, 2002. С.4; *Носкова Л.М.* Мозаики... С.7–37; *Отчет о поездке члена Археологической Комиссии А.А. Спицына летом 1893 года...* С.91; *Папа-Афанасопуло К.* Золотоордынская керамика... С.52–74; *Полубояринова М.Д.* Русские вещи на территории Золотой Орды... С.182–184, рис. 8; *Полубояринова М.Д.* Русские люди... С.72–95, рис.13–24; *Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике... С.165–212; *Полубояринова М.Д.* Украшения... 112 с.; *Рудаков В.Г.* К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана... С.316–319; *Рыков П.С.* Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю... С.43, 80–81; *Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам... С.122; *Толмачев Н.А.* О Водянском городище в Саратовской губернии // Тр. VI АС. 1889. Т.IV. С.91–95; *Федоров-Давыдов Г.А.* Находки джучидских... С.188, № 354; *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе // АО – 1967. М., 1968. С.137–138; *Федоров-Давыдов Г.А.* Три средневековых нижневолжских города... С.214–215; *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов... С.106, 120; *Федоров-Давыдов Г.А.* Браслет с надписью с Селитренного городища // СА. 1978. № 2. С.287, рис. 3; *Федоров-Давыдов Г.А.* Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья... С.83–84, 88–89, 92; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.32–33; *Федоров-Давыдов Г.А.* Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге... С.88, 95, 97; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт... 256 с.; *Щеглов С.А.* Раскопки на Водянском городище // ТСУАК. 1915. Вып. 32. С.145–152; *Fedorov-Davydov G.A.* Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga... P.24–25; *Fyodorov-Davydov G.A.* The Culture of the Golden Horde Cities... P.25–26; *Fyodorov-Davydov G.A.* The Silk Road and the Cities of the Golden Horde... P.83–180; *Булатов Н.М., Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., Мухамадиев А.Г.* Отчет о раскопках на Селитренном (Астраханская область) и Водянском (Волгоградская область) городищах в 1970 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.4153; *Егоров В.Л.* Отчет о раскопках на Водянском городище близ Дубовки Дубовского р-на Волгоградской обл. 1967 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.3534; *Егоров В.Л., Полубояринова М.Д.* Научный отчет о раскопках на Водянском городище Дубовского р-на Волгоградской обл. в 1969 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.3908; *Закирова И.А.* Отчет об археологических исследованиях в Волгоградской области в 1983 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.9971. Л.5-7; *Мухамадиев А.Г.* Отчет о работах Водянской археологической экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.13537; *Мыськов Е.П.* Отчет о раскопках Водянского городища, проведенных Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского педагогического института в 1992 году // Архив ИА РАН, р.1, д.17587-17588; *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1993 году // Архив ИА РАН, р.1, д.18276-18278; *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1994 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.18961, 18963; *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1995 году // Архив ИА

РАН, р.1, д.19689; *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1998 году // Архив ИА РАН, р.1, д.22132.- Л.12-76, 84-122; *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1999 году..., д.23533; *Мыськов Е.П.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище и могильнике Маляевка VI в 2000 году // Архив ИА РАН, р.1, д.23741; *Мыськов Е.П.* Отчет об исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище, Северо-западном и Северо-восточном пригородах Царевского городища в 2001 году..., д.22251; *Мыськов Е.П.* Отчет об исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище в 2002 году // Архив ИА РАН, р.1, д.23675; *Мыськов Е.П.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище, могильниках Жирновск III, Недоступов и кургане у села Линево в Дубовском и Жирновском районах Волгоградской области в 2003 году // Архив ИА РАН, р.1, д.23798; *Федоров-Давыдов Г.А.* Научный отчет об археологических работах на городище Сарай-Берке (Царевское городище) и разведках памятников золотоордынского времени по р. Ахтубе в 1963 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.2699, л.67; *Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Вайнер И.С., Галкин Л.Л., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г.* Научный отчет о раскопках Царевского, Водянского и Селитренного городищ в 1968 г. ...; *Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л.* Отчет о раскопках на Водянском городище XIV в. близ г. Дубовка Волгоградской обл. в 1974 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.5316-5316а; *Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г.* Отчет о раскопках Водянского и Царевского городищ в Волгоградской области в 1973 г. ..., д.5039; *Федоров-Давыдов Г.А., Мухамадиев А.Г.* Отчет о раскопках в 1972 г. на Водянском городище Волгоградской обл. // Архив ИА РАН, р.1, д.4710.

Приложение 5. Литература и архивные материалы о Мечетном городище

Баллод Ф.В. Приволжские... С.15–20, 27–34, 95, 97–98, 130–131, рис. 2, 7–15, табл. 2, 7, 3; *Волков И.В.* Эволюция оценок состояния золотоордынских городищ Нижней Волги... С.120, 133, 136–138; *Егоров В.Л.* Историческая... С.111; *Зайковский Б.В.* Исторический очерк древнего городища на правом берегу Волги, в 17 верстах выше Царицына // ТСУАК. 1915. Вып. 32. С.153–158; *Ильина А.Н., Шишкин П.Н.* Материалы... С.20; *Ильина О.А.* Мечетное городище // НАВ. Волгоград, 2005. Вып. 7. С.103–113; *Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог...* № 58; *Мыськов Е.П.* Работы Волго-Ахтубинского отряда // АО – 1986. М., 1988. С.189; *Носкова Л.М.* Мозаики... С.7–37; *Отчет об археологических раскопках князя Андрея Александровича Ширинского-Шихматова* // ТСУАК. 1915. Вып. 32. С.159–163; *Папа-Афанасопуло К.* Золотоордынская керамика... С.53–54; *Пачкалов А.В.* Мечетное городище: историографический обзор // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Казань, 2004. С.148–153; *Рыков П.С.* Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю... С.43, 81; *Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам... С.122; *Федоров-Давыдов Г.А.* Находки джучидских... С.189, № 367; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.34; *Хабарова Н.В.* Средневековые зеркала из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Случайные находки // ДВДС. 1994. Вып. 4. С.216–217, рис.1, 2; *Fedorov-Davydov G.A.* Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga... P.25; *Fyodorov-Davydov G.A.* The Culture of the Golden Horde Cities... P.26; *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции ВГПИ в 1986 году / Архив ИИМК, ф.35, 1986 г., оп.1, д.14, лл.31–37, д.15, лл.21–24, 27.

Приложение 6. Литература и архивные материалы о поселении у Колобовки

Блохин В.Г. Золотоордынское поселение у с. Колобовка // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С.171–174; *Блохин В.Г.* Золотоордынское поселение у с. Колобовки в Ленинском районе Волгоградской области // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. Астрахань, 2001. С.87–89; *Волков И.В.* Эволюция оценок состояния золотоордынских городищ Нижней Волги... С.120, 126; *Ильина А.Н., Шишкин П.Н.* Материалы... С.10–12; *Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетные комплексы трех небольших золотоордынских поселений Нижнего Поволжья // Древности Поволжья и других регионов. М.; Нижний Новгород, 2004. Вып.

V. Нумизматический сборник. Т. 4. С.76–78, 94–103, 105, 107, 118; *Конкин В.Н., Лукашов А.В., Мамонтов В.И.* Раскопки курганов в Волгоградской области // АО – 1973. М., 1974. С.159; *Шинкарь О.А., Дворниченко В.В., Блохин В.Г.* Совместные исследования Института археологии РАН и Волгоградского государственного университета по программе «Интеграция» // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С.10–12; *Fyodorov-Davydov G.A.* The Culture of the Golden Horde Cities... P.27; *Блохин В.Г.* Отчет об археологических разведках в окрестностях Царевского городища в Ленинском районе, в Дубовском и Камышинском районах Волгоградской области в 1998 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.21942. Л.2-5; *Дворниченко В.В.* Отчет о раскопках поселения и курганного могильника Колобовка-IV у с. Колобовка Ленинского района Волгоградской области в 2000 г. // Архив ИА РАН, р.1, д.23682; *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в Ленинском, Калачевском районах Волгоградской области за сезон 1973 г. // Архив ИИМК, ф.35, оп.1, 1973, д.77, л.3; *Сергацков И.В.* Отчет об археологических исследованиях у села Колобовка Ленинского района Волгоградской области // Архив ИА РАН, р.1, д.22391-22392; *Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках и разведках золотоордынских городищ в Волгоградской и Астраханской областях в 1966 году... Л.75.

Марк Крамаровский

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

КУБОК ИЗ АЗАКА. О ПОЛИХРОМИИ В КЕРАМИКЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Золотоордынское гончарство как искусство еще не стало предметом анализа с точки зрения овладения высокими технологиями средневековья. Между тем гончарная «индустрия» степных городов Джучидов, которая может быть описана на основе современных археологических исследований, дает основания для оптимизма. Это же относится, как показала выставка «Золотая Орда: история и культура» (Казань, 2005 г.), и к многочисленным находкам архитектурной майолики и столовых полуфаянсов с глазурями. Одним из центральных экспонатов этой выставки был выбран кубок с полихромной росписью на тему Эдема (Крамаровский, 2005 а, кат. № 604).

Сосуд найден при раскопках золотоордынского Азака (г.Азов) в 1992 г.¹ Находка представляет собой кубок из кашина² в виде полусферы на высокой ножке, плавно расширяющейся книзу. Сохранилось около 2/3 сосуда; его общая высота сосуда 13,0 см., наибольший диаметр 18,0 см (табл. 1, 1–2). Кубок декорирован четырехцветной росписью красным, зеленым, черным и темно-синим (кобальтом) на белом непрозрачном фоне опаковой поливы с добавлением на отдельных участках накладного золота. Каждый из таких участков выделен резервом линейной обводкой красной эмалью.

По форме и пропорциям сосуд из Азака аналогичен мамлюкскому кубку XIV в. с трехцветной подглазурной росписью из коллекции Мадина (Нью-Йорк) (Atil 1981, pl.78). Оба кубка и родственные им сосуды из обожженной глины и стекла (Atil 1981, pl.59, 62, 77) по форме близки к бронзовому кубку для вина из собрания Британского музея (Иран, XIV в.). Сосуд с изображениями пирующих мужчин в круглых медальонах инкрустирован серебром и золотом; свободное пространство между медальонами заполнено лотосами и пионами, у края чаши и ножки – надписи с эзотерическими стихами к сюжетам из жизни Александра Великого (Ward 1993, p.100, pl.73). Как и серия сосудов из Египта и Ирана, азацкий кубок предназначался, видимо, для пиршественного стола дворца или богатой усадьбы.

Кубок богато украшен. Его донце целиком занято медальоном с композицией на тему Эдема из двух противоположащих водоемов в виде сегментов, заполненных темно-синим кобальтом. У кромки бассейнов изображены шестилепестковые алые пионы на длинных изогнутых стеблях с узкими лепестками (стебли прорисованы обводкой красной эмалью, между которой проложена золотая фольга; зубчатые листья пионов прорисованы черным и окрашены зеленой эмалью). Пространство между водоемами заполнено кустами с остроугольными темно-синими листьями в зеленой обводке и плодами в форме трех алых кружков с золотой сердцевинкой. Над водоемами и садом цветов размашистой кистью точным движением изображены два китайских феникса в круговом движении. Фениксы окрашены кобальтом, но отдельные перья прочерчены зеленой эмалью, а маховые перья – черной. Окантовка крыльев, основание хвостового оперения, клювы и округлые глаза фантастических птиц выделены накладным золотом (в красной обводке). Двойная линия медальона отделяет центральную композицию от растительного орнамента бортика, заполненного гибким стеблем (зеленая эмаль) с синими листьями (кобальт) и шестью пионами, прорисованными красной эмалью.

Декор внешней поверхности чаши имеет трехчастную структуру. Бордюр венчика украшен *куфеском* из накладного золота (контуры стилизованных букв с обводкой красной эмалью). Края бордюра обозначены синей линией; кобальтом расцвечено между- и внутрибуквенное пространство. Верхний край чаши – волнистый и декорирован в технике подглазурной росписи синими кобальтовыми «перлами». В среднем регистре крупные округлые медальоны с многолепестковыми синими цветами с красной ажурной сердцевинкой и большими белыми полями, ограниченными тремя полосами (двумя волнистыми, прочерченными красной эмалью, и средней – кобальтовой) чередуются в соотношении «три к трем» с симметричными цветочными «кустами». В центре каждого такого «куста» крупный цветок пиона с красными округлыми лепестками и золотой сердцевинкой, оконтуренной кобальтом. Стебель пиона «прерван» в средней части золотым кружком в красной обводке; стебель и цветочные листья оконтурены черным и заполнены ярко зеленой эмалью.

В нижнем регистре можно видеть типично китайский рисунок гибкого стебля, выполненный в линейной манере кобальтом.

Ножка у самого дна чаши перехвачена узкой лентой зеленой эмали, ограниченной двойными кобальтовыми полосками. Ствол ножки расчерчен вертикальными темно-синими полосками, подчеркивающими стройность пустотелого поддона.

Азакский кубок уникален как памятник художественного ремесла, но как керамический тип находит ряд аналогий XIII–XIV вв. в находках Селитренного, Царевского и Сарайчикского городищ, а также в средневековой Москве. Наиболее близкие параллели связаны с несколькими крупными фрагментами столовой полихромной посуды, обнаруженной в Сарайчике (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с.39, 112, 137, 247). Среди них выделим чашу на низком кольцевом поддоне, внутренняя поверхность которой украшена очень близкой к азовской находке композицией с водоемом, пионами и *куфеском* у верхнего края (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с.137, верхний снимок). Особенно важна находка фрагмента сосуда с двуязычной надписью (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с.247), где в персидской части текста прочитываются слова «я послал...», а в арабской – дата: 764 г.х. = 1362/63гг.³ Важно отметить, что фрагменты с полихромной росписью на белом фоне из Сарайчика определены авторами публикации для данного городища как импорт, но без уточнения центра производства. Находки фрагментов полихромной посуды на Селитренном и Царевском городищах (Федоров-Давыдов, 1976, с.123, табл.100) хотя и более многочисленны, но представлены в настолько мелких сколах, что форма сосудов не прослеживается. Все известные к настоящему времени золотоордынские находки полихромной керамики, в том числе и с территории Московского Кремля (Латышева, 1971)⁴, относятся к полуфаянсам (кашинам) с надглазурной росписью по белой опакующей поливе. Как отметил Г.А. Федоров-Давыдов, этот тип многоцветной росписи синим, ярко-зеленым и красным цветом с использованием золотой фольги на черепке из кашина оказался перенесен в архитектурный декор. Наиболее выразительные фрагменты майолики этого типа, в том числе с эпиграфическим декором с изображением сирина в короне с монгольской прической и цветочными узорами, обнаружены на Селитренном городище (Федоров-Давыдов, 1976, табл. 86, 89, 90). По-видимому, эта керамика выделялась в столичном Сарае, откуда попадала в крупные торговые города на востоке и западе страны. Сарайчикские находки дают основание для определения времени работы мастерской, где выделялась столовая посуда полихромного стиля – начало 60-х годов XIV в.

В ответе на вопрос о генезисе рассматриваемой группы полихромной керамики Золотой Орды, Г.А. Федоров-Давыдов выдвинул гипотезу о локальном варианте упрощения техники керамики *минаи*, известной по материалам домонгольского Ирана (Федоров-Давыдов 1976, с.126)⁵. Стилистика и технологические особенности азовской чаши заставляют иначе оценить истоки одной из групп золотоордынской полихромии.

Ярко красные цветы (пионы и лотосы), прорисованные в эскизной манере, с зелеными листьями на белом или чуть кремовом фоне – определяющий признак одной из групп китайской керамики *цычжоу*. Керамика этого типа с цветной надглазурной росписью на твердом светломолочном черепке, называемом обычно «white stoneware», появляется с начала XIII в. и выделяется вплоть до эпохи династии Мин (1368–1644). Сосуды *цычжоу* с росписью красным и зеленым периода чжурчжэньского государства Великая Цзинь со столицей в Хуэйнинфу (1115–1234) и китайской династии Южная Сун (1127–1279) получили широкое распространение в различных городах провинций Хенань (Henan), Хэбэй (Hebei), Шанси (Shanxi) и Шанду (Shandong)⁶. Примером тому являются небольшое трехцветное блюдо XIII в. из провинции Хэбэй в коллекции Баур (Baur) в Женеве с декором в виде характерной для росписи этого стиля ветки пиона (Tregear 1982, p.27, pl.14). Близкое по характеру двухцветной поливы и цветочного декора сосуд *цычжоу* – хранится в Оксфорде в собрании Ашмолеанского музея – блюдо на низкой ножке (Tregear 1982, p.89, pl.86). Чаши, кубки и вазы этого стиля входят в состав ряда других коллекций – Национального музея в Токио (Tregear 1982, pl.110), коллекции Александера в Лондоне (Hobson 1931, цветная вклейка между с. 8 и 9), Музея Гимэ в Париже (Dschingis Khan und seine Erben 2005, No. 205). Вероятно, еще до 1279 г., когда цзиньская и сунская империи Китая были объединены в одно государство монголами, посуда *цычжоу* с надглазурной росписью красной и зеленой красками появляется в нижних горизонтах культурного слоя Каракорума (Евтюхова, 1965, табл. XIX, XX)⁷. Л.А. Евтюхова связала эти находки с гончарными печами из провинции Хэбэй (Евтюхова, 1965, с.234). Фрагмент керамики *цычжоу* с изображениями двух рыб, найденный в Каракоруме хранится в Академии наук Монголии (Dschingis Khan und seine Erben 2005, No. 201). Подобная же керамика была найдена П.К. Козловым в Хара-Хото и хранится в Отделе Востока Эрмитажа; здесь обращает на себя внимание фрагмент с китайским иероглифом «*цзао*» – «*утро*», написанный скорописью⁸.

Нет сомнений, что сунская двухцветная керамика *цызьяо* один из двух источников нового полихромного керамического стиля, сложившегося во второй пол. XIII – рубеже XIV вв. в Золо-

той Орде. Скорее всего, это связано с работой мастерских, чьи горны обслуживали двор и его окружение в столичном Сарае. При этом стилистику надглазурной росписи *цзыляо*, традиционно использующую твердый черепок без покрытия ангобом, мастера новых гончарных центров перенесли на менее плотный, пористый черепок *кашина*, покрытый опаковой поливой. Это техническое новшество резко сдвинуло шкалу соотношений цветового тона в сторону повышенной контрастности. В результате полихромный рисунок приобрел почти аппликативную жесткость, повышенную яркость и новую экспрессию.

Вторым источником вдохновения сарайских мастеров стала иранская *ладжвардина*. Эта техника появляется в Иране в последней трети XIII в. Для нее характерно использование надглазурной росписи золотом, красной, черной или белой эмалью по фаянсовому черепку, предварительно покрытому темно-синей или бирюзовой глазурью. В иранской коллекции Эрмитажа керамика *ладжвардина* представлена семью крестообразными и звездчатыми изразцами начала XIV в. и пятью изразцами с рельефными надписями надписями из 286 аята 2-ой суры Корана (Иванов, 2000, с.233, № 178; с.260, № 218). К группе наиболее ранних иранских изразцов с надглазурной росписью *ладжвардина* относятся изразца из дворцовой летней резиденции Абага-хана (1265–1281) в Тахт-и Сулейман (Западный Иран) (Naumann E. and Naumann R. 1969, pp.35–65). Эти изразцы составляют гордость иранских коллекций в различных музеях мира и обычно датируются 1270-ми годами (Masuya 2002, pp.75-103, fig.98, 101, 102). Как показали технологические исследования изразцов *ладжвардина* Тахт-и Сулейман, процедура изготовления изделий с позолотой состояла в том, что золото наносилось поверх эмали, после чего образец обжигался. В образцах с надглазурной росписью использовалась только белая, черная и красная эмаль. Когда накладывался золотой листок, он обычно не плавился во время финального обжига. Позолота накладывалась на глазури, обожженные при первом обжиге, и затем наносились менее тугоплавкие цветные эмали для создания рисунка узора, визуально включающие и позолоту. Во время второго обжига эмали плавилась, оставляя позолоту на месте. Но существовала и другая более живописная техника. В этих случаях окислы и золото накладывались на определенные места рисунка по кроющему фону, а затем перекрывались прозрачной глазурью. При этом способе и окислы, и золото просвечивали через глазурь (Hirx, Leona and Meyers 2002, pp.236, 237). Собственно, так же декорировалась и столовая посуда группы *ладжвардина*. Один из лучших образцов иранской керамики этого типа – бутылка XIV в. в Национальном музее искусства Востока (Museo Nazionale d'Arte Orientale) в Риме (Sims 1993, p.255, № 140). Иранская технология надглазурной росписи с использованием накладного золота получила довольно широкое распространение в Золотой Орде. Здесь в этой технике изготавливались большие и малые сосуды для розовой воды (Fyodorov-Davydov 1984, il.31:1,2; 32) и другие формы дорогой столовой посуды; в технике *ладжвардина* изготавливались и архитектурные изразцы, и различные мелкие детали убранства интерьера (Fyodorov-Davydov 1984, 33:3-5; 65:1-3; 66:1-4; 67:1-6; 68:1-3; 69:1,3). Редкую группу *ладжвардина* составляют архитектурные изразцы с зеленой эмалью, найденные на Царевском городище (Эрмитаж, инв.№ Сар.1444, Сар. 1489, Сар.1493, Сар.1494). Эти изразцы украшены персидскими стихами, причем надписи выполнены резервом черной или красной эмалью, в то время как внутреннее поле отдельных букв и диакритических знаков оставлено окрашенным белой эмалью, нанесенной при первом обжиге. Та же технология использована золотоордынским мастером при изготовлении изразца (Сар.1504) с мотивом восьмигранника, где в два обжига нанесено четыре цветные эмали и тончайшие листки золой фольги. Более простой вариант *ладжвардина* с использованием бирюзовой глазури (в первом обжиге) можно видеть на примере кашинного кронштейна (Сар.1495). Его геометрический узор выполнен надглазурной росписью (во втором обжиге). Выразительность узора усилена золотой фольгой, заполняющей пространство между ограничительными линиями, прочерченными красной и черной эмалями. Многие сосуды, в том числе и полихромная бутылка из собрания Эрмитажа (инв. № Сар.266), украшались *куфеском*, идентичным эпиграфическому узору азакской находки (о *куфеске* в исламском мире, в византийской Греции и латинском мире – см.: Ettinghausen 1976). Едва ли можно сомневаться в том, что кубок из Азака принадлежит к местной школе *ладжвардина*, сформировавшейся в золотоордынском Поволжье. Одну из колористических особенностей этой школы определило активное использование зеленой эмали. Однако, собственная стилистика, сложившаяся уже к началу 60-х годов XIV в., нашла наиболее выразительное воплощение в группе пятицветных кашинных с преобладанием красного. Такого использования красной эмали нет ни в Иране, ни в Сирии. Алые пионы на золотом стебле в декоре азакской находки – счастливая находка сарайского мастера. Вместе с другими компонентами формы, декора и сложной технологии здесь можно видеть вершину стиля одной из групп местной полихромной керамики.

Зададимся теперь вопросом о содержательной стороне отдельных элементов декора чаши из Азака. Прежде всего, это касается темы сада с двумя водоемами, над которыми кружат два феникса. Фениксы – старая тема китайской культуры, пришедшая в монгольский мир из сунского искусства. В Китае их называли разноцветными птицами⁹. «В древних преданиях все они назывались фениксами – *фенхуан*. Он и были похожи на петуха с длинными разноцветными хвостами. Фениксы «когда хотят – едят и пьют, когда хотят – поют и танцуют». Стоит им появиться на земле, как в Поднебесной наступает мир и спокойствие. (У Конфуция, жившего в беспокойное время, встречается горестное восклицание: «А фениксы не появляются!»)¹⁰. По этому восклицанию мы можем представить себе, как их чтили) (Кэ, 1987, с.119). И так, в Китае фениксы – птица умиротворения, «...их появление возвещает тишину и спокойствие в Поднебесной»¹¹. Сведениями о символике феникса у Джучидов или монгольском мире Восточной Азии, где изображения феникса – один из излюбленных мотивов (The Legacy of Genghis Khan 2002, fig.26, 187, 206, 207; 210; Watt, Wardwell 1997, cat. no. 31, 32, 39, 40, 47) мы не располагаем. Можно лишь предположить ее традиционную неизменность. Во всяком случае, в отличие от ближневосточных авторов XIII в., китаец Чжоу Цюй-фэй (нач. XIII в.) не сомневается в реальном существовании этой птицы¹². В культуре исламских стран Ближнего и Среднего Востока – в миниатюре и прикладном искусстве монгольского Ирана или сирийском стекле с эмальями (The Legacy of Genghis Khan 2002, fig. 95, 97, 101, 169, 204, 205, 208, 209; Carboni 2001, p.258–263, cat. no. 128, 129) семантика феникса / *сумурга*¹³ либо нейтральна, либо однозначно положительная. Напротив, символика сада в искусстве ислама не только положительна, но и в высшей степени активна. Сад – синоним Рая (ал-Джанна) (Пиотровский, 1991, с.59, 60; Gardet 2001)¹⁴. Сады рая¹⁵ обладают конкретными признаками – в них бьют два источника: *Каусар* и *Салсабиль*. В тексте 55-ой суры (аяты 46-51) можно прочесть: «...А тому, кто боится сана Господа своего, / *два сада*, (курсив мой – М.К.) / Какое же из благодеяний Господа вашего / вы считаете ложным? – / *обладающие ветвями*. / Какое же из благодеяний Господа вашего / вы сочтете ложным? / *В них два источника протекают*. / Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным? / *В них – из всяких плодов два сорта*...».

Коранические «два сада» – реальный образ Марибского оазиса после прорыва плотины у сабейской столицы (последний прорыв около 570 г.), перенесенный на мифологию Рая¹⁶. В суре «Сабāʾ» сказано буквально: «...и послали Мы на них разлив плотины и заменили им сады *двумя садами*, обладающими плодами горькими, тамариском и немного лотосами. Этим воздали им за то, что они не веровали! <...>» (Коран, 34:15(16)–16(17), см. еще примеч. 8 на с.595). Как показал М.Б. Пиотровский, текст 34-ой суры исторически мотивирован и не вызывает сомнения в реалиях (Пиотровский 1991а, с.155). Им же уточнено название растений русского перевода Корана: кустарник арак – (в тексте описательно – *укуль хамт*, «плоды горькие»), небольшие деревья – асль (атль), крупные деревья – сидр (ор сит., с.155).

Два сада с «ветвями» алых пионов, «два источника» – *два синих водоема* в зеленом обрамлении пышной листвы, *два растения с загадочными красно-золотыми плодами* на ветвях, – все это и есть предметный мир, который изображен мастером-ремесленником (*сāниʿ*, *арабск.*)¹⁷ в рисунке на донце чаши из Азака (табл.1, 2). Содержание этого незатейливого «пейзажа» помогает понять его цветовой решение. Палитра рисунка характерна для исламской традиции – зелень сада и красные, подобные рубинам пионы. Вместе с точностью рисунка и гармоничными пропорциями чаши мажорная цветность – признак красоты, символизирующей райский сад, метафора грядущего благоденствия в садах Эдема. В земной жизни синоним небесного Рая – пир. Мистическая красота Рая на чаше, предназначенной для пира¹⁸, и есть содержание декора азакской находки. Именно в теме пира земное смешано с божественным. И хотя коранические догматы запрещают употребление алкоголя¹⁹, в суре «Мухаммад» можно прочесть: «Образ сада, который обещан богобоязненным: / там – реки из воды не портящейся и реки из молока, вкус / которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих, / и реки из меду очищенного <...> (47: 16(15), 17).

Привлекательность образа небесного рая в самом начале XIII в. была использована исмаилитами-ассасинами²⁰ для пропаганды собственных идей. Об этом мы узнаем из новеллы Марко Поло о «тайном земном саде», отстроенном Горным старцем в «стране Муклет», где была воплощена идея коранического небесного рая²¹. В Европе XIV в. эта легенда²² была распространена и расцвечена новыми красками в описаниях мистифицированного кругосветного путешествия вымышленного английского рыцаря сэра Джона Мандевила, за которым скрывался льежский врач Жан де Бургонь (1300–1372)²³.

Религиозная поэзия, как правило, с оттенком мистицизма, превозносит и вино, и пир, что оказало влияние не только на все формы исламской изобразительности, но и исламской добродетельности. Не зря же в притче о шахе и опьяневшем ревнителе закона у Джалаладина Руми

(1207–1273), основателе братства суфиев и поэте, вино помогает простить грех прелюбодеяния *факиху*, счастливо избежавшего встречи с палачом: «Но, видя шахский гнев немилосердный, / Законник закричал: «О, кравчий верный, / Налей вина поболее, чтоб свой гнев / Умерил наш властитель, захмелев!» / Шах засмеялся, перестал сердиться, / Сказал: «Бери, *факих*, твоя девица!»» (Руми, 1986, с.214).

С начала XIV в. новый образ и новый ритуал исламского пира наложился у Джучидов на доисламскую модель застолья (о монгольских пирах – см.: Крамаровский, 2001, с.80–84). Золотая и серебряная утварь, характерная для степных ставок в XIII в., постепенно вытесняются кубками из меди и бронзы, подражающими декору иранских инкрустированных сосудов (Руденко, 2001, с.104–132, рис. 1–4). Во дворцах и домах золотоордынской знати появляются и винные чаши из полуфаянса, покрытые многоцветной глазурью, и сосуды для розовой воды для омовения рук в ходе трапезы. Пир вместе с более утонченным ритуалом, известным по описанию Ибн Баттуты, обретает новую полихромиию. В этой связи уместно задуматься над вопросом о месте конкретного предмета в общем ансамбле пиршественного интерьера²⁴. В пропитанной суфизмом городской среде Золотой Орды цветовая гамма всей группы золотоордынской пяти-цветной керамики, включая и пиршественную утварь, и изразцы, подчинены одной идее – напоминанию о главной теме исламской эсхатологии – теме райского блаженства. Естественно, что любой конкретный предмет в этой среде, являясь деталью ансамбля, может быть в своей художественной полноте понят только в контексте общего замысла. Поэтому нет существенного различия в том, идет ли речь о частной детали интерьера дворца, или аристократического дома, нередко своей планировкой и декором повторяющего дворцовую модель (Федоров-Давыдов, 1994, с.52–67), но в ином масштабе.

Литература

- Аль-Халлаб Ассифа*. Эстетические основы исламского орнамента. М., 1999.
- Белинский И.В., Масловский А.Н.* Некоторые редкие импорты поливной керамики Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. док. науч. конф. Симферополь, 1998.
- Гете Иоганн Вольфганг*. Западно-Восточный диван. Издание подготовили И.С.Брагинский, А.В.Михайлов. М., 1984.
- Дафтари Фархад*. Традиции исмаилизма в средние века. Сб. ст. М., 2006.
- Евтюхова Л.А.* Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
- Иванов А.А.* Аннотации к иранским изразцам № 178 и № 218 в каталоге «Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама». Под общей редакцией М.Б.Пиотровского. СПб., 2000.
- Каневская Н.А.* Искусство Восточной и Центральной Азии // Государственный музей народов Востока, Москва. Л., 1983.
- Кверфельдт Э.К.* Предмет в китайском искусстве. Л., 1937.
- Коваль В.Ю.* Золотоордынский керамический импорт на Руси // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. док. науч. конф. Симферополь, 1998.
- Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов. Культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Крамаровский М.Г.* Алые пионы эдема. О полихромии в керамике Золотой Орды XIII–XIV вв. // Античная древность и средние века. Вып.36. Екатеринбург, 2005а.
- Крамаровский М.Г.* Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда: история и культура. СПб., 2005б.
- Кэ Юань*. Мифы Древнего Китая. Изд. 2-е испр. и доп. Пер. с китайского У.И.Лубо-Лесниченко, Е.В.Пузицкого и В.Ф.Сорокина. М., 1987.
- Латышева Г.П.* Торговые связи Москвы в XII–XIV вв. // Древности Московского Кремля. М., 1971.
- Лучицкая С.И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов / Отв. ред. А.Я.Гуревич. СПб., 2001.
- Малеванный В.А.* Химико-технологическое исследование архитектурной кашинной керамики // Приложение к книге Г.А.Федорова-Давыдова «Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт». Изд-во МГУ, 2001.
- Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991а.
- Пиотровский М.Б.* Ал-Джанна // Ислам. Энциклопедический словарь, М., 1991б.
- Пиотровский М.Б.* Рай как главная тема в искусстве // Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама. СПб., 2000.

- Руденко К.* Бронзовые чаши с серебряной инкрустацией из собрания Национального музея РТ (к вопросу о болгарской торевтике эпохи Золотой Орды) // ТА. 2001. № 1–2 (8–9).
- Джалаладдин Руми.* Поэма о скрытом смысле. Избранные притчи. Перевод с персидского Наума Гребнева. Сост., пер., послесл. и коммент. О.Ф.Акимовича. М., 1986.
- Сайко Э.В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
- СМИЗО I* – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В.Г.Тизенгаузена. Том I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Стародуб Т.Х.* Иранская керамика с надглазурной росписью (минаи). Опыт атрибуции и классификации на материале коллекций СССР // Музей, 9. М., 1988;
- Строева Л.В.* Уничтожение монголами государства исмаилитов в Иране // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. № 179, вып. 4. Л., 1954.
- Тасмагамбетов Исмангали, Самашев Зайнолла.* Сарайчик. Алматы. 2001.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Фишман О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность XIII–XVIII вв.
- Маршалл Дж. С. Ходжсон.* Орден ассасинов. Борьба ранних низаритов исмаилитов с исламским миром. СПб., 2004.
- Чжоу Цюй-фэй.* За хребтами. Вместо ответов (лин вай дай да). Пер. с китайского, введ., коммент. и прилож. М.Ю.Ульянова. М., 2001.
- Чудеса мира 1993* – ‘Аджа’ Иб ад-Дунйā (Чудеса мира). Критический текст, пер. с персид., введ., коммент. и указ. Л.П.Смирнова. М., 1993.
- Atil Esin.* Renaissance of Islam. Art of the Mamluks. Washington, 1981.
- Carboni Stefano.* Painted Glass // Glass of the Sultans. Stefano Carboni and David Whitehouse. With contributions by Robert H. Brill and William Gudenrath. New Haven and London, 2001.
- Gardet 2001-Denni Walter B.* Paradise Symbolized // Images of Paradise in Islamic Art. Ed by Sheila S. Blair and Jonathan M. Bloom. Hanover, 1991.
- Ettinghausen R.* Kufesque in Byzantine Greece, the Latin West and Muslim World // A Colloquium in Memory of George Correntes Miles (1904–1978). New York, 1976.
- Hirx John, Leona Marco and Meyers Pieter.* The Glazed Press-Molded Tiles of Takht-i Sulaiman // The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353. Edited by Linda Komaroff and Stefano Carboni. New York, New Haven and London, 2002.
- Hobson R.L., c.b., Rackham Bernard, King William. *Chinese Ceramic in Private Collections. London, 1931.*
- Imai Atsushi* (Аннотации к сосудам № 199-201) // Special Exhibition Jixiang Auspicious Motifs in Chinese Art. Tokyo, 1998.
- Lehrman J.* Earth Paradise. Garden and Courtyard in Islam. London, 1980.
- Masuya Tomoko.* Ilkhanid Courtly Life // The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. Ed. by Linda Komaroff and Stefano Carboni. New York, New Haven and London, 2002.
- Mino Yutaka, Wilson P.* An Index to Chinese Ceramic Kiln Sites From Six Dynasties to the Present. Toronto (Royal Ontario Museum). 1973.
- The Miraculous Journey of Mahomet.* Mirāj Nāmeḥ. Introduction and commentaries by Marie-Rose Séguy. London, 1977.
- Naumann Elisabeth and Naumann Rudolf.* Ein Köşk im Sommerpalast des Abaqa Chan auf dem Tacht-i Sulaiman und seine Dekoration // Forschungen zur Kunst asiens: In Memoriam Kurt Erdmann, 9. September 1901-30. September 1964, ed. by Oktay Aslanapa and Rudolf Naumann. Istanbul, 1969.
- Ritter H., Ruska J., Sarre F., Winderlich R.* Tine persische Beschreibung der Fayencetechnik von Kashan aus dem Jahre 700 H. Orientalische Steinbücher und persischen Fayencetechnik. Istanbul, 1935.
- Sims Eleonora G.* Аннотация к сосуду из собрания Национального музея искусства Востока в Риме, инв. № 1977 // Arte islamica in Italia. A cura di Giovanni Curatola [Silvana Editoriale], 1993.
- The Legacy of Genghis Khan.* Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353. Edited by Linda Komaroff and Stefano Carboni. New York, New Haven and London, 2002.
- Tregear Mary.* Song Ceramics. London, 1982.

Fyodorov-Davydov G.A. *The Culture of the Golden Horde Cities. BAR International Series 198, 1984.*

Ward Rachel. *Islamic Metalwork. London, 1993.*

Watt James C.Y., Wardwell Anne E. *When Silk Was Gold. Central Asian and Chinese Textiles. New York, 1997.*

Watson Oliver. *Ceramics From Islamic Lands. The al-Sabah Collection Dar al-Athar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum. London, 2004.*

Примечания

¹ Азовский краеведческий музей, раскопки И.В.Белинского. Место находки: Азов, ул. Розы Люксембург, яма 12; издание чаши см.: Белинский, Масловский 1998, с.39, рис.2,3; Белинский, Масловский 2005, с.164, рис.11, 3. В тезисах и статье памятник приписан Ирану (без даты), а техника росписи определена как *минаи*. К сожалению, в процессе редакционно-технической подготовки каталога «Золотая Орда: история и культура» (СПб., 2005) по моему недосмотру в текстах о кубке был использован устаревший файл, где производство сосуда обозначено как «Сирия или Золотая Орда» (Крамаровский 2005 а, с.12, 67, 232 № 604), хотя уже до выхода каталога у меня не было сомнения в его золотоордынской атрибуции (Крамаровский 2005 б, с.234). Учитываю важность определения азакской находки для целой группы полихромной керамики Золотой Орды, целесообразно еще раз вернуться к этой находке.

² Кашинами принято называть высококремнеземистую (кварцево-фриттовую) керамическую массу, имеющую после обжига белый цвет с легким оттенком желтого или розового (Сайко 1982. с.133–138). Результаты последних по времени анализов химического состава кашинов Золотой Орды (но только архитектурных) представлены В.А.Малеванным; здесь же и литература вопроса (Малеванный 2001, с.235–245).

³ Чтение А.А. Иванова, которому приношу свою искреннюю благодарность.

⁴ По-видимому, В.Ю. Коваль под керамикой «*mina* минаи» (так!), попадающей в русские земли, подразумевает образцы золотоордынской полихромной керамики – см.: Коваль, 1998, с.127. В этом сообщении привлекает внимание статистика находок на территории Руси – 500 образцов в 31 географическом пункте, что, по подсчетам автора, составляет 85% всего восточного керамического импорта XIII–XV вв. (Коваль, 1998, с.128).

⁵ Иранское *минаи* (от перс. «эмалевый») – надглазурная роспись, предполагающая в качестве носителя черепок из твердого *кашина*. Изделиями минаи славился Кашан, где эта посуда производилась главным образом в конце XII – начале XIII вв. (см. Watson 2004, р.54,55). Одним из выдающихся гончаров, работавших в этой сложной технике в Иране (Кашан) в последние десятилетия XII в. был мастер Абу Зайд. В Британском музее хранятся пять сосудов, датированных месяцем мухаррамом – первым месяцем мусульманского календаря – в 582 г.х.(= 1186 г.) – 583 г.х. (= 1187 г.). Ал-Кашани (XIVв.) называл *минаи*, т.е. тип полуфаянсов с многоцветной цветовой палитрой, «изделиями семи красок». Немецкий перевод персидского текста главы о производстве полуфаянса по рукописи Ал-Кашани (1300 г.) и его копии (1583 г.) – сводный текст с комментариями переводчиков – см.: Ritter, Ruska, Sarre, Winderlich, 1935, s.14–16. Для изделий *минаи* характерно использование двух обжигов. Первый, производился после нанесения мазками стойких красителей на свинцовую глазурь, которая после добавления олова становилась непрозрачной; второй обжиг, производившийся при более низком температурном режиме, служил для закрепления менее стойких эмалей, наносившихся поверх глазури закрепленным первым обжигом. Как правило, художники-керамисты, работавшие в технике *минаи*, отдавали предпочтение не орнаментальным росписям, а сюжетным мотивам. Техника *минаи* позволяла мастеру использовать семицветную палитру (*haft rang* – «семь цветов») и при этом контролировать линейный рисунок. Художники, работавшие в этой технике в Иране, предпочитали сюжетный рисунок, близкий по стилю к миниатюре. В Золотой Орде, где предпочтение отдавалось растительным мотивам, эта техника не применялась. О керамике *минаи* см., например, Стародуб 1988, с.198–206; Watson 2004, р.54–55 (о *минаи* в Иране); р. 56 (о *минаи* в Сирии); здесь же обширная библиография вопроса.

⁶ В цзиньское время работали казенные печи Байту-яо в уезде Сяосянь, Сучжоу-яо в уезде Сусянь, Сычжоу-яо в уезде Сысянь (пров. Аньхой); Дин-яо у дер. Цзяньцы в уезде Цюйян; Цычжоу-яо у Гуаньтай-цзюня, близ г. Ханьдана (пров. Хэбэй); Пиндин-яо у г. Янцюаня (пров. Шаньси); Ячжоу-яо у Хуанбаоцзюня, близ г. Тунчуаня (пров. Шэньси); Шэньхоуцзюнь-яо в уезде Юйсянь (пров. Хэнань); Цзюньшань-яо в уезде Исин (пров. Цзянсу); Дагуаньтун-яо в уезде Фушунь (пров. Ляонин) (названия провинций современные) (Mino, Wilson 1973). Самыми знаменитыми на севере Китая были печи Цзюнь-яо (уезд Юйсянь а пров. Хэнань). Печи Цзюнь-яо вырабатывали многие типы керамики и дали лучшие цзиньские селадоны. Здесь же, начиная с сунского времени, выделялась керамика с красной глазурью.

⁷ Работы Советско-Монгольской археологической экспедиции под руководством С.В.Киселева в конце 1940-х – начале 1950-х гг.: раскоп I на перекрестке двух улиц в центре Каракорума – см.: Киселев, Мерперт 1965, с.173–182; Евтюхова 1965, с.216–273. Одна из лучших каракорумских находок хранится в Государственном музее искусств народов Востока в Москве (Инв. № 14508) – см. Каневская 1988, № 87.

⁸ Государственный Эрмитаж, Инв № X – 1351, 1352, 1353, 1357, 1370, 1380, 1383, 1386 и др.. Благодарю хранителя коллекции К.Ф.Самосюк за консультацию.

⁹ В «Книге гор и морей», разд. «*Дахуан си цзин*» говорится: «Разноцветные птицы бывают трех видов, одни называются *хуаньяо* – августейшие птицы, другие – *феникс-луань*, третьи *фэнняо* – просто птица-феникс» – Кэ 1987, с.299, примеч.12.

¹⁰ На вопрос об облике феникса сановник Тяньлао (серед. II в до н.э.) так определил облик феникса: «...спереди феникс напоминает лебедя, со спины похож на единорога цилиня. У него шея змеи, хвост рыбы, окраска дракона, туловище черепахи, горло ласточки, петушиный клюв» (Кэ, 1987, с.119, с.299, примеч.15).

¹¹ «Книга гор и морей». Разд. «*Нань цы сань цзин*» – см. Кэ 1987, с.299, примеч.13.

¹² «Фениксы, – сообщает китайский источник XIII в., – обитали в [горах] Даньсюэ. [Горы] Даньсюэ [расположены] на Юге. В наше время [фениксы обитают] в горных поселениях провинции Юн – на вершинах высоких скал, в тех местах, где не ступала нога человека. Там и расположены гнезда фениксов. Разноцветное [оперение] идеально, красивее, чем у павлинов, во много раз. [Они] точно такие, какими их изображают и наше время <...>. Никогда не спускаются к людям. Южане называют их «горными фениксами» (Чжоу Цюй-фэй, с.270).

¹³ «Птицу Симург называют [также] ‘Анка, то есть сказочной. Никто никогда ее не видел. Говорят, живет она за горой Каф, ибо [в свое время] заверяла Сулеймана, что может изменить судьбу и predetermined, но не смогла и была пристыжена. <...>

Правитель Систана мечтал увидеть птицу Симург. [С этой целью] он отправился в Индию.<...> И вот однажды она появилась. Воздух расцветился всеми цветами радуги, от ее перьев и крыльев шли красивые звуки, а от нее самой исходил приятный запах.

–Это – настоящий благоухающий сад, – сказал малик « (Чудеса мира, с.113).

¹⁴ Об исламском Рае и о Рае как главной теме исламского искусства – см.: Пиотровский 1991. с.59,60; Пиотровский 2000, с.48-56.

¹⁵ Коран. Перевод и комментарии И.Ю.Крачковского (Издание второе. М., 1986; описание садов см.: 47: 15/16; 55: 46-78; 11–38/37; 76: 11-22). Изображений садов множество – см., например: The Miraculous Journey <...>, 1977, pl.40–43.

¹⁶ Коран, сура 34:14 (15). Вместе с тем, в суре-гимне Рахман – райских садов четыре и в каждом бьет по источнику (55: 46-78).

¹⁷ В арабском языке искусный мастер, достигший совершенства и обладающий способностью наделять свое произведение духовным содержанием обозначался словом *сани* - ремесленник. Как пишет Асиф аль-Халлаб, в средневековом арабском для понятия «искусство» использовался термин *синаат* (буквально ремесло), применявшийся ко всем видам творческой деятельности – см.: аль-Халлаб, 1999, с.12.

¹⁸ О винной чаше как поэтическом символе райского сада – см.: Denni 1991, p.40.

¹⁹ Поэтому в примечаниях к «Книге Кравчего» из «Западно-Восточного дивана», адресованных к европейскому читателю, Гете называет вино «плодом полузапретного» (Гете, 1988, с.251).

²⁰ *Исмаилитов* с центром в Аламуте обычно принято характеризовать как крайних шиитских «еретиков». Имаилиты Аламута были разгромлены монголами при участии джучидских корпусов. Тем не менее, ассасины продолжили борьбу с монголами даже после смерти их «имама» Рукн ад-дина Хуршаха в 1256 г. (Строева 1954); см. еще: Ходжсон, 2004; Дафтари, 2006, с.103-185;.

²¹ «В стране Муклет в старину жил Горный старец <...>. Развел он большой отличный сад в долине <...> настроил там самых лучших домов, самых красивых дворцов <...>. Провел он там каналы; в одних было вино, в других молоко, в третьих мед, а в иных вода. Самые красивые на свете жены и девы были тут; умели они играть на всех инструментах, петь и плясать <...> Сад этот, толковал старец своим людям, – есть Рай. Развел он его точно таким, как Мухаммад описывал сарацинам рай <...>. Входил в него только тот, кто пожелает сделаться ассасином <...>. (Книга Марко Поло, 1956, глава XLI; см. еще главы XLII и XLIII). Впрочем, современное востоковедение уже давно не считает сообщение Марко Поло о райском саде Горного старца историческим фактом: Ходжсон, 2004, с.143–146; Дафтари, 2006, с.176.

²² Французский текст и русский перевод легенды см.: Лучицкая, 2001, с.360-363.

²³ Жан де Бургонь, по прозвищу «*а ле Барб*» – «*Бородатый*», бежал из Англии, где родился и совершил убийство в двадцать два года. За время своего 33-х летнего путешествия он побывал в Турции, Сирии, Аравии, Египте, Ливии, Эфиопии, Армении, Руси, Персии, Месопотамии, «Татарии» (т.е. Северной Азии), Индии, Китае, Брананте, Германии, Чехии, Литве и Польше (Сарматии). «Сочинение «Мандевилья» – огромная компиляция из трудов Одорико, Плано Карпини, Альберта из Экса, Гильома Триполитанского, Жака деВитри, энциклопедии «*Speculum Mundi*» Винсента де Бове и, конечно «Книги» Марко Поло» (Фишман 2003, с.66; см. еще: с.65–68).

²⁴ Эта идея наиболее полно сформулирована Э.К.Кверфельдом в наблюдениях над материалами китайского искусства: «<...> Предмет в искусстве Запада всегда является составной частью композиции сооружения и всегда подчиняется общему замыслу художника. Он всегда является деталью ансамбля и только в связи с ним может быть правильно понят <...> предмет в китайском ансамбле живет самостоятельной и весьма ярко выраженной индивидуальной жизнью и не нуждается в поддержке со стороны своего окружения <...> Он выявляет тонкую связь идеи и материала, из которой логически вытекают все формальные и декоративные возможности для художественного использования» (Кверфельдт, 1937, с.5,6,35).

Андрей Масловский

Государственное областное учреждение культуры «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», г. Азов

КОСТЕРЕЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО АЗАКА. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Косторезное производство – одно из немногих ремесел, доступных для изучения по археологическим материалам. Его особенностью является относительно позднее выделение в отдельную ремесленную специальность. И именно в силу этого оно может выступать как один из индикаторов степени развитости городского ремесла. Между тем косторезное производство в городах Золотой Орды – тема почти не подвергавшаяся исследованиям. Костяным орнаментированным накладкам на колчан посвящена отдельная статья (Малиновская, 1974). Были опубликованы материалы двух мастерских из Царевского городища (Гусева, 1974). В статье И.А. Закировой собраны материалы по косторезному производству Болгара (Закирова, 1988). В обобщающей работе Г.А. Федорова-Давыдова косторезному производству посвящен короткий раздел (Федоров-Давыдов, 1994, с.174–179, рис.34–36). Если не считать публикаций находок и атрибуции отдельных категорий изделий, этим и ограничивается в основном библиография по данному вопросу. Среди ремесел Золотой Орды резьба по кости является наименее изученной. Куда лучше изучены аналогичные вопросы для предшествующего периода степной зоны (Флерова, 2001). Большое количество исследований посвящено косторезному делу Руси. Причин для такого невнимания к косторезному ремеслу Золотой Орды со стороны исследователей несколько. Одна из важнейших – распыленность материалов.

Изучение золотоордынского Азака предоставляет благоприятную возможность для анализа степени развития косторезного ремесла в городах Золотой Орды. Пока что сделаны только первые шаги в его изучении. Материалы ни одной из обнаруженных мастерских не изданы в полном объеме. Нет и сводки находок, хотя значительное число изделий из кости уже опубликовано (Белинский, Масловский, 1998, рис. 25, 15–22; 26,1; Белинский, Масловский, 2001, с.47, рис. 4, 7–13; Дмитриенко, 2006, рис. 2, 3; 3, 3; 4, 2; Масловский, 2006, с.103, рис. 9; 10, 1–3; 12, 11; 13, 10 и др.). Единственной обобщающей работой стал неопубликованный доклад сделанный на научной конференции И.В. Гудименко в 1986 г. На настоящее время мне известно более полутора десятка косторезных мастерских (рис.1):

1. 1970-е – несколько мастерских, доследованных в котлованах под строительство домов у перекрестка улиц Социалистической и Ленина. Раскопки Н.М.Фомичева.

2. 1981 г. – мастерская на раскопе по улице Ленинградской. Раскопки В.В. Чалого. Сырье – метаподии крупного рогатого скота.

3. 1983 г. – мастерская на раскопе по улице Ленина. Раскопки В.В. Чалого. Сырье – метаподии крупного рогатого скота.

4. 1985 г. – мастерская на раскопе по улице Ленинградской 42. Раскопки П.А. Ларенка. Сырье – полый рог мелкого рогатого скота и лопатки.

5. 1989 г. – мастерская на раскопе по улице Комсомольская. Раскопки И.В.Перевозчикова. Сырье – полый рог мелкого рогатого скота.

6. 1990, 2003 г. – мастерская на раскопе по улице Ленина 46. Раскопки С.В. Рязанова, А.Н. Масловского. Сырье – лопатки.

7. 1990 г. – мастерская на раскопе по улице Чехова 3. Раскопки А.Л. Бойко. Сырье – метаподии крупного рогатого скота.

8. 1998–1999 гг. – мастерская на раскопах по улице Московская 38/40. Раскопы IV, V. Раскопки И.В. Белинского и А.Н. Масловского. Сырье – метаподии крупного рогатого скота. Продукция – пуговицы.

9–11. 2000–2001 гг. – мастерские (3) на раскопе по улице Толстого 41. Раскопки И.В. Белинского и А.Н. Масловского. Сырье – метаподии крупного рогатого скота (1), лопатки (2). Продукция одной из мастерских – пуговицы.

12. 2003 г. – мастерская на раскопе по улице Толстого 74. Раскопки А.Н. Масловского. Сырье – метаподии крупного рогатого скота. Продукция – кольца для стрельбы из лука.

13. 2003 г. – мастерская на раскопе на улице Дзержинского 30. Раскопки А.Н. Масловского. Сырье – метаподии крупного рогатого скота.

14. 2003 г. – мастерская на раскопе по улице К.Либкнехта 12. Раскопки И.В. Гудименко. Сырье – метаподии крупного рогатого скота.

15. 2004 г. – мастерская на раскопе по улице Ленина 46. Раскопки А.Н. Масловского. Сырье – метаподии крупного рогатого скота.

16. 2005 г. – мастерская из раскопа по улице Толстого 70. Раскопки М.Д. Дмитриенко. Сырье – лопатки и полый рог мелкого рогатого скота.

17. 2006 г. – мастерская из раскопа по улице Социалистической 61А. Раскопки А.Н. Масловского. Сырье – лопатки.

18. 2006 г. – мастерская из раскопа по улице Лермонтова 6. Раскопки А.Н. Масловского. Сырье – метаподии крупного рогатого скота.

И это далеко не полный список. Раскопки Азака ежегодно приносят новые материалы по косторезному производству. Анализ фондовых материалов также позволит выявить неизвестные еще мастерские. Кроме того, следует сказать, что почти на каждом раскопе находятся от одного до нескольких десятков отходов косторезного производства, которые также необходимо обобщить.

Хотя изучение косторезного производства Азака находится еще в самом начале, тем не менее ряд общих черт косторезного производства в Азаке уже можно обозначить. Необходимо также сформулировать ряд вопросов, ответ на которые принципиально важен.

1. Для большинства мастерских характерна многочисленность находок. Так, из мастерской на раскопе по улице Толстого 74 (2003 г.) происходит более тысячи находок. При этом следует учесть, что большинство мастерских исследовано фрагментарно. К тому же утилизация мусора в пределах жилых усадеб производилась спорадически, например, при необходимости засыпки старого погреба, и зачастую перед нами следы одномоментного сброса производственных отходов, накопившихся за отдельный короткий отрезок времени. Таким образом, для Азака мы имеем свидетельства массового производства.

2. Все без исключения мастерские специализированы на отдельных видах сырья (см. выше). То есть, в материалах мастерской, занимавшейся, скажем, изготовлением костяных изделий из метаподий животных, другие виды сырья не превышают нескольких процентов от общего объема находок. Следовательно, такая специализация по используемому сырью предполагает и ограниченность выпускаемого ассортимента изделий.

3. Есть примеры еще более узкой производственной специализации. Известно уже две мастерских токарей, которые изготовляли только пуговицы. Еще более удивительна специализация мастерской из раскопа по улице Толстого 74. Здесь подавляющее большинство находок связано с производством костяных колец для стрельбы из лука. Такая продукция предполагала и особый способ разделки сырья. При этом такая узкая специализация сохранялась в пределах усадьбы на протяжении нескольких десятилетий.

4. Подавляющее большинство находок представляют собой отходы первичной разделки сырья (отпиленные эпифизы метаподий, стержни лопаток, основания полых рогов). Причем на некоторых мастерских присутствуют только они. Создается впечатление, что в некоторых случаях мы имеем дело с мастерскими, где осуществлялась исключительно заготовка полуфабрикатов (костяных цилиндров или пластин).

5. Вместе с тем есть мастерские, где отходы первичной разделки сырья практически отсутствуют, например, две мастерские токарей-пуговичников. Здесь встречены только отходы от разделки блоков, полученных из метаподий на пластины, из которых вытачивались пуговицы. То есть, мастер либо получал полуфабрикаты, либо, что менее вероятно, производил первичную разделку сырья вне пределов своей усадьбы.

6. Для всей совокупности следов косторезного производства Азака характерно абсолютное преобладание отходов первичной разделки сырья и отходов от дальнейшей переработки полуфабрикатов и очень ограниченное количество бракованных или неоконченных вещей.

7. Практически не найдено орудий косторезного производства. Хотя по следам на орудиях известно, что распиловка метаподий и лопаток выполнялась пилками с толщиной полотна менее 1,5 мм, неизвестно ни одной даже фрагментарной их находки. Очень немного ножей, которые можно отнести к числу специализированных косторезных резцов.

8. Количественно готовые изделия из кости просто не сопоставимы с объемом отходов косторезного производства. Причем среди готовых изделий есть вещи, выполненные на уровне домашнего промысла. К примеру, известны выструганные наконечники стрел, хотя достаточно часты находки стрел, выточенных на токарном станке. Хотя встречается весьма много распиленных полых рогов и даже специализированная мастерская по их обработке, автору неизвестно ни одного готового изделия из полого рога. К этому следует добавить, что продукции городских косторезов практически нет за пределами Азака. Немногочисленные костяные изделия из кочевнических погребений являются продукцией домашнего ремесла.

9. Ассортимент выпускаемых изделий невелик и продукция очень стандартна. В целом набор категорий близок находкам из других золотоордынских городищ (Закирова, 1988; Федоров-Давыдов, 1994, с.174–179). При этом признаков того, что резьбой кости занимался, скажем, мастер по выделке ножей нет. Разумеется, мастер пуговичник мог точить и деревянную посуду, но при этом удивляет, что в этих мастерских отсутствуют следы вытачивания других костяных изделий, например, стрел или булавок.

10. Следы обработки кости встречены на территории почти всей центральной части городища. Как и большинство других ремесленных производств Азака, косторезное дело было рассредоточено на большой площади, хотя и наблюдается большая их концентрация в отдельных районах.

К числу вопросов, на которые, по нашему мнению, нужно искать ответы, относятся следующие: 1. Какой источник сырья использовался городскими ремесленниками и как происходил его отбор? Как уже указывалось, подавляющее большинство находок принадлежит к костям крупного рогатого скота и представлено большими сериями. Скотоводческое хозяйство кочевников с преобладанием в стаде лошадей и овец, на наш взгляд, сложно представить сырьевой базой городских ремесленников. Возможно, они получали сырье с городских боен, но в какой степени ежедневный забой скота для городского потребления мог их обеспечить? Или массовость находок свидетельствует о том, что обилие косторезного сырья является побочным следствием других перерабатывающих ремесел, скажем, кожевенного? 2. Высокая степень специализации городских косторезов свидетельствует о массовом производстве стандартных изделий на рынок, и подобные серии представлены в материалах Азака. Но возможно ли, чтобы один, пусть и весьма крупный, город мог потребить такое количество продукции? Как вообще стала возможна специализация этого ремесла в XIV в., если и в более поздний период, в России XVII–XVIII вв. (Флерова, 2001, с.22), специализированных косторезов было немного. 3. Откуда в городе, прошедшем чуть более ста летний путь от зарождения до гибели, появились специализированные ремесленники-косторезы? 4. Происходило ли в Азаке развитие косторезного ремесла или оно попало в город в готовом виде и оставалось неизменным? 5. Более общим является вопрос о том, насколько близки друг к другу по ассортименту, технологическому и организационному уровню были косторезные производства в Азаке и других золотоордынских городах?

Как мы видим, поле для исследовательской работы в плане изучения косторезного производства Азака очень велико. Но и информация, полученная в ходе этой работы не просто ценна, а является совершенно необходимой для целостной характеристики городского ремесла Золотой Орды.

Литература

Белинский И.В., Масловский А.Н. Раскопки в г. Азове по улице Толстого в 2000 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Азов, 2001. Вып. 17.

Гусева Т.В. Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая // СА. 1974. № 3.

Дмитриенко М.В. Итоги археологических исследований в г. Азове по ул. Ленинградской, 67 в 2004 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21.

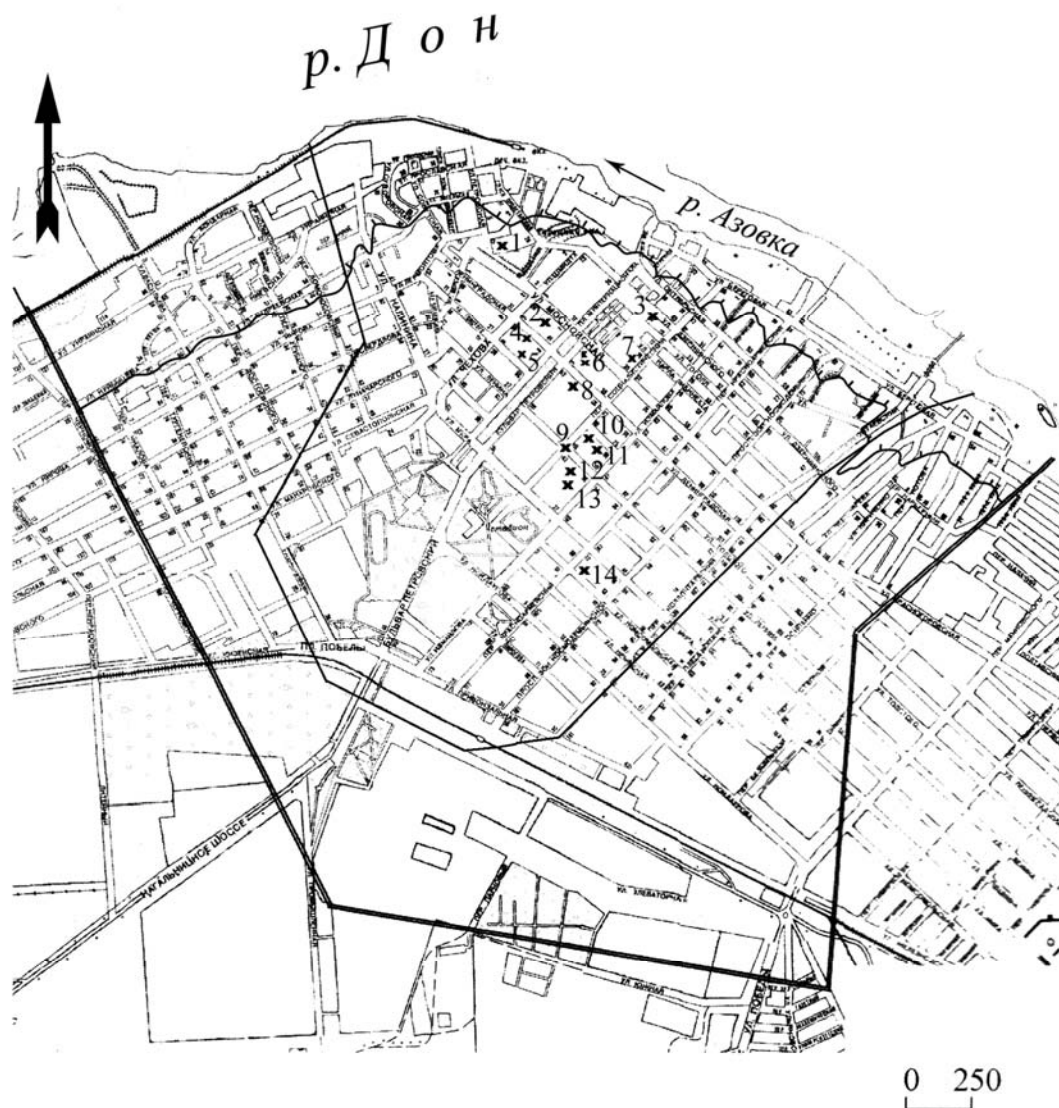
Закирова И.А. Косторезное дело Болгар // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Масловский А.Н. Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21.

Флерова В.Е. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII вв. по материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2001.

- == - граница города по Н.М.Фомичеву
- - граница города по И.Д.Тиуну
- - - граница высот
- ✕ - косторезные мастерские

- 1 - ул. Лермонтова 6 (2006)
- 2 - ул. Чехова 3 (1990)
- 3 - ул. Дзержинского 30 (2003)
- 4 - ул. Ленинградская 42 (1985)
- 5 - ул. Толстого 41 (2000)
- 6 - ул. Московская 38/40 (1998-1999)
- 7 - ул. К.Либкнехта 12 (2003)
- 8 - ул. Ленинградская (1981)
- 9 - перекресток ул. Социалистической и ул. Ленина (1970-е)
- 10 - ул. Толстого 70 (2005)
- 11 - ул. Толстого 74 (2003)
- 12 - ул. Ленина 46 (1990, 2003-2004)
- 13 - ул. Социалистическая 61а (2006)
- 14 - ул. Комсомольская (1989)

Николай Фомичев

Государственное областное учреждение культуры «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», г. Азов

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОРДЫНСКОЙ НУМИЗМАТИКИ

Золотоордынские монеты у археологов и нумизматов котируются как первоклассный источник для выяснения политической, экономической и культурной жизни средневекового города, важнейший источник для датировки. Однако в нумизматике Золотой Орды остается еще немало проблем. Важнейшая из них – отсутствие полноценного каталога, представляющего все типы монет Золотой Орды. В научной литературе остается плохо представленной ордынская нумизматика таких регионов, как Крым, Приазовье, Прикубанье, Ставрополье, Приуралье и др. По многим крупнейшим ордынским памятникам исследователи не имеют данных статистики о находках монет. Не имеют пока нумизматы и четкой датировки выпуска многих анонимных и энэпиграфных пулов и, более того, остается пока не известной даже последовательность чеканки некоторых таких типов пулов. Наибольшее количество энэпиграфных и анонимных, недатированных пулов относятся к смутным временам в истории Золотой Орды, а именно к периоду 80–90 годов XIII в. и 70-х годов XIV в. Насущной необходимостью в настоящее время является разработка четкой хронологической колонки дат выпуска отдельных типов ордынских пулов и распределение таких анонимных и энэпиграфных пулов, не имеющих года в той последовательности в какой они должны были чеканиться. Создание такой хронологической колонки может в корне изменить многие интересные исторические построения нумизматов, пользующиеся в настоящее время популярностью.

В выяснении проблемы последовательности обращения монет, не имеющих даты чекана, большое значение имеет их распределение по периодам денежного обращения. Опорными датами для выяснения периодов обращения являются монеты с обозначенным годом выпуска. Выяснению времени чекана монет, не имеющих даты чекана, может содействовать распределение таких монет во временных лакунах между выпусками датированных монет.

Существенным подспорьем в выяснении времени чекана монет является также анализ содержания легенд и иконографии изображений на монетах. Немало информации можно извлечь благодаря исследованию метрологии монет, денежно-весовых и весовых единиц. Ряд принципиально важных вопросов в исследовании денежного обращения позволяет решать анализ сравнения статистики находок как отдельных, так и целых групп монет, собранных на отдельных памятниках. Возможности датировки выявленных объектов существенно возрастают при наличии массовых находок монет, имеющих четко зафиксированные паспортные данные о месте находки каждой монеты. В выяснении датировки групп анонимных пулов существенную помощь может оказать анализ взаимной встречаемости пулов в закрытых комплексах и хозяйственных ямах, в частности, массовые находки паспортных монет на территории ордынского Азака, многолетние раскопки которого все больше превращают его в эталонный памятник для всей ордынской археологии.

Проблемы в датировке создают не только вышеназванные энэпиграфные и анонимные монеты без года. Вследствие несовершенства техники чеканки монет часто на поле монеты изображение штемпеля отчеканивалось лишь частично, нередко без года отображенного на штемпеле. Чтобы выяснить дату таких монет, необходима реконструкция изображений штемпелей, которыми отчеканены такие монеты. Такие реконструкции сделаны нами пока лишь для небольшой группы азакских дирхамов Тохтамыша по материалам двух больших кладов. Перспективные работы в этом направлении осуществляются в последние годы Институтом Востоковедения РАН.

Несомненно также и то, что для создания обоснованных выводов необходимо опираться на какие-то на работы предшественников и уже существующие базовые понятия. В частности, выпуск каждой новой серии пулов или дирхамов, вызывался, несомненно, не только интересами казны, получавшей от этого свои доходы, но, в первую очередь, потребностями развивающегося рынка. Если средневековый город развивался без серьезных политических потрясений, то его оптовая и розничная торговля развивались стабильно без сбоев. Чтобы механизм розничной торговли действовал ритмично, в денежном обращении должно находиться определенное, достаточное количество пулов. Если розничная торговля бурно развивается в какой-то период, то

соответственно пропорционально растут масштабы чеканки медных денег, и соответственно их выпадение в культурный слой.

Говоря о возможностях нумизматики в создании научно обоснованных выводов, следует иметь в виду, что возможности ордынской нумизматики в реконструкции исторических и экономических процессов не безграничны. Будет целесообразным назвать и некоторые негативные факторы, препятствующих созданию полноценных научных выводов. В первую очередь, следует учитывать степень сохранности археологических памятников, в частности, по нашим наблюдениям состав монет в верхней части культурного слоя, доступного для разрушения современными «черными археологами», существенно отличается от состава монет, находящихся в нижних слоях.

При датировке тех или иных объектов и предметов следует учитывать дату выпуска монеты и период ее обращения. По наблюдениям Г.А. Федорова-Давыдова вкладах медных монет присутствуют пулы одного или смежных выпусков в пределах 20 лет, а это свидетельствует, о том, что они продолжали обращаться на протяжении как минимум двух десятилетий. (Федоров-Давыдов, 2003, с. 40). Закономерности выпада монет из денежного обращения в культурный слой пока еще не выяснены. Монета, обращавшаяся на протяжении двух-трех десятилетий, могла попасть в культурный слой в любой год этих десятилетий и, соответственно, если она представлена в единичном экземпляре, не может дать точную датировку. Крупные объекты, например, землянки, дают немало ранних монет, которые, тем не менее, не могут служить основой для датировки начала функционирования такого жилища, т.к. такие монеты могли находиться в денежном обращении как остаточное явление.

По объективным причинам многие объекты раскапываются лишь частично, что существенно влияет на выводы исследователя по датировкам. Методика археологических раскопок, особенно новостроечных, остается пока еще несовершенной, в частности она не позволяет точно зафиксировать в ямах привязку монеты к прослойке, в которой она находилась, в лучшем случае комплексы монет из ямы фиксируются по трем уровням, верх ямы, середина, придонная часть, хотя слои в яме нередко располагаются по откосам. Многие монеты обнаруживаются лишь в отвале. В результате использования археологами металлоискателей, резко возросло количество находимых монет. Однако полной гарантии того, что в конкретном раскопе из культурного слоя выбраны все монеты, пока еще нет. Приблизительно одна треть монет из раскопок реставрации вообще не подлежат, сохранность монет в ямах оказывается различной, в отдельных ямах подавляющее большинство монет оказываются не пригодными для научных исследований. Помимо этого значительная часть отреставрированных монет не поддаются определению, это особенно относится к иноземным монетам, имеющим часто очень плохую сохранность. Соответственно этому и выводы по датировке предметов, происходящих из такой ямы, будут неполными, следовательно, не объективными.

Те или иные вещи археологи датируют по монете, обнаруженной рядом с этой вещью, хотя такая монета могла попасть в заполнение ямы при ее засыпке из окружающего культурного слоя. Датировки отдельных анонимных или энэпиграфных пулов остаются проблемными, причем мнения нумизматов иногда расходятся настолько кардинально, что одни из них относят такую монету, например к рубежу XIII–XIV вв., другие к середине XIV – началу XV вв. (Фомичев, 2006, с.218–219). Тем не менее, археологи нередко продолжают делать на основе таких датировок нумизматов свои выводы.

Перспективным направлением в проблеме датировок является точная фиксация обнаружения отдельных фрагментов одного предмета, попавшего в разные ямы или разные прослойки культурного слоя. Каждый из таких фрагментов может соответственно датировать и находимые рядом с ним предметы и монеты. Интересной идеей в этом плане является датировка монет по находимым рядом с ними датированным предметам, например амфорам, но это направление исследований остается пока еще в зачаточном состоянии. (Масловский, 2001, с.85–86).

Литература

1. Масловский А.Н. К датировке золотоордынских пулов с легендой «В добрый час». // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2001.
2. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
3. Фомичев Н.М. Некоторые возможности нумизматики в датировке отдельных объектов средневекового города Азака // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов, 2006.

Рустам Сингатулин

Педагогический институт СГУ, г. Саратов

Алексей Иванов

Саратовский государственный университет (СГУ), г. Саратов

Светлана Браташова

ОЦДО «Поиск», г. Саратов

ГИБЕЛЬ УКЕКА: ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР (на материалах геолого-археологических исследований 2001–2006 гг.)

Причина гибели средневекового Укека до сих пор достаточно не изучена, хотя различные гипотезы высказывались многократно, но в основном они сводились к двум вариантам: гибель города от рук воинов Тамерлана в 1395 г. или в результате естественных геологических процессов, связанных с размыванием и обрушением территории города.

К сожалению, в последнее время в некоторых публикациях безосновательно утвердилась первая точка зрения, суждения которой строятся на достаточно «размытом» и противоречивом сообщении персидских источников первой четверти XV в., и «поддерживается» аргументирующим анализом нумизматического материала. Речь, прежде всего, идет о «Книге побед» Низам ад-дина Шами и книги с таким же названием Шереф ад-дина Йезди (Тизенгаузен, 1941, с.121, 178, 185). Не вдаваясь во все тонкости перевода с древнеперсидского на немецкий, а затем русский языки разных авторов (Френ, Васильчиков, Тизенгаузен и др.), ранние исторические интерпретации текста (особенно в контексте того же источника, якобы о разграблении Москвы: «дошел до области Мошкав...» и впоследствии выделенную в Мокши) продолжительное время были доминирующими (Тизенгаузен, 1941, с.121). По той же «Книге побед» (по Низам ад-дину Шами) можно процитировать, что: «вслед за врагами *дошел, до области Укек... Разграбив всю ту область, взяли много добычи*». На этом, собственно, можно было бы поставить точку, если бы ни маленькое «но»: информация в сочинениях персидских авторов никогда не подтверждалась археологическими данными – следов побоища на Увекском городище не обнаружено. Материалы последних геолого-археологических исследований 2001–2006 гг. (Сингатулин, 2003; 2005) также не подтверждают версию гибели города от рук воинов Тамерлана. Ситуация парадоксальная, особенно если сравнить с описанием раскопок Терещенко (1850–1851 гг.) в Новом Сарае, разрушенном Тамерланом в 1395 г.: «один остов без рук, а ноги поперек туловища, другой без черепа... все кости... как бы изрублены в мелкие кусочки... несколько других без рук и ног, другие без черепов...» (Баллод, 1923, с.94). И так по всей окрестности бывшей столицы, вперемешку с битым кирпичом и наконечниками стрел. И уж совсем непонятно поведение воинов Тамерлана в «разграбленном» Укеке. Ведь они оставляли после себя «целые ящики – браслеты, кольца золотые и серебряные, подвески, серьги, золотые перстни с камнями» (Голицын, Краснодубровский, 1890, с.92), и «... значительное количество «мамайских чашек» (медных чашек), сложенных обыкновенно штук по 12 вместе» (Минх, 1881, с.228, 232).

Очевидно, что и обобщенный анализ монетного материала из разных нумизматических коллекций (Недашковский, 2000) в данном вопросе также не может выступать в качестве основного аргумента. Как верно отметила О.А. Ильина: «... монеты, чеканенные позже 60-70-х гг. XIV в., являются на Увекском городище единичными находками, полученными к тому же не в ходе археологических раскопок, а в результате сборов и скупки монет у местного населения» (Ильина, 2006, с.138). В подтверждение ее слов отметим, что проведенные охранно-спасательные работы в пос. Увек (2004–2006 гг.) при общей вскрытой площади свыше 10 000 м² показали отсутствие монетного материала, чеканенного позже 1361 г.

В то же время «Увек мог... прийти в разрушение вследствие исключительно физических причин: оседания почвы, размыва Волги... вода... производит беспорядочное оседание рыхлого грунта возвышенности... спалзывание склонов двух прилежащих террас, четвертой на третью и третьей на вторую» (Минх, 1881, с.226, 232). Впервые на эти геологические признаки предполагаемой гибели Укека обратили внимание Г.С. Саблуков и казанский археолог П.А. Пономарев. И хотя оба исследователя допускали, с большей вероятностью, что Увек был разрушен Тамерланом,

но всегда подчеркивали при этом, что город мог погибнуть и от природного катаклизма (Саблуков, 1884; Минх, 1881, с.232).

Возникновение средневекового города на высоком нагорном мысу, поднимающимся на 135,8 м у излучины Волги было закономерным. На преимущества подобного местоположения в стратегическом плане указывал П.А. Пономарев (Пономарев, 1879, с.321–324). Геологические особенности района привели как к появлению города именно на этом месте, так и к его исчезновению. Одной из этих особенностей было сильное сужение русла Волги в районе Увекского поднятия, что особенно привлекательно при создании переправы через широкую реку. Порожденный тектоникой мыс Увека, отбрасывая Волгу на восток почти под прямым углом, способствовал сохранению и наращиванию обширной террасы ниже по течению, удобной для заселения, с богатыми почвами. Высокая гряда прикрывала большую часть города от господствующих в здешних краях холодных северо-западных ветров, многочисленные родники несли воду садам и фонтанам. Террасы Увекской горы и разновысотные холмы (следы древних оползней), позволяли создавать естественную многоярусную застройку площади. Гора, сложенная в основном отложениями меловой системы, в изобилии поставляла материал, как для строительства, так и для производства керамики.

К сожалению, история доказывает, что идиллия часто лежит на вулкане, в буквальном и переносном смысле. Так было с Тирой и Мохенджо-Даро, Помпеями и Содомом. Именно Содомом в местных преданиях остался Увек, якобы погибший за грехи его жителей. В 1579 г. приказчик английской торговой компании Христофор Барроу, сопровождая по Волге транспорт с товарами, записал: «На этом месте стоял прекрасный каменный замок по имени Увек, а к нему прилегал город Садом, который, по словам русских, по причине развращенности обитателей вследствие праведного суда Божьего был поглощен землею с частью цитадели». Два столетия спустя, в 1769 г., российский натуралист Иван Лепехин записал то же сказание, сохранившееся среди местных жителей (Дневные..., 1771, с.378–380).

К сожалению, использование только письменных источников о походах Тамерлана без учета геологических факторов и археологических данных привел к однозначному взгляду на события XIV в.

Увекское поднятие, возникшее при восходящих движениях земной коры, в дальнейшем разрабатывалось абразией акчагыльского моря и последующих морей плейстоцена, приобрела хорошо выраженное ступенчатое строение рельефа (рис. 1). На Увекке мы видим только самую низкую ступень олигоценовой равнины – акчагыльскую абразионную, т.е. образовавшуюся вследствие действия морского прибоя, приливов и отливов, поверхность, сложенную песчано-глинистыми осадками. Моря четвертичного периода внесли свой вклад в террасирование склонов, оставив 4 надпойменные террасы – сарпинская (10–15 м), хвалынская (30–35 м), хазарская (~55 м) и бакинская (более 80 м). Самая высокая – бакинская терраса прислонена к древнему оползневому откосу верхней зоны оползней северной окраины Увекского косогора. Хвалынская терраса, хорошо выраженная в рельефе, полностью прорезает р. Увековка, в которую эта терраса заходит, продолжалась далее на восток в сторону коренного русла. Размыв Волгой берега срезал устье Увековки и террасы ее склонов, нацело смыл сарпинскую террасу и обнажил с левого фланга примыкавшие к ней древние оползни волжского склона. На стыке склонов Увековки и Волги образовался высокий острый выступ горы Шаблица (названное по усадьбе Шабловских), который также стал разрушаться оползнями. Оползни разной величины верхней и нижней зон, часто независимо друг от друга, пошли с момента образования гряды, что приводило к постоянному, иногда значительному изменению рельефа местности, причем в этом случае «виноваты» не только внушительные перепады высот, но и сами породы меловой и четвертичной систем, которые в основном слагают гряду. Древние оползни волжского склона, представляющие собой крупные блоки смещенных коренных пород, во время своего движения разошлись в стороны и между ними образовались различной ширины трещины или расселины, которые были заполнены осыпями, ручьевыми наносами и т.п. Блоки образовали бугры или валы, протягивающиеся вдоль берега, а расселины и ложбины – своеобразные водотоки, что определило гидрогеологические условия оползневой склона. Подземные воды коренного массива на пути к волжскому склону перехватывались первой же оползневой трещиной и следовали по ней или к бортам оползня, или к промежуткам между оползшими блоками пород, образуя на склоне многочисленные родники, болотца и т.п. Воды этих источников размывали овраги или, растекаясь и застаиваясь на склоне, вызывали дальнейшие разрушения оползших массивов пород, образуя новые, меньшие по размерам оползни. К подземным водам добавлялись атмосферные, которые также стекали по ложбинам, образовавшимся на месте трещин. Интенсивная градострои-

тельная деятельность населения золотоордынского Укека приводила не только к засыпке естественных водотоков, но и к прокладке в оползневой зоне водопроводов, созданию искусственных водоемов, иногда весьма значительных, как в районе «Мамайского» бугра. Все это могло и наверняка приводило не только к ухудшению оползневой ситуации, но и, возможно, к сходу небольших оползней, поскольку при проведении шурфовки в районе «Мамайского» бугра (Сингатулин, 2004), были отмечены многочисленные следы не только оползневых процессов, но и следы перестроек, перекопов и других нарушений стратиграфии, связанных со строительной деятельностью древних жителей. Исследование элементов связи рельефа и тектоники в районе современного пос. Увек (рис. 2) и сопоставление их с известными археологическими данными позволили выявить несколько оползней (датируемых XIII–XVI вв.), подобных оползню 1935 г. Увекский оползень 1935 г. играет роль своеобразной модели при реконструкции более древних событий.

Обрушение оползня произошло ночью 31 октября 1935 г. и длилось менее часа. Были разрушены сооружения на береговом участке и дома пос. Береговой Увек. Береговой участок был сдвинут на протяжении 1,5 км, в затоне образовались 2 островка-отмели длиной более 100 м. Оторвавшийся мыс коренной террасы мощностью около 60 м, шириной 40 м и длиной 300 м просел на 18 м, образовав провал (рис. 1). Рельеф поверхности оползня приобрел уступообразные формы. Раздавливание или срез пород произошли на такой значительной глубине, где и выветривание практически не сказывается, и размягчение пород под влиянием подземных вод в коренном массиве едва ли имело место. Проведенное в свое время детальное рассмотрение оползня 1935 г., а также противооползневые работы 1936–1946 гг., позволили сделать выводы о причинах катастрофы: «...судя по характеру деформаций и по тому, что они начались задолго до катастрофического развития оползня, мы имеем здесь дело с ползучестью глин, т.е. с медленным нарастанием деформаций под влиянием собственного веса пород, при условии возможности смещения их в сторону склона, т.е. при отсутствии на склоне достаточного противодействия ... При строительстве и эксплуатации дренажных штолен все время встречались затруднения в связи с деформациями глин не только в оползнях, но и в коренном массиве. Эти деформации приводили и приводят к поломкам крепи, к вывалам пород, пучению дна штолен и т.д. ... После образования трещин сказалось влияние и подземных вод как при выветривании, приводившем к размягчению уже нарушенных пород, так и в результате увеличения гидростатического давления. Но это лишь ускорило развитие деформаций, а не вызвало их» (Дунаева, Rogozin, 1962, с.118).

Нарастание деформаций под влиянием веса должно было резко усилиться при интенсивной строительной деятельности. А.Н. Минх упоминает о десятках тысячах возов древнего кирпича и камня, вывезенных с Укека на устройство саратовских мостовых в конце XIX в., т.е. дополнительная весовая нагрузка древних строений, была весьма значительна. Кроме упоминавшихся периодических выдавливаний отдельных блоков и максимально высокой обводненности склона, катастрофические последствия для средневекового города могли спровоцировать блуждающие газы, т.к. район Увекской гряды вплотную прилегает к району Багаевско-Михайловского месторождения газа. Это могло привести к разрушению древнего города локальным выбросом, сопровождавшим его взрывом газа и последующим сходом массовых оползней (Сингатулин, 2000, с.8–9) – предположительно в северной части (район устья р. Увековка), северо-восточной (ст. Набережный Увек), центральной части («Мамайский» бугор) и в районе 1 Нефтяного проезда.

Блуждающие газы не редкость в правобережье Волги, тем более в зонах поднятий. Углеводороды по своей природе – достаточно подвижная составляющая осадочного чехла, и миграция их – естественный природный процесс. Её интенсивность зависит от целого ряда причин, одной из которых является тектоника. Тектонические движения порождают возникновение трещиноватости пород, что приводит к миграции углеводородов, масштабы которой могут быть самыми различными. Так, в 1909 г. во время схода оползня с горы Агрофеновская, расположенной на правом берегу Волги выше Хвалынска загорелись слои, пропитанные газом, причем подземный пожар длился свыше 10 месяцев. В начале 60-70-х годов XX в. естественные локальные выбросы и взрывы газа часто наблюдались в пос. Елшанка Саратовского района. Аналогичные геологические проявления наблюдались и на Укеке. Издревле население Укека рассказывало легенды о «смердящем дыхании» дракона, живущего в недрах земли. Описаны случаи, когда просачивающийся газ убивал овец, пасущихся на склонах Увекской гряды. Автор «Петербургских трущоб» В. Крестовский в конце XIX в. при осмотре древних подвалов Укека едва не задохнулся от скопившихся в нем газов. В истории с легендой о гибели Садома-Укека напрашивается невольное сравнение с Гиссарской катастрофой (СССР, Таджикистан, 1989 г.), унесшей сотни человеческих

жизней, когда сходу громадного оползня предшествовал тектонический толчок и взрыв газа. Спускской механизм гиссарского оползня подробно описан Н. Новгородцевым: «На протяжении длительного времени «подушка» уртабозских суглинков подпитывалась глубинными водами и стала совершенно непроницаемой для газов, поднимавшихся из недр. В январе 1989 г. внутреннее давление газа стало приближаться к критическому. Подземный толчок 23 января привел к прорыву газов на поверхность. Мощный взрыв самовоспламенившегося газа ударил снизу по пласту жидких суглинков», и верхние слои сместились в долины.

Было ли место для накопления газа в районе Увека? При ответе на этот вопрос сразу же вспоминается крайне интересная структура Увека – подземный лог шириной 150 м, пересекающий не только альбские, но и коренные аптские глины (отметка дна – 24,3 м), заполненный сеноманскими отложениями мощностью 44 м (Коровкин, 1937, с.13). При строительстве левой альбской штольни (1936–1946 гг.) в связи со сложностью проходки пльвунов в логе пришлось создать ниже дна, на глубине 8–10 м, незапланированный дюкер, – настолько обводненными оказались песчано-глинистые отложения лога и низко лежащим ложе оползня, которое у дюкера находится на относительной отметке 24 м, а ближе к Волге опускается ниже уровня меженных вод. Огромные размеры лога и западины, перекрытые обводненными глинистыми прослоями могли послужить временным резервуаром колоссального количества газа, а обводненность вышележающих пород была намного выше современной, т.е. ситуация могла быть весьма похожей на гиссарскую катастрофу. Достаточно было прорваться газам на поверхность естественным при пробуждении тектонических сил, либо искусственным путем при проходке какого-нибудь очередного подземного хода, которыми так богато Увекское городище, то мощный взрыв и вызванный им сход очередного оползня или группы оползней, становился неизбежным.

На примере геологического разреза оползня 1935 г. можно рассмотреть, что происходит, когда от коренного массива отрывается очередной «айсберг» и начинает скользить по ложу. Как описывалось выше, на месте бывшего гребня образовался провал глубиной 18 м, и нижняя часть выступа оказалась таким же блоком смещенных пород, какие наблюдаются и у более древних оползней. Линия разреза в нижней части склона прошла по логу между блоками сместившихся коренных пород (рис. 3). На разрезе видно, что выступ, сложенный коренными породами, раскололся на два блока, между которыми образовались трещины, заполненные осыпями и другими продуктами разрушения пород склона. Средний блок при этом опустился. Водонасыщенные песчано-глинистые породы не могли оказать большого сопротивления оторвавшимся блокам коренных пород мыса – эти блоки как бы погрузились в слабые породы и выдавили их в лога между блоками древних оползней. Сами древние блоки хотя и оказали при этом сопротивление выдавливаемым породам, но не устояли на бывшем месте. Береговой участок был сдвинут на всем протяжении, но наибольшие разрушения были отмечены в пределах логов, которые практически совпадают с подземными логами. Естественно предположить: при наличии на блоках древних строений они должны были частично сохраниться, что и подтверждается разведками 2002 г. (Сингатулин, 2003, с.27–31) и последующими раскопками 2004–2006 гг. Под слоем блоков-холмов залегают нетронутые основные породы, под которыми на глубине (2,5–4 м и более) могут сохраниться и сохраняются остатки культурного слоя нижней террасы. Раскопанный фрагмент фундамента здания на территории оползня 1935 г., датируемый «закладной» монетой (Хызр-хан, Гюлистан, 762 г.х.) 1360–1361 гг., находился на глубине 2,6 м (Сингатулин, 2005, с.117–118). Второй шурф, заложенный в 15 м к востоку от первого, выявил погребенное оползнем дерево (рис. 4) на глубине 3,2 м (Сингатулин, 2005, с.36, 95). Анализ подъемного материала и стратиграфия участка определили хронологию пластов произошедших оползней: самый верхний слой (20–60 см) оползни XX в. (1915–1935 гг.), средний слой (слои 80–140 см) оползни XVIII–XIX вв., нижний слой (180–320 см и более) – катастрофический оползень второй половины XIV в. Ниже глубины 340–360 см выявлен мощный массив (мощностью около 3–4 м) коллювиальных отложений оползневого происхождения, распространяющийся по всей площади исследуемого участка и, по всей вероятности, относящийся к более древнему оползню. Раскопки, проведенные в 2006 г., выявили фрагмент кирпичного строения без признаков следов эксплуатации, ветровой эрозии и атмосферных осадков (рис. 5), которое, по всей видимости, было погребено оползнем (оползневые отложения мощностью 0,4 м) практически одновременно со временем строительства. Собранный нумизматический материал опять-таки датируется 1360–1361 гг. (Хызр-хан, Гюлистан, 762 г.х.).

Бесспорно, что Уек, чеканивший свою собственную монету, был центром богатого улуса. О богатстве города и его округи свидетельствуют не только летописцы, но и многочисленные ар-

хеологические находки (Баллод, 1923; Минх, 1881; Недашковский, 2000). В случае локальной катастрофы – разрушения части города от природного катаклизма – округа Укека действительно могла предоставить завоевателю «много добычи», особенно при отсутствии централизованного отпора, так как улус остался, а города уже практически не было. К тому же, как показывает практика XIX–XX вв., после подобных природных катаклизмов система оползней Укека далеко не сразу возвращается в равновесие (оползень 1935 г., изначально сформировавшийся из обвала 1915–1917 гг., пришел в относительное равновесие только к 1959–1960 гг.). Один крупный обвал порождает со временем целую цепочку более мелких, захватывающих последовательно подчас все террасы склона. Даже при наличии некоторого запаса времени до нашествия частично разрушенный город физически не мог быть быстро восстановлен. Должно было пройти не менее полутора сотни лет, когда система снова пришла в равновесие, и строительство могло быть возобновлено.

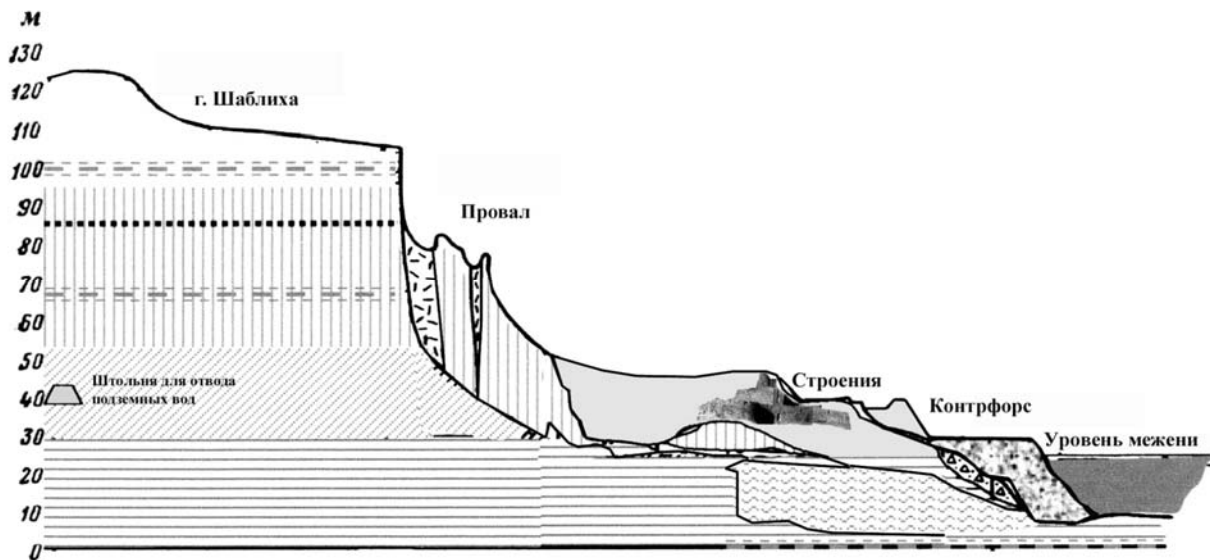
Литература

- Артемьев С.А., Еремин В.Н., Иванов А.В. и др.* Саратов: комплексный геоэкологический анализ / Под ред. А.В. Иванова. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. 248 с.
- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». М.; Пг.: Изд-во «Мосполиграф», 1923. 132 с.
- Востряков А.В.* Геология Саратовского района и геологические процессы в окрестностях города. Саратов: Изд-во СГУ, 1977.
- Голицын Л.Л., Краснодубровский С.С.* Укек. Доклады и исследования по археологии и истории Укека. Саратов: Тип. губ. земства, 1890. 102 с.
- Дневные записки* путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 г. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1771.
- Дунаева Г.В., Рогозин И.С.* Оползни Саратовского Поволжья. М., 1962. 164 с.
- Ильина О.А.* Из истории исследований Увекского городища // Тез. докл. Межд. конф. «Город и степь в контактной евро-азиатской зоне». М.: ГИМ, 2006. С.137–139.
- Коровкин М.П.* Увекский оползень // Разведка недр. 1937. № 13.
- Минх А.Н.* Набережный Увек. Саратовский сборник. Материал для изучения Саратовской губернии. Саратов: Статистический комитет, 1881. С. 211–238.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
- Пономарев П.А.* На развалинах города Укека близ Саратова // Древняя и Новая Россия. СПб.: Типогр. В.И. Грацианского, 1879. С. 321–335.
- Саблуков Г.С.* Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке Саратовской губернии и уезда // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 298–322.
- Сингатулин Р.А.* Тайна «саратовских Помпей» // Техника молодежи. 2000. № 2.
- Сингатулин Р.А.* Отчет об археологических разведках на территории и близлежащей акватории Волгоградского водохранилища поселка Увек г. Саратова // Архив ИА АН РФ, 2003. 50 л.
- Сингатулин Р.А.* Отчет об археологических охранно-спасательных работах на территории Увекского городища в Заводском районе г. Саратова // Архив ИА АН РФ, 2005. 140 л.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории золотой Орды. Т. II. (Извлечение из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

Рис. 1. Современный вид южного склона пос. Увек с характерными оползевыми структурами (2004 г.). В верхнем правом углу провал (грабен), образовавшийся на г.Шаблиха во время оползня 31 октября 1935 г. (М.П. Коровкин, 1937).

Рис. 3. Схематический геологический разрез Увекского косогора, проходящей через провал г. Шаблиха, согласно оползневой схеме И.С. Рогозина (1962 г.).

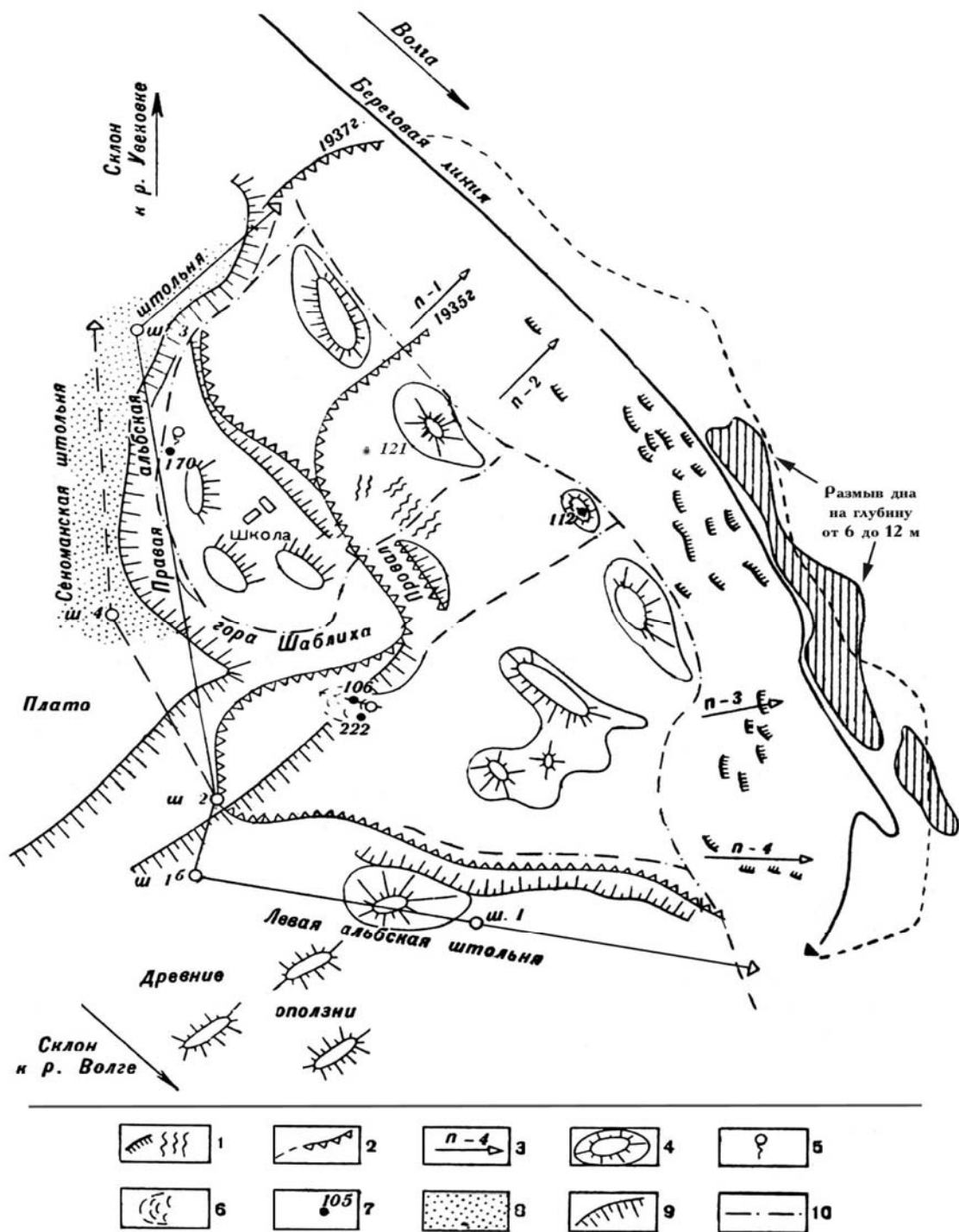

Рис.2. Схематическая оползневая карта района г.Увек (по И.С. Рагозину, 1962).

1 – оползневые трещины, появившиеся после 1950 г.; 2 – границы оползня 1935 и 1937 гг. на склоне и под уровнем Волги; 3 – прорезы и их номера; 4 – оползневые бугры; 5 – источники; 6 – оползень-поток в б. саду Сучкова (скв. №106); 7 – линии геологических разрезов и номера скважин; 8 – бакинская терраса; 9 – бровки и уступы оползневых склонов; 10 – границы оползневых участков и их номера.

Рис. 4. Погребённое оползнем дерево из шурфа №1. Глубина 3,2 м (Увек, 2005 г.).

Рис. 5. Фрагмент вскрытого кирпичного строения в районе «мамайского» бугра. (Увек, 2006 г.).

Евгений Нарожный

Центр археологических исследований

Армавирского государственного педагогического университета, г. Армавир

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СОСТАВ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ВЛАДЕНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Несмотря на достаточно ограниченную источниковую базу проблемы, археологический материал, имеющийся в нашем распоряжении, хотя бы в общих чертах позволяет рассматривать интересующую проблему.

Чингизидское вторжение конца 30-х годов XIII в. в конечном счете привело не только к включению Северного Кавказа в пределы Золотой Орды, но и превратило его в зону активного переселения кочевых выходцев из Центральной Азии и иных групп средневековых кочевников, сопутствовавших им в указанном перемещении. Данный процесс, если опираться на этнографические данные (Кляшторный, 1975; Жуковская, 1988), скорее всего, должен был напоминать процесс традиционного «освоения новых пространств и территорий». Тем более что в конце 1230-х годов Чингизиды завладели теми территориями, которые были «закреплены» за ними еще решениями курултая 1235 года (Мыськов, 2003).

Этнокультурный состав вторгшихся в Восточную Европу и на Северный Кавказ кочевых племен, согласно письменным источникам, должен был быть достаточно пестрым, хотя с археологической точки зрения – эта проблема решается сложно.

Чингизиды и Джучиды. При всей известной полярности и дискуссионности определений археологических критериев для вычленения погребальных комплексов собственно «монголов» и иных сопутствовавших им сибирских и алтайских племен (историографию см.: Федоров-Давыдов, 1966), наиболее общепринятой считается версия о наличии у таких захоронений северной ориентировки (Федоров-Давыдов, 1966). Данной версии ныне придерживаются многие авторы (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984; Добролюбовский, 1988; Именохоев, 1992; Именохоев, Коновалов, 1983; Ковычев, 1981; Коновалов, Данилов, 1981 и др.).

Необходимо обратить внимание и на сугубо искусствоведческий подход к решению проблемы, предлагаемый М.Г. Крамаровским. Изучая наборы погребального инвентаря нескольких и, к сожалению, разрушенных, но явно элитарных позднекочевнических комплексов Евразии, исследователь расценивает их как инвентарь погребений, принадлежавший знатным «монголам» на уровне представителей «поколения внуков Чингис-хана» (Крамаровский, 1995), оставленного ими на всем протяжении пути из глубин Азии в Европу (Крамаровский, Щукин, 1992).

Такие комплексы происходят и с территории Северного Кавказа: Северо-Западный Прикаспий (Нарожный, 2005а), Гашун-Уста (Крамаровский, 1995) и пос. «Семеновод» (Нарожный, Охонько, 2000). Отдельные и выразительные предметы этого круга, выполненные из высокохудожественного металла, встречены среди инвентаря более поздних захоронений Новопавловского могильника (Нарожный, Охонько, 2006). Еще один такой же комплекс отмечен близ ст. Новоберезанской на Кубани и с этнокультурной точки зрения трактуется противоречиво (Зеленский, Цокур, 1998).

Элитарная, раннеджучидская атрибуция всех указанных выше комплексов базируется на изображении тамгообразного знака (в виде тамги «дома Бату»), помещенного на металлической пластинке из Гашун-Уста (Крамаровский, 1995). При датировке отмеченных наборов Северного Кавказа, вероятно, следует учитывать и находку бронзовой китайской монеты, встреченной внутри погребального комплекса кочевника на территории Северо-Западного Прикаспия (Нарожный, 2005а).

Предметы из раннеджучидских комплексов Северного Кавказа хорошо распределяются на несколько условных групп (детали конского снаряжения, предметы вооружения, гарнитура поясов, «посуда» и пр.). Целесообразной становится и попытка сравнительного анализа этих групп наборов с аналогичными предметами погребального инвентаря, хотя и немногочисленных, но из заведомо «закрытых» погребальных комплексов Верхнего и Среднего Дона (Ефимов 1999; 2000; Березуцкий, 1988) и из Таласской долины в Киргизии (Крамаровский, 1985; 1995). В абсолютном большинстве случаев они синхронизируются близкими поясными наборами. Погребения из Киргизии (Крамаровский, 1985) и с территории Дона (Березуцкий, 1988; Кравец, Березуцкий, Бойков, 2000; Ефимов, 1999; 2000) при заметной разнице в оформлении конструктивных особенностей погребальных ям характеризуются устойчивой северной (иногда с сезонным отклонением от

него), ориентировкой погребенных. Сопоставление позволяет судить и о специфике возможного, изначального состава неполных раннедзучидских, разрушенных комплексов региона.

Воспринимая северную ориентировку погребений как этномаркирующей погребальные комплексы Северного Кавказа, распространившиеся здесь (после 1230-х годов), носителей центральноазиатских или же сибиро-алтайских культурно-исторических традиций, обратим внимание на еще одну группу погребений с северной ориентировкой, содержащих в своем инвентаре уже золотоордынские зеркала, являющиеся «ремесленными репликами» XIV в. Это захоронения из-под Моздока (Пиотровский, 1941), к тому же характеризующиеся заметной монголоидностью лицевого скелета погребенных (Алексеев, 1985); захоронения Калиновского курганного могильника (Нарожный, 2005) и отдельные погребальные комплексы из Шелковского района современной Чечни (Басов, Нарожный, 2005). Любопытно, что точно такие же зеркала встречены и в синхронных «монгольских» захоронениях с западной ориентировкой погребенных (Басов, Нарожный, 2005), по полевым наблюдениям А.В. Шевченко, имевших не менее ярко выраженную монголоидность.

Подчеркивая однородную историко-культурную (монгольскую) принадлежность обеих групп захоронений, судя по находкам в них однотипных зеркал, считаем возможным относить их ко времени конца первой трети XIV в. Причины столь различных их ориентировок (головой на север и на запад) следует расценивать как отражение внутренних, общезолотоордынских процессов, в рамках которых необходимо искать причины постепенной замены (утраты) традиционной (северной) ориентировки на новую, западную.

Причины такой смены должны рассматриваться на фоне масштабных или, даже глобальных изменений, под воздействием которых в традиционной культуре потомков монголов (впрочем, как и у других кочевых групп населения), уже родившихся и выросших в условиях Золотой Орды, происходят подобные инновации. Вероятно, напрямую их следует увязывать и с теми этнокультурными процессами, в рамках которых монголы уже перестают быть этнически замкнутыми группировками (Яблонский, 1983; 1987). Тогда же, как это описывал еще ал-Омари: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им овладели Татары, Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми их (Татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в браки с ними и остались жить в земле их (Кипчаков)...» (Тизенгаузен, 1884). А в итоге, в Золотой Орде начинает формироваться сложная «синкретическая» (Федоров-Давыдов, 1976), причем не только материальная, но и духовная культура. Эти же явления должны были сопровождаться и появлением «новых» групп «смешанного» населения. На таком фоне вполне реальными кажутся и объяснения причин столь массового «отхода от сознательного сохранения ориентировок могил по сторонам света» (т.е., от традиционных и ранее этномаркировавших ориентировок – *Е.Н.*). Поскольку «они уже теряют былой смысл, или же приобретают какой-то новый» (Добролюбский, 1988).

Подобное «переходное» состояние в общественном сознании представителей отдельных групп кочевого населения, в начале – середине XIV в. находившегося в пределах северокавказских владений Золотой Орды, наглядно иллюстрируется впускными захоронениями (№№ 2, 4, 6), кургана 1 (группа 4) Калиновского могильника в Чечне (Нарожный, 2005). Впущенные в насыпь более раннего времени, совершенные с небольшим хронологическим разрывом погребения монголов – (погребения №№ 2 и 4 – захоронения мужчины и женщины), имели северную и северо-восточную (сезонное отклонение) ориентировки. Женское погребение датировано зеркалом XIV в. Синхронный им погребальный комплекс № 6 (девочка-подросток) головою ориентировано на запад (Нарожный, 2005).

На изменения указанного характера, происходившие вплоть до первой трети XIV в., постепенно ослаивается и влияние, обусловленное исламизацией государства, становящимся (при Узбекхане) государственной религией Золотой Орды. Примеры новых инноваций, проявляющиеся в системе погребальной обрядности потомков монголов с первой половины XIV в., наглядно документируют раскопочные материалы таких могильников Северного Кавказа, как подкурганной некрополь «Сухая Балка» под г. Владикавказом (Вольная, Нарожный, Ростунов, 2004; Нарожный, 2005), могильник под «городской площадью» на городище Верхний Джулат (Северная Осетия) (Кузнецов, 2002; Нарожный, 2005), а также Новопавловского (Нарожный, Охонько 2006) и Айгорского-2 (Бабенко, 2006), «Джухта-2» (Доде, 2001; 2001а; 2005 и др.) курганных могильников на Ставрополье. «Монгольско-мусульманские» захоронения указанных памятников демонстрируют явное сочетание находок элитарных изделий из высокохудожественных металлов с «монгольскими» и исламскими чертами (Новопавловский некрополь) их погребальной обрядности, хотя при этом выразительно сохраняются и очевидные пережитки элементов прежних «языческих» обрядов

и традиций (туша овцы, угли, инвентарь и пр.). Эти материалы, отчасти, позволяют ответить и на традиционный вопрос о том, куда же, в конечном итоге, «деваются монголы?».

Половцы. Точка зрения о вытеснении и даже полном уничтожении половцев, сознательном и преднамеренном уничтожении половецких святилищ и массовом низвержении каменных скульптур, якобы осуществлявшихся Чингизидами в ходе их завоевательной кампании конца 1230 – начала 1240-х годов, давно требует корректировок. Следует согласиться с мнением о возможном уничтожении только части представителей верхушки аристократических родов восточноевропейских половцев (Федоров-Давыдов, 1966). Вряд ли Чингизиды сознательно уничтожали половецкие изваяния и святилища, поскольку близкая традиция почитания скульптур своих собственных «первопредков» известна по находкам монгольских изваяний в Сухэ-Батырском аймаке Монголии (Баяр, 1985), существовала у них еще до прихода монголов на территорию Восточной Европы. Подвергшись «перераспределению» в рамках создания новой системы военно-ленных владений в Восточной Европе (включая и Северный Кавказ), половцы продолжали оставаться одной из самых заметных этнокультурных единиц не только в северокавказских владениях Золотой Орды. Судя по сведениям русских летописцев, «сила половецкая» была известна им вплоть до времени последних приготовлений Мамаю к Куликовской битве (Сказание, 1957).

Из известных половецких захоронений Северного Кавказа стоит обратить внимание на погребение № 3 кургана 3 у с. Новоселицкое (Ставрополье) (Коренько, Атавин, 1986). Погребение, отнесенное к «домонгольскому» времени, характеризуется традиционным набором погребального инвентаря «домонгольского» облика и характерной для половцев Восточной Европы ориентировкой головы погребенного на восток (Плетнева, 1958; 1974; 1980; 1981; Федоров-Давыдов, 1966). Но в составе его погребального инвентаря имелся костяной «свистунок» для наконечника стрелы – деталь, ныне связываемая с числом заимствований, воспринятых средневековыми монголами от киданей (Худяков, 1991). Такая находка дает повод для передатировки захоронения временем не ранее 1222 г. или же конца 1230 –х – начала 1240-х годов. С другой стороны, появляется и основание для утверждений о возможности сохранения половцами традиционных ориентировок и в раннедзучидское время, что, впрочем, было присуще и для других половецких захоронений до XIV столетия. Существование погребений, имеющих не только характерные предметы (включая и гривны), но и западную ориентировку, заставляет и их датировать XIV столетием (Нарожный, 2005). Причины массового распространения западной ориентировки в половецких погребениях эпохи Золотой Орды мы склонны связывать с теми же внутризолотоордынскими процессами, которые предопределили аналогичные явления и у монголов (миксация, появление «смешанного» населения и исламизация). Примеры такой «смешанности» могли проявляться различно. Будет уместным обратить внимание на погребение № 2 кургана 1 группы Дмитриевская-1 на Кубани (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003), датировка которого другими исследователями ныне необоснованно занижается (Кочкаров, 2004; 2005).

Имея западную ориентировку, погребенный из этого комплекса по находке распрямленной гривны был атрибутирован как «половец». Из всего выразительного набора инвентаря, сопровождавшего захоронение, следует указать на находки двух нагрудных умбонов, а также железных наручей и поножей (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003). Умбоны хорошо известны не только по их прорисовкам с каменных изваяний (Плетнева, 1974), но и по реальным находкам с территории Келийского могильника XIV в. в горной Ингушетии (Нарожный, 2003). Наручи и поножи, помимо версии А.Н. Кирпичникова об их русском генезисе, ныне расцениваются и как центральноазиатские (по происхождению), элементы монгольского защитного доспеха (Горелик, 1983; 1987; 2002; Худяков, 1991; Нарожный, Чахкиев, 2003).

Наличие подобных предметов в захоронении половца XIV в. – достаточно серьезный повод для оценки его достаточно высокого социального, прижизненного статуса, совсем не уступающего статусу знатных воинов-дзучидов.

В последнее время заметно увеличилось и число реальных артефактов XIII–XIV вв., дублирующих прорисовки различных предметов материальной культуры, изображенных на половецких скульптурах (Нарожный, 2003). Их сопоставление позволяет ставить вопрос не только о возможном бытовании, но и, наверное, изготовлении некоторых типов скульптур в золотоордынское время. Выявление на Дону (Волков, Ларенок, 1988; Гугуев, 2001), а также на Северском Донце (Гуркин, 1991; Гугуев, Гуркин, 1992) и на Украине (Евглевский, 1996) нескольких половецких святилищ с каменными оградками, в центре которых встречены половецкие скульптуры, находившиеся там не совсем так, как это известно по материалам раскопок «классических» половецких святилищ (Евдокимов, Куприй, 1991), заставляет их воспринимать не совсем однозначно.

Учитывая характер расположения в них статуй, возможен и вариант восприятия таких памятников не только как «сокрытых» святилищ (Гуркин, 1991; Плетнева, 1995; Атавин, Андреева,

1998). Обращая внимание на сознательное низвержение статуй и их преднамеренную укладку плащмя (Гуркин, Гугуев, 1992), напоминающую труположение «на спине» с ориентировкой их головой на западный сектор и пр., заставляет эти факты ставить в один ряд вместе с заведомо сознательными действиями, продиктованными все тем же «отказом» половцев XIV в. от традиционных черт духовной культуры (ритуальных действий), характерных для «домонгольской» поры.

Наметившиеся и выше уже обозначавшиеся причины подобных инноваций наряду с исламизацией Золотой Орды, вне всякого сомнения, должны были предусматривать и изменение традиционного отношения как к семантике прежних святилищ, так и к восприятию прежних символов-первопредков, впрочем, как и к ритуально-обрядовым действиям, ранее совершавшимся на территориях таких культовых площадок. Указанная схожесть положения отдельных статуй с труположениями кочевнических захоронений XIV в., на наш взгляд, может быть воспринята не столько как «сокрытие», сколько как обрядовая церемония по «захоронению» «старых», т.е. «языческих» символов с учетом новых обрядовых канонов. При всей вполне понятной дискуссионности такой постановки вопроса эта проблема нуждается в дальнейшем накоплении и расширении источниковой базы и ее осмыслении.

Вместе с тем сегодня есть и иные данные, позволяющие выделять на Северном Кавказе следы пребывания здесь представителей иных кочевых племен, увлеченных сюда сначала военной кампанией конца 1230-х годов, а затем разнообразными, внутривосточными коллизиями.

Черные клобуки. Согласно сведениям Джувейни и Рашид-ад-Дина, накануне появления Чингизидов на границах Южной Руси они покорили «народ черных шапок». Позднее, с оформлением в Пруто-Поднестровье границ домена Ногай, ему были переподчинены и черные клобуки, начавшие активно расселяться в пределах указанных владений. Здесь ныне выделяются две хронологически разные группы погребальных комплексов черных клобуков (Добролюбский, 1983; 1990).

Известно, что к 1260-м годам Ногай во главе многотысячного войска был направлен под Дербент. Здесь его отряды сначала охраняют горный проход, впоследствии активно участвуя и в военных действиях против Хулагуидов Ирана.

Факт участия Ногай и подвластных ему подразделений в военно-политической истории на территории северокавказских владений Золотой Орды заставляет особое внимание уделить и на все возрастающую коллекцию украшений черноклобуцкого круга, ныне известного в регионе (Нарожный, 1999; 2000; 2000а; 2003а). Преобладание на Северном Кавказе женских украшений черноклобуцкого круга заставляет переселение черных клобуков на Северном Кавказе рассматривать в контексте традиционных для разноэтничных племен принципов «освоения новых территорий и пространств», совершавшихся ими под эгидой монголов из владений Ногай. По этой причине вряд ли можно речь вести о переселении только «ограниченного воинского контингента» (Анфимов, Зеленский, 2002).

Встречаемость эпизодических погребальных комплексов черных клобуков, хотя и эпизодично, отмечена на всем пространстве от Поросья, Побужья-Поднестровья, до Крыма (Dabrowska, 1956; Плетнева, 1973; Добролюбский, 1983; 1990; Бессонова, Черных, Куприй, 1984). Есть они и на Дону (Горбенко, Кореняко, Максименко, 1975), Северо-Западном и Северном Кавказе (Армарчук, Малышев, 1997; Армарчук, 2005; Нарожный, 1999; 2000; 2000а; 2003; Анфимов, Зеленский, 2002 и др.). Как правило, указанные комплексы – с женскими украшениями. Традиционная «домонгольская» их датировка (Армарчук, 2005), опирающаяся на датировки, в свое время предложенные С.А. Плетневой, в каждом конкретном случае нуждается в корректировках, учитывающих мнения других специалистов (Федоров-Давыдов, 1966; Добролюбский, 1990). На Северном Кавказе есть и позднейшие, золотоордынские времена, дериваты таких изделий, что проблему пребывания черных клобуков в регионе, именно в золотоордынское время, делает реальным.

Выходцы с Дальнего Востока. Свидетельств, демонстрирующих реальность такого представительства в пределах Северного Кавказа, мало. М.Г. Крамаровский, указывая на дальневосточные мотивы в декоре высокохудожественных изделий из Гашун-Уста (Ставрополье), не исключает возможного участия представителей этого этнокомпонента в создании золотоордынской культуры и указывает на факт значительно более раннего подчинения чжурчженей Дальнего Востока Чингизидами (Крамаровский, 1995; 2001). Находка копья с боковым крюком на территории Чечни (Нарожный, 2003; Басов, Нарожный, Тихонов, 2003), изображение таких же копий на северокавказских каменных изваяниях с явными признаками их эволюционного развития на базе статуй древнетюркского генезиса (Минаева, 1964; Нарожный, 2002) ныне датируются золотоордынским временем. Помимо самых ранних их образцов, известных в чжурчженских древностях Дальнего Востока (Деревянко, 1987; Шавкунов, 1990), точно такие предметы колющего вооружения известны и по русским изобразительным материалам периода Куликовской битвы (Кирпичников, 1980), а также среди вооружения Золотой Орды (Горелик, 2002). Возможно, подобные находки занесены сюда не

столько Чингизидами, сколько сопутствовавшими им выходцами с Дальнего Востока (чжурчженями?). Известны ныне и 4 привесных «рыбки», случайно обнаруженные на территории Северо-Западного Прикаспия (Еремин, Мялковский, Нарожный, 1991; Нарожный, 1994, 2004). И они находят близкие аналогии среди предметов поясной гарнитуры «гражданских чиновников» – чжурчженей Дальнего Востока, у которых различия в материале, из которого такие привески изготавливались, указывали на статус их владельцев (Шавкунов, 1973; 1990).

Ныне упоминается о находке «чжурчженских удил» в погребальном комплексе курганного могильника «Джухта-1» (Белинский, Березин, Калмыков, 2001); в Новопавловском могильнике встречен брелок-нецке, по дальневосточным аналогиям сопоставляемый с фигуркой морского котика (Нарожный, Охонько, 2006). Вполне вероятно, что дальневосточный этнокомпонент мог являться реальностью и для владений Золотой Орды на Северном Кавказе.

Южносибирский этнокомпонент. В последнее десятилетие на территории Кавказских Минеральных вод были встречены отдельные предметы, находящие полные аналогии среди круга древностей «азкизской культуры» золотоордынского времени. Их распространение здесь исследователи связывают с южносибирским этнокомпонентом, возможно, принимавшими самое непосредственное участие на стороне Чингизидов в их военных кампаниях на территории Северного Кавказа (Рудницкий, 1999; Нарожный, 1994). Нет никаких оснований связывать этот процесс с событиями 1222 г., территорию Кавминвод не затронувших; датировка азкизских предметов может быть определена временем не ранее конца 1230-х годов (Нарожный, 1994).

Аскизские предметы ныне отмечены и в верхних слоях верхнедонских городищ (Тропин, 1999), погибших в то же самое время. Предметы этого же историко-культурного круга ныне хорошо фиксируются и на территории Среднего и Нижнего Поволжья (Кочкина, 2001; Руденко, 2001), что делает высказанное предположение достаточно реальным.

Этнокультурный состав городского населения Северного Кавказа эпохи Золотой Орды может быть отчасти реконструирован на основе результатов археологических исследований городских погребальных комплексов, известных сегодня. Это мусульманские захоронения с территории городища Маджары (Городцов, 1911; Нарожный, 1988), Верхнего (Милорадович, 1963; 1963а; Алексеев, Беслекоева, 1963; Фидаров, 2005; Нарожный, 1988) и Нижнего (Чеченов, 1969; Нарожный, 1988; Зиливинская, Чеченов, 2004) Джулатов, а также сведения о погребальных комплексах из мусульманских мавзолеев Маджара (Клапрот, 1825; Ртвеладзе, 1972; 1975; Нарожный, 1988), мавзолеев Пятигорья (Ртвеладзе, 1969; Палимпсестова, Рунич, 1974; Нарожный, 1988) и мавзолея Борга-Каш в Ингушетии (Семенов, 1926).

Христианские погребальные комплексы XIII–XIV вв. происходят с Верхнего Джулата (Милорадович, 1963а; Кузнецов, 2002) и его окрестностей, из окрестностей Рим-Горы в Пятигорье (Рудницкий, Фоменко, 2005), а также из раскопчных материалов у храма пос. Лоо и могильника «Садовые культуры» близ Сочи (Овчинникова, 1997). Есть несколько «языческих» захоронений XIII–XIV вв. с территории Змейского катакомбного могильника в Осетии (Фидаров, 2004).

Аланский этнокомпонент хорошо документируется раскопками нескольких катакомб из округи Верхнего Джулата, отнесенных к раннеджучидскому времени (Фидаров, 2004), а также в погребениях близ храма у пос. Лоо, на могильнике «Садовые культуры» (Овчинникова, 1997), вокруг всех четырех христианских храмов у Большой мечети Верхнего Джулата (Кузнецов, 2002). Этот этнокомпонент был выявлен только специальными, антропологическими исследованиями (Алексеев, Беслекоева, 1963).

На мусульманских некрополях Маджара, Верхнего и Нижнего Джулатов этнокультурная специфика погребенных была снивелирована исламской погребальной обрядностью. Без дополнительного антропологического изучения этих материалов ныне возможно только сопоставление с социальной иерархией синхронных погребений, хорошо изученной на некрополях горожан Нижнего Поволжья (Яблонский, 1983; 1987 и др.). О погребениях из мавзолеев Маджара (Клапрот, 1925) и Пятигорья (Ртвеладзе, 1969; 1972; 1975; Палимпсестова, Рунич, 1974) сведений мало. В совокупности с топонимической информацией и фольклорно-этнографическими данными, связанными с эссендукскими мавзолеями, сегодня можно предполагать, что сохранившийся в одном из таких мавзолеев каменный «саркофаг» мог быть связан с потомками этнографической группы Северного Кавказа – «борганами» и датирован концом XIV – началом XV столетия, хотя фиксируются они здесь еще с раннего средневековья (Виноградов, 1980; Нарожный, 1988а; Нарожный, 2004).

Мавзолей Борга-Каш (Семенов, 1926), этническая история которого увязывается то с предками современных ногайцев (Виноградов, 1980), то с современными ингушами (Кодзоев, 2003), или даже с казанскими татарами (Ахметзянов, 2004), имеет арабоязычную трехстрочную эпитафию, расположенную над входом во внутреннее помещение мавзолея. Ее перевод, сделанный Л.И. Лавровым (1964), дает все основания для датировки памятника в пределах 1405–1406 гг.

Судя по монетам, битым от имени Шадибека, в том числе и в г. Дербенте (Якубовский, 1947), время строительства мавзолея Борга-Каш совпадает с периодом контроля над Северным Кавказом, осуществлявшегося ханами кочевых подразделений, подвластных Шадибеку.

Отрывочные письменные свидетельства и эпизодический археологический материал позволяет утверждать о присутствии на Северном Кавказе в эпоху Золотой Орды и представителей иных этнографических групп населения. Есть сведения о пребывании в Маджарах «еврея из Андалусии» (Аджимамедов, 1991). На Тамани известны фрагмент керамики и надмогильные «стелы XII–XIV вв.» с иудейской символикой (Волков, 2002; Чхаидзе, 2005). Хачкары из Темрюкского музея и Маджарского городища (Волков, 2006) свидетельствуют и об армянском этнокомпоненте в регионе, причем не только в Причерноморье, но и в Центральном Предкавказье. Есть основания для упоминания о нахождении в регионе знатных Хулагуидов – потомков эмира Чупана, бежавших в Золотую Орду и впоследствии участвовавших в военных действиях против черкесов Северо-Западного Кавказа (Нарожный, 2006). Набирается коллекция разнотипных предметов русской христианской пластики (Нарожный, 1998), артефактов, свидетельствующих о нахождении здесь выходцев из Грузии, Средней Азии, Центральной и Южной Европы.

Естественно, что даже подобные уточнения, вряд ли, исчерпывающе могут продемонстрировать всю этнокультурную палитру, бывшую характерной для северокавказских владений Золотой Орды. Однако любые корректировки в области подобных знаний будут только способствовать конкретизации современных представлений о феномене Золотой Орды не только в пределах ее северокавказских границ, но и в рамках всего государственного образования.

Отдавая себе отчет в дискуссионности, декларативности или даже, «сырости» отдельных положений этой работы, мы убеждены в справедливости давнего и общеизвестного постулата: «лучше стремиться вперед, нежели все время топтаться на месте».

Литература

- Аджимамедов Р.Е.* Очерки истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск, 1991.
- Алексеев В.П.* О расселении монголоидов на Северном Кавказе // Культурное наследие Востока. Л., 1985.
- Алексеев В.П., Беслекоева К.Х.* Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА. 1963. № 114
- Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В.* К вопросу о датировке предметов из разрушенного позднекочевнического погребения у станицы Сиароминской // МИАК. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- Армарчук Е.А.* «Половецкие серьги» // Средневековая археология евразийских степей. Сб. ст. к юбилею проф. С.А. Плетневой. М.; Йошкар-Ола, 2005.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А.* Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Вып. 3. Армавир; М., 1997.
- Асеев И.В., Кириллов И.Н., Ковычев Е.В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск, 1984.
- Атавин А.Г., Андреева М.В.* Половецкое святилище на Ставрополье // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Т.1. Ставрополь, 1998.
- Ахметзянов М.* К истории татарских мавзолеев // ТА. 2002–2003. № 1–2 (10–11).
- Бабенко В.А.* Древности эпохи Золотой Орды из долины р. Айгурки // Город и Степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тез. док. III Международ. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. М. 2006.
- Басов В.И., Нарожный Е.И.* Новые позднекочевнические комплексы с территории Северного Кавказа. Публикация материалов. Часть 1 // МИАСК. Вып.5. Армавир, 2005.
- Баяр Д.* Каменные изваяния из Сухэ-Батырского аймака в Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
- Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А.* Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. док. Кисловодск, 2001.
- Березуцкий В.Д.* Новые данные о поздних кочевниках на левобережье Среднего Дона // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988.
- Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А.* Курган у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. Киев, 1984.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С.* Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар, 2003.
- Виноградов В.Б.* Мавзолей Борга-Каг и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Чкркесск, 1980.

- Волков И.В. Фрагмент амфоры с еврейской надписью из Анапского музея // Древности Кубани. Вып. 16. Краснодар, 2002.
- Волков И.В. Хачкар с городища Маджары // ИАА. Вып. 2. Армавир; М., 1996.
- Волков И.В., Ларенок П.А. Половецкое святилище на Нижнем Дону // ВМУ. Сер. История. 1988. № 1.
- Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.Л. Поселение скифского времени и могильник XIII–XIV вв. «Сухая Балка» // МИАСК. Вып.3. Армавир, 2004.
- Горбенко А.А., Кореняко В.А., Максименко В.Е. Позднекочевническое погребение из кургана у хут. Нижняя Козинка // СА. 1975. № 1.
- Горелик М.В. Армии монголо-татар. М., 2002.
- Горелик М.В. Монголо-татарский оборонительный доспех второй половины XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Горелик М.В. Ранний монгольский доспех // Археология, этнография и антропология Центральной Азии. Новосибирск, 1987.
- Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджары в 1907 г. // Тр. XIV АС. М., 1911.
- Гугев Ю.К. Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце // ДА. № 3–4. Ростов-на-Дону, 2001.
- Гугуев Ю.К., Гуркин С.В. Половецкое святилище середины XI–XIII вв. на правом берегу Нижнего Дона // ДД. Вып. 1. Азов, 1992.
- Гуркин С.В. Святилище половецкого времени с каменным изваянием на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования на Нижнем Дону и в г. Азове в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1991.
- Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987.
- Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1988.
- Добролюбский А.О. Тайны Причерноморских курганов. Одесса, 1983.
- Добролюбский А.О. Черные клобуки в Поднестровье и в Побужье // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. 1. Запорожье, 1990.
- Доде З.В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника «Джухта-2» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001 а.
- Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.
- Доде З.В. Уникальный шелк с «драконами» из могильника «Джухта» (Северный Кавказ) // РА. 2005. № 2.
- Евглевский А.В. Культовое захоронение половецких каменных изваяний в святилище, на Мечетном поле в Донбассе // Древние культуры Восточной Украины. Луганск, 1996.
- Евдокимов Г.Л., Куприй Н.М. Нові половецькі святища Північного Причорномор'я XI–XIII ст. // Золото Степу. Шлезвіг, 1991.
- Еремін Н.М., Мялковський В.А., Нарожний Е.И. Новые средневековые археологические комплексы с левобережья нижнего течения р. Терек // Археологические открытия на новостройках Северного Кавказа. Грозный, 1991.
- Ефимов К. Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // ДА. № 3–4. Ростов-на-Дону, 1999.
- Ефимов К. Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // РА. 2000. № 1.
- Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- Зеленский Ю.В., Каминская И.В. Позднекочевническое погребение из Прикубанья // Музейный вестник. Вып.1. Краснодар, 1998.
- Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004.
- Именохов Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск, 1992.
- Именохов Н.В., Коновалов И.В. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1983.
- Киртичников А.Н. Оружие времени Куликовской битвы // Вестник Академии наук. М., 1980.
- Клапрот Ю. Исследования о развалинах Мажарских на реке Куме // Московский телеграф. Ч.1–2. М., 1825.
- Кляшторный С.Г. Представления древних тюрков о пространстве // Письменные источники и проблемы истории культуры народов Востока. XI Годичная сессия ЛО ИВАН СССР. Л., 1975.
- Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981.
- Кодзоев Н.Д. Магас по археологическим и письменным источникам. Магас, 2003.

Коновалов И.В., Данилов С.В. Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981.

Коренько В.А., Атавин А.Г. Позднекочевнические погребения из кургана у сел. Новоселицкое (Ставропольский край) // КСИА. 1986. Вып. 183.

Кочкаров У.Ю. Вооружение средневекового всадника VIII–XIV вв. по материалам Северо-Западного Предкавказья: оружие ближнего боя. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2005.

Кочкаров У.Ю. Позднекочевнические погребения всадников в Краснодарском крае // КСИА. 2004.

Кочкина А.Ф. Находки предметов «аскизского» круга с Муромского городка // Археология Поволжья. Пенза, 2001.

Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // ДА. № 3–4. Ростов-на-Дону, 2000.

Крамаровский М.Г. Золотая монгольская пластинка из коллекции Халилли // Эрмитажные чтения, посвященные памяти В.Г. Луконина. СПб., 1995.

Крамаровский М.Г. Погребение монгольского времени из Таласской долины // Тез. док. Всесоюз. науч. конф. «Культура и искусство Киргизии». Ч. 2. Л., 1985.

Крамаровский М.Г., Шукин М.В. Кочевники на пути в Европу // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды». Тез. док. Волгоград, 1992.

Крамаровский М.Г.. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб. 2001

Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XIV вв. Владикавказ. 2002.

Лавров Л.И. Надписи мавзолея Борга-Каш // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Т. V. Вып. 1. История. Грозный, 1964.

Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА. 1963. № 114.

Милорадович О.В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА. 1963а. № 114.

Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. II. Ставрополь, 1964.

Мыськов Е.В. Политическая история Золотой Орды. Волгоград, 2003.

Нарожный Е.И. Половцы, или черные клобуки? (По поводу критических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИАСК. Вып. 2. Армавир, 2003а.

Нарожный Е.И. Борганы Северного Кавказа (археолого-этнографический аспект проблемы) // Дикаревские чтения (10). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 г. Материалы северокавказской науч. конф. Краснодар, 2004.

Нарожный Е.И. Восточные и западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья. Автореф. дисс.. канд. ист. наук. Воронеж, 1998.

Нарожный Е.И. К этнокультурной принадлежности некоторых позднекочевнических древностей Северного Кавказа XII–XIV вв. // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. док. Кисловодск, 2000а.

Нарожный Е.И. К этно-социальной атрибуции населения Терско-Кумского междуречья (по материалам городских мусульманских некрополей Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Нарожный Е.И. Л.П. Семенов и изучение ранней истории ногайцев // Научное наследие Л.П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988а.

Нарожный Е.И. Новые находки позднекочевнических древностей с территории Средней Кубани // Шестые чтения по археологии Средней Кубани. Кр. содерж. док. Армавир, 1999.

Нарожный Е.И. Новые случайные находки эпохи Золотой Орды с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 4. Армавир, 2004.

Нарожный Е.И. О верхнекубанских средневековых изваяниях // МИАК. Вып. 2. Краснодар, 2002.

Нарожный Е.И. О дальневосточных и южносибирских находках с Северного Кавказа // Вопросы северокавказской истории. Вып. 4. Армавир, 1994.

Нарожный Е.И. О некоторых находках XIII–XIV вв. с территории Грозненской области. (По материалам личного архива грозненского краеведа М.П. Севостьянова) // МИАСК. Вып. 5. Армавир, 2005.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецкое и золотоордынское время. Донецк, 2003.

Нарожный Е.И. О поясной пластинке с изображением Бахрам Гура с территории золотоордынского города Маджара (Ставропольский край) // РА. 2006. № 2.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир, 2005.

Нарожный Е.И. Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV в. в системе евразийских древностей (МИАСК. Вып. 7). Армавир-Ставрополь, 2006.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новые раннеджучидские комплексы Северного Кавказа // IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа. Материалы регион. конф. Ставрополь, 2000.

Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.). // МИАСК. Вып. 2. Армавир, 2003.

Овчинникова В.Б. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конф., посвящ. итогам исследований Лооской археологической экспедиции УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи. Екатеринбург, 1997.

Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. 1974. № 2.

Пиотровский Б.Б. [Раскопки] у ст. Моздок // Археологические исследования на территории РСФСР в 1936–1940 гг. М.; Л., 1941.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков // САИ. Е1-19. М., 1973.

Плетнева С.А. Об армавирской коллекции каменных половецких изваяний // ИАА. Вып. 1. Армавир; М., 1995.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е1-2. М., 1974.

Плетнева С.А. Половцы. М., 1980.

Ртвеладзе Э.В. Два золотоордынских мавзолея из района Пятигорья // СА. 1969. № 4.

Ртвеладзе Э.В. Из истории городской культуры и ее взаимосвязей со Средней Азией. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975.

Ртвеладзе Э.В. Мавзолеем Маджара // СА. 1972. № 1.

Руденко К.А. Находки «аскизского облика» ордынского времени в Поволжье и Прикамье // Археология Поволжья. Пенза, 2001.

Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Новые находки эпохи средневековья из Кисловодской котловины // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 4. Пятигорск, 2005.

Рудницкий Р.Р. Древности аскизской культуры XIII–XIV вв. у горы Развалка // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа. Материалы Второй археолого-этнограф. конф. «Минаевские чтения». Ставрополь, 1999.

Семенов Л.П. Мавзолей Борга-Каш. Владикавказ, 1926.

Сказание о Мамаевом побоище // Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1957.

Тропин Н.А. Золотоордынские находки в Верхнем Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13. Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Фидаров Р.Ф. Мусульманские погребения алан XIII–XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // ИФА. Вып. 1. Владикавказ, 2004.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.

Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

Чхаидзе В.Н. Стелы с иудейской символикой из погребений Таманского полуострова // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы XIV Всерос. межвузов. конф. Армавир–Краснодар, 2006.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей-удиге и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

Шавкунов Э.В. О назначении бронзовых рыбок и оленьего рога с Шайгинского городища // СА. 1973. № 1.

Яблонский Л.Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Яблонский Л.Т. Социально-этнические взаимоотношения в золотоордынском городе (по данным могильников) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

Якубовский А.Ю. Из истории падения Золотой Орды // ВИ. 1947. № 2.

Dabrowska. E. Kurhany Rassawskie // Archeologia. Rocznik Instytutu Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 1956.

Кубатбек Табалдиев

Кыргызско-турецкий университет «Манас», г. Бишкек

Чынарбек Жолдошов

Кыргызский государственный музей, г. Бишкек

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ ТЯНЬ-ШАНЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Археологические материалы Тянь-Шаня позднего средневековья предоставляют важные сведения об этнокультурных и миграционных процессах этого времени. Главным источником, предоставляющим важную информацию, являются курганы. Большинство могильников обнаруживали на плато, на возвышенностях (Табалдиев, 1996). Встречаются одиночные курганы, большие могильники состоят из 10–15 курганов. Внешним культуроопределяющим признаком курганов кочевников позднего средневековья является овальной в плане формы каменно-земляная или земляная насыпь, ориентированная длинными сторонами на С-Ю, СЗ-ЮВ. В северном секторе ряда курганов имеется невысокий, зачастую слабо выделяемый каменный столб (рис.1).

Внутримогильные сооружения представлены могильными ямами с заплечиками и подбойными могилами. В единичных случаях стены могильной ямы облицованы каменными плитами и перекрыты сверху поперечно плитами. Известно одно погребение в подбое в гробе-колоде.

Среди исследуемых курганов Тянь-Шаня выделяется группа курганов со специфическими чертами погребального обряда. Под насыпью отдельных курганов встречались «тайники» с вещами, также рядом с погребальной ямой, на древнем горизонте – яма с кострищем.

Положение погребенных – вытянуто на спине, головой на С, С-З. Рядом положены вещи с соблюдением возраста, пола погребенных (рис.1). В мужских погребениях встречаются пучок стрел или стрелы, помещенные в берестяной колчан, редко – лук. Женщин хоронили с надетыми украшениями, встречались серьги, перстень, браслеты. В отдельных женских погребениях сохранились остатки берестяного головного убора (бокка), деревянный гребень. У ног или над конечностями – седло со снаряжениями. Умерших хоронили в одежде, редко покрывали тканью. С большой уверенностью можно утверждать о положенных рядом соответственно полу и возрасту мужских, женских и детских седел. Рядом ставили деревянные или металлические чаши.

Специфичным элементом погребального обряда кочевников позднего средневековья является ритуальное мясо для умершего. В ходе раскопок у изголовья или рядом обычно находили берцовую кость, лопатку барана. Кроме того, в женских погребениях в области пояса находили ямочки с содержанием двух или трех позвонков барана.

Материалы раскопок датировались по аналогиям, и по найденным монетам, чеканенных в последней трети XIII – начале XIV в.

При сравнительном изучении погребального комплекса кочевников позднего средневековья Тянь-Шаня часто выявляются специфичные элементы каждого могильника как свидетельство их различной этнической принадлежности. Они оставлены на разных отрезках времени представителями тюркоязычных и монголоязычных этнических групп. Многие элементы погребального комплекса сопоставимы с данными широкого ареала Центральной Азии. Обсуждению этого вопроса посвящена данная работа. На наш взгляд, результаты будут полезны для исследователей культуры позднесредневековых кочевников в широком Евразийском ареале.

Намогильные сооружения. Одной из ярких, наиболее распространенных особенностей в погребально-поминальной традиции XIII–XIV вв. было сооружение овальной в плане формы насыпи и установление невысокого каменного столба в северном, северо-западном секторе насыпи. Камни ставили сразу же при сооружении насыпи. Раннесредневековая традиция установления памятных знаков в виде каменных изваяний или просто стел у поминальной оградки на Тянь-Шане была прервана с принятием исламской религии еще в X в. Последующий этап характеризуется распространением нового вида поминального объекта – памятного знака кайраки (поминальные памятники) с арабографической эпитафией, которые ставили у могил покойных. В эпоху позднего средневековья установление камня в северной половине могильной насыпи могло быть условным поминальным знаком. Столб мог выполнять такую же функцию, как и каменное изваяние или кайрак. В одном из столбов обнаружен тамгообразный знак.

По письменным памятникам известны факты ослабления распространения исламской религии во время нашествий кара-китаев, найманов, затем войск Чингиз-хана. Поэтому мы не располагаем данными кайраков периода монгольского нашествия. На наш взгляд, установление просто каменного столба в насыпи является традицией, привнесенной кочевниками из восточных регионов Центральной Азии. После монгольского времени, примерно со второй половины XIV в., с возрождением исламской религии в среде правящей элиты снова начинает появляться традиция установления кайраков с арабографической эпитафией, которая сосуществовала с традицией установления каменных столбов в насыпи. Это сосуществование на Тянь-Шане продолжалось в некоторых местах до начала XX столетия.

Следы ритуальных действий. Еще одной новой особенностью захоронений для части поздних кочевников горных и межгорных долин Тянь-Шаня является обожжение могильной ямы перед ингумацией (Ала-Мышык) и оставление железных предметов в насыпи, под насыпью курганов (Ийри-Жылга, Ала-Мышык, Бел-Саз). Использование огня в погребальной традиции кочевников – явление также новое. Вероятно, этот памятник был оставлен племенами, которые использовали огонь для «очищения» места захоронения. Обряд сожжения по данным археологических раскопок на Тянь-Шане был известен в эпоху поздней бронзы. В памятниках кочевников раннего железного века и раннего средневековья обряды очищения огнем могилы перед ингумацией не встречались. Есть случаи, когда следы огня (наличие древесного угля) зафиксированы в насыпи курганов гуннского и тюркского времени.

Оставление железных предметов под насыпью не характерно для кочевников Тянь-Шаня. Во время раскопок курганов в могильниках Ала-Мышык и Бел-Саз обнаружены железные предметы конского снаряжения (удила, стремяна). В могильнике Ийри-Жылга в кургане найдены только металлические предметы со следами сожжения. Близкий по характеру элемент погребального обряда – наличие «тайников» в кургане и следы кострищ на горизонте – был типичным для енисейских кыргызов (Кызласов Л.Р., 1981, с.55).

Внутримогильные сооружения. Захоронения в каменных ящиках и в гробе-колоде встречаются редко среди курганов поздних кочевников. Что касается их происхождения, то можно сказать следующее. Захоронения в каменных ящиках на Тянь-Шане имеют давнюю традицию. Так хоронили знатных кочевников в эпоху саков. Так как они не встречаются в памятниках I тыс. н.э., считаем, что традиция сооружения каменных ящиков давно уже была прервана. Ее появление спустя почти полутора тысяч лет связано с миграционными процессами, происходившими в первой половине II тыс. н.э. Захоронения в дощатых гробах или в колодах были характерны памятникам хуннского периода, затем они исчезают. Их появление также было связано с приходом массы кочевников из восточных регионов Центральной Азии.

Ритуальная пища в виде костей барана. Этот малоизвестный на первый взгляд элемент погребальной традиции не раз обсуждался в археологических и этнографических исследованиях (Хамзина, 1970, с.121). В этнографических исследованиях бурят эта кость упоминается как «сульдэ». Согласно верованиям монголов, кость барана, содержащая сульдэ, играла определенную роль в посмертном существовании человека, в мозгах которого содержалась некая жизненная сила (Данилов, 1985, с.87–89; Нимаев, 1988, с.78). В верованиях бурят понятие «сульдэ» – душа-судьба – семантически едино с тюркским «кут» (жизненная сила) имело множественное значение. «Символами сульдэ – «жизненного начала» выступают луч света (сияние), уголек, камешек, волосы, кровь стрелы. После смерти человека сульдэ становится гением – хранителем семьи, рода, воплощаясь в черепа, знамена и т.п.» (Галданова, 1987, с.49).

Сүлдө, сүлдөр в кыргызском языке выступает как синоним слова «кость». Нами было доказано, что положение ритуальной пищи для умершего в виде большой берцовой кости рядом с умершим появилось еще в эпоху раннего средневековья и с испытанием влияний этнической среды и времени она менялась. В тюркских погребениях с конем встречается большая берцовая кость с костями заплюсны (Табалдиев, 1996, с.23, 113–115). Последующие исследования показали правомерность наших выводов.

Головные уборы. Обратимся к характерному для этого времени в широком территориальном ареале типу головного убора, который встречается во взаимодополняющих археологических, этнографических, письменных и художественных источниках. Накопленный материал на Тянь-Шане совместно с указанными источниками позволил нам реконструировать облик головного убора, состоящего из нескольких деталей, из цилиндрической и трапециевидной частей. Они соединялись между собой и прикреплялись к головному убору. Дополнительные берестяные

детали ромбической формы свисали в качестве украшений с двух сторон в области ушей и выполняли функцию декоративных подвесок.

В трудах европейского путешественника XIII в. Плано Карпини содержится информация о монгольских женских головных уборах: «На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев и коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху черырехугольником, и снизу доверху этот (убор) все увеличивается в ширину...» (Путешествия, с.27.). Такой же головной убор описывал путешественник, побывавший в среде монгол, Рубрук: «...носят украшение на голове, именуемое бокка, устанавливаемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти как более легкий, и это украшение – круглое и большое, насколько можно его охватить двумя руками; длиною в один локоть и более, а сверху – четырехугольное, как капитель колонны» (Путешествия, с.100). Аналогичное же описание имеется в китайском источнике под названием «гугу». Он изображен на 26 портретах императриц Юанской династии. Этот головной убор сочетался с обильными височными подвесками. На рисунке Христенсена «Монгольские прически» видно, что берестяной головной убор Юанской императрицы покрыт тканью и местами разукрашен бисером (Вяткина, 1960, с.199). Кроме письменных описаний, головной убор – «бохта» изображен в миниатюрах (Die Mongolen, 1989, рис. 19, 24; Мыськов, 1995, рис. 1). Это подтверждено археологическими находками из Монголии, Алтая и золотоордынских памятников Восточной Европы (Баяр Довоин, 1991. С.12; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с.95). В 1998 году в Китайской Монголии в провинции Шаанкси найдена настенная живопись, где изображены правитель и его жена сидящими на троне с прислугами. Курган ранее был несколько раз ограблен, но роспись сохранилась. Здесь также на голове жены правителя ясно виден облик данного головного убора (China Archaeology, 2001, с.387. Указанные свидетельства говорят о широкой распространенности этого головного убора в горно-степных зонах Евразии. Вероятно, их носили не только монгольские женщины, но и женщины западных регионов, представители тюркских народов и племен.

Судя по рисункам и археологическим находкам, рассматриваемый головной убор изготавливали в различных вариантах. Варианты могли зависеть от сезона года, вместе с тем их виды отличались среди различных социальных слоев. В женских погребениях юного возраста головные уборы типа «бокка» не встречались. Поэтому полагаем, что их носили исключительно замужние женщины.

Головной убор типа «бокка» стал общераспространенным среди женщин степных и горных зон Евразии. На раннем этапе культуры кочевников Центральной Азии встречаются близкие по характеру головные уборы. На тюркском мемориальном памятнике, посвященном Текешу VII–VIII вв. (Монголия) на голове женщин рельефно переданы близкие по характеру головные уборы. Здесь могут быть запечатлены войлочные варианты высоких головных уборов с выступом вперед верхней части. Указанные примеры говорят о древних истоках головного убора такого типа. Позднее появились различные его варианты и широко распространились в среде позднесредневековых этносов Центральной Азии. Вероятно, этот тип головного убора был модным среди женщин этого времени. Особенно богато оформлены они среди знатных женщин, о чем свидетельствуют позднесредневековые миниатюры. Головной убор имел сезонные варианты. Головной убор, близкий к «бокка» – саукеле (шөкюлө – у кыргызов) в среде казахов, кыргызов доживает до XX столетия. Его надевали невесты на свадьбу и молодые женщины на первом году замужества (Казахская, 1998, с.14, 39–41).

Поясные наборы. Своеобразны наборные пояса рассматриваемого времени. К ремням продевались или прикреплялись при помощи штырьков декоративные бляхи-пронизки с петлей. Они изготовлены из бронзы и кости. Металлические бляхи-оправы декорированы в сочетании растительных, зооморфных мотивов. Внизу припаяны петли для подвешивания предметов или ремешков. В нижней части костяных блях-пронизок имеются якорообразные петли. О максимальной использованности петель свидетельствуют следы изношенности. Бляхи-пронизки с петлей аналогичной формы, изготовленные из камня, бронзы, железа, серебра и кости, найдены в комплексах конца I – начала II тыс. н.э. в Западной Сибири, Минусинской котловине, Забайкалье, Приморье (Беликова, 2001, с.109). Появление костяных подобного рода блях-пронизок на Тянь-Шане связано с приходом поздних кочевников из указанных регионов. Такой формы детали наборного пояса были неизвестны в предыдущих раннесредневековых кочевнических материалах Тянь-Шаня.

Серьги. Обнаружены серьги в виде вопросительного знака и кольчатые (рис. 2, 10–25). Говоря о развитии серег в виде вопросительного знака, следует подчеркнуть, что их возникновение связано с культурой ранних и раннесредневековых кочевников. Еще в сакское время изготавливали близкие по форме и виду серьги с бусинами. Они продолжают развиваться в гуннскую эпоху. В

эпоху средневековья они приобретают различные черты. Так, например, появляются серьги «салтовского типа» со штырьком на дужке, серьги с различными очертаниями бусин. В эпоху позднего средневековья они не теряют основного своего очертания. Кажется, наоборот, упрощается их изготовление. В обычных рядовых женских погребениях в основном встречаются серьги, изготовленные из бронзовых, медных прутьев с мелкими бусинами. Новшеством серег кочевников первой половины II тыс. н.э. следует считать массивные серьги с относительно массивной S-образной дужкой (рис. 2, 8). Аналоги известны на Алтае, в Забайкалье (Гаврилова, 1965, табл. XXVI, рис 14; Хамзина, 1970, табл. XII).

Посуда. Иногда в погребениях встречались серебряные или бронзовые чаши. Часть их изготовлена из драгоценного металла, имеет вертикальные ручки с орнаментом, символами. Последнее, несомненно, показатель их обладателя. Не случайно они богато переданы в чашах из драгоценного металла. В декоративной орнаментации первостепенное место занимает цветок лотоса. Лотос изображался не только на металлических предметах, но также в кожаной аппликации и тиснении. На клапане кожаной сумки, найденной в погребении подростка, можно заметить, что вначале детали лотоса выполнялись полосами кожи и приклеивались к основе, затем они покрывались сплошным слоем кожи и путем тиснения выявлялся вид цветка лотоса. Кроме металлических чаш, образ лотоса имеет место в художественном литье. На поясных бляхах лотос сочетается с изображениями животных и птиц.

С середины II тыс. н.э. в орнаментике происходят изменения – вместо цветков лотоса появляются изображения растительных побегов, сфинксов, геометризированные изображения узлов и цветков. Новшества связаны с изменением этнической ситуации, с возрождением и расширением роли ислама в среде населения. Поэтому иногда их изображения сочетаются с арабской надписью. Позднее на поддонах таких чаш припаивают кольца, образующие поддон.

Конское снаряжение. Факт взаимосвязи поздних кочевников Тянь-Шаня с синхронными по времени кочевыми культурами Евразии ярко прослеживается в седлах, обнаруженных у ног погребенных. Выделяются мужские, женские и детские седла (рис.3). Все они состоят из четырех частей: из двух полок, передней и задней луки. Прикреплялись они при помощи продетых кожаных шнурков через отверстия. Обтянутая сверху кожа не сохранилась, о кожаном покрытии свидетельствуют остатки костяных накладок, пробитых по краям лука. Их происхождение непосредственно связано с раннесредневековой кочевой культурой Центральной Азии. На Тянь-Шане удалось обнаружить несколько экземпляров деревянных остовов седел в тюркских погребениях с конем. Позднесредневековые седла отличаются высокой вертикальной передней лукой и широкой, горизонтальной задней. Аналоги встречались в Туве, на Алтае, Забайкалье, Монголии (Ковычев, Беломестнов, 1988, рис.7; Вайнштейн, 1991, рис. 101). Положение седел у ног погребенных, на наш взгляд, является одним из вариантов трансформации обряда погребения с конем со снаряжением. Этот обряд частично имел место в тюркском погребальном обряде. Так, например, в средневековом могильнике Бел-Саз среди погребений с конем со снаряжением имелись погребения, где во входной яме лежали только стремя и деталь седла. В могильниках Суттуу-Булак и Ала-Мышык коня заменяли захоронения барана, а предметы конского снаряжения ставили рядом с погребением (Бернштам, 1952, рис.44; Табалдиев, 1996, рис.21). В могильнике Кашка-Суу седло находилось у ног одиночного женского погребения VIII–IX вв. Эти свидетельствует о постепенном отходе от традиции захоронения с конем и переходе к положению рядом с умершим только конского снаряжения. Именно этот обряд переходного этапа затем стал широко распространенным в первой половине II тыс. н.э. в Центральной Азии.

Зеркала, обнаруженные в женских погребениях, все привозные или являются копиями китайских зеркал с изображениями парных рыб или с орнаментом. Позднее изготавливали зеркала с арабской надписью. Параллельно в широком ареале Евразии бытовали зеркала с изображениями сфинксов и арабографической благожелательной надписью по внешнему краю.

Предметы вооружения. Из предметов вооружения наконечники стрел стали наиболее ярким источником при определении хронологии памятников. В мужских погребениях встречались в основном плоские наконечники стрел различных очертаний (рис. 4). Трехлопастные наконечники стрел и наконечники со свистунками не встречались. Изготовление луков в эту эпоху значительно отличается от раннесредневековых. Вместо боковых срединных накладок повсеместно использовали фронтальные костяные накладки с весловидными окончаниями (рис. 5). Это связано с изменением деревянных частей лука. На Тянь-Шане они встречались двух видов. Лук состоял из пяти деревянных частей. При их сборке центральная часть укреплялись фронтальной накладкой и концевыми костяными пластинами. Аналогии с последними также указывают на его происхож-

дение из восточно-центральноазиатских территорий (Ковычев, Беломестнов, 1988, рис.2). Благодаря уцелевшим деталям лука из погребений двух воинов мы ярко представляем систему соединения деревянных частей лука (Anke, Mockalev, Tabaldiev, Soltobaev, 1997, рис.36).

Вопросы этнокультурной интерпретации. Как видим, многие элементы культуры поздне-средневековых кочевников находят аналогии в синхронных культурах Евразии и в культурах конкретных этносов второй половины II тыс. н.э. Пребывание центральноазиатских кочевников ярко прослеживается в появлении специфичных элементов погребального обряда, предметов конского снаряжения, вооружения, украшений. Это, несомненно, связано с движением войск монголо-татар. Культура Центральной Азии в среде тюркских и монгольских народов стала традиционной в последующие столетия в горно-степных зонах Евразии. Как и в предыдущих волнах миграционных процессов, с отдалением в сторону запада она приобретала новые черты и обогащалась. Зачастую такие культуры органически связаны между собой сходной культурой. В таком рассмотрении вопроса объективными кажутся сведения ал-Омари: «С приходом татаро-монголов кыпчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смещались и породнились с ними (кыпчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали, точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле, кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их кыпчаков» (Арсланова, 1970, с.58.) Исходя из политической ситуации того времени, сходные тесные взаимовлияния имели широкое значение в их развитии. Если территориально характеризовать облик культуры поздних кочевников и народов Средней, Центральной Азии и отдельных западных народов, можно выявить истоки элементов культуры многих современных народов в евразийском масштабе.

Основы материальной культуры тюркских народов, бурят, монголов, ярко прослеживаются в памятниках XIII–XIV вв., что вызывает живой интерес к указанной проблеме. Более того, погребальные памятники представляют неопределимые материалы для исследования основ формирования культуры, этнической истории поздне-средневековых тюркских и монгольских народов. Археологические материалы исследователями связываются с монголами, кыпчаками или указывается на принадлежность к тюркской культурной среде. Вопросы этнокультурной принадлежности, несомненно, могут быть постепенно конкретизированы. Важны исследования такого рода, начатые Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов, 1966) и продолженные последующими исследователями (Иванов, Кригер, 1988; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002). Подобные труды позволяют выявить специфические черты локальных культур.

На Тянь-Шане ярко заметен в середине I тыс. н.э. мусульманский обряд погребения. Последний отличается отсутствием погребального инвентаря, и только лицевая часть умерших ориентирована в сторону Мекки. Надмогильные и внутримогильные сооружения ничем не отличаются от рассматриваемой группы. Поэтому исследование памятников XIII–XIV вв. Тянь-Шаня и культур несколько позднего времени, продолжающих традиции предыдущего времени, предоставляют исключительно важные данные для изучения культуры, этнических и религиозных процессов в широком масштабе.

Рассмотренные материалы относятся к первой половине II тыс. н.э., при этом основная часть датирована XIII–XIV вв. Приведенные для анализа памятники исследованы в высокогорных долинах. Как видно, часть элементов культуры эволюционировала из культур предшествующего времени, замечены трансформированные детали погребального обряда и элементы материальной культуры. Вместе с тем особо заметны заимствования из культур поздних кочевников. Замеченные сходства свойственны многим кочевым народам Средней и Центральной Азии, Восточной Европы. Во многих случаях они объективно отражают этнокультурные контакты, миграции самих кочевников. Вопросы хронологии не вызывают особых противоречий. Ведь многие приведенные для анализа виды материалов давно уже стали эталонными, т.е. они входят в число датирующих предметов.

Исследование культуры оседлой части населения Тянь-Шаня синхронного времени могут быть рассмотрены на основании материалов дворцовых комплексов и городищ межгорных долин этого времени, таких, как Садыр-Коргон, Ак-Тёбё, Садовое, Сретенское, Акчий. Судя по монетам, городище Садыр-Коргон (Шельжи) не потеряло своего экономического потенциала в XVI–XVII вв. (Бурнашева, Аитова, 1999, с.90). Поэтому, несмотря на разрушенность и аварийный характер памятников, исследования, даже сбор оставшегося подъемного археологического материала из Садыр-Коргона и остальных городищ поздне-средневекового времени могут значительно заполнить часть белых пятен истории культуры кочевников и городского населения Тянь-Шаня, которые обычно умалчиваются в региональной истории.

Литература

Арсланова Ф.Х. Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.

Баяр Довоин. Каменные изваяния Восточной Монголии: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Улан-Батор, 1991.

Беликова О.Б. Каменные изделия из курганов XIII в. юга Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии, 2001. № 1 (5).

Бурнашева Р.З., Аитова С.М. Новые сведения о городище Садыр-Курган // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана. Материалы II Международных чтений по творчеству Мухаммада Хайдара Дулати. Алматы, 1999.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М, 1991.

Вяткина К.В. Монголы Монгольской Народной Республики // Восточноазиатский сборник. М.; Л., 1960.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.

Данилов С.В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его этнокультурные связи. Новосибирск, 1985. С.87–89.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988.

Казахская национальная одежда. Алматы: Дидар, 1998.

Кравец В.В., Березуцкий, Бойков А.А. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // Донская археология. 2000. № 3–4.

Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: джучидская сокровищница. СПб., 2000.

Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И. Погребения с конем из Поононья: хронология и этническая принадлежность // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Уде, 1988.

Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Лхагвасурен Хоголбоон. Средневековые погребения монголов (XII–XIV вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.

Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. 1995. № 2.

Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Савинов Д.Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Сб. Науч. тр. Новосибирск, 1990.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. Изд-во Алтай. ун-та, 2002.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Фирма «Айбек», 1996.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970. С. 121

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966.

Bodo Anke, Michail Moskalev, Oroz Soltobaev, Kubatek Tabaldiev. Ausgrabungen auf dem Graberfeld von Süttüü-Bulak. Rai. Kockor. Kirgyzstan. EURASIA ANTIGUA. Zeitschrift für Archäologie Eurasians. Band 3. Berlin 1997. P. 513–570.

Die Mongolen und Weltreich. Рис. 19, 24. Mainz am Rhein 1989 (Tschinggis Khan und sein Hofstaat, 14. Jahrhundert. Bibliothque Nationale, Paris; Geburtsszene, pers. Miniatur, frühes 14. Jahrhundert. Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz, Orientabteilung, Berlin).

China Archaeology and Art Digest. Urban design in Mongol China / Volum 4 Numbers 2-3 September 2001. P.387. (Liu Hengwu Murals from the Yuan dynasty tomb at Donger village, Pucheng, Shaaxi [province]).

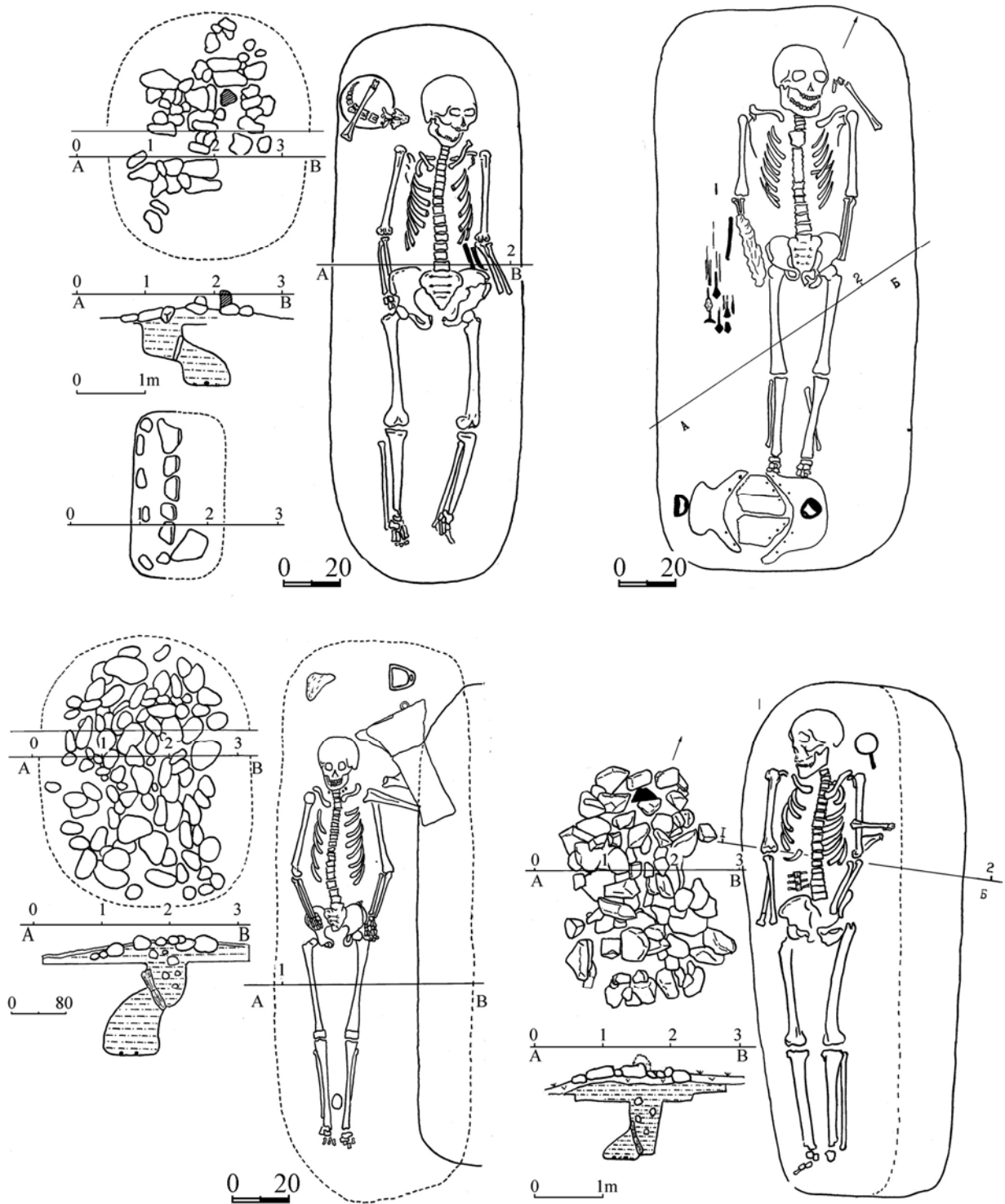
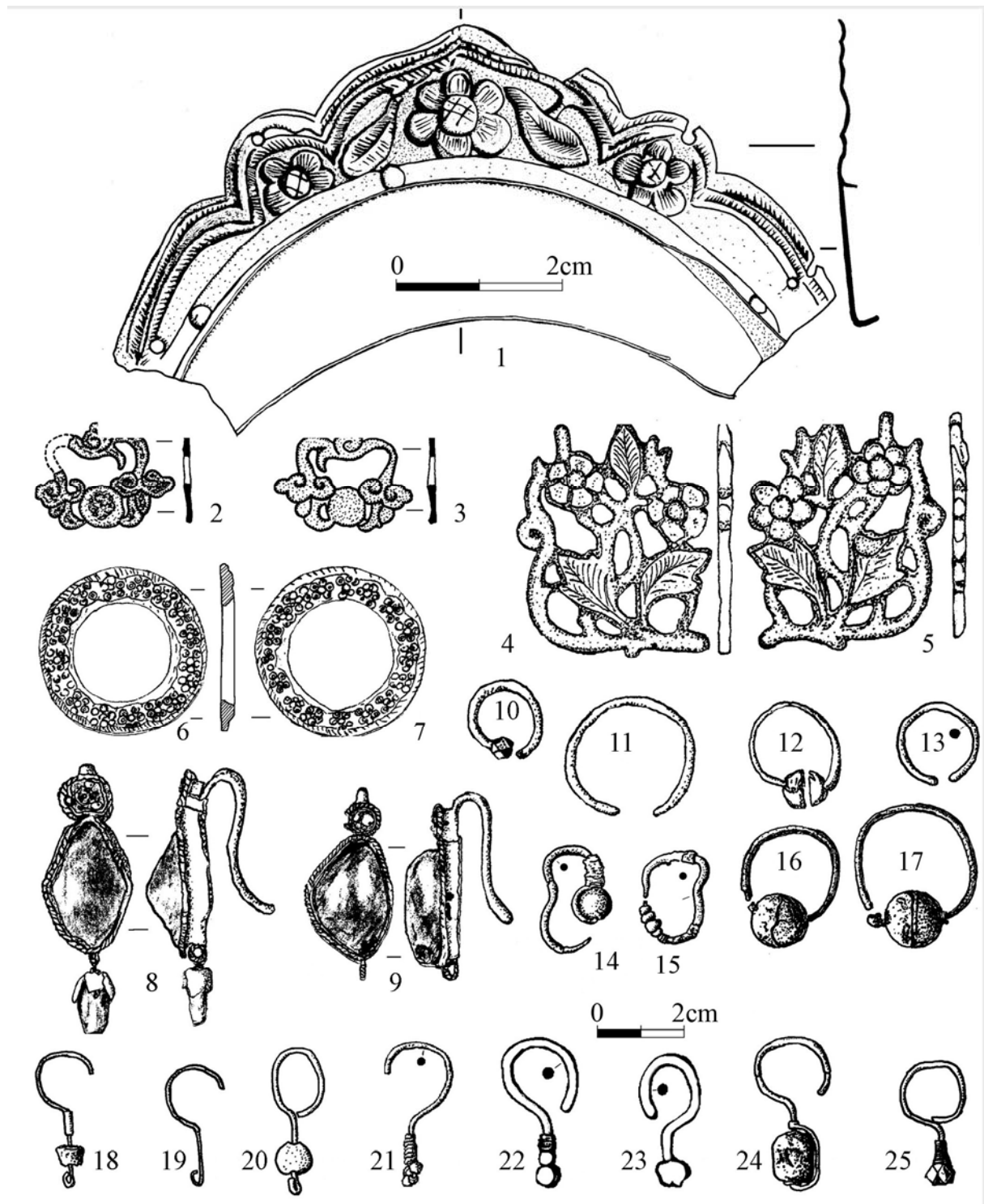

Рис. 1. Внутренний Тянь-Шань. Виды погребений XIII–XIV вв.

Рис. 2. Внутренний Тянь-Шань. Украшения женских головных уборов (1-5); наkosные украшения (6-7); серьги (8-25). XIII–XIV вв.

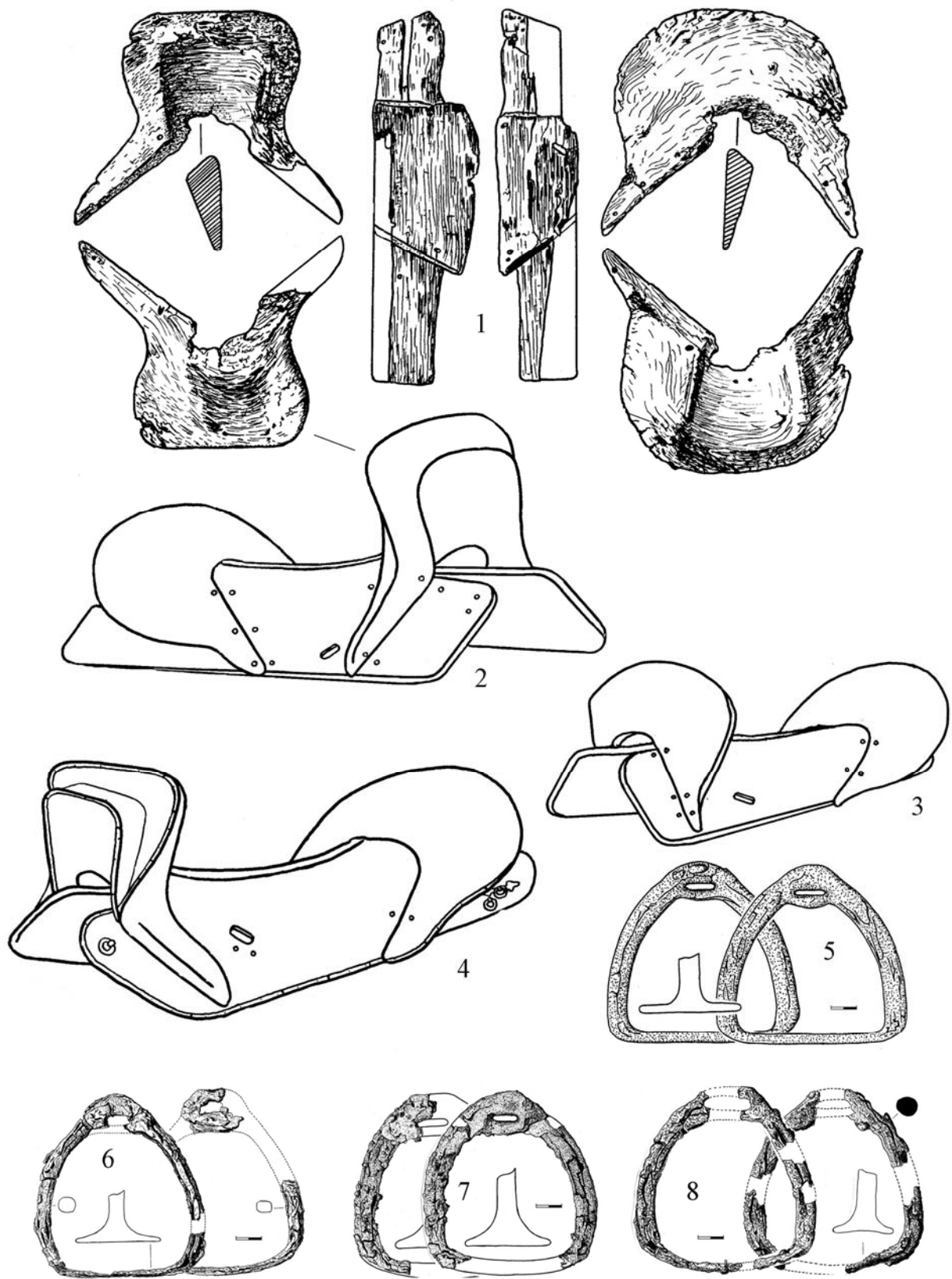

Рис. 3. Внутренний Тянь-Шань. Деревянный остов седла и реконструкции седел (1-4); стремена (5-8). XIII-XIV вв.

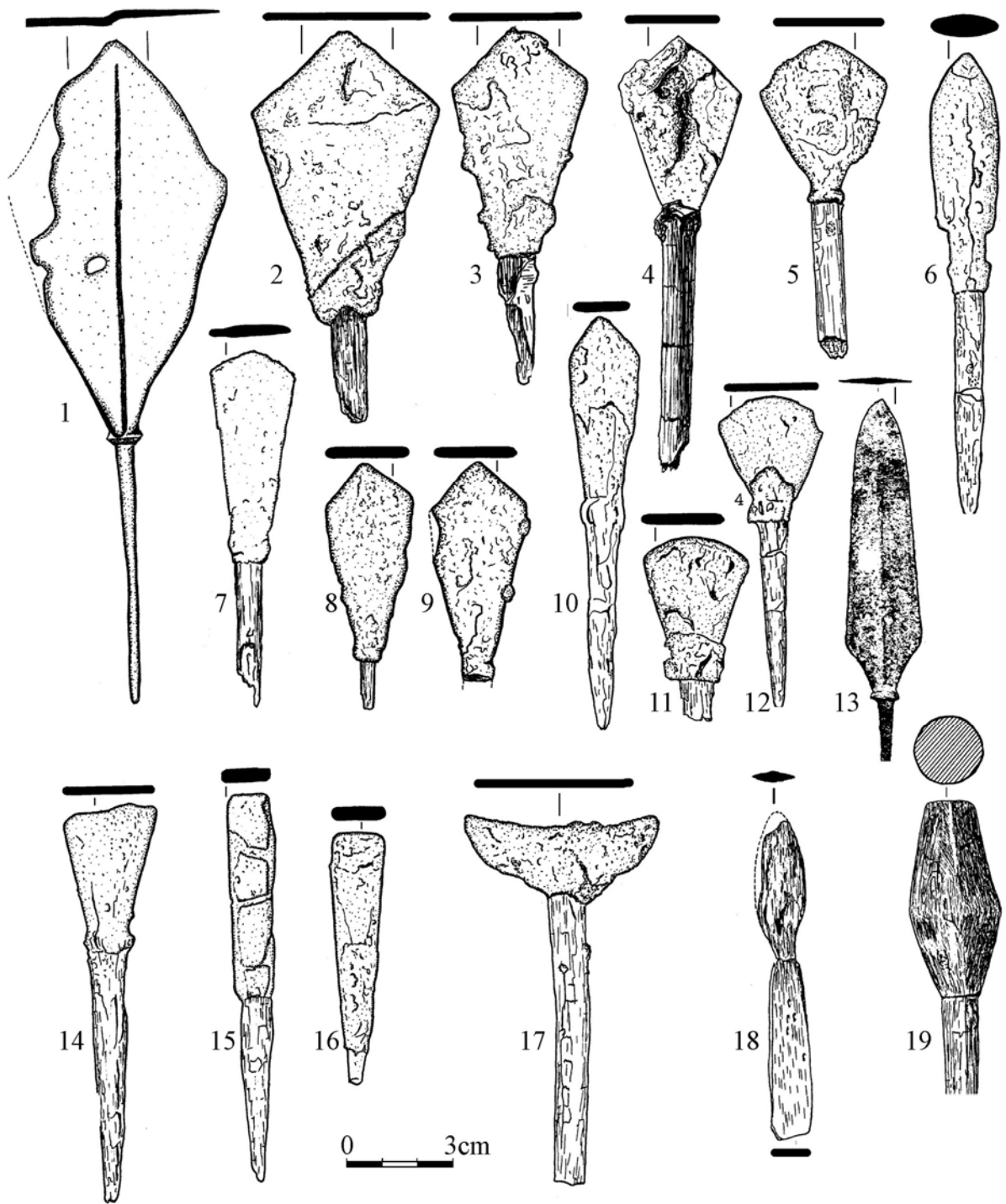

Рис. 4. Внутренний Тянь-Шань. Наконечники стрел. 1-17 – железо; 18 – кость; 19 – дерево. XIII–XIV вв.

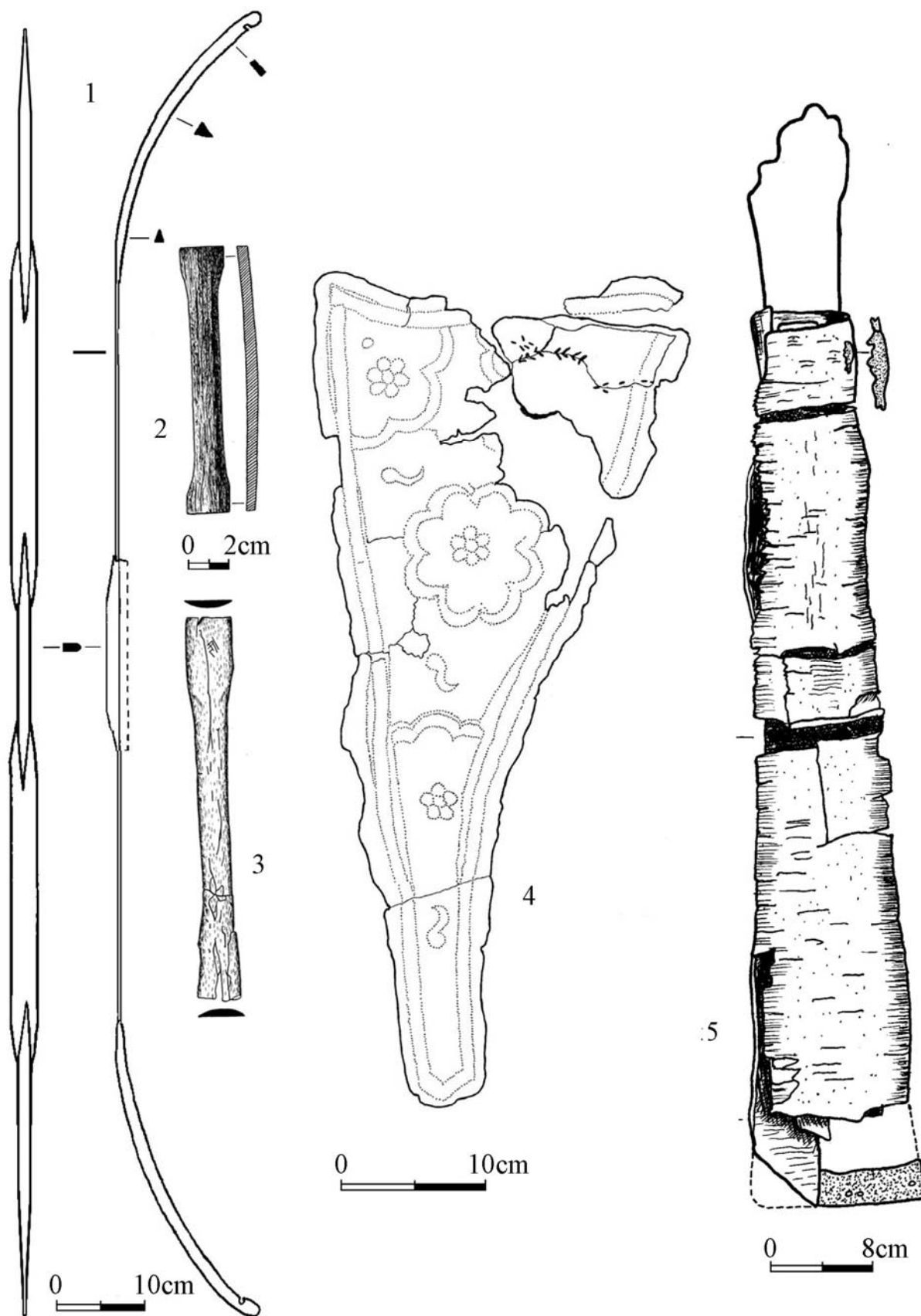

Рис. 5. Внутренний Тянь-Шань. Предметы вооружения. 1 – лук; 2-3 – костяные накладки; 4 – налучье; 5 – берестяной колчан.

Сергей Татауров

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
СИБИРСКОГО ХАНСТВА В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ
В 2003–2006 гг.**

Одной из наиболее интересных страниц истории Западной Сибири является образование первых государственных формирований во второй половине II тыс. н.э. К сожалению, на настоящий момент мы можем констатировать, что изучением этого государственного образования занимается очень мало исследователей. Причиной этому является недостаток источниковой базы, так как для этого времени мы имеем очень незначительный блок письменных источников, в основном это русские летописи и записки воевод, датируемые не ранее конца XVI в. На мой взгляд, источниковую базу могут существенно расширить археологические исследования комплексов, связанных с историей сибирских ханств.

В конце XIV – XVI вв. в Западной Сибири происходят важные социально-политические и хозяйственные изменения. Возникают и развиваются первые государственные объединения: Ишимское, Тюменское, а затем и Сибирское ханства. В это время происходит разложение родоплеменных и укрепление феодальных отношений у тюркоязычного населения. Идет процесс формирования политико-административной структуры западносибирских государств. Столицы Ишимского ханства – Кызыл-Тура, Тюменского – Чимги-Тура и Сибирского – Искер, приобретают черты феодального города, хорошо укрепленного центра.

В Омском Прииртышье по историческим источникам – картам первого картографа Сибири С.У. Ремезова, дневникам известного ученого-сибириоведа Г.Ф. Миллера известно достаточно большое количество городов и городков XIV–XVI вв. связанных с существованием Сибирского ханства. К сожалению, не все из них до настоящего времени обнаружены, а из известных комплексов только на двух (на Красноярском городище и на городище Надеждинка VII) были проведены масштабные археологические исследования.

Наибольший интерес у ученых вызывала Кызыл-Тура (Красноярское городище). Она археологически изучена лучше других, вопросы, связанные с нею, неоднократно освещались в литературе. Достаточно подробное описание этого комплекса сделал Г.Ф. Миллер. Вначале на Ишиме правил Он-Сом хан, который близ устья Ишима, при впадении ее в Иртыш, на крутом красном яру (по-татарски «кызыл-яр») имел сою резиденцию – укрепленный городок, окруженный тремя валами. Приемником Он-Сомы был Иртышак, после его поражения от тюменского хана Чингиса на реке Ишим стал править Саргачик, по имени которого некоторые ишимские татары называют себя саргачиками. Красноярское городище было открыто в 1961 г. сотрудником Института археологии АН СССР В.А. Могильниковым. Площадка памятника, укрепленная тремя рядами валов и рвов, имеет площадь около 1500 кв. м. Высота валов относительно дна рвов достигала 2 м, а с напольной стороны - 0,75 м. В данное время исследованиями Красноярского городища занимается известный омский археолог Е.М. Данченко. За годы работы получены уникальные коллекции предметов материальной и духовной культуры жителей.

Не меньший интерес у исследователей вызывал городок Тунус, который, по всей вероятности, последним из всех городков Сибирского ханства был взят штурмом русскими войсками. Многолетние поиски этого комплекса увенчались успехом в 2002 г. Городок располагается на небольшом останце коренной террасы левого берега р. Нижняя Тунгуска примерно в 0,8 км от курганного могильника Надеждинка IV. Нижняя Тунгуска делает выше останца крутой поворот к западу и ниже останца возвращается к востоку, поэтому городище достаточно хорошо защищено с трех сторон и доступ к нему сильно ограничен. По всей вероятности эти причины помешали обнаружить этот памятник раньше проводившим здесь поиски археологам.

Уже сам внешний вид городища и первые полученные материалы позволили нам соотнести этот комплекс со временем существования Сибирского ханства.

В настоящий момент с большой долей вероятности мы можем говорить, что это так называемый Тунусский городок (Тунус), известный нам из работ Г.Ф. Миллера как центр Тунусской волости или по имени главного мурзы Чангулы. Тунус имеется на карте Сибири XVI–XVII вв.

К.Н. Сербиной. Но на ней он расположен немного западнее и на правом берегу р. Нижняя Тунгуска, что и сбивало исследователей в их поисках. Чангул присягнул на верность русскому государю, но затем, с приходом сюда Кучума, изменил России. Весной 1595 года (17 марта) из города Тары на покорение татар по р. Таре выступил отряд под руководством письменного головы Доможирова численностью 483 человека при 5 скорострельных пушках. В городке укрылось 40 татарских семей, при подходе русских татары сделали вылазку, в результате которой 17 татар погибло, большинство остальных разбежалось, а Чангул был взят в плен. Городок был сожжен для того, чтобы не дать татарам впредь находить здесь убежище, после чего местные волости были отданы на разграбление.

Городище занимает всю поверхность останца. Из-за достаточно крутых склонов единственное более-менее удобное место для поднятия на останец имеется в юго-восточной части. Здесь, по-видимому, и был вход на городище, в подтверждение этому служит устроенное в этом месте у подошвы останца укрепление. Оно представляет вытянутый вдоль склона вал, который ограничивает площадку длиной 40 и шириной 10 м. Высота вала со стороны поймы достигает 2-2,5 м, ширина – 2 м. Это своего рода предмостный редут, если исходить из фортификационной терминологии. Такое укрепление на территории Прииртышья зафиксировано впервые. На верхней площадке останца зафиксирован ров и вал, которые разделяют ее почти пополам. Ров шириной от 3 до 8 м и глубиной от 0,5 до 0,7 м. Вал в восточной части останца имеет ширину до 17 м, в западной части он значительно уже до 10 м. Высота около 1 м.

Помимо линии укреплений на площадке останца зафиксировано семь овальных западин, которые, как выяснилось в ходе раскопок, были легкими каркасными жилищами (юртами) площадью около 40 кв. м. Стены, примыкавшие к краю городища, были дополнительно укреплены валом. Внутри располагались лежанки из тонких жердей и досок. В центре жилищ – небольшой очаг.

Материалы, полученные в 2003–2006 гг. в целом подтверждают описание Г.Ф. Миллера. Все жилища уничтожены пожаром, в очагах и рядом с ними целые и разбитые сосуды. Самыми многочисленными находками стали железные и костяные наконечники стрел, причем следует отметить, что последние сделаны второпях, без хорошей обработки и из самых различных костей животных. Следов восстановления жилищ нет. Отметим небольшой клад кузнечных инструментов, который был обнаружен в углублении внутри жилища № 1. Он состоял из двух молотков и клещей. Остеологические определения показывают, что подавляющее количество костей животных принадлежит лошади, что существенно отличается от данных с других комплексов этого времени на данной территории. Особенно следует отметить находки нескольких человеческих костей в верхних горизонтах городища. Видимо, после штурма не все погибшие были захоронены.

Небольшой культурный слой не дает возможности построить стратиграфическую колонку памятника. Судя по керамическому материалу, ситуация очень похожа на коллекции М.С. Знаменского из раскопок Искера. Хорошо выделяются комплексы фигурноштампованной и собственно татарской керамики. В то же время в процессе раскопок в центре жилища № 1 был зафиксирован очаг и в нем найдены развалы трех сосудов, два из которых орнаментированы продольными линиями и фигурным штампом, а один полностью покрыт рядами подтреугольных штампов.

Положительным моментом для городка является наличие могильника Надеждинка IV, который, по нашим предположениям, составляет с ним один комплекс. Памятник насчитывает 28 насыпей округлой формы диаметром 7–13 м, высотой 0,3–0,8 м. На курганах 5, 6, 10, 28 отмечены грабительские ямы диаметром до 2 м, глубиной до 0,5 м. За период с 1990 по 2002 годы экспедициями Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и Омского филиала института археологии и этнографии СО РАН были проведены исследования на ряде могильников XVII–XVIII вв., оставленных одной из групп сибирских татар (аялыньских). По взаиморасположению и по внешнему виду насыпей данный могильник стоит в одном ряду с ними и датируется вышеуказанным временем. Об этом же свидетельствуют находки, идентичных найденным на городище, украшений и наконечников стрел. Косвенным подтверждением можно считать и тот факт, что на могильнике отсутствуют детские захоронения, а из 17 исследованных погребений только три – женщины, а остальные мужчины в возрасте от 16 до 40 лет.

Однако много сомнений по датировке могильника и по соотношению его в один комплекс вызвало разнообразие погребального обряда и находки в погребениях украшений, часть которых датируется IX–XI вв., а другая аналогична находкам с татарских могильников на р. Таре Бергамак II и Окунево VII.

Проведенные в 2003–2004 гг. раскопки показали, что могильник Надеждинка IV имеет ряд отличий от раскопанных в Тарском Прииртышье погребальных комплексов этого времени. Прежде всего, зафиксировано два трупосожжения, причем по разному обряду: первое – трупосожжение на стороне, второе – трупосожжение на месте. Интересен факт, что обряды были совершены внутри деревянных срубов. Следующей отличительной особенностью является наличие безынварных захоронений, костяки фиксируются в вытянутом положении, на спине, ориентированы головой на юго-запад. Подобной ориентации на могильниках в Тарском Прииртышье мы не встречали.

Остальные захоронения выполнены по традиционной для татарских могильников схеме. Ориентация захоронений юго-запад – северо-восток, головой на северо-восток. Могильные ямы неглубокие, вокруг одной могилы мы зафиксировали большой ровик. Умерших хоронили по обряду трупоположения вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ноги прямо или слегка подогнуты. Сопровождающий инвентарь представлен украшениями: височные кольца, подвески, бубенчики и бусы.

В 2006 г. было исследовано три кургана, в результате был получен очень интересный материал – в двух курганах, где погребение было совершено по обряду трупоположения, в ногах погребенных были зафиксированы круглодонные горшки, полностью орнаментированные глубоким подтреугольным штампом. Эти сосуды позволяют нам датировать погребения XV–XVI вв. и тем самым подтверждают синхронность могильника и городища. Но еще больший интерес представляет то, что найденный в этих же могилах инвентарь аналогичен тому, что был найден в могилах с бронзовыми подвесками, которые в литературе датируются началом II тыс. н.э. Вполне возможно, что подобные украшения доживают на этой территории до татарского времени. Третье захоронение было совершено по обряду трупосожжения на стороне. Над погребением зафиксирован деревянный сруб из двух рядов небольших бревен. Исследованные в 2006 г. захоронения дали возможность говорить о том, что впервые в Тарском Прииртышье мы вышли на погребальные комплексы второй половины XVI в. Полученные материалы свидетельствуют о тесных контактах на этой территории тюркских и угорских групп населения в этот период.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что дальнейшие исследования городов и городков XVI в. откроют новые страницы истории последнего периода существования Сибирского ханства.

Сергей Тихонов

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ И ПИСЬМЕННЫМ ДАНЫМ (на примере аялыньских татар XVII–XVIII вв.)

Изучение взаимоотношения групп населения, оставивших археологические культуры, – одно из традиционных направлений научных исследований в отечественной археологии. Можно изучать взаимодействия в однокультурной среде, но тогда археологические материалы весьма однородны, и проследить культурные, этнические и прочие контакты очень трудно. Напротив, следы взаимодействий между разнокультурными этносами, например, жителями степи и тайги, выглядят более отчетливо. Например, сасанидское серебро, найденное при изучении комплексов тайги или тундры Западной Сибири, явно не вписывается в предметы традиционного быта населения этих территорий и выглядит чужеродно. Но, к сожалению, и в этих случаях археологические материалы фрагментарны и в связи с этим ученые вынуждены использовать этнографические, письменные и другие источники для решения проблемы.

Группа омских ученых (С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, К.Н. Тихомиров, С.С. Тихонов – археологи, М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, М.Н. Тихомирова – этнографы, М.А. Корусенко и А.В. Матвеев прошли подготовку по археологии и этнографии) во главе с Н.А. Томиловым занимается изучением этнографо-археологических комплексов аялыньских татар, являющихся подгруппой татар тарских, которые, в свою очередь, относятся к татарам тоболо-иртышским, а те являются частью сибирских татар. Деревни тарских татары расположены по обоим берегам Иртыша и его притоков Тары, Уя, Оши в Большереченском, Знаменском, Муромцевском, Седельниковском, Тарском районах Омской области. Эту территорию называют Тарским Прииртышьем, показывая тем самым ее географическое положение и соотношение со Средним Прииртышьем, которое обычно соотносят или с территорией Омской области, или с бассейном Иртыша от границы Омской области и Павлодарского акимата до устья реки Тобол, т.е. с Омской и южной частью Тюменской областей.

Вышеупомянутые ученые совместно с сотрудниками Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского изучают этнографо-археологические комплексы (ЭАК) аялыньских татар по специальной программе с 1993 г. Во время полевых работ археологических раскопками были изучены татарские городища, поселения и могильники на берегах реки Тара у деревень Надеждинка (С.Ф. Татауров), Черталы (Б.В. Мельников), Бергамак (В.В. Михалев, С.Ф. Татауров, К.Н. Тихомиров, С.С. Тихонов), Окунево (В.И. Матющенко), Чеплярово (М.А. Корусенко). На реке Уй А.В. Матвеев проводил работы у деревень Кошкуль (совместно с В.В. Михалевым) и Крапивка. На татарских памятниках, расположенных по берегам Иртыша, работали В.А. Ерохин (д. Сеткуловка), С.С. Тихонов и С.Ф. Татауров (урочище Темепяк), Междуречье (А.В. Матвеев), Аргаист (К.Н. Тихомиров). Разведками были обследованы берега рек Шиш, Уй, Тара, Иртыш (С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, С.С. Тихонов). Этнографы, более мобильные, чем археологи, обследовали свыше 30 татарских деревень в уже названных ранее северных районах Омской области, собрав великолепные материалы. При подготовке научных работ исследователи (по преимуществу этнографы) изучали письменные источники, хранящиеся в архивах Москвы, Тобольска, Новосибирска, Омска, и, конечно, обращались к публикациям источников. Это позволило приступить к обобщению наработок по ЭАК сибирских татар, включающих в себя теоретико-методологические аспекты исследования, а также конкретные этнографо-археологические сюжеты, в том числе и взаимоотношения аялыньцев со степняками.

По природно-географическим условиям территория проживания аялыньских татар – северная лесостепь и подзона южной тайги, граница между которыми проходит по реке Тара. Однако можно вспомнить и о концепции внезональных ландшафтов. Тогда правильнее будет говорить, что деревни аялыньцев приурочены к поймам рек и прилегающим к ним участкам первой надпойменной террасы. Ширина поймы Иртыша достигает местами 18–20 км, Тары – 5–8 км, Уя и Оши – 3–5 км. Для этой территории характерны заливные луга, пойменные старичные озера, останцы

коренной террасы (иногда их называют острова), мелкие речки, берущие начало как в пойме, так и на коренной террасе, но в этом случае длина рек редко бывает более 20–30 км. Преобладающая древесная растительность – березы и осины по низким местам, сосны – по возвышенностям, тальники – по берегам рек и речек, а также озер. Пойменные участки весьма богаты рыбой, водоплавающими птицами, здесь находятся летние пастбища диких копытных, а также пастбища домашнего скота и сенокосы. На террасах есть много боровой дичи. Поэтому поймы и прилегающие к ним участки – самые богатые биомассой территории, которые были наиболее привлекательны для людей.

Аялыньские татары входили в состав Сибирского ханства и занимали его юго-восточную окраину. Их основное занятие – скотоводство, охота, рыболовство, в небольших размерах земледелие. Разного типа источники свидетельствуют, что политически и культурно они были тесно связаны с другими группами сибирских татар, входящих в состав ханства, а южные связи прослеживаются очень слабо. Конечно, среди археологических материалов встречаются, кроме изделий русских и западно-европейских, импорты из Средней Азии (ткани) и Китая (посуда). Но они могли попасть на изучаемую нами территорию не прямо, а опосредовано, скажем, через ярмарки в Таре.

Для решения проблемы связей и контактов аялыньцев с южными соседями необходимо ответить на два вопроса: стремились ли сами татары к югу? приходили ли к ним жители степей? Такая возможность была у тех и других, поскольку существовали дороги, соединяющие население степи и южной тайги. Конечно, известные нам караванные пути проходили вдоль Тобола, Вагая и Ишима. Интересно, что татарские крепости – Куллар-калла, Тау-калла, Ишим-калла, Тебендин-калла, Курдак-калла располагались севернее района проживания аялыньцев, примерно в тех местностях, где караванные дороги выхолили к Иртышу. Все эти населенные пункты существуют в наши дни.

Очевидно, в XVI в. тарские татары не опасались пришельцев с юга и не укрепляли свои населенные пункты дороги вдоль Иртыша в районе устья Тары и южнее, а дороги не являлись основными, хотя местному населению были известны. Так, в Омске на правом берегу Оми у слиянии ее с Иртышом О.А. Милищенко находил «чешуйки» Ивана Грозного, Бориса Годунова, Михаила Федоровича, а также счетные жетоны немецких мастеров Вольфа Лауфера, Ханса Лауфера, Ханса Краувинкеля, работавших в конце XVI – первой половине XVII вв., польские полтораки 1620-х годов и польский тымпф 1659 г. Напомню, что Омскую крепость основал Иван Бухгольц в 1716 г. Конечно, монеты могли оставить и русские казаки, ходившие в степь. Есть сведения Г.Ф. Миллера о том, что в середине XVII в. служилые люди и татары в погоне за калмыками доходили до Рыжего жеребца. Так называлось место на Иртыше. Ныне здесь располагается Осьмирыжск (Восемь рыжих жеребцов) – населенный пункт в Казахстане. Здесь следует обратить внимание на то, что в степь ходили и татары, а также на то, что некоторые жетоны были пробиты, т.е. их использовали как украшения одежды, что для русских не характерно. Это может свидетельствовать, что в район устья Оми ходили не только военные отряды, поскольку украшения из монет носили женщины, а их присутствие в боевом походе не обязательно. По этой же дороге с юга приходили калмыки и кучумовичи, напавшие в 1651 г. на татарскую деревню Бергамак аялыньской волости (царевич Бугай и с ним 30 человек), а также на д. Чиплярово этой же волости (царевич Давлетгирей). Итак, дорога от места проживания аялыньцев вдоль Иртыша на юг была, но не самая оживленная. О древности дороги судить трудно, но вероятно, они проходили примерно по одним и тем же местам (в том числе и по первым надпойменным террасам) в течение столетий и даже тысячелетий. Так, на могильнике Алексеевка I в урочище Темеряк в Муромцевском районе Омской области (раскопки С.С. Тихонова) и на территории Батаковского природно-исторического парка в Большереченском районе Омской области (раскопки Л.И. Погодина) были расчищены погребения конца VIII в. (трупосожжения, сопровождаемые предметами конской сбруи). Обряд погребения в целом тюркский. В одной из могил на Алексеевке I найдено бронзовое изделие: человек в трехрогом головном уборе, едущий или на рогатом коне, или на хвостатом лосе. Трехрогие головные уборы известны у тюрков Алтая. Оба могильника расположены на берегах Иртыша вдоль предполагаемой дороги к югу от Аялыньской волости.

Стремились ли аялыньские татары использовать территории южнее мест своего проживания? Б.О. Долгих в известной монографии упомянул, что в начале XVII в. деревни тарских татар находились на р. Тара и по правому берегу Иртыша. Большинство этих деревень найдено и обследовано археологами. В конце XVII в. С.У. Ремезов на своих картах отметил, что татарские деревни расположены южнее устья р. Тара, т.е. население продвинулось к югу на несколько десятков километров.

Академик Г.Ф. Миллер во время своего знаменитого путешествия в первой трети XVIII в. описал татарские деревни опять-таки к югу от устья р. Тара. Некоторые из этих населенных пунктов зафиксированы археологами. Но зато южнее Карташева Яра (современная д. Карташево, Муромцевский район Омской области) и почти до самой Омской крепости не было ни татарских, ни русских деревень. Т.е. за столетие с 1623 г. по 1734 г. ареал обитания тарских татар незначительно, километров на 50–60, расширился к югу, и это несмотря на то, угроза джунгарских набегов существовала на протяжении всего XVII в. Можно предположить, что первоначально татары ходили к югу эпизодически. Это могла быть рыбная ловля на оз. Изюк, где «рыбу ловили на Кучума» (Г.Ф. Миллер отметил на этом озере Изюк-аул), или в районе Серебряного острова (сейчас это район д. Серебряная Горьковского района Омской области), близ находящейся рядом д. Согра зафиксирован топоним «Татарские могилки», или на устье р. Оми. Это могли быть и «зверинные ловли» по Оми. На месте промысловых пунктов могли сформироваться и постоянные деревни. Ну а природно-географические условия южнее р. Тара (т.е. в лесостепи) по почвам, по температурному режиму, по фенологическим явлениям и т.д., несколько лучше, чем в южной тайге.

Стремилась ли жителя степи к северу? Отчасти да, поскольку существовала караванная торговля, и купцы регулярно приезжали в Тару. Часть людей, сопровождавших караваны, оставалась на севере и сформировала группу татар, которых называли бухарцы. Во-вторых, несмотря на то что джунгары объявили Омь пограничной рекой, они иногда ходили в набеги на татар, живших севернее ее и доходили до р. Тара. Возможно, летовки небольших групп кочевников располагались в лесостепи. В целом же особого стремления постоянно двигаться к северу и осваивать северную лесостепь и южную тайгу у кочевников не было. Это вполне объяснимо, поскольку кочевое скотоводческое хозяйство намного продуктивнее хозяйства оседлых скотоводов, охотников и рыбаков. Об этом неоднократно писали исследователи, занимавшиеся изучением жителей степей, начиная с офицеров Генерального штаба и членов Западно-Сибирского, Туркестанского, Оренбургского отделов Императорского русского географического общества и их подотделов в середине – второй половине XIX в., и заканчивая современными учеными. На север в лесостепь могли уходить либо в набеги, либо это были обедневшие кочевники, которых вытесняли с хороших пастбищ более сильные группы скотоводов. О последнем сюжете писали С.Ф. Татауров и автор этих строк. Наконец, в годы исламизации сибирских татар в северную лесостепь и тайгу приезжали проповедники с сопровождающими. Астаны некоторых из них местное население помнит, что известно из работ И.В. Белича и А.Г. Селезнева.

Итак, в рассматриваемое время контакты населения степи и южной тайги существовали. Но тесно связаны с югом были административные центры, возникшие на месте городов Сибирского ханства, например, Тобольск. Сюда выходили караванные пути, сюда приезжали послы, купцы, возможно, лица духовного звания. Тара, основанная в 1594 г., взяла на себя часть функций Тобольска. Аялыньские татары жили на периферии как Сибирского ханства (именно сюда скрылся приближенный хана Кучума Карача), так и Тарского уезда. Поэтому появление торговых людей и прочих лиц здесь было редкостью. Сами они в степь особенно не стремились, предпочитая жить в привычных природно-географических условиях, а выезжали туда лишь на сезонные промыслы.

Для кочевников степи северная лесостепь и южная тайга не были особенно привлекательны как хозяйственные территории. Как объекты набегов были предпочтительнее богатые области по Ишиму, Вагаю, Тоболу. Конечно, нападать на них было опасно, так как здесь было много служилых людей и крепостей, но зато и добыча была больше. Именно там зафиксировано большее количество военных конфликтов. Иногда калмыки нападали на татар барабинских, живущих в районе озера Чаны. Аялыньцы же были бедными, и грабить их было мало смысла. Раскопки татарских могильников (Бергамак, Чеплярово, Окунево, Черталы) показывают, что богатых погребений не было, обычно в могилу клали производственный инвентарь и украшения. Вспомним, что Г.Ф. Миллер в «Истории Сибири» писал, что Ермак, дойдя до устья р. Шиш (северная окраина проживания аялыньских татар) увидел их бедность и не стал брать ясак. Однако некоторые «южане» – бухарцы, на севере все-таки остались. Это могли быть купцы (известно, что часть бухарцев была богата) и их челядь или слабые и больные люди, которые не выдержали бы обратного пути.

Ислам среди аялыньцев распространился позднее, чем в центральных частях Сибирского ханства. Так, в 1734 г. Г.Ф. Миллер в Чеплярово встретил татарина, дед которого был язычником. Раскопки указанных выше могильников свидетельствуют о том, что даже в XVIII в. татары хоронили умерших не по исламскому обряду. Могилы святых, проповедовавших ислам, располагались севернее территории проживания аялыньцев. Такова конкретно-историческая ситуация.

Несколько слов о методологии. Мне кажется, что следует выделять области, где контакты шли очень интенсивно. К ним можно отнести политические, административные, торговые центры. О них есть сведения в письменных источниках, в устных преданиях. А археологически здесь следует ожидать мощного культурного слоя, насыщенного многочисленными находками. Такие населенные пункты должны иметь большую (несколько тысяч квадратных метров) площадь и систему укреплений. Вокруг центральных пунктов формируется система сельских поселений, причем плотность их расположения выше, чем в местностях периферийных. Например, в районе Тобольска д. Суприно (бывшие Супринские юрты) расстояние между татарскими деревнями было в среднем 5–10 верст, а летники находились от зимников не более чем в 1–2 верстах. В то же время у курдако-саргатских и аялыньских татар, живших южнее, расстояние между юртами было до 20 верст, а летники от зимников находились в 5–10 верстах. На окраинных участках на поселениях следует ожидать мало- или средненасыщенного культурного слоя небольшой мощности, неукрепленных поселений и их разреженное расположение. Население этих территорий для контактов было малопривлекательным.

Второй методологический аспект связан с широтой изучаемой территории. В данной работе был своего рода «аялыноцентрический» подход, поскольку эти материалы мне лучше известны. Но для полноты картины следовало бы рассмотреть и материалы сопредельной территории (южные районы Омской, Новосибирской областей и Северного Казахстана). К сожалению, материалы позднего средневековья здесь практически отсутствуют.

Айрат Ситдиков

Институт истории АН РТ, г. Казань

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

В трудах многих поколений отечественных историков Казанское ханство становилась объектом пристального внимания (Хузин, Ситдиков, 2002). Учеными была проделана огромная работа по выявлению и систематизации письменных источников. Несмотря на кажущуюся их многочисленность, большинство фрагментарно и отражает лишь отдельные события. В их изложении преобладают сведения написанные иностранцами. Иноязычные источники имеют значительную погрешность в передачи информации, что приводит к неточностям в интерпретации и влияет на содержание научных выводов.

В прошлом и современных исследованиях не однократно подчеркивалось, что исследования должны быть направлены на пополнение источниковой базы. Одним из перспективных направлений считалось и считается археологическое изучение объектов этого времени.

Впервые материалы археологических исследований Казани начинают использоваться в работах Н.Ф.Калинина с 20-х годов XX в. (Ситдиков, 1999в). Им была собрана обширная информация о культурном слое города в результате многочисленных наблюдений, проводимых при строительных работах (Калинин, 1923). Н.Ф.Калининым совместно с Г.В.Юсуповым, А.Х.Халиковым организованы разведки и раскопки на памятниках эпохи Казанского ханства, изучается эпиграфический материал некрополей (Калинин, 1954; Юсупов, 1960).

Во второй половине XX в. планомерным археологическим исследованиям подвергаются многие памятники болгаро-татарского времени, что позволило получить новые сведения о материальной культуре Казанского ханства. В числе изученных такие известные памятники, как Казанский кремль и прилегающие территории, Камаевское городище и Русскоурматское селище, Елабужское городище и др.

Одна из первых попыток обозначить задачи приоритетных направлений изучения археологии Казанского ханства была предпринята в начале 1970-х годов Р.Г.Фахрутдиновым (Фахрутдинов, 1973). Многие высказанные им проблемы нашли свою реализацию в последующих исследованиях, некоторые вопросы в свете новых данных получили иное звучание, ряд поставленных задач остались не решенными и сохраняют свою актуальность и сейчас. К сожалению, до последнего времени, несмотря на понимание важности изучения данной проблемы, последовательных работ по их решению не проводилось. На современном этапе исследований возникла необходимость выработать иные подходы изучения актуальных задач археологии Казанского ханства.

* * *

Казанское ханство появляется на исторической арене в 40-ые годы XV в. Ее сложение было обусловлено объективными историческими причинами. Основы социально-экономической и политической интеграции населения Волго-Камья складываются еще в период Волжской Болгарии. Несмотря на изменения в политической структуре в управлении регионом, в период Золотой Орды экономические предпосылки обособления Болгарского вилаята сохранялись. В момент ослабления центральной власти в Орде в первой половине XV в. на данной территории возникает новое государство под властью чингизидов центром в Казани.

Новое государство занимает важное место в системе государств Восточной Европы. Оно становится одним из серьезных претендентов на объединение ордынских земель. На ее территории формируется самобытная татарская культура, опирающаяся на опыт болгаро-золотоордынского времени, а также включающая и многообразие традиций местного и пришлого полиэтничного населения.

Центром сложения своеобразной материальной культуры становится столица ханства – Казань. В работах, посвященных Казанскому ханству, она была предметом пристального внимания исследователей. Наличие небольшого количества письменных источников, описывающих город ханского времени, давало возможность анализировать историю города, а также реконструировать его облик (Калинин, 1927).

Археологическое изучение Казани имело и имеет принципиальное значение в решении проблем не только истории города, но дает уникальную информацию о материальной культуре насе-

ления этого государства. Исследования культурных напластований в виде наблюдений предпринимались казанскими археологами Казанского университета в 70-ые годы XIX в. (Халиков, 1983).

Значительные результаты были достигнуты в изучении Казанского кремля в 20–70-ые годы XX в. Огромный вклад в его исследование внесли Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков (Ситдилов, 1999а, в, 2006; Халиков, 1983). Благодаря их работам были выявлены слои болгаро-татарского времени, установлено домонгольское время возникновения Казани, открыты крупные архитектурные объекты дорусской Казани (Мавзолеи, 1997).

Новый уровень в изучении кремля связан с археологическими исследованиями, проводимыми в период его реконструкции в 90-ые годы XX в. В этот период группой исследователей под руководством Ф.Ш.Хузина была разработана программа изучения Казанского кремля (Хузин, 1995). В рамках ее реализации раскопами было изучено более 20 тыс. кв.м. Были вскрыты остатки ханского дворца, мавзолеев, ханская мечеть и мечеть Кул Шарифа, а также каменные фортификационные сооружения ханского двора (Археологические открытия, 2001; Археологические открытия, 2002).

Важным дополнением стала информация, полученная в ходе охранных исследований в историческом центре города. За последние десять лет было проведено обследований более чем на 70 объектах, что позволило выявить размеры территорий ханской Казани и степень их освоенности. Собранные в ходе раскопок находки дали возможность проследить особенности материальной культуры и выявить ее отличительные черты от предшествующих и последующих этапов.

В результате исследований был получен материал, проливающий свет на легендарное прошлое башни Сююмбеки. Раскопки позволили установить, что в основании башни находится ханская мечеть, разобранный на рубеже XVII–XVIII вв. На ее фундаменте и было возведено новое сооружение – въезд во двор оберкомендантского дома. Вероятно, в нем повторялись отдельные элементы ранее существовавшей мечети и минарета, что, возможно, и объясняет присутствие в ее архитектуре восточных мотивов, отмечаемых многими исследователями (Дульский, 1928; Дульский, 1943; Саначин, 2002; Халиков, 1992 и др.). Существование на этом месте ханской мечети подтверждается и наименование здания под этим именем до середины XIX в.¹

Несмотря на достигнутые успехи, в изучении ханской Казани сохраняется и ряд существенных проблем, связанных как с изучением материальной культуры, архитектуры и планиграфии средневекового города. Выявленные в ходе раскопок крупные ранее неизвестные сооружения и уличная застройка кремля, показывают градостроительные особенности города и этапы его реконструкций.

Невыясненным остается вопрос о расположении деревянных укреплений кремля и посада (Ситдилов, 1999б). За последние годы не удалось найти следов стен посада ханской Казани. Решение этого вопроса осложняется и отсутствием письменных свидетельств их местоположения. Обнаружение стен дало бы возможность выяснить реальные размеры города. По предварительным данным размеры посада с кремлем составляли около 70 га, а за пределами стен был освоен район более 150 га, что подтверждается выявленными находками и культурным слоем, фиксируемым на этой территории.

Собранный вещевой материал раскопок, к сожалению, опубликован лишь частично. Требуется проведение более детального типологического анализа и классификации каждой из категорий вещевого материала, что позволило скорректировать и конкретизировать ранее сделанные наблюдения о материальной культуре ханского времени и ее хронологии.

Принципиальное значение изучение керамического материала, а также выявления производственных сооружений по изготовлению керамической посуды на территории Казани и других памятниках этого времени. По данной проблеме имеются публикации сделанные по материалам других поселений Т.А.Хлебниковой и Н.А.Кокориной (Хлебникова, 1978; Хлебникова, 1988; Кокорина, 1995 и др.). Для напластований эпохи Казанского ханства характерна керамика, сформировавшаяся на основе традиционных формы болгарского времени. Отмечается реминисценция домонгольских традиций с преобладанием широкого лощения и сплошного лощения². При этом происходит уменьшение доли лощеной посуды в целом. В их формовке используется красножгущая глина³ с включениями крупного песка в тесте. При ее изготовлении применяется техника окислительного и восстановительного обжига, что находит отражение в наличии керамики с

¹ Только с середины XIX в. с подачи казанских краеведов за ней закрепилось лирическое имя – башня Сююмбеки.

² В основном чернолощенные кумганы, кубышки.

³ Вероятно, применялись и беложгущиеся гаоляновые глины.

красной и серой поверхностью⁴. Для этого времени характерно сложение устойчивых форм керамической посуды, среди которой преобладали изделия, имеющие болгарские истоки. В нижних напластованиях ханского времени также присутствует незначительное количество белоглиняной и бурой горшковидной посуды, а в верхних отложениях отмечается увеличение ее доли до 10%⁵.

Производственные сооружения по изготовлению керамики этого времени в Казани пока не выявлены. Относительно не плохо изученными является материалы раскопок гончарной мастерской XV в. на Русско-Урматском селище (Кокорина, 1995; Кокорина, 1999; Кокорина, Фахрутдинов, 1999). По мнению Н.А.Кокориной, в период Казанского ханства на основе предшествующих традиций идет формирование новых черт, а среди керамических изделий мастерской присутствуют и горшковидная посуда бурого обжига, имитирующая ее белоглиняные образцы. Имеющиеся данные об неполивной керамике ханского времени ставит перед нами задачи продолжения исследований и проведение более полного сопоставительного морфологического анализа имеющихся находок, что позволит более точно определять хронологию находок и выделять памятники Казанского ханства.

Особой проблемой в изучении керамического производства является вопрос о местном изготовлении поливной посуды. Раскопки Казанского кремля дали большую группу белоглиняной керамики с зеленой и коричневой поливой. Поверхность сосудов покрыта вдавленным каплевидным орнаментом с точкой в нижней части, сделанной штампом до обжига. Под поливой имеется белый ангоб. Преобладающая форма изделий – кумганы. Подобная керамика встречается уже с нижних напластований Казанского ханства. Единичные ее находки имеются в культурных отложениях Москвы. Возможным вариантом места их изготовления может быть и территория Казанского ханства, но окончательное решение вопроса возможна при его более глубоком исследовании.

В числе основных производств, представленных большим количеством находок, можно назвать изготовление кожи и кожевенных изделий. В ходе раскопок исторического центра г. Казани выявлено три района скопления подобной продукции. Два из них расположены в пределах современного Казанского кремля, третий в посадке с юго-западной его стороны. Концентрация кожи на этих участках, вероятно, связана с располагавшимися здесь ремесленными мастерскими. Материал пока не получил должного анализа и его изучение является одним из первоочередных задач в исследовании материальной культуры ханской Казани, проливающих свет на одно из важных отраслей ее экономики.

Остаются открытыми и вопросы о металлургическом производстве Казанского ханства. К сожалению, специальных исследований изделий из цветного и черного металла, а также технологии их производства пока не проводилось. Неизвестны сооружения по обработке металла, кроме единственного выявленного в ходе раскопок на территории Казани остатков небольшого горна с восточной стороны кремля (Старостин, 2001). Изучение проблем металлургии и связанной с продукцией дали бы возможность раскрыть уровень развития одного из ключевых производств, иллюстрирующей состояние развития общества в целом.

Решение широкого круга задач по археологии Казанского ханства предполагает осуществление исследований направленных на выявление археологических объектов эпохи Казанского ханства. Благодаря анализу письменных источников Е.И.Чернышеву удалось локализовать около 700 селений этого времени (Чернышев, 1971). Многие из населенных пунктов существуют и поныне. Археологически выявлено около 130 объектов, значительная часть из которых это некрополи (Археологическая карта, 1981; Фахрутдинов, 1975). Отсутствие целенаправленных исследований по их изучению сохраняет актуальность данной проблемы и сейчас.

Развитие Казанского ханства как любого государства было связано с четкой структурой управления, в которой важное место, несомненно, занимали города. В отечественной историографии данный вопрос всегда имел неоднозначное решение, доходя до полного отрицания их существования (Шавохин, 1988). Последние десятилетия исследований позволили выявить наличие культурных напластований ханского времени в Лаишево, Свияжске, Алабуге, Русско-Урматском селище и др.⁶ Благодаря раскопкам удалось установить и преемственный характер развития этих

⁴ Преобладает красноглиняная керамика.

⁵ Появление подобной посуды, вероятно, связано с проникновением традиций русского гончарства (Коваль, 2001).

⁶ О существовании слоя ханского времени на территории Болгарского городища указывала Т.А.Хлебникова (Хлебникова, 1978). Ко второй половине XVI в., вероятно, относится прекращение существования крупного позднесолоордынского поселения – Торецкое селище (Валиуллина, 2004).

поселений с домонгольского времени в том числе и Арска⁷. Данные наблюдения позволяют говорить о формировании городской культуры ханского времени на основе традиций болгарского и золотоордынского времени. Несмотря на значительные политические, экономические и социальные потрясения поселения продолжали свое существование. Это свидетельствует об устойчивой социально-экономической структуре и системе расселения, сложившейся еще в домонгольское время. Можно предположить, что и система управления Казанским ханством сохраняла отдельные элементы домонгольского времени. Именно городские центры являлись военно-административными и экономическими сосредоточением государственной власти, а преемственность их размещения указывает на сохранение традиционных форм управления. Изучение ранее выявленных поселений Казанского ханства и позднезолотоордынских времени позволит внести изменения в понимание системы управления этим государством.

Вероятно, необходимо вновь обратиться к Писцовым книгам XVI–XVII вв., где населенные пункты описаны с указанием их принадлежности к административной единице – сотням, учитывая, что порядок управления в Казанском крае до начала XVIII в. был неизменным (Ермолаев, 1982; Мухамедьяров, 1957). Источниковедческие и этно-археологические исследования поселений позволят проследить особенности формирования современных татарских селений. Одним из направлений подобных исследований должно стать археологическое выявление и локализация этих населенных пунктов.

Расположение поселений Казанского ханства для этого времени по имеющимся данным письменных источников была не равномерной. Преобладающее число поселений и археологических памятников этого времени фиксируется в Заказанье (более 500), тогда как в Закамье всего 20 поселений (Чернышев, 1971). Подобное положение было обусловлено социально-политической ситуацией вокруг южной территорий ханства в Закамье. Район, вероятно, оказался и в сфере влияния Ногайской орды, вытеснявшей оседлое население, которое уходило в более спокойные северные области. Одним из наиболее хорошо изученных памятников этого времени является крупное поселение около Биляра – Торецкое селище, погибшего, вероятно, во второй половине XV в. (Валиулина, 2004). Вопрос о причинах уменьшения населения из традиционных районов земледелия остается открытым. Существует и предположение, что переселению людей из Закамья было также обусловлено истощением почв после пятисотлетнего интенсивного их освоения. Последующие комплексные исследования, в том числе с анализом экологии региона в это время, возможно, позволят понять протекавшие здесь процессы.

Экономическое положение средневековых государств в значительной степени зависело от уровня развития торговых отношений. Одним из ее показателей является денежное обращение. Спорным многие годы был вопрос о наличии собственной монетной чеканки Казанского ханства. Последние годы было высказано предположение о существовании казанских денег до середины XVI в. (Мухамадиев, 2005). Монет более поздней чеканки пока не обнаружены. Имеющиеся находки из раскопок показывают, что в первоначальный период присутствовали и монеты Крыма и Астрахани, Улуг Мухамада, чеканенные в Крыму. Монет казанской чеканки второй половины XV и XVI вв. в культурных напластованиях Казанского кремля не выявлены. Обнаруженные на сегодня клады говорят о полном господстве монет русской чеканки, что является показателем экономического доминирования Московского государства в регионе (Мухаметшин, Ситдилов, 2001).

О широких торговых связях региона говорят и многочисленные импортные изделия. Они представлены западноевропейскими монетами, китайским фарфором, поливной керамикой из Испании, попавшей, вероятнее всего из Крыма, русских княжеств и других регионов (Коваль, 2006). Показателем уровня проникновения крымских традиций свидетельствуют и приезд бахчисарайских архитекторов в Казань для строительства ханского двора и его укреплений, что упоминается и в письменных источниках (Ситдилов, 2006). Это находит отражение и в особенностях архитектуры зданий и фортификационных сооружений, выявленных археологически. Каменные башни ханского двора в аналогии с крымскими. Каменные здания двора и прилегающая к ней мечеть Кул Шарифа должны стать предметом детального изучения строительной техники и возможной в последующем реконструкции облика самих сооружений.

Разведочные работы, проводимые на территории республики Татарстан еще с 40-х годов XX в., по изучению эпиграфических памятников дали уникальные материалы о письменной культуре и высоком профессиональном уровне развития ремесла камнетесов (Юсупов, 1960). К сожалению, в современных условиях усилился процесс их разрушения. Возникла острая необходимость

---

⁷ Возможность познакомиться с материалами по Арску, Лаишеву, Свяжску любезно предоставлена З.Г.Шакировым.

рассмотреть возможность обеспечения сохранности этих уникальных письменных свидетельств ханского времени и не допущения их утраты. Для этого важно также выделить и обозначить места старых некрополей и включить их в число земель историко-культурного назначения. Информация надгробий и некрополей является важным источником и в изучении особенностей мусульманской культуры татар.

Археологически в последние годы изучены несколько некрополей ханского времени. В их числе ханский мавзолей и прилегающие к нему погребения, мусульманский некрополь в южной оконечности кремля и могильник в районе Гостиного двора (Мавзолеи, 1997, Ситдиков, 2006). Во всех захоронениях мусульманские имеются погребения с деревянными грабами-табутами окованные железом, а также встречаются обломки надгробных камней. Выявленный материал требует более тщательного антропологического изучения, что позволит представить более полную картину населения средневековой Казани.

Значительное место в исследованиях должно занять изучение так называемых «черемисских кладбищ». Необходимость подобных исследований отмечалась и в работе Р.Г.Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1973). В 80-90-ые годы XX в. раскопки проводились Г.И.Дроздовой в Арском районе. Ею был прослежен мусульманский обряд захоронения, что, вероятно, указывает на активное проникновение ислама среди местного населения и процесс их тюркизации. К сожалению, в опубликованной археологической карте Заказанья отсутствуют описание расположения подобных могильников (Археологическая карта, 1981; Фахрутдинов, 1975). Картографирование некрополей отразит степень освоения этих территорий и покажет особенности формирования казанских татар этого района.

Одной из острых проблем, выпадавших из сферы активного изучения казанскими учеными, является вопрос становления татар Волго-Окского региона за пределами Республики Татарстан, которое напрямую связано с периодом Казанского ханства. Для решения этого вопроса требуется разработка и реализация программ по изучению археологи Касимовского ханства, мест компактного проживания темниковских и нижегородских групп татар. При этом надо учитывать, что тюркизация этих районов начинается с домонгольского времени. Известны десятки болгарских могильников и поселений на данной территории. Не прекращалось проникновение тюрок и в период Золотой Орды. Длительное сосуществование в этом регионе тюрок, славян и финнов стало значительным фактором в этногенезе этих народов.

В последние годы накоплен огромный археологический материал по эпохе Казанского ханства, имеются многочисленные публикации, но проблемы, обозначенные вокруг этого вопроса, требуют продолжения целенаправленных изысканий с привлечением широкого круга специалистов. Исследования прошлого Казанского ханства включает в себя и изучение его роли на формирование соседних народов и развитие других татарских государств Восточной Европы. Недостаточная изученность этого вопроса оказывает влияние и на полноценность понимания развития взаимоотношений Казани и Москвы в эпоху средневековья, итог которых оказал значительное влияние на судьбы Урало-Поволжья, Сибири и в формировании Российского государства в целом.

Литература

- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981. 211 с.*
Археологические открытия в Татарстане (АОТ): 2000 год. Казань, 2001. 91 с.
Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань, 2002. 116 с.
Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. 144 с.
Валиулина С.И. Исследования Балынгузского (Торецкого) III селища // Археологические открытия: 2003. М., 2004. С.304–306.
Губайдуллин А.М. Археологические исследования в северной части Казанского кремля (раскоп XLIII) // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С.7.
Дульский П. Казань XVI–XVII–XVIII столетий. Казань, 1943. 22 с.
Егерев В.В. Измерение наклона Сююмбекиной башни // МОРП. 1928. Вып. 2. С.40–44.
Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во КГУ, 1982. 223 с.
Калинин Н.Ф. Археологические наблюдения на улицах Казани // ИОАИЭ. 1927. Т.XXXIII, вып. 4. С.33–38, 1 л. илл.
Калинин Н.Ф. Где был дворец казанских ханов? // ВНОТ. 1927. № 6. С.81–96.
Калинин Н.Ф. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // СА. 2001. № 1. С.98–109.

- Коваль В.Ю.* Восточная поливная керамика из раскопок Казани // Казань в средние века и раннее новое время. Казань, 2006. С.23–48.
- Кокорина Н.А.* Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995. С.28–32.
- Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. 1999. № 1-2. С.77–102.
- Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г.* Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // ТА. 1999. № 1-2. С.103–134.
- Мавзолеи* Казанского Кремля (опыт историко-антропологического анализа). Казань, 1997. 158 с.
- Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. Казань, 2005. 200 с.
- Мухамедьяров Ш.Ф.* Малоизвестная писцовая книга Казанского узда 1602–1603 гг. // Изв. КФАН СССР. Сер. гуманитар. наук. Вып. 2. Казань, 1957. С.191–196.
- Мухаметшин Д., Ситдилов А.* Клад монет, зарытый в 1552 году в Казанском кремле // Великий волжский путь. Казань, 2001. С.308–311.
- Набиуллин Н.Г.* Охранно-спасательные работы на территории бывшего Ханского двора (раскоп XLVIII) // АОР: 2001 год. Казань, 2002. С.21–26.
- Саначин С.* Возраст Сююмбекиной башни. Иконография и планы Казанского кремля о возрасте одного из символов Казани // Казань. 2002. № 9. С.37–47.
- Ситдилов А.Г.* А.Х.Халиков – исследователь средневековой Казани (материалы к творческой биографии ученого) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С.35–46. (1999а).
- Ситдилов А.Г.* К вопросу об укреплениях посада Казани 1552 г. // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Казань, 1999. С.98–101. (1999б).
- Ситдилов А.Г.* Калинин Н.Ф. – исследователь средневековой Казани // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. С.41–62. (1999в).
- Ситдилов А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. 188 с.
- Старостин П.Н.* Итоги исследований у Северо-Восточной башни Казанского кремля (раскоп XXXVI) // АОР: 2001 год. Казань, 2002. С.14–17.
- Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Таткнигоиздат, 1975. 219 с.
- Фахрутдинов Р.Г.* Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. 1973. № 4. С.113–122.
- Халиков А.Х.* История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С.111–138.
- Халиков А.Х.* Что, башня, в имени твоём? // Татарстан. 1992. № 11–12. С.60–65.
- Хлебникова Т.А.* О третьем слое и поздней керамике городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.223–228.
- Хлебникова Т.А.* Неполиванная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С.7–102.
- Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Набиуллин Н.Г., Ситдилов А.Г.* Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань, 1995. 35 с.
- Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г.* Средневековая Казань. Краткий библиографический указатель. Казань, 2002. 152 с.
- Чернышев Е.* Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.360–381.
- Шавахин Л.С.* Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1988. На правах рукописи // НБ МГУ, 8158. 322 л.
- Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 165 с.

Маргарита Иванова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕУДМУРТСКОГО ГОРОДИЩА ИДНАКАР

В реконструкции историко-культурных процессов Волго-Камья в последние десятилетия проявляется устойчивый интерес исследователей к материалам финно-угорских объединений эпохи средневековья, в том числе к проблемам формирования и развития укрепленных поселений. Интенсивные исследования древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв., синхронных крупных поселений на Верхней Каме (Рождественском, Кыласовом и некоторых других памятниках), древнемарийском Важнангерском (Мало-Сундырском) городище XIV–XV вв. предоставили огромные фонды источников для разработки новых направлений. На фоне исследований древнерусских и болгарских городов они, возможно, занимают более скромное место, тем не менее, по публикациям исследователей региональных археологических центров уже можно наметить основные тенденции в интерпретации их материалов. Главное состоит в том, что развитие ряда городищ Прикамья в русле градообразовательных процессов большинством исследователей уже не подвергается сомнению, однако раскрытие особенностей и специфических черт их развития в контексте культурно-исторических процессов в Восточной Европе требуют детальной разработки и осмысления. Безусловно, намечаются различия и в оценке основных факторов их формирования, в первую очередь, зависевших от соотносительности с магистральными торговыми артериями, степенью влияния государственных объединений и этнических образований на внутренние процессы. Ожидаемые в ближайшее время развернутые публикации памятников откроют возможности сравнительного анализа материалов, конкретизации особенностей развития каждого из них, предоставят реальные возможности для системных историко-культурных реконструкций в регионе.

Настоящая статья посвящена некоторым итогам междисциплинарных исследований, проводимых в последние десятилетия на городище Иднакар, в которых предусмотрены все этапы, начиная от совершенствования методики раскопок, полевой фиксации, использования естественно-научных методов, геофизики, разработки баз данных и заканчивая компьютерным моделированием.

Древнеудмуртское городище Иднакар IX–XIII вв. – одно из наиболее крупных поселений Волго-Камья и Урала эпохи Средневековья. Оно занимает обширный мыс высокой коренной береговой террасы, образованный долинами р. Чепцы и Пызэпа, ее правого притока, в настоящее время включено в пределы административных границ г. Глазова. С востока, с напольной стороны, располагаются два мощных вала (внешний ограничивает площадку, средний – делит ее на две примерно равные части). Несмотря на длительную распашку и возведение современных сооружений, они отчетливо просматриваются и ныне. Общая площадь памятника составляет около 40 тыс. кв. м. При возведении городища были максимально учтены топографические особенности мыса, которые позволяли контролировать окружающую территорию и расширять его площадку.

Систематические раскопки на памятнике начались в 1974 г. археологической экспедицией Научно-исследовательского института при Совете Министров Удмуртской АССР и в первое десятилетие проводились в охранных целях. К концу 1980-х гг. с накоплением материалов стала выявляться исключительная важность памятника для историко-культурных реконструкций, поэтому исследования были расширены и продолжаются до настоящего времени.

В первые годы работы велись на внутренней части, подвергавшейся разрушениям современным кладбищем. Впоследствии была продумана последовательность изучения территории памятника в целях получения источников на всех структурных частях городища – внутренней и средней (раскопы I и II), участке между средним и внешним валами (раскоп III). Особое внимание было уделено системе обороны: изучению всех линий укреплений – внутренней (раскоп I – 1993 г.), средней (траншея – 1988 г., раскоп IV – 1989 г., раскоп V – 2000 г.), а также внешней (траншея – 1992 г., раскоп VIII – 2004–2005 гг.), эскарпа (раскопки 2002 г.). Всего вскрыто 9 149 кв. м площади, и впервые выявлен характер слоя и сооружений, установлены принцип планировки и некоторые особенности возведения укреплений, изучены десятки жилых, производственных

и хозяйственных сооружений. Именно здесь впервые на обширных материалах прослежены этапы формирования топографической структуры поселения.

Богатейшие материалы, полученные в результате исследований памятника, создали базу для раскрытия многих сторон материальной и духовной культуры средневекового населения, которое в конце I – начале II тысячелетия н.э. составляло своеобразное ядро формирующейся удмуртской народности; обоснования значения Иднакара как военно-оборонительного, аграрно-ремесленного и торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности (Иванова, 1998).

В процессе накопления источников еще в конце 1970-х годов стала проявляться настоятельная необходимость в специальном изучении массовых остеологических, ботанических материалов, продукции металлургии и кузнечного ремесла методами естественных наук. Первым к изучению **археоботанических** материалов приступил В.В. Туганаев (Удмуртский государственный университет). Многолетние исследования коллекций зерновых находок дали основание утверждать, что Иднакар является важнейшим памятником, содержащим ценнейшие источники по аграрной истории Вятско-Камского региона. Богатый набор культурных и сорных растений, обнаруженный на памятнике, позволил моделировать агроэкосистему средневекового земледелия как подсечно-огневую, возможно, с элементами перелога (Туганаев В.В., Туганаев А.В., 2001; 2002; 2004). Под руководством В.В. Туганаева изучен и современный растительный покров района городища на площади 8 кв. км, характеризующийся не только обилием видов произрастающих растений (528), относящихся к 272 родам и 84 семействам, но и наличием редкой уникальной флоры, нуждающейся в охране (Туганаев, Баранова, Ильминских, 1995).

Позднее к **почвенно-геохимическим** исследованиям был привлечен А.В. Туганаев (Удмуртский государственный университет). Для оценки природных условий им были проанализированы почвенные образцы, взятые из гумусового горизонта среднего оборонительного вала. Анализы показали, что в период существования городища (IX–XIII вв.) климат был более теплым и обеспечивал благоприятные условия для развития не только дерново-подзолистых, но и темно-серых, серых лесных и, возможно, черноземовидных почв (Туганаев В.В., Туганаев А.В., 2001; 2002; 2004).

Кроме палеоклиматических реконструкций, результаты почвенно-геохимических исследований используются при работе с культурными напластованиями. На основании данных лабораторного анализа возникла возможность описывать выявленные почвенные слои не только по структуре и цветности, но и по химическому составу. Эта информация используется для последующего определения природы образования слоев и их интерпретации (Иванова, Степанова, 2005).

Начало **археозоологическим** исследованиям было положено в 1980 г. А.Г. Петренко (Институт истории АН РТ), изучившей значительную часть остеологической коллекции (раскопки 1974–1978 гг.), которые продолжила О.Г. Богаткина (Национальный музей РТ, Казань, раскопки 1989–1991, 1999–2002 гг.). Кости птиц изучали Н.И. Бурчак-Абрамович (раскопки 1974–1978 гг.) и В.Н. Калякин (раскопки 1999–2000 гг.). По мнению А.Г. Петренко, огромные по численности костных остатков коллекции городища свидетельствуют о значительной жизненной активности его населения (Петренко, 1984; 1991, с. 68). В результате исследований получены сведения о составе стада и охотничье-промысловых животных, их соотношении, а также данные о возрастном составе забитых домашних животных и их морфометрические характеристики. Распределение костных остатков домашних и промысловых животных по хронологическим периодам позволило раскрыть динамику развития животноводства и охоты на протяжении четырех столетий. В частности, выявлено интенсивное возрастание поголовья домашних животных к XII в. и резкое увеличение отлова бобров с конца XI до XIII в. (Богаткина, 1995а, с. 148; 1995б, с. 165).

В начале 1980-х годов В.И. Завьяловым (Институт археологии РАН) началось специальное изучение ассортимента изделий кузнечного ремесла. Результаты **археометаллографических** исследований значительной серии предметов с городища Иднакар и некоторых других окружающих памятников (Завьялов, 1988. С. 119) послужили источником изучения железообработки в Приуралье (Терехова, Розанова, Завьялов, Толмачева, 1997, с.215–264). В совокупности с материалами раннесредневековых памятников Прикамья они позволили воссоздать общую линию развития средневекового кузнечества (Завьялов, 2005).

В итоге выявлено, что железообработка достигла в первой половине II тысячелетия н.э. высокого уровня, наблюдался значительный рост как общего числа поковок, так и количества категорий железных предметов. Иднакар являлся одним из крупнейших центров металлообработки, прослежено начало процесса специализации кузнечного ремесла. Кузнечная техника была состав-

ной частью восточноевропейского металлообрабатывающего производства в его северорусском варианте, для которого было характерно сочетание в орудии посредством кузнечной сварки твердого стального лезвия и вязкой железной основы. По качеству исполнения отдельных операций, применению технологических схем продукция древнеудмуртских кузнецов ненамного уступала изделиям мастеров Древней Руси. Прослеживается определенная стандартизация ассортимента, сочетание технологии изготовления с определенным типом изделия (ножи, наструги – трехслойный пакет; топоры – вварка; косы, серпы – наварка). Вместе с тем наблюдается очевидная стагнация в развитии кузнечного ремесла, выразившаяся в закреплении освоенной технологии за типом орудия на протяжении всего периода бытования памятников.

В целом результаты изучения богатейших материалов методами естественных наук – биологии, геоморфологии и почвоведения, археозоологии, археометаллографии – дали принципиально новые данные для реконструкции системы жизнеобеспечения эпохи Средневековья.

В начале 1990-х годов городище стало экспериментальной базой для комплексных **археогеофизических исследований**. Создан уникальный многоэлектродный автоматизированный электроразведочный комплекс «Иднакар», предназначенный для изучения планировки и структуры археологических памятников на основе геофизических измерений (Журбин И.В., Физикотехнический институт УрО РАН). Значительная площадь внутренней и средней частей городища, за исключением разрушенных участков, охвачена геофизическими исследованиями. В настоящее время общая площадь участка электрометрических измерений составляет более 6 000 кв. м. Основная проблема, которая решалась с использованием электроразведки, состояла в восстановлении планировки той части городища, на которой не предполагались археологические раскопки. По результатам электрометрических исследований построена карта расположения археологических объектов, определяющих структуру и планировку городища – фортификационные сооружения, глинобитные площадки сооружений, очаги, ямы и др. На отдельных участках данные электрометрии были подтверждены раскопками (раскопы 1993, 1999–2002 гг.). При таком подходе совмещение геофизической «карты» и археологических планов позволяет реконструировать планировку городища в целом. Впоследствии разработанный и апробированный прибор был востребован в ведущих археологических центрах страны, и по итогам многолетних археогеофизических исследований опубликована монография (Журбин, 2004).

С середины 1990-х годов практически одновременно с активным **внедрением компьютерных технологий** в обработку археологической информации в России в изучении городища стали использоваться новые методы полевых и лабораторных (камеральных) исследований. Необходимость их применения была вызвана как логикой развития археологии, так и сложностью обработки большого объема материалов памятника традиционными методами. Определение хронологии и функционального назначения многочисленных сооружений, располагавшихся в разных пластах культурного слоя, требовало скрупулезного изучения стратиграфического и планиметрического распределения огромного массива вещевых материалов. Выполнение таких исследований традиционными методами оказалось практически невозможным. Более того, выявление распределения сооружений по хронологическим периодам, обоснованная реконструкция формирования и динамики развития планировки поселения в условиях почти полного разрушения деревянных построек требовали детального анализа содержания культурных напластований, анализа изменения их структуры и мощности (Иванова, Степанова, 2005). Только при условии выполнения этих весьма трудоемких процедур открывается возможность изучить последовательную трансформацию параметров отдельных археологических объектов, структурных частей и всей площадки.

Основная задача компьютерных технологий при междисциплинарных исследованиях городища состояла в построении пространственной модели его культурного слоя. Компьютерная модель памятника включает модели всех объектов и слоев, зафиксированных в процессе раскопок. Задача моделирования состоит в максимально точном восстановлении формы, геометрических параметров и особенностей взаимного расположения каждого из объектов. Созданная пространственная модель является полноценным «образом» культурного слоя памятника. Кроме геометрических параметров, она описывает свойства всех компонентов культурного слоя, например, структуру, состав, материал, морфологию, технологию изготовления, датировку и пр. Для реализации пространственной модели культурного слоя разработано специализированное программное обеспечение (Груздев, Журбин, 2005).

Ориентация археологических работ на создание многофункционального источника, внедрение компьютерных технологий в камеральную и научную обработку материалов городища потре-

бовали и смены отношения к выбору, фиксации и обработке артефактов и, в частности, категорий массового материала. С середины 1990-х годов обязательным элементом методики раскопок являются инструментальные замеры, начиная от дневной поверхности раскопа, и единая трехмерная система координат. Разработанный формат полевой документации определяет структуры созданных баз данных находок и слоев (Косарева, Будин, 1999). Кроме того, документирование результатов археологических раскопок производится на основе технологии компьютерного картографирования в среде геоинформационных систем (ГИС) MapInfo (Степанова, Смагин, 1999). Предложенная методика позволяет создавать цифровые карты планиграфических и стратиграфических разрезов культурного слоя.

Эффективность «компьютеризированных» исследований подтверждена результатами интерпретации данных раскопок 1999–2003 гг. на средней части, проведенных с использованием новых методик фиксации. Стратификационный и планиметрический анализы распределения слоев и находок позволили выделить четыре этапа функционирования городища (Иванова, Степанова, 2004). Выявлено, что при ее освоении первоначально возводились постройки хозяйственно-бытового и производственного назначения, на месте которых на следующих этапах строились жилые сооружения. Намечены механизмы определения функциональной специализации отдельных участков (Журбин, Груздев, 2005). В настоящее время ведется апробирование полученных результатов с привлечением данных раскопок предыдущих лет, и разрабатываются возможности соотнесения материалов, полученных при использовании разных методик полевых исследований.

Актуальными и весьма впечатляющими представляются итоги изучения оборонительной системы городища А.Н. Кирилловым (Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар», г. Глазов). С использованием новых методик проведены раскопки средней и внешней линии обороны, эскарпа. Обработка данных в программе MapInfo позволила выполнить моделирование процесса формирования оборонительных сооружений (Кириллов, 2001; 2004; 2005).

Междисциплинарные изыскания на городище Иднакар получили отражение в ряде монографий и в представительной серии статей, опубликованных в российских и зарубежных изданиях. На базе археологической экспедиции на городище Иднакар при финансовой поддержке РФФИ в 2005 г. была проведена Всероссийская научная конференция «Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов», на которой прозвучали доклады, демонстрирующие современные достижения в применении математических методов и компьютерных технологий в археологии, в том числе и апробированные на городище Иднакар. Участники конференции представили результаты исследований, оригинальные методические и программные разработки, которые используются на всех этапах «компьютеризированных» археологических исследований – от формализации археологических материалов, создания баз данных до компьютерного моделирования и сложного пространственного анализа в геоинформационных системах. Доклады опубликованы в отдельном сборнике с приложением презентаций на CD-ROM.

В настоящее время авторский коллектив проводит исследования, ориентированные на обоснованную реконструкцию планировки памятника: городище функционировало на протяжении четырех веков, деревянные сооружения перестраивались, площадка расширялась, могло меняться и функциональное зонирование. Выполнение таких исследований затруднено многими обстоятельствами, основными из которых являются отсутствие аналогий и плохая сохранность археологических объектов. Во-первых, крайне мало поселений, сохранившихся в полной мере, и лишь малая их часть изучена широкими площадями. Во-вторых, в слое поселений лесной зоны остатки сооружений из дерева почти полностью разрушаются. Именно поэтому в исследованиях Иднакара особое внимание уделяется комплексному анализу данных, полученных при предварительных исследованиях культурного слоя методами гуманитарных и естественных наук: археология, геофизика, геоморфология и почвоведение, биология, археозоология, компьютерные технологии и пр. При этом основным объектом исследований становится содержание культурных напластований, детальный анализ которых дает возможность определения последовательности изменения параметров отдельных объектов, выявление комплексов сооружений, выделение стратиграфических периодов функционирования, закономерностей возникновения и локализации участков производственной и хозяйственной деятельности и т.д. Распределение вещевого материала, маркирующего различные направления хозяйственной и производственной деятельности, может стать основой дальнейших социально-культурных и этноисторических реконструкций.

Имеющийся в распоряжении исследователей репрезентативный материал, разработка специализированного программного обеспечения позволяют продолжить работу по созданию компьютерной пространственной модели археологических объектов и их комплексов, максимально точно восстановить их формы, геометрические параметры и особенности расположения. Создание виртуальных образов отдельных сооружений и поселения с округой важно не только для решения сугубо научных проблем, но и в большей степени для использования в качестве иллюстративных материалов в музейных экспозициях, образовательных учреждениях и др. В перспективе предполагается решение задач более высокого уровня обобщения, оценка особенностей взаимодействия природы и общества на различных этапах существования городища: состояние ландшафта к моменту возникновения памятника; изменение его за период функционирования поселения и причины прекращения там жизни.

Литература

Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов: Сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2005. 136 с. + вкл. 12 с. + CD-ROM.

Богаткина О.Г. Археозоологические исследования материалов городища Иднакар IX–XIII вв. // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск, 1995. С.141–158.

Богаткина О.Г. Краниометрические особенности средневековых бобров Прикамья (по материалам городища Иднакар) // Материалы исследования городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1995. С.159–166.

Груздев Д.В., Журбин И.В. Программа для пространственного моделирования археологических объектов // *Археология и компьютерные технологии*: представление и анализ археологических материалов. С.73–79.

Завьялов В.И. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С.119–142.

Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование, Ижевск, 2005.

Журбин И.В. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. Ижевск, 2004.

Журбин И.В., Груздев Д.В. Компьютерный анализ распределения вещевого материала в культурном слое // *Археология и компьютерные технологии*: представление и анализ археологических материалов. С.80–89.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.

Иванова М.Г. Исследования городища Иднакар: от традиционных методов к компьютерным технологиям // *Археология и компьютерные технологии*: представление и анализ археологических материалов. С.8–12.

Иванова М.Г., Степанова Г.А. Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследованного пространства (по материалам раскопок 1999 г.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. Ижевск, 2004. С.238–263.

Иванова М.Г., Степанова Г.А. Использование компьютерных технологий в обработке культурного слоя городища Иднакар // *Археология и компьютерные технологии*: представление и анализ археологических материалов. С.29–44.

Иванова М.Г., Журбин И.В., Зелинский А.В. Исследование планировки городища Иднакар методом электротомии (1991–1997 гг.) // *Естественнонаучные методы в полевой археологии*. Вып. 2. М., 1998. С.3–49.

Кириллов А.Н. Средняя линия обороны городища Иднакар: предварительные результаты исследований 2000 г. // Материалы XXXIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Ижевск, 2001. С.90–92.

Кириллов А.Н. Оборонительные сооружения городища Иднакар: эскарп // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. С.202–208.

Кириллов А.Н. Система обороны городища Иднакар: опыт компьютерной реконструкции // *Археология и компьютерные технологии*: представление и анализ археологических материалов. С.47–54.

Косарева М.В., Будин А.В. Применение базы данных для первичной обработки, сохранения и использования информации городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археоло-

гии Поволжья и Приуралья: Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск, 1999. С.244–246.

Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе / Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачёва М.М. М.: Металлургия, 1997. 318 с.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. 176 с.

Петренко А.Г. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок средневековых памятников Приуралья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С.64–74.

Степанова Г.А., Смагин М.Г. К вопросу о методике извлечения, обработки и сохранения первичной информации на примере городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск, 1999. С.230–243.

Туганаев В.В., Баранова О.Г., Ильминских Н.Г. Очерк растительного покрова района городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск, 1995. С.167–187.

Туганаев В.В., Туганаев А.В. Городище Иднакар IX–XIII вв. н.э.: агроэкологический обзор. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 2001. 64 с.

Туганаев В.В., Туганаев А.В. Агроэкосистемы средневековья (IX–XIII вв. н.э.) в районе г. Глазова (Удмуртская Республика) // Экология. 2002. № 6. С.412–415.

Туганаев В.В., Туганаев А.В. Иднакар как ключ к познанию истории агроэкосистем // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. С.209–220.

A NEW ASPECT ON BALBAL FROM THE POINT OF ART HISTORY

by Dr. **Anıl Yılmaz**¹

What distinguish Eurasian nomad architecture, are their kurgans and ritual sites. Therefore the history of nomad architecture is not only spiritual but also not well-known yet. Nevertheless we have mainly depended on Chinese chronicles and relatively archaeological excavations. In this study, how dependable of these chronicles are questioned and a new idea about balbal stones will be offered from the point of art history.

During Göktürk Kaganate a political assembly has been verified over the step belt of Asia and Europe. This verification was not limited only to political, cultural or linguistic manner but also some artistic patterns dispersed all over the step belt.

In Inner Asia, human shaped monoliths could be seen firstly in II. millenium B.C. in Okunev culture (Vadetskaya 1965:211-218; Leont'ev 2002). After that, this tradition took on a shape in Karasuk culture (Novgorodova 1970) with the help of other steppe tribes like Cimmericians (Olhovskiy 1990; Tarhan 1984:109), after that Scythians (Olhovskiy-Evdokimov 1994), and Sarmatians (Olhovskiy-Galkin 1990). In Göktürk period, from 6th to 8th century AD this tradition dispersed all over Asia and was carried to southern Russian steppes until the Kipchaks lost their strength in 13th century.

We do not know any kurgan that belongs to Göktürk Kagans. Either they might have been looted sooner interment has been completed or – let's hope – they have not been discovered yet. But we know where their cultic sites are. The best known centers are the Orkhun monuments.

We can divide the Göktürk's funeral complexes into 2 groups:

The first group; these cultic sites could be found single or adjacent side by side from north to south. These centers are planned in square to symbolize the four corner of the earth. The walls of the centers are made by plaque shaped stones. Some solid walls are decorated with geometric and plant ornaments or animal combat scenes (Çal-Görür 2002). The others which can be called «modest» cultic centers are made by a few stones lined up after another and there is no decoration on these stones (Sher 1963:159; Tabaldiev 1996:220). After Göktürk Kaganate fall, some Turkic tribes moved north-west (upper Irtysh basin) and as far as southern Russia but in these areas cultic centers transform from square plans to circular plans (Ermolenko 1994).

Each one of these sites has a statue mostly made by stone sometimes wooden, which represents the deceased either in front of the center or rarely in the middle. But we are not going to focus on these statues now.

The second group shows more complex architectural features and involves the subject of my paper. Because these kinds of centers need more labor and financial support, only nobles can effort such these expenses. So most of nobles have it prepared for themselves such huge complexes.

These centers are mostly located in Mongolia. A ditch encircles the monument/and sometimes we see surrounding walls (Voitov 1996). After the entrance there is a monolith with inscription over the tortoise base which faces east. Mostly after that inscription/memorial stone, statues have been placed both sides of the ceremony road representing the ambassadors of neighboring countries or tribe leaders who are invited the yog-ash ceremony.

In the center, there is a building guarding the statue of the deceased/and sometimes his wife. But in some cases, like in Tonyukuk monument an ordinary cultic center had been planned like the first group which an altar was just placed in the middle instead of constructing a building (bark) holding the deceased's statue. Most of these monuments have so-called balbal lines. These puffy chipped stones stretch from the entrance through the eastward (Diyarbakirli 1979; Voitov 1986).²

The question is what is it this *balbal* and why did they put them in a row? Shall we accept the traditional way as it is interpreted or might it has another meaning? After over 100 years of investigating the story of art of these ancient people, I believe that many of the peculiarities of former information should be inquired once again!

When we examine the Göktürk's stelae, we surely come across the word of «balbal». But I believe there is a dilemma within this word. Because there is no precise explanation of the word «balbal» in

¹ Kyrgyzstan-Turkey Manas University, Bishkek-Kyrgyzstan.

² Of course there are some exceptions to pattern in ... istisnayı muhakkak ekle.

Turkic runic inscriptions, most of the academicians refer to Chinese chronicles. Because in these annals there are detailed information about Turkic lifestyle. Up to now, despite Jisl thesis (Jisl 1970:8-9), all the explanations of the word «balbal» mostly have been given by philologists. Unfortunately archaeological sources have not been put into account so far. So it seems like there is an agreement among the philologists. If we put the nuance aside, all of them suggest that balbals are the stone columns which symbolize the enemies, killed during the wars or conflicts (Orkun 1994:768; Tekin 1968:307; Tekin 1988:122; Ergin 2000:86.; Clauson 1972:333; Inan 1995:177-181; Ogel 1991:165-170). New researchers as well do not put forward any new idea and repeat the previous views.

Actually such expressions about balbal in Göktürk inscriptions, confirm their opinions: «I had his balbal erected», «the balbal of Kirghiz khan», «the balbal of Tölis Shad» and «the balbal of Baz khan» etc. Okay, stones are erected but «for what?» Since it is not clear enough, researchers refer to other sources. Chinese historians also had taken extensive notes about their northern neighbours. In these chronicles, we find it out that; «each of these stones spreads around the grave, represents the death enemy killed by the deceased during his lifetime, in order to serve him afterlife» (Bicurin 1851:271; Its 1958³; Tsai 1958:42).⁴ This statement by itself can also be considered as confirming the traditional manner.

So let's start to re-interpret the written sources, and start with the Göktürk's inscriptions:

In Bilge Kagan inscription, southern face 7th line (Tekin 1968:279)⁵, it is written that; «he readily made Tatabians heroes balbals», but in the very next sentence, «he attacked to the army of General Qu and killed his thirty thousand soldiers» but not made them balbals! However in previous sentence the heroes have been made balbals. Once again in Bilge kagan inscription at the same face in 9th line (Tekin 1968:279)⁶, «General Qu became balbal for Bilge's the eldest son who passed away because of his illness». On the other hand, in the same inscription eastern face 27th line⁷, it is expressed that «Kirghiz kagan is killed but not erected as a balbal». In the expression author prefers to use killed rather than erected as a balbal. So I can say that the word balbal does not describe the killed people in every situation. On the other hand, there is no connection between being balbal and belonging to aristocracy like Tatabian soldiers or Kirghiz kagan. If the notables of Göktürks killed someone during the battle as important as Kirghiz kagan, they surely like him to be erected as a balbal, but so far we do not have any information about it.

In Uybat inscription (Orkun 1994:554-555)⁸, which belongs to one of the Kirghiz kagans, there is an expression as «the balbal of Turk Han». I wonder if this expression means, one of Tu-kue kagan has been killed by Kirghiz kagan? However we do know that no Tu-kue kagan has been killed by any Kirghiz kagan. In that case it will be more appropriate if we translate that expression like this: «The balbal handed over (gifted to the Kirghiz kagan) by Tu-kue kagan» (Kljastornyj 1976:54; Jisl 1970:22).⁹

There are also many other inconsistencies when we read the balbal definitions in Göktürk inscriptions. The first one is the position of General Qu. Qu was erected as a balbal by Bilge Kagan for «his son». It means General Qu was not erected as a balbal -servant- for the one who killed him but someone else. In other words, Bilge Kagan waived his rights on General Qu and transferred them to someone else -his beloved son-. Furthermore, in the text, it is not even clear whether General Qu has been killed.

The position of Baz Kagan is similar to General Qu. In Kül Tigin inscription eastern face 16th line, there is an explanation that Kapgan Kagan erected Baz Kagan as a balbal for his brother Ilteris. It is clear that, Baz Kagan have been erected as a balbal long after Ilteris' death.

We can also take into account the position of Kirghiz Kagan. Bilge and his brother Kül Tigin were sent against Kirghiz by their uncle Kapgan, in order to gain the control over the tribe. During the conflict,

³ In this book: Kizlasov 1996:207

⁴ In Sui Shu chronicle, edited by Wei Cheng in 636 is belong to Sui dynasty. It consist 85 volumes, in 84th volume there is information about Göktürk's and Western Turk's.: «...They put the portrait of the deceased in the structure made by wood and they draw his heroic behaviors and fights on the walls. Usually if the deceased killed one person, they erect one stone. These stones can be counted as hundreds even thousands.»

⁵ «... (a)lp (e)rin : öl(ü)r(ü)p : **(a)lb(a)l** : kilu : b(e)rt(i)m : (e)l(i)g y(a)ş(i)ma : t(a)t(a)bı : bod(u)n : ... : ku s(e)nün : b(a)ş(a)du : tört tüm(e)n : sü k(e)lti : tönk(e)r : t(a)gda : t(e)g(i)p : tokıd(i)m : üç tüm(e)n süg : **[öl(ü)rt]t(ü)m** : ...».

⁶ «ul(u)g : ogl(u)m : (a)gr(ı)p : yok bolça : kuug : s(e)nün(ü)g : **(a)lb(a)l** : tike : birt(i)m : ...».

⁷ «k(a)g(a)nın : birle : sona : yışda : sün(ü)şd(ü)m : k(a)g(a)nın : **öl(ü)rt(ü)m** : ...».

⁸ «B(e)d(i)zin : üç(ü)n : türk : k(a)n **(a)lb(a)lı** : (i)l(a)ra : tok(u)z : (e)r(i)g : ud(i)ş (e)r : oğlm : ögür(ü)p : ödür (a)ltı : (e)rd(e)m : b(e)g(i)me».

⁹ in this article Kljachtornyj examine on statues not balbals!; Jisl consider the same idea for Tölis Shad.

Kirgiz Kagan has been killed. So according to traditional interpretation Kirghiz Kagan should had been a balbal for the people who killed him, the commander of the army Bilge or Kül Tigin. However it did not happen in this way and Kirghiz Kagan was erected as a balbal for Kapgan Kagan.¹⁰ As you can see in these examples, balbals do not always serve to the people who killed them as expressed in Chinese chronicles.

In another situation, Kagans usually command their own army. Crown prince and other princes, also join the campaign which held against the enemy. So commanders like Bilge or his brother Kül Tigin, lead their army on the front lines. It was a big probability that they may have died in one of these conflicts. Any arrow could have killed them. So these extraordinary people who conquer the countries, give fear to the hearts of the enemies would be a balbal of the ordinary soldier who throw the arrow? Of course, if Göktürks could erect their enemies as balbal and use them as a servant in afterlife, the opposite condition would also have been reasonable for them.

There are family or tribe seals on many stones among the balbal lines of Bilge Kagan and Kül Tigin (Jisl 1970:26-28). On the first stone of balbal line of Bilge Kagan, it is written «a balbal of Tölis Shad» (Klyastorniy 1978:254). Shad is a title given to the men from Kagan family (Jisl 1970:25) who rule eastern part of the country (Klyastorniy-Sultanov 2000:114). If we interpret this expression with traditional way, it should be understood; «Tölis Shad was assigned by Bilge kagan to rule the eastern part of the Kaganate. But afterwards somehow he became a rebellion against the Kagan and at the end of the conflict between Bilge and Shad, Shad had been killed and erected as a balbal to serve for the Kagan for afterlife!». But neither historians nor Bilge in his memorial stone (bengü stone) do not state such a civil war for that time. It would be more reasonable if we interpret that expression in such a way, «a balbal given by Tölis Shad». The reason is that, Shad was always loyal to Kagan furthermore the Kaganate seal on the balbal prevents us to think otherwise. If Shad ever was a rebellion against Kagan, there shouldn't be a Kaganate/Emperorship seal on the stone.

In these circumstances we should translate the expression of «the balbal of Baz kagan» in the Kül Tigin inscription as «a balbal given/gifted by Baz kagan»; in the Bilge kagan inscription «the balbal of Kirghiz Kagan» as «a balbal given/gifted by Kirghiz Kagan»; in the Ongin inscription «the balbal of Isbara Tarkan» as «a balbal given/gifted by Isbara Tarkan»; in the Yenisey 32 (Uybat III) inscription «the balbal of Turk Han» as «a balbal given/gifted by (Jisl 1970:21, 22) Turk kagan» etc.

As we mentioned above, at first Chinese chronicles seem like to confirm traditional statement. But when we get into further investigation, we came across with the same scenery like we did with Göktürk inscriptions. Chinese historians declare that whole ceremony for death turns around the kurgan (burial ground). So what they say about the (erected) stones is they had spread around the kurgan. But archaeological excavations reveal that these stones are not around kurgans but cultic sites. Furthermore there is no Göktürk Kagan grave has been explored so far to prove that idea. Probably, interval has been done with great luxury in order to maintain the necessities of the afterlife, so funeral ceremony is probably made under a big secrecy only by the dignitaries of the tribe and Kagan's close keens are invited. That's why when it is comes to interpret secondhand sources as «Chinese chronicles» we have to think once again and take into an account of archaeological materials.

Ambassadors from other countries or the rest of the Turkic tribes' leaders are not welcomed to the funeral but yog-as ceremony. So it is quite normal for these Chinese and Sogdian ambassadors to think in a way that this ceremony is being made just in front of the grave of the Kagan just like in their own countries which have a sedentarily life. In addition, there is no expression in Chinese annals, why Göktürk aristocrats erect those stones but only «the numbers of the stones depend on how many enemies have been killed during his lifetime». That is why; it should be said that those symbolic stones are the companies of the Kagan having journey/campaign which held to the World unknown.

Well, if balbals do not represent the death enemies then what do they represent? What does it mean this line extended several kilometers with hundreds of stones? To comprehend the circumstances we have to examine their close neighbor, Chinese emperors' funeral complex architectures. As it is known the first emperor of United China, Qin Huang Ti, buried with a terracotta army next to his kurgan in order to be served and protected afterlife (Diyarbakirli 1999:73). These terracotta soldiers show so perfect craftsmanship that it is almost impossible to distinguish than the real soldiers. Their costumes, weapons are still bright and sharp (Topping 1978:448-449). Soldiers, infantries indeed, arranged up in the battle technique which shaped in Shang dynasty. A chariot has been placed in front of each row and

¹⁰ Kül tigin inscription in east face 25th line.

72 infantries with their weapons lodged behind it. None of these figures look alike, and each one of them shows different characteristic portraits (Diyarbakirli 1993:792). During the Tang dynasty, contemporary to Göktürks, almost the same tradition followed. They also have soldier statues guarding their emperors forever. The funeral complex of Ta'i Tsung's who ruled the China from 650 to 683 shows us this belief. Each sides of the road which direct us to the Emperor's grave, dignitaries and ambassadors of neighboring countries are erected.

But the benefits of the steppe are very limited. To expect from Göktürks to perform such these statues would be optimism. So these primitive columns should represent the steppe warriors, with another word steppe cavalries. It is obligatory to be arranged in a single line for the cavalries because; if you move ahead on the land with the ternary, four hold or five hold lined horses later on, dust clouds rise up in everywhere they passed. It means for the rear cavalries to breathe dust. That is why cavalry regiment must have been single, in some cases double lined.

Besides, most of the steppe tribes unite and attack over the enemy in cavalry regiments. While main powers are battling with each other in the middle, these single lined cavalries attack and runaway with an unbelievable speed. This action is not only causing casualties but also frighten the enemies. In order to control these attacks, they have to provide the discipline among the clans with the help of colored flags. That's why balbals were arranged in a single line, just like they did it in real life.

Along with the other hints, I prefer to interpret the balbal line not as death enemies but companions to their Masters/Kagans during his journey carried out in the pastures of heaven. They repeat the same manner in afterlife, as it is in the real world. Probably it is believed that after shaman completes the ceremony, the soul of the deceased rises up from inside of the statue passes by the ambassadors, and from the entrance (or exit) facing the east, flies up to the heaven passing through in front of his balbals/companies. The longer the balbal line is not only the more powerful but also the more protective for their Kagan in the other world with a huge number of warriors.

That is a unique element, which the Gokturk architecture have in and no comparison with other styles. Even in their contemporaries Western Göktürks or Oghuzs and Kipchaks do not have these lines of stones in front of their cultic sites.

Either etymologic or artistic there is no connection between human statue (kamennaya baba) and balbal. Likewise the Kipchaks, moved north-west of Mongolia and westward upto southern Russia after fall of Göktürks, continue to built cultic centers but gave up lining up the balbals. In Uigur inscriptions reign after Göktürks did not use the word of balbal because their belief converted to Buddhism and followed different patterns of funeral ceremony. Also Oghuzs because they converted to Islam, stopped carving human statues but continued making horse and sheep statues.

Bibliography

- Artamanov M.* Goldschatz der Skythen. Praque, 1970.
- Biçürin N.Y.* 1851. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1, отд. 2. СПб., 1851.
- Clauson G.* Balbals // An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972. P.333.
- Çal H., Görür M.* «Anonim IV sembolik mezar (JL 230 açması) 2000 yılı kazısı», Moğolistan'daki Türk Anıtları Projesi 2000 Yılı Çalışmaları, Ankara, 2002. S.23–63.
- Diyarbakirli N.* Orhun'dan Geliyorum // Türk Kültürü. Vol. 189–199, Ankara, 1979:1-64.
- Diyarbakirli N.* The origins of cultural relations between the Chinese and Turks // The Symposium on Oriental Aesthetics and Arts-National Museum of History 02-04 December 1998. Taipei, 1999. P.60–83.
- Diyarbakirli N.* Islam öncesi Türk ve Çin mezar anlayisi arasindaki baglantilar // Uluslararası 3. Türk Kültürü Kongresi Bildirileri 25–29 Eylül 1993, V. II, Ankara, 1999.S.791–808.
- Ergin M.* Orhun Abideleri. Istanbul, 2000.
- Ermolenko L.N.* Ермоленко Л.Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии I–II тысячелетия н.э. Кемерово, 1994. С.157–165.
- Leont'ev, N.V.* Steinstelen der Okunev-Kultur. Mainz, 2002.
- Inan A.* Tarihte ve Bugun Samanizm Materyaller ve Incelemeler. Ankara, 1995.
- Jisl Lumir.* Balbals, steinbabas und andere steinfiguren als ausserungen der religiösen worstellungen der Ost-Türken. Prag, 1970.

- Kizlasov L.R.* Кызласов Л.Р. О значении термина «балбал» древнетюркских надписей // ТС. 1996. С.206–208.
- Kljachtornyj S.G.* L'interprétation du mot bediz dans les inscriptions runiques // *Hungaro – Turcica*. Budapest, 1976.
- Klyastorniy S.G.* Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // ТС. 1974. М., 1978. С.238–255.
- Klyastorniy S.G., Sultanaov T.I.* Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Leontyev N.V., Kapelko V.F., Yesin, Yu.N.* Леонтьев Н.В., Капелко В.Ф., Йесин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Abakan, 2006.
- Melyukova A.I.* Scythians of Southeastern Europe // *Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age*, Ed. J. Davis-Kimball, V.A. Bashilov, L.T. Yablonsky, Berkeley CA. 1995. P.27–57
- Novgorodova E.A.* Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема, М., 1970.
- Ogel B.* Türk Kultur Tarihi. Ankara, 1991.
- Olhovskiy V.S.* Ольховский В.С. О северокавказских стелах эпохи раннего железа // СА. 1990. № 3. С.113–123.
- Olhovskiy V.S., Galkin L.L.* Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культовый комплекс на Устюрте // СА. 1990. № 4. С.196–206.
- Olhovskiy V.S., Evdokimov G.L.* Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.
- Orkun H.N.* Eski Türk Yazitlari, Ankara, 1994.
- Sher Y.A.* Шер Я.А. Памятники алтайско-орхонских тюрков на Тянь-Шане // СА. М., 1963. № 4. С.159.
- Tabaldiev K.S.* Табалдиев К.С. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996..
- Tarhan T.* Eski Anadolu tarihinde Kimmerler // I. Arastirma Sonuçlari Toplantisi (Istanbul 23-26 Mayıs 1983), Ankara, 1984. S.109–120.
- Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968.
- Tekin T.* Orhon Yazitlari. Ankara, 1988.
- Topping A.* China's incredible find // *National Geographic*. Vol. 153, Washington, 1978. P.440–459.
- Tsai L.M.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der ost-türken (T'uküe), Vol. I, Wiesbaden, 1958.
- Voitov V.E.* Войтов В.Е. Древнетюркские памятники на Хануе // СА 1986. № 4. С:74–89.
- Voitov V.E.* Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания. М, 1996.
- Vadetskaya E.B.* Вадецкая Э.Б. О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине // СА. 1965. № 4. С.211–218.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ (АНТ) – Академия наук Республики Татарстан.
АО – Археологические открытия.
АС – Археологический съезд.
ГИМ – Государственный исторический музей (М.).
ДА – Донская археология. (Ростов-на-Дону).
ДВДС – Древности Волго-Донских степей.
ИА – Институт археологии.
ИАА – Историко-археологический альманах.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИФА – Историко-филологический архив.
КГУ – Казанский государственный университет.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
ЛО ИВАН – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.
МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края.
НАВ – Нижневолжский Археологический Вестник.
НЦАИ – Национальный центр археологических исследований.
НЭ – Нумизматика и Эпиграфика.
ОАК – Отчеты Археологической комиссии.
ПАЭ – Поволжская археологическая экспедиция.
РА – Российская археология.
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СГУ – Саратовский государственный университет.
СОМК – Саратовский областной музей краеведения.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук (Новосибирск).
СЭ – Советская этнография.
ТА – Татарская археология. (Казань).
ТС – Тюркологический сборник. (М.).
ТСУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии.
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук (Екатеринбург).
FU – Finno-Ugrica. (Казань).

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Тишкин. АЛТАЙ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (историко-культурная панорама и результаты археологических исследований)	3
Сергей Боталов. КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЕВРАЗИИ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ	9
Василий Соёнов. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ	17
Юлий Худяков. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА СРЕДНЕВЕКОВЫХ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	22
Фаяз Хузин. УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЮРКО-ТАТАРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	26
Леонид Яблонский. ОСТОРОЖНО: ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	38
Владимир Кубарев. ДРЕВНЕТЮРСКИЕ ИЗВАЯНИЯ АЛТАЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА	43
Глеб Кубарев. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ОГРАДКАХ АЛТАЯ	50
Юрий Кирюшин, Вадим Горбунов. НАЧАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ТЮРКИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ	60
Людмила Гмыря, Рабадан Магомедов. ИНТЕРЕСНЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПАЛАСА-СЫРТСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА IV–V вв. (раскопки 2006 г.)	64
Дмитрий Сташенков. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ	75
Ильгизар Газимзянов, Ольга Кравцова. НАСЕЛЕНИЕ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ И ГЕНЕТИЧЕСКИМ ДАННЫМ	82
Вера Ковалевская. ТРАНСЕВРОАЗИЙСКИЕ СТЕПНЫЕ ПУТИ I ТЫС. Н.Э. (анализ компьютерных карт археологического материала)	90
Алексей Матвеев. ОПЫТ ЛОКАЛИЗАЦИИ УЧАСТКА ИРТЫШСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРИДИОНАЛЬНОГО ПУТИ	96
Рашо Рашев. ПРАБОЛГАРЫ НА ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ	104
Евгений Казаков. ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ И КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ VIII–X вв.: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	118
Галина Матвеева, Юрий Семькин. ПОСЕЛЕНИЯ VIII–IX вв. в СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ	127
Константин Руденко. ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ В XI–XII вв.	132
Андрей Белавин, Наталья Крыласова. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТЕПИ И ЛЕСА (по археологическим материалам Предуралья)	136
Марал Хабдулина. ЖИЛИЩА СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА БОЗОК (X–XII вв.)	143

Вячеслав Молодин, Александр Соловьев. НОВЫЙ ТИП АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	148
Михаил Корусенко, Валерий Михалёв. ФОРМИРОВАНИЕ ОБЛИКА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЮЖНОТАЕЖНОЙ ЗОНЕ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ (к вопросу о взаимодействии степных и лесостепных элементов)	153
Эмма Зиливинская. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	157
Юрий Зеленева. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	164
Леонард Недашковский. ЦАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ПОСЕЛЕНИЯ ЕГО ПЕРИФЕРИИ	171
Марк Крамаровский. КУБОК ИЗ АЗАКА. О ПОЛИХРОМИИ В КЕРАМИКЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	182
Андрей Масловский. КОСТЕРЕЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО АЗАКА. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	190
Николай Фомичев. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОРДЫНСКОЙ НУМИЗМАТИКИ	194
Рустам Сингатулин, Алексей Иванов, Светлана Браташова. ГИБЕЛЬ УЕКА: ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР (на материалах геолого-археологических исследований 2001–2006 гг.)	196
Евгений Нарожный. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СОСТАВ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ВЛАДЕНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ	204
Кубатбек Табалдиев, Чынарбек Жолдошов. ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ ТЯНЬ-ШАНЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	213
Сергей Татауров. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ СИБИРСКОГО ХАНСТВА В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ В 2003–2006 гг.	224
Сергей Тихонов. ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ И ПИСЬМЕННЫМ ДАННЫМ (на примере аялыньских татар XVII–XVIII вв.)	227
Айрат Ситдиков. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА	231
Маргарита Иванова. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕУДМУРТСКОГО ГОРОДИЩА ИДНАКАР	237
Anıl Yılmaz. A NEW ASPECT ON VALBAL FROM THE POINT OF ART HISTORY	243
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	248

TABLE OF CONTENTS

Aleksey Tishkin. MAIN PROBLEMS OF ALTAI MEDIEVAL ARCHAEOLOGY AND THE WAYS TO SOLUTION	3
Sergey Botalov. NOMADIC CIVILIZATION OF EURASIA THROU SPACE AND TIME	9
Vasilii Soenov. MEDIEVAL ARCHAEOLOGY OF THE GORNIY ALTAI: MAIN PROBLEMS AND INVESTIGATION TRENDS	17
Yuliy Khudyakov. MAIN PROBLEMS OF STUDY WARFARE OF MEDIEVAL CENTRAL ASIAN NOMADS	22
Fayaz Khuzin. KEY PROBLEMS OF STUDY MEDIEVAL TURKIC-TATAR CIVILIZATION	26
Leonid Yablonsky. CAREFULLY: ETHNO-GENETIC INVESTIGATIONS IN MODERN RUSSIA	38
Vladimir Kubarev. ANCIENT TURKIC STATUES AT ALTAI WITHIN THE CONTEXT OF NATURAL LANDSCAPE	43
Gleb Kubarev. NEW DATA ON ANCIENT TURKIC ENCLOSURES AT ALTAI	50
Yuriy Kiryushin, Vadim Gorbunov. INITIAL PROCESSES OF TURKIC ACCULTURATION OF WESTERN SIBERIA (according to archaeological data)	60
Lyudmila Gmyrya, Rabadan Magomedov. RECENT INVESTIGATIONS OF THE BURIAL MOUNDS PALAS-SYRTSKIY (IV–V CENTURIES)	64
Dmitriy Stashenkov. ETHNIC-CULTURAL SITUATION IN THE SAMARA VOLGA REGION DURING THE HUNNU TIME	75
Ilgizar Gazimzyanov, Olga Kravtcova. POPULATION OF THE IMENKOVSKAYA CULTURE ACCORDING ANTHROPOLOGICAL AND GENETIC DATA	82
Vera Kovalevskaya. TRANS-EURASIAN STEPPE ROUTS IN THE I MILLENNIUM A.D. (analysis of the computer maps based on archaeological data)	90
Aleksey Matveev. AN ATTEMPT OF LOCALIZATION THE PLOT OF THE IRTYSH RIVER MERIDIONAL MEDIEVAL ROUTE	96
Rasho Rashev. THE PRA-BOLGARIANS ON SOUTHERN-WESTERN OUTSKIRTS OF EURASIAN STEPPES	104
Evgeniy Kazakov. VOLGA BULGARIA AND THE NOMADIC POPULATION OF THE URALS-VOLGA REGION (VIII–X CENTURIES): PROBLEMS OF INTERACTION	118
Galina Matveeva, Juriy Semykin. COMPLEX OF THE SITES (VIII–IX CENTURIES) IN THE MIDDLE VOLGA REGION	127
Konstantin Rudenko. ORIENTAL ELEMENT IN MATERIAL CULTURE OF THE VOLGA-KAMA PEOPLES DURING THE XI-XIV CENTURIES	132
Andrey Belavin, Natalia krylasova. INTERACTION OF THE WEST URALS FOREST POPULATION WITH THE STEPPE ONE (according to archaeological data)	136
Maral Khabdulina. DWELLINGS OF MEDIEVAL FORT SETTLEMENT BOZOK (X–XII CENTURIES)	143
Vyacheslav Molodin, Aleksandr Solov'ev. NEW TYPE OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN FOREST-STEPPE ZONE OF THE OB-IRTYSH RIVERS REGION	148
Mikhail Korusenko, Valeriy Mikhalev. APPREANCE FORMATION OF THE EARLY MEDIEVAL POPULATION IN SOUTH TAIGA ZONE OF THE MIDDLE IRTYSH REGION (on the question of steppe elements and forest – steppe ones)	153

Emma Zilivinskaya. PROBLEMS OF CHRONOLOGY OF MEDIEVAL SETTLEMENTS IN THE LOW VOLGA REGION	157
Yuriy Zeleneev. FORMATION OF GOLDEN HORDE STATE CULTURE	164
Leonard Nedashkovsky. THE TZAREV FORT SITE AND ITS PERIPHERAL SETTLEMENTS	171
Mark Kramarovsky. THE CUP FROM THE AZAK. ABOUT POLYCHROMY IN CERAMICS OF GOLDEN HORDE	182
Andrey Maslovsky. BONE-WORKING CRAFT OF THE AZAK. GENERAL DESCRIPTION	190
Nikolay Fomichev. SOME PROBLEMS OF GOLDEN HORDE NUMISMATICS	194
Rustam Singatullin, Aleksey Ivanov, Svetlana Bratashova. THE UKEK: GEOLOGICAL RUIN OF MEDIEVAL TOWN (according to archaeological investigations in 2001–2006)	196
Evgeniy Narozhny. ETHNIC-CULTURAL COMPOSITION OF NOMADIC AND SETTLED POPULATION OF THE NORTH CAUCASUS DOMAINS OF GOLDEN HORDE: SOME RESULTS AND PERSPECTIVES OF STUDY	204
Kubatbek Tabaldiev, Chinarbek Zholdoshev. LATE MEDIEVAL BURIAL MOUNDS AT TIEN SHAN ACCORDING TO NEW INVESTIGATIONS	213
Sergey Tataurov. ARCHAEOLOGICAL STUDIES THE SITES OF SIBERIAN KHANATE IN THE OMSK IRTYSH RIVER REGION IN 2003–2006	224
Sergey Tikhonov. INTERACTION OF THE STEPPE POPULATION AND THE FOREST-STEPPE ONE ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL, ETHNOGRAPHICAL AND WRITTEN DATE (on the example Aylinsk tatars in XVII–XVIII centuries)	227
Airat Sitdikov. ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF KAZAN KHANATE	231
Margarita Ivanova. SOME RESULTS OF MULTIDISCIPLINE INVESTIGATIONS OF THE EARLY UDMURT FORT SETTLEMENT IDNA-KAR	237
Anil Yilmaz. A NEW ASPECT ON BALBAL FROM THE POINT OF ART HISTORY	243
TABLE OF ABBREVIATIONS	248

Средневековая археология евразийских степей

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

А.Р. Тухватуллина

Подписано в печать 5.02.2007 г.

Усл. печ. л. 31,5 Тираж 300 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292-95-68, 292-84-82